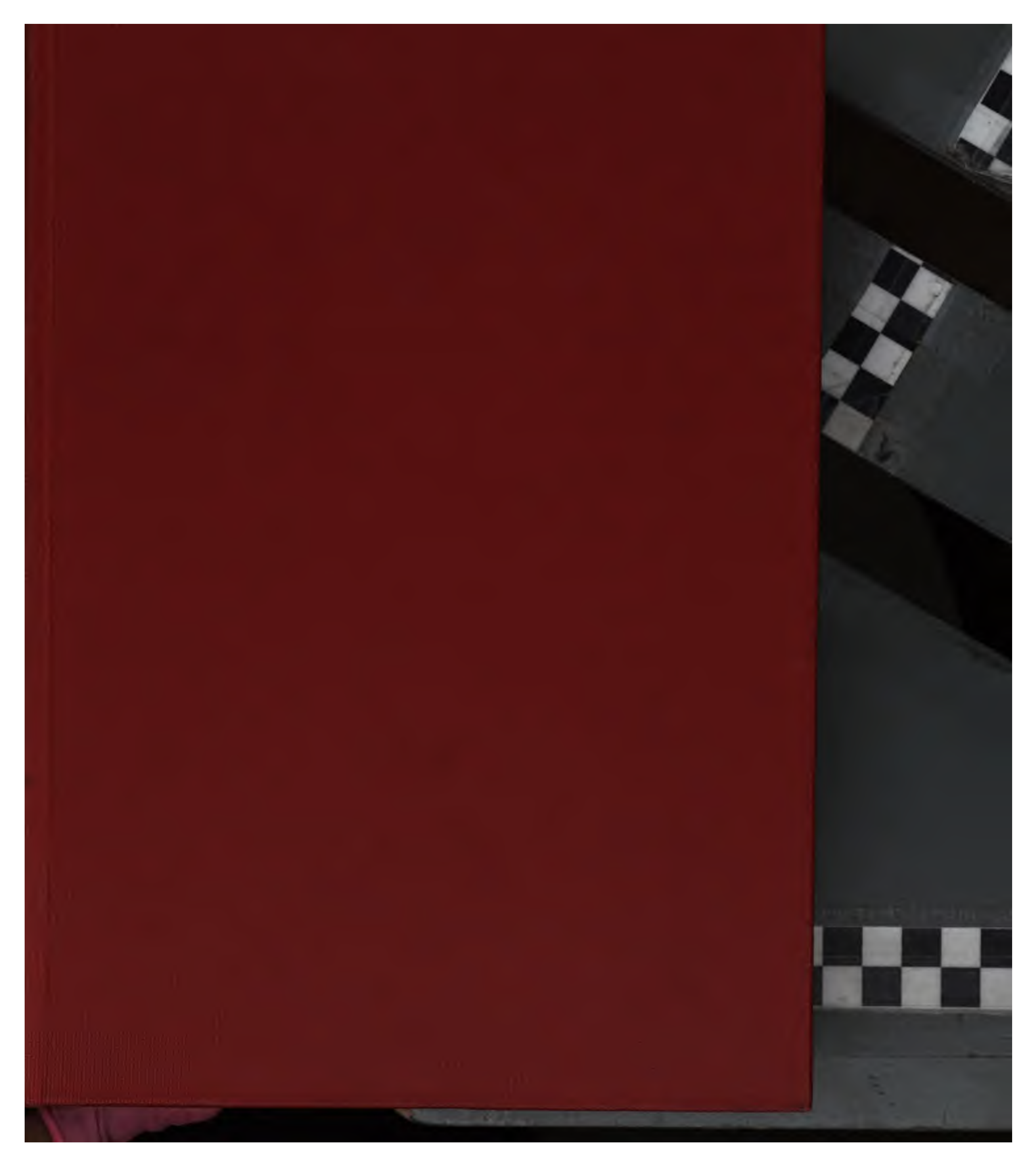
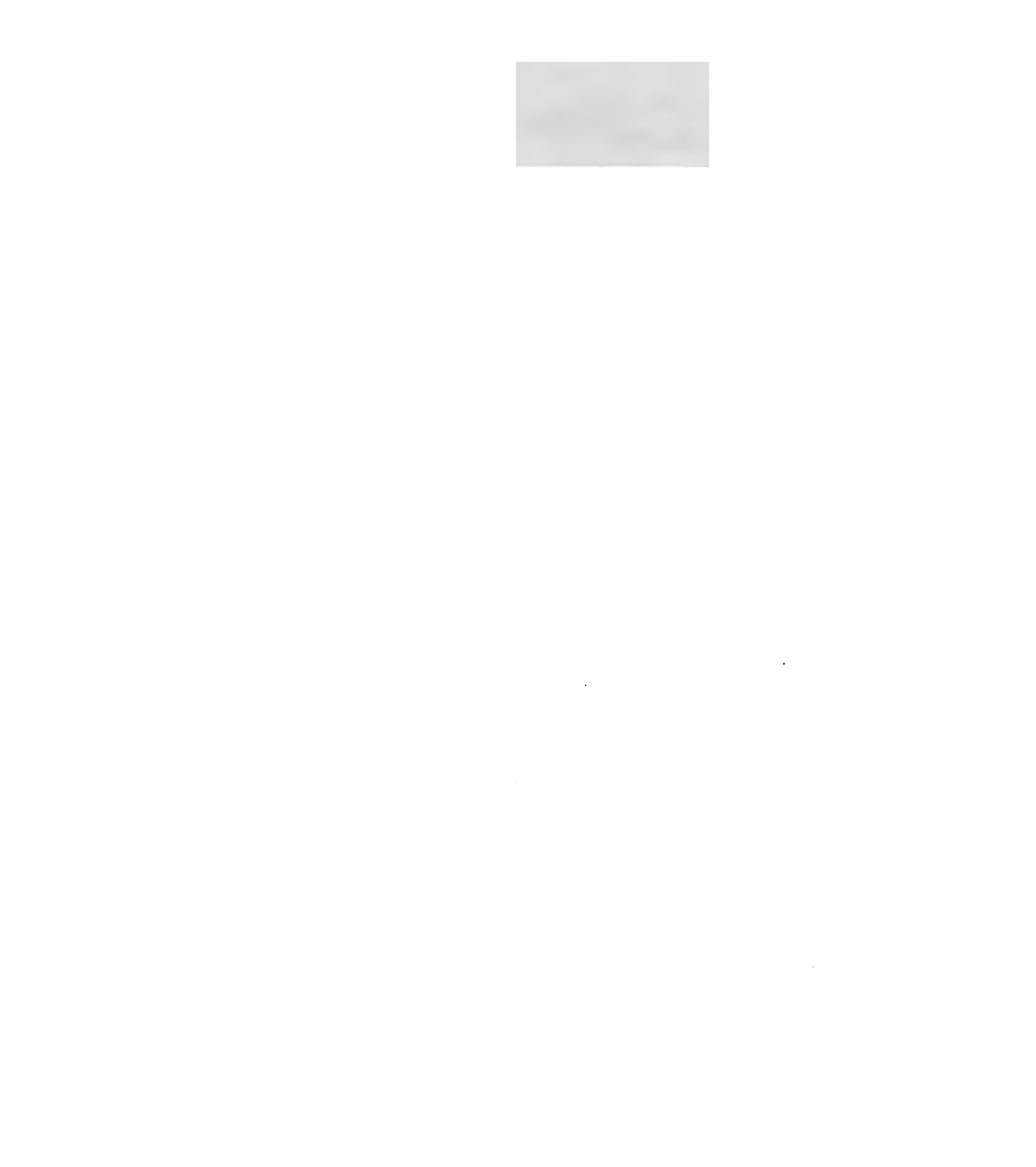

Рисунки дозволены цензурою 25 ноября 1896 г. С.-Петербургъ

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

усугубить радость, испытанную государынею при рожденіи внука, этого залога будущаго счастія Россіи.

Рожденіе перваго внука императрицы Екатерины было общимъ торжествомъ отечества. «О семъ великомъ благополучномъ происшествіи, читаемъ мы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1777 года, возвѣщено жителямъ столицы 201 пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпостей Петропавловской и Адмиралтейской, а въ придворной большой церкви отправлено съ колѣнопреклоненіемъ благодарственное молебствіе. Вечеромъ въ шестомъ часу придворныя особы приносили императрицѣ поздравленіе. На другой день 13-го декабря послѣдовалъ въ Зимнемъ Дворцѣ большой выходъ. Послѣ литургіи, Синода члены, духовенство, знатныя особы и чужестранные министры приносили Императрицѣ поздравленіе. Въ тотъ же день, въ пятомъ часу, цесаревичъ Павелъ Петровичъ принималъ поздравленіе въ своихъ покояхъ»[3].

Веселымъ письмомъ, отъ 14-го (25-го) декабря[4], Екатерина возвѣстила это радостное событіе Гримму, съ которымъ она привыкла дѣлиться своими впечатлѣніями: «Я бьюсь объ закладъ, что вы вовсе не знаете того господина Александра (monsieur Alexandre), о которомъ я буду вамъ говорить. Это вовсе не Александръ Великій, а очень маленькій Александръ, который родился 12-го этого мѣсяца въ десять и три четверти часа утра. Все это конечно значитъ, что у великой княгини только что родился сынъ, который въ честь св. Александра Невскаго получилъ торжественное имя Александра и котораго я зову господиномъ Александромъ... Но, Боже мой, что выйдетъ изъ мальчугана? Я утѣшаю себя тѣмъ, что имя оказываетъ вліяніе на того, кто его носитъ; а это имя знаменито. Его носили иногда матадоры... жаль, что волшебницы вышли изъ моды; онѣ одаряли ребенка чѣмъ хотѣли; я бы поднесла имъ богатые подарки и шепнула бы имъ на ухо: сударыни, естественности, немножко естественности, а ужъ опытность додѣлаетъ почти все остальное» (mesdames, du naturel, un tantinet de naturel, et l'expérience fera à peu près le reste).

Крещеніе великаго князя Александра Павловича происходило въ большой церкви Зимняго Дворца 20-го декабря. Новорожденнаго несла на глазетовой подушкѣ герцогиня Курляндская[5]; подушку и покрывало поддерживали оберъ-шенкъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ и генералъ-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ. Обрядъ крещенія совершалъ духовникъ императрицы протоіерей Іоаннъ Панфиловъ, воспріемницей же была сама государыня, а заочными воспріемниками: императоръ римскій Іосифъ II и король прусскій Фридрихъ Великій. Такимъ образомъ будущій творецъ Священнаго Союза уже съ колыбели связанъ былъ духовнымъ родствомъ съ вѣнценосцами Австріи и Пруссіи.

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ

Н. К. ШИЛЬДЕРА

СЪ 450 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1897

перваго внука. Она лелѣяла его дѣтство, назначала ему впослѣдствіи наставниковъ и руководила его ученіемъ; сосредоточивая на Александрѣ самую горячую нѣжность и заботливость, императрица въ то же время никогда не теряла изъ виду связанный съ нимъ династическій интересъ.

«Normal-Schulmeisterin», — какъ называетъ Екатерину Гриммъ, — будучи горячей поклонницей просвѣтительнаго движенія, охватившаго тогда Западную Европу, и въ совершенствѣ знакомая съ современными теоріями воспитанія, приступила къ дѣлу физическаго воспитанія своего внука во всеоружіи и научныхъ знаній и опытности[10]. Отъ ея вниманія не ускользнуло болѣзненное сложеніе цесаревича Павла Петровича, его нервная чуткость и раздражительность, приписываемыя ею не безъ основанія разслабляющему дѣйствію нѣжнаго, тепличнаго ухода за нимъ нянюшекъ и старушекъ подъ руководствомъ императрицы Елисаветы Петровны[11]. Поэтому Екатерина желала прежде всего закалить здоровье своего внука и пріучить его къ перенесенію разнаго рода невзгодъ.

«Какъ только господинъ Александръ родился», писала Екатерина въ 1778 году шведскому королю Густаву III, «я взяла его на руки и, послѣ того какъ его вымыли, унесла въ другую комнату, гдѣ и положила его на большую подушку. Его обернули очень легко, и я не допустила, чтобы его спеленали иначе, какъ посылаемая при семъ кукла[12]. Когда это было сдѣлано, то господина Александра положили въ ту корзину, гдѣ кукла, чтобы женщины, при немъ находившіяся не имѣли никакого искушенія его укачивать: эту корзину поставили за ширмами на канапе. Убранный такимъ образомъ господинъ Александръ былъ переданъ генеральшѣ Бенкендорфъ; въ кормилицы ему была назначена жена молодца садовника изъ Царскаго Села[13], и послѣ крещенія своего онъ былъ перенесенъ на половину своей матери, въ назначенную для него комнату. Это — обширная комната, посреди которой расположенъ на четырехъ столбахъ и прикрѣпленъ къ потолку балдахинъ, со спинкой и съ занавѣсами вокругъ до полу; занавѣсы и балдахинъ, подъ которыми поставлена кровать господина Александра, окружены балюстрадой, вышиною по локоть; постель кормилицы—за спинкою балдахина. Комната обширна, для того чтобы воздухъ могъ обращаться свободнѣе вокругъ балдахина и занавѣсокъ. Балюстрада препятствуетъ приближаться къ постели ребенка многимъ особамъ за разъ; скопленіе народа въ комнатѣ избѣгается,—и не зажигается болѣе двухъ свѣчей, чтобы воздухъ вокругъ него не былъ слишкомъ душнымъ; маленькая кровать господина Александра, такъ какъ онъ не знаетъ ни люльки, ни укачиванія,—желѣзная, безъ полога; онъ спитъ на кожаномъ матрасѣ, покрытомъ простынею, у него есть подушечка и легкое англійское одѣяло; всякія оглушительныя заигрыванія съ нимъ избѣгаются, но въ комнатѣ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Трудъ Н. К. Шильдера «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе» состоитъ изъ четырехъ частей. Первая часть обнимаетъ дѣтство и молодые годы Александра до восшествія его на престолъ; вторая — эпоху преобразованій съ 1801 по 1810 годъ; третья — борьбу съ Франціей съ 1810 по 1816 годъ, и четвертая — послѣднее десятилѣтіе, такъ называемую эпоху реакціи, съ 1816 по 1825 годъ.

Выборъ иллюстрацій для настоящаго изданія сдѣланъ редакторомъ «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскимъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ котораго находился весь художественный отдѣлъ.

Сообразно съ содержаніемъ текста, выбирались исключительно портреты и рисунки, имѣющіе историческое значеніе и достовѣрность, исполненные преимущественно въ александровское время тогдашними художниками и граверами. При воспроизведеніи соблюдалась, главнымъ образомъ, возможно точная передача подлинниковъ, безъ всякихъ украшеній или измѣненій (за исключеніемъ формата), причемъ не допускалось даже исправленіе недостатковъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ художественномъ отношеніи.

Почти всѣ иллюстраціи сдѣланы съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова, любезно предоставившаго ихъ въ распоряженіе издателя. Только благодаря его содѣй-

воздухъ сдѣлался сноснымъ, то сняли чепчикъ съ головы господина Александра и вынесли его на воздухъ; мало-по-малу пріучили его сидѣть на травѣ и на пескѣ безразлично, и даже спать тутъ нѣсколько часовъ въ хорошую погоду въ тѣни, защищеннымъ отъ солнца. Тогда кладутъ его на подушку, и онъ отлично отдыхаетъ такимъ образомъ. Онъ не знаетъ и не терпитъ на ножкахъ чулокъ, и на него не надѣваютъ ничего такого, что могло бы малѣйше стѣснить его въ какой нибудь части тѣла. Когда ему минуло четыре мѣсяца, то чтобы его поменьше носили на рукахъ, я дала ему коверъ, около четырехъ аршинъ въ квадратѣ, который разстилается въ его комнатѣ; тутъ одна или двѣ женщины садятся на полъ и кладутъ господина Александра на животикъ. И здѣсь-то онъ барахтается такъ, что весело смотрѣть. Онъ становится на четвереңькахъ; онъ пятится назадъ, когда не можетъ ползти впередъ. Любимое платьице его, это—очень коротенькая рубашечка и маленькій вязаный, очень широкій жилетикъ; когда его выносятъ гулять, то сверхъ этого надѣваютъ на него легкое полотняное или тафтяное платьице. Онъ не знаетъ простуды, онъ полонъ, великъ, здоровъ и очень веселъ, не имѣетъ еще ни одного зуба и не кричитъ почти никогда[14]. (Il ne connait point de refroidissement, il est gros, grand, bien portant et fort gai, n'ayant pas une dent et ne criant presque jamais)».

Изъ этихъ строкъ очевидно, съ какою любовію и заботливостью, съ самаго рожденія своего старшаго внука, Екатерина входила во всѣ подробности физическаго воспитанія Александра, направляя его самымъ раціональнымъ образомъ.

Нѣсколько позже, въ началѣ 1779 года, Екатерина сообщила Гримму слѣдующія утѣшительныя извѣстія о маленькомъ Александрѣ: «Что касается воспитанія будущаго вѣнценосца, я намѣрена держаться неизмѣнно одного плана и вести это дѣло по возможности проще; теперь ухаживаютъ за его тѣломъ, не стѣсняя этого тѣла ни швами, ни тепломъ, ни холодомъ и отстраняя всякое принужденіе. Онъ дѣлаетъ что хочетъ, но у него отнимаютъ куклу, если онъ съ ней дурно обращается. Зато такъ какъ онъ всегда веселъ, то исполняетъ все, что отъ него требуютъ; онъ вполнѣ здоровъ, силенъ и крѣпокъ и голъ; онъ начинаетъ ходить и говорить. Послѣ семи лѣтъ мы пойдемъ дальше, но я буду очень заботиться, чтобы изъ него не сдѣлали хорошенькой куклы, потому что не люблю ихъ»[15].

Александръ Павловичъ въ первые годы его младенчества былъ ввѣренъ попеченію генеральши Софіи Ивановны Бенкендорфъ (рожденной Левенштернъ), вдовѣ ревельскаго коменданта Ивана Ивановича Бенкендорфа[16]. Императрицѣ особенно посчастливилось при выборѣ няни. Это была жена перваго камердинера великаго князя, Прасковья Ивановна Гесслеръ, родомъ англичанка, женщина рѣдкихъ достоинствъ; она передала первыя хорошія привычки и наклонности своему питомцу,

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Этюдъ съ натуры, при вечернемъ освѣщенiи, художника Доу.

(Подготовляясь къ исполненiю, заказаннаго ему, извѣстнаго портрета императора Александра I во весь ростъ, Доу нарисовалъ нѣсколько этюдовъ съ натуры и всѣ они сохранились въ его записной книжкѣ. На настоящемъ этюдѣ рукою Доу отмѣчено «the best» (лучшiй). Записная книжка знаменитаго художника прiобрѣтена въ 1878 году, въ Лондонѣ, П. Я. Дашковымъ, который любезно предоставилъ намъ право сдѣлать копiю съ этого рѣдкаго оригинала).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Послѣ тревожныхъ сентябрьскихъ дней 1777 года, когда небывалое въ лѣтописяхъ Петербурга наводненіе грозило столицѣ гибелью, настало для императрицы Екатерины II радостное событіе. Во вторникъ 12-го (23-го) декабря 1777 года, въ десять и три четверти часа утра, великая княгиня Марія Ѳеодоровна въ Зимнемъ Дворцѣ разрѣшилась отъ бремени сыномъ[1]; новорожденному дано, по желанію императрицы, имя Александра, въ честь Александра Невскаго, святого народнаго для Россіи и для Петербурга въ особенности[2].

Династія наконецъ упрочилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ для императрицы представлялась въ будущемъ возможность назначить себѣ наслѣдника по сердцу. Судя по послѣдующимъ событіямъ ея царствованія, позволительно думать, что уже въ то время мысль эта не была чужда государственному уму Екатерины; возможность подобной развязки въ дѣлѣ престолонаслѣдія могла конечно только

Затѣмъ начался цѣлый рядъ великолѣпныхъ придворныхъ и народныхъ празднествъ, данныхъ императрицею и ея вельможами. «До поста осталось какихъ нибудь двѣ недѣли», писала въ февралѣ 1778 года Екатерина Гримму, «и между тѣмъ у насъ будетъ одиннадцать маска-

Императрица Екатерина II.

Съ гравюры Каролины Ватсонъ, сдѣланной съ портрета Росслена.

радовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я приглашена. Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафію»[6].

Съ рожденіемъ Александра какъ будто возсіяла для имперіи надежда добрыхъ и свѣтлыхъ дней. Это общее предчувствіе прекрасно выразилъ

Державинъ въ своей одѣ: «На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока». Окружа колыбель Александра всѣми геніями благотворными, поэтъ одному изъ нихъ влагаетъ въ уста желаніе:

«Будь на тронѣ человѣкъ!»

Эти стихи, впослѣдствіи часто приводившіеся какъ пророчество, были въ свое время знаменательны какъ выраженіе требованія, которое уже начинало шевелиться въ русскомъ обществѣ и органомъ котораго явился поэтъ какъ одинъ изъ передовыхъ людей эпохи. Этотъ голосъ былъ, конечно, въ связи съ тѣми гуманными идеями, которыя вносились въ жизнь націи самымъ духомъ царствованія Екатерины, ея примѣромъ, ея законами и учрежденіями[7].

Въ это время новорожденный великій князь благоденствовалъ. Въ мартѣ 1778 года Екатерина пишетъ Гримму[8]: «Что касается господина Александра, то о немъ и рѣчи нѣтъ; какъ будто бы его не было. Ни малѣйшаго безпокойства съ тѣхъ поръ какъ онъ явился на свѣтъ. Благословеніе Божіе да будетъ надъ душою его, какъ и надъ тѣломъ. Это принцъ, который здоровъ, вотъ и все. Вы говорите, что ему предстоитъ на выборъ подражать либо герою, либо святому одного съ нимъ имени, но вы, вѣроятно, не знаете, что этотъ святой былъ человѣкъ съ качествами героическими. Онъ отличался мужествомъ, настойчивостью и ловкостью, что возвышало его надъ современными ему удѣльными, какъ и онъ, князьями. Татары уважали его, Новгородская республика подчинилась ему, цѣня его доблести. Онъ отлично колотилъ шведовъ, и слава его была такъ велика, что его почтили саномъ великаго князя. И такъ, по-моему, господину Александру не предстоитъ свобода выбора, но его собственныя дарованія направятъ его на стезю того или другого, и во всякомъ случаѣ изъ него выйдетъ хорошенькій мальчикъ. Боюсь за него только въ одномъ отношеніи: но объ этомъ когда нибудь скажу вамъ на словахъ; домекайте[9]. (Il n'y a qu'une chose que j'apprêhende pour lui: je vous la dirai un jour de bouche; à bon nez salut)».

Съ первыхъ же дней жизни великаго князя Александра Павловича, державная бабка всецѣло предалась мысли воспитать продолжателя великихъ дѣлъ ея славнаго царствованія, называя его въ своей перепискѣ будущимъ вѣнценосцемъ (porteur de couronne en herbe). Признавая сына и невѣстку неспособными воспитать будущаго русскаго государя, Екатерина, какъ глава императорскаго дома, считала своимъ правомъ и обязанностью взять на себя заботы по его воспитанію въ надеждѣ видѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Материнская и вполнѣ женственная сторона характера Екатерины, по исключительнымъ обстоятельствамъ мало проявившаяся въ воспитаніи сына, пробудилась съ особенною силою при рожденіи

Императрица Екатерина II въ 1794 году.

Съ портрета того времени, сдѣланнаго съ натуры карандашомъ Шубинымъ.

(Подлинникъ въ Эрмитажѣ).

воздухъ сдѣлался сноснымъ, то сняли чепчикъ съ головы господина Александра и вынесли его на воздухъ; мало-по-малу пріучили его сидѣть на травѣ и на пескѣ безразлично, и даже спать тутъ нѣсколько часовъ въ хорошую погоду въ тѣни, защищеннымъ отъ солнца. Тогда кладутъ его на подушку, и онъ отлично отдыхаетъ такимъ образомъ. Онъ не знаетъ и не терпитъ на ножкахъ чулокъ, и на него не надѣваютъ ничего такого, что могло бы малѣйше стѣснить его въ какой нибудь части тѣла. Когда ему минуло четыре мѣсяца, то чтобы его поменьше носили на рукахъ, я дала ему коверъ, около четырехъ аршинъ въ квадратѣ, который разстилается въ его комнатѣ; тутъ одна или двѣ женщины садятся на полъ и кладутъ господина Александра на животикъ. И здѣсь-то онъ барахтается такъ, что весело смотрѣть. Онъ становится на четверенькахъ; онъ пятится назадъ, когда не можетъ ползти впередъ. Любимое платьице его, это—очень коротенькая рубашечка и маленькій вязаный, очень широкій жилетикъ; когда его выносятъ гулять, то сверхъ этого надѣваютъ на него легкое полотняное или тафтяное платьице. Онъ не знаетъ простуды, онъ полонъ, великъ, здоровъ и очень веселъ, не имѣетъ еще ни одного зуба и не кричитъ почти никогда[14]. (Il ne connait point de refroidissement, il est gros, grand, bien portant et fort gai, n'ayant pas une dent et ne criant presque jamais)».

Изъ этихъ строкъ очевидно, съ какою любовію и заботливостью, съ самаго рожденія своего старшаго внука, Екатерина входила во всѣ подробности физическаго воспитанія Александра, направляя его самымъ раціональнымъ образомъ.

Нѣсколько позже, въ началѣ 1779 года, Екатерина сообщила Гримму слѣдующія утѣшительныя извѣстія о маленькомъ Александрѣ: «Что касается воспитанія будущаго вѣнценосца, я намѣрена держаться неизмѣнно одного плана и вести это дѣло по возможности проще; теперь ухаживаютъ за его тѣломъ, не стѣсняя этого тѣла ни швами, ни тепломъ, ни холодомъ и отстраняя всякое принужденіе. Онъ дѣлаетъ что хочетъ, но у него отнимаютъ куклу, если онъ съ ней дурно обращается. Зато такъ какъ онъ всегда веселъ, то исполняетъ все, что отъ него требуютъ; онъ вполнѣ здоровъ, силенъ и крѣпокъ и голъ; онъ начинаетъ ходить и говорить. Послѣ семи лѣтъ мы пойдемъ дальше, но я буду очень заботиться, чтобы изъ него не сдѣлали хорошенькой куклы, потому что не люблю ихъ»[15].

Александръ Павловичъ въ первые годы его младенчества былъ ввѣренъ попеченію генеральши Софіи Ивановны Бенкендорфъ (рожденной Левенштернъ), вдовѣ ревельскаго коменданта Ивана Ивановича Бенкендорфа[16]. Императрицѣ особенно посчастливилось при выборѣ няни. Это была жена перваго камердинера великаго князя, Прасковья Ивановна Гесслеръ, родомъ англичанка, женщина рѣдкихъ достоинствъ; она передала первыя хорошія привычки и наклонности своему питомцу,

всегда говорятъ громко, даже во время его сна. Тщательно слѣдятъ чтобы термометръ въ его комнатѣ не подымался никогда выше 14 или 15 градусовъ тепла. Каждый день, когда выметаютъ въ его комнатѣ, ребенка выносятъ въ другую комнату, а въ спальнѣ его открываютъ окна для возобновленія воздуха; когда комната согрѣется, господинъ

Баронъ Гриммъ.

Съ гравюры Ласерфа, сдѣланной съ портрета Кармонтеля.

Александра снова приносятъ въ его комнату. Съ самаго рожденія его пріучили къ ежедневному обмыванію въ ваннѣ, если онъ здоровъ; сначала эта вода была теплая, теперь она холодная, принесенная только наканунѣ. Онъ такъ любитъ это, что какъ только увидитъ воду, то просится войти въ нее, и во время лѣтнихъ жаровъ его купали по два и по три раза въ день въ холодной ваннѣ. Какъ скоро только весною

воздухъ сдѣлался сноснымъ, то сняли чепчикъ съ головы господина Александра и вынесли его на воздухъ; мало-по-малу пріучили его сидѣть на травѣ и на пескѣ безразлично, и даже спать тутъ нѣсколько часовъ въ хорошую погоду въ тѣни, защищеннымъ отъ солнца. Тогда кладутъ его на подушку, и онъ отлично отдыхаетъ такимъ образомъ. Онъ не знаетъ и не терпитъ на ножкахъ чулокъ, и на него не надѣваютъ ничего такого, что могло бы малѣйше стѣснить его въ какой нибудь части тѣла. Когда ему минуло четыре мѣсяца, то чтобы его поменьше носили на рукахъ, я дала ему коверъ, около четырехъ аршинъ въ квадратѣ, который разстилается въ его комнатѣ; тутъ одна или двѣ женщины садятся на полъ и кладутъ господина Александра на животикъ. И здѣсь-то онъ барахтается такъ, что весело смотрѣть. Онъ становится на четвереньках; онъ пятится назадъ, когда не можетъ ползти впередъ. Любимое платьице его, это—очень коротенькая рубашечка и маленькій вязаный, очень широкій жилетикъ; когда его выносятъ гулять, то сверхъ этого надѣваютъ на него легкое полотняное или тафтяное платьице. Онъ не знаетъ простуды, онъ полонъ, великъ, здоровъ и очень веселъ, не имѣетъ еще ни одного зуба и не кричитъ почти никогда[14]. (Il ne connait point de refroidissement, il est gros, grand, bien portant et fort gai, n'ayant pas une dent et ne criant presque jamais)».

Изъ этихъ строкъ очевидно, съ какою любовію и заботливостью, съ самаго рожденія своего старшаго внука, Екатерина входила во всѣ подробности физическаго воспитанія Александра, направляя его самымъ раціональнымъ образомъ.

Нѣсколько позже, въ началѣ 1779 года, Екатерина сообщила Гримму слѣдующія утѣшительныя извѣстія о маленькомъ Александрѣ: «Что касается воспитанія будущаго вѣнценосца, я намѣрена держаться неизмѣнно одного плана и вести это дѣло по возможности проще; теперь ухаживаютъ за его тѣломъ, не стѣсняя этого тѣла ни швами, ни тепломъ, ни холодомъ и отстраняя всякое принужденіе. Онъ дѣлаетъ что хочетъ, но у него отнимаютъ куклу, если онъ съ ней дурно обращается. Зато такъ какъ онъ всегда веселъ, то исполняетъ все, что отъ него требуютъ; онъ вполнѣ здоровъ, силенъ и крѣпокъ и голъ; онъ начинаетъ ходить и говорить. Послѣ семи лѣтъ мы пойдемъ дальше, но я буду очень заботиться, чтобы изъ него не сдѣлали хорошенькой куклы, потому что не люблю ихъ»[15].

Александръ Павловичъ въ первые годы его младенчества былъ ввѣренъ попеченію генеральши Софіи Ивановны Бенкендорфъ (рожденной Левенштернъ), вдовѣ ревельскаго коменданта Ивана Ивановича Бенкендорфа[16]. Императрицѣ особенно посчастливилось при выборѣ няни. Это была жена перваго камердинера великаго князя, Прасковья Ивановна Гесслеръ, родомъ англичанка, женщина рѣдкихъ достоинствъ; она передала первыя хорошія привычки и наклонности своему питомцу,

который пріобрѣлъ отъ нея любовь къ порядку, простотѣ и опрятности и навсегда сохранилъ къ ней благоговѣйное уваженіе[17]. Екатерина также отзывалась съ большимъ уваженіемъ о г-жѣ Гесслеръ; восхваляя въ 1793 году физическое и моральное воспитаніе великаго князя Александра, императрица сказала своему секретарю Храповицкому[18]: «Ежели у него родится сынъ и тою же англичанкою такъ же воспитанъ будетъ, то наслѣдіе престола россійскаго утверждено на сто лѣтъ. Какая разность между воспитаніемъ его и отцовскимъ. Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ по политическимъ причинамъ не брала отъ Панина. Всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ».

Недолго великій князь Александръ оставался одинокимъ безъ товарища. Екатерина съ нетерпѣніемъ поджидала появленія второго внука: «Мнѣ все равно, высказывала она, будутъ ли у Александра сестры, но ему нуженъ младшій братъ». Желаніе императрицы вскорѣ осуществилось. 27-го апрѣля 1779 года у Маріи Ѳеодоровны родился второй сынъ. «Этотъ чудакъ», писала Екатерина Гримму изъ Царскаго Села, «заставлялъ ожидать его съ половины марта и, двинувшись наконецъ въ путь, упалъ на насъ какъ градъ въ полтора часа... но этотъ ... слабѣе старшаго брата, и чуть коснется его холодный воздухъ, онъ прячетъ носъ въ пеленки, онъ ищетъ тепла». Въ это время Екатерина задумала уже знаменитый греческій проектъ и потому второму сыну цесаревича Павла Петровича при крещеніи дано имя Константинъ. «Меня спрашивали», писала по этому поводу Екатерина, «кто будетъ крестнымъ отцомъ. Я отвѣчала: только лучшій другъ мой Абдулъ-Гамидъ могъ бы быть воспріемникомъ; но такъ какъ турокъ не можетъ крестить христіанина, то, по крайней мѣрѣ, окажемъ ему почетъ, назвавъ младенца Константиномъ.—И вотъ онъ сталъ Константиномъ величиною съ кулакъ, а я очутилась съ Александромъ по правую и Константиномъ по лѣвую сторону»[19].

По случаю рожденія великаго князя Константина была выбита медаль, въ которой ясно выразились мысли императрицы относительно его будущаго назначенія. На лицевой сторонѣ этой медали помѣщено изображеніе Екатерины II въ малой коронѣ и лавровомъ вѣнкѣ. На оборотной сторонѣ медали, между фигурами Вѣры и Надежды, помѣщена Любовь, держащая на рукахъ младенца; всѣ эти фигуры озаряются свыше лучами съ надписью «съ сими». Вдали направо виденъ Константинопольскій соборъ Св. Софіи, налѣво на горизонтѣ море и восходящая звѣзда. Въ обрѣзѣ надпись: «Вел. Кн. Константинъ Павловичъ родился въ Царскомъ Селѣ, апрѣля 27 дня 1779 года».

Десять лѣтъ спустя Екатерина говорила уже Храповицкому: «Пусть турки пойдутъ, куда хотятъ — грековъ можно ожнвить. Константинъ мальчикъ хорошъ; онъ черезъ 30 лѣтъ изъ Севастополя поѣдетъ въ

который пріобрѣлъ отъ нея любовь къ порядку, простотѣ и опрятности и навсегда сохранилъ къ ней благоговѣйное уваженіе[17]. Екатерина также отзывалась съ большимъ уваженіемъ о г-жѣ Гесслеръ; восхваляя въ 1793 году физическое и моральное воспитаніе великаго князя Александра, императрица сказала своему секретарю Храповицкому[18]: «Ежели у него родится сынъ и тою же англичанкою такъ же воспитанъ будетъ, то наслѣдіе престола россійскаго утверждено на сто лѣтъ. Какая разность между воспитаніемъ его и отцовскимъ. Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ по политическимъ причинамъ не брала отъ Панина. Всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ».

Недолго великій князь Александръ оставался одинокимъ безъ товарища. Екатерина съ нетерпѣніемъ поджидала появленія второго внука: «Мнѣ все равно, высказывала она, будутъ ли у Александра сестры, но ему нуженъ младшій братъ». Желаніе императрицы вскорѣ осуществилось. 27-го апрѣля 1779 года у Маріи Ѳеодоровны родился второй сынъ. «Этотъ чудакъ», писала Екатерина Гримму изъ Царскаго Села, «заставлялъ ожидать его съ половины марта и, двинувшись наконецъ въ путь, упалъ на насъ какъ градъ въ полтора часа... но этотъ послабѣе старшаго брата, и чуть коснется его холодный воздухъ, онъ прячетъ носъ въ пеленки, онъ ищетъ тепла». Въ это время Екатерина задумала уже знаменитый греческій проектъ и потому второму сыну цесаревича Павла Петровича при крещеніи дано имя Константинъ. «Меня спрашивали», писала по этому поводу Екатерина, «кто будетъ крестнымъ отцомъ. Я отвѣчала: только лучшій другъ мой Абдулъ-Гамидъ могъ бы быть воспріемникомъ; но такъ какъ турокъ не можетъ крестить христіанина, то, по крайней мѣрѣ, окажемъ ему почетъ, назвавъ младенца Константиномъ.—И вотъ онъ сталъ Константиномъ величиною съ кулакъ, а я очутилась съ Александромъ по правую и Константиномъ по лѣвую сторону»[19].

По случаю рожденія великаго князя Константина была выбита медаль, въ которой ясно выразились мысли императрицы относительно его будущаго назначенія. На лицевой сторонѣ этой медали помѣщено изображеніе Екатерины II въ малой коронѣ и лавровомъ вѣнкѣ. На оборотной сторонѣ медали, между фигурами Вѣры и Надежды, помѣщена Любовь, держащая на рукахъ младенца; всѣ эти фигуры озаряются свыше лучами съ надписью «съ сими». Вдали направо виденъ Константинопольскій соборъ Св. Софіи, налѣво на горизонтѣ море и восходящая звѣзда. Въ обрѣзѣ надпись: «Вел. Кн. Константинъ Павловичъ родился въ Царскомъ Селѣ, апрѣля 27 дня 1779 года».

Десять лѣтъ спустя Екатерина говорила уже Храповицкому: «Пусть турки пойдутъ, куда хотятъ — грековъ можно оживить. Константинъ мальчикъ хорошъ; онъ черезъ 30 лѣтъ изъ Севастополя поѣдетъ въ

Царьградъ. Мы теперь рога ломаемъ, а тогда уже будутъ сломлены и для него лучше»[20]. Екатерина полагала, что, подѣливъ Турцію, можно дать «куски» Англіи, Франціи и Гишпаніи, «а остатка», добавила она, «довольно для великаго князя Константина Павловича, pour un cadet de la maison».

Здоровьемъ великій князь Константинъ Павловичъ въ первые годы жизни былъ очень слабъ и императрица, продолжая восхищаться старшимъ внукомъ, говоритъ о новорожденномъ: «Это слабое существо: крикливъ, угрюмъ, никуда не смотритъ, избѣгаетъ свѣта. Я за него не дамъ десяти копѣекъ; я сильно ошибусь, если онъ останется живъ»[21].

Но опасенія Екатерины не оправдались. Константинъ Павловичъ остался живъ, постепенно окрѣпъ и необыкновенною живостію своего характера вскорѣ превзошелъ старшаго брата.

Константинъ поступилъ также въ ближайшее попеченіе бабушки; къ нему примѣнили тотъ же методъ физическаго воспитанія, при которомъ благоденствовалъ Александръ. Съ тѣхъ же поръ, какъ братья могли предаться совмѣстно своимъ дѣтскимъ играмъ, они, по желанію Екатерины, остались неразлучными[22].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приступая къ очерку развитія великаго князя Александра Павловича въ первые годы его дѣтства, лучше всего собрать въ хронологическомъ порядкѣ то, что разсѣяно о первоначальномъ воспитаніи «будущаго вѣнценосца» въ перепискѣ его великой бабки съ ея довѣреннымъ корреспондентомъ или, какъ она его называла, «souffre douleur»— Гриммомъ. Разсказы Екатерины о господинѣ Александрѣ,—это цѣлый курсъ педагогики, полный ума, знанія, наблюдательности и горячей материнской любви и заботливости, свидѣтельствующій о чуткости воспитательнаго такта императрицы[23].

29-го мая 1779 года, въ Царскомъ Селѣ: «Знаете ли, что, говоря о господинѣ Александрѣ, вы затрогиваете мою слабую струну? Я вамъ прежде говорила, что это принцъ, который здоровъ, но теперь можно сказать ужъ болѣе. Онъ показываетъ необыкновенную для своего возраста понятливость,

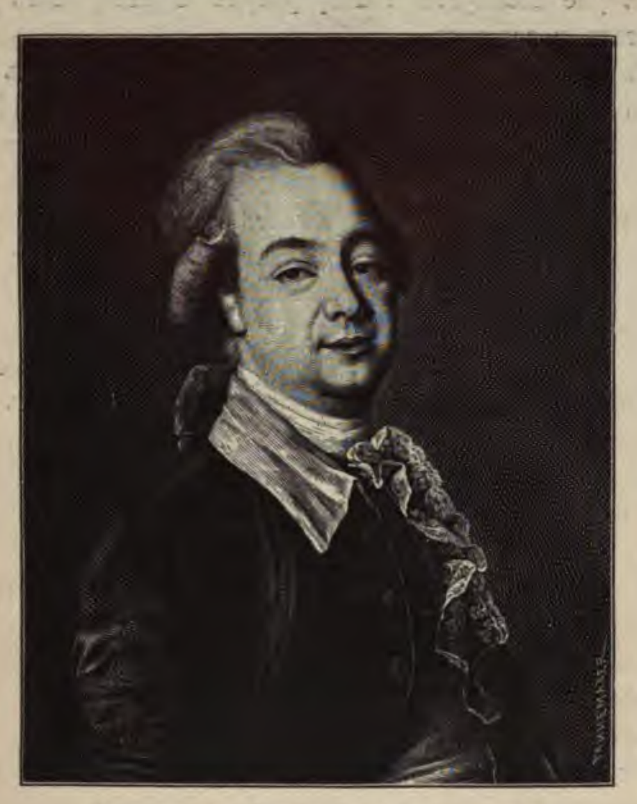
я отъ него безъ ума, и еслибъ дать ему волю, этотъ мальчуганъ всю жизнь свою остался бы со мною. Онъ всегда въ равномъ расположеніи духа, потому что здоровъ, и оттого всегда веселъ, ласковъ, предупредителенъ, ничего не боится и хорошъ собою какъ Амуръ. Этотъ ребенокъ всѣхъ приводитъ въ восторгъ, особливо меня. Я все могу изъ него сдѣлать; онъ ходитъ одинъ, и когда у него идутъ зубки, даже боль не измѣняетъ его расположенія; смѣясь и рѣзвясь, онъ показываетъ, гдѣ чувствуетъ боль; онъ все понимаетъ, что ему говоришь; знаками и звуками онъ создалъ себѣ языкъ, для него понятный. Веселую музыку онъ болѣе всего любитъ».

1-го іюля, въ Петергофѣ. «Что касается Александра, предоставьте его самому себѣ; зачѣмъ хотите вы, чтобы онъ размышлялъ и зналъ все именно такъ, какъ размышляли и знали до него? Учиться не трудно; но по-моему нужно, чтобъ голова ребенка была развита прежде, чѣмъ станутъ набивать ее хламомъ прошедшаго, и изъ этого хлама надо строго разбирать то, что ему сообщать. Боже мой, чего не сдѣлала природа, того не дастъ никакое ученіе, но ученіе часто заглушаетъ природную остроту, и нѣтъ ничего хуже, какъ люди натертые умомъ и знаніемъ, какъ говорила покойная г-жа Жофрень».

5-го іюля, въ Петергофѣ. «Утромъ я занимаюсь законодательствомъ; потомъ текущія дѣла; въ $10^1/_2$ часовъ господинъ Александръ, пока я одѣваюсь; мнѣ говорятъ, что я вырабатываю изъ него забавнаго мальчугана, который готовъ дѣлать все, что я захочу; онъ веселъ и любезенъ, сколько можно въ его возрастѣ; мнѣ его было испортили въ четыре дня, что я его не видала; но все поправлено, къ замѣтному удовольствію папеньки и маменьки,—(ахъ! а это не бездѣлица), которые не могутъ съ нимъ справиться. Я ужъ вамъ говорила, что я безъ ума отъ этого малютки. Мы ежедневно узнаемъ что нибудь новое, то есть изъ всякой игрушки дѣлаемъ десять или двѣнадцать, смотря по тому, кто изъ насъ двухъ выкажетъ въ этомъ болѣе геніальности; мы становимся необыкновенно искусны. Что вы объ этомъ думаете? Получимъ ли мы отъ этого раскрытіе головы или безголовье? Госпожа природа создала насъ крѣпкимъ и понятливымъ. Всѣ кричатъ, что бабушка дѣлаетъ чудеса, всѣ требуютъ, чтобъ мы продолжали вмѣстѣ играть. Послѣ обѣда мой мальчуганъ приходитъ сколько разъ ему вздумается и проводитъ до трехъ и четырехъ часовъ въ моей комнатѣ. Часто я имъ вовсе не занимаюсь: если онъ соскучится, то уходитъ: но этого никогда не случается».

14-го іюля, въ Петергофѣ. «Теперь отгадайте, чѣмъ я здѣсь забавляюсь. Вы навѣрное того не подозрѣваете: показываю азбуку господину Александру, который еще не умѣетъ говорить и которому всего только полтора года. Онъ такъ хорошо знаетъ А, которое замѣтилъ на собачкѣ, что

отличаетъ его вездѣ, гдѣ ни увидитъ, а теперь мы заняты другими гласными, послѣ чего перейдемъ къ слогамъ; это забавный мальчуганъ, которому доставляетъ удовольствіе перенимать все, что я ни дѣлаю..... Третьяго дня мы крестили съ господиномъ Александромъ одного ребенка, и господинъ Александръ, услышавъ, что дитя кричитъ, сказалъ на своемъ односложномъ языкѣ, чтобъ новорожденному дали грудь. Услышавъ это, я сейчасъ велѣла исполнить предложеніе господина Александра, на томъ

Александръ Васильевичъ Храповицкій.
Съ портрета, писаннаго Левицкимъ.

основаніи, что торговецъ лукомъ знаетъ толкъ въ чеснокѣ, по старой пословицѣ Санхо-Пансо, и ребенокъ дѣйствительно тотчасъ замолчалъ».

23-го августа, въ Царскомъ Селѣ. «Но вотъ является господинъ Александръ. Я дѣлаю изъ него прекраснаго малютку: удивительно, что, не научившись еще говорить, этотъ крошка имѣетъ въ двадцать мѣсяцевъ познанія, превышающія способности трехлѣтняго ребенка. Бабушка дѣлаетъ изъ него все, что ей угодно: о! онъ будетъ любезенъ, я въ этомъ не обманусь. Какъ онъ веселъ и послушенъ, и уже съ этихъ поръ старается о томъ, чтобъ нравиться[24]. Прощайте, надо играть съ нимъ».

24-го мая 1781 года, въ Царскомъ Селѣ. «Шведскій король и принцъ прусскій просили у меня и получили выкройку платьица господина Александра. На всемъ этомъ нѣтъ ни одного шва, и ребенокъ почти не знаетъ, что его одѣваютъ: ему всунутъ ручки и ножки въ платьице вдругъ, и вотъ онъ готовъ; это платье — геніальная черта съ моей стороны, и я хотѣла, чтобъ вы о немъ знали. Надо еще сообщить вамъ, что оба мальчугана растутъ и развиваются необыкновенно и моя метода удается съ ними удивительно. Богъ вѣсть, чего только старшій не дѣлаетъ: онъ складываетъ изъ буквъ слова, онъ рисуетъ, пишетъ, копаетъ землю, фехтуетъ, ѣздитъ верхомъ, изъ одной игрушки дѣлаетъ двадцать; у него удивительное воображеніе и нѣтъ конца его вопросамъ. Однажды онъ хотѣлъ знать, отчего есть люди на свѣтѣ и зачѣмъ самъ явился на свѣтъ или на землю. Я не знаю, но въ складѣ ума этого мальчика есть какая-то особенная глубина, и при томъ онъ веселаго нрава. Вотъ отчего я очень берегусь, чтобъ ни въ чемъ не напрягать его; онъ дѣлаетъ, что хочетъ; ему не позволяютъ вредить себѣ и другимъ... Бромптонъ написалъ обоихъ моихъ внуковъ, и вышла прелестная картина; старшій забавляется тѣмъ, что разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ, а другой дерзко поднялъ на плечо знамя Константина»[26].

25-го іюня, въ Петергофѣ. «Изъ Александровой азбуки мы извлекли то, что пригодно ко всеобщему употребленію, и теперь — это русская азбука. Этой азбуки въ двѣ недѣли продано здѣсь въ городѣ двадцать тысячъ экземпляровъ; она сдѣлается бабкой-повитухой всѣхъ нашихъ будущихъ головъ».

10-го іюля, въ Петергофѣ. «Любопытство и любознательность господина Александра преобладаютъ надъ всѣми другими его вкусами, и въ настоящую минуту онъ проводитъ до часу и двухъ надъ книгами съ картинками, и Богъ знаетъ съ чѣмъ этотъ ребенокъ не ознакомился. Онъ начинаетъ чинить воскомъ свои игрушки и, напримѣръ, сдѣлаетъ вамъ изъ набалдашника трости фигуру человѣка очень отчетливо, съ головой, руками и ногами. Я видѣла, какъ онъ иногда производилъ и уродливыя вещи, смотря по тому, какая мысль ему взбредетъ на умъ. Господинъ братецъ его такъ живъ, что эта живость не позволяетъ ему ни на чемъ останавливаться, но глазки у него преумные; впрочемъ у него фигура Бахуса, что составляетъ полную противоположность со старшимъ, котораго скульпторъ могъ бы взять за образецъ Купидона. — Весьма полезно, когда каждый молодой человѣкъ въ умѣ своемъ беретъ кого нибудь за образецъ: въ моей молодости я все хотѣла поступать по идеямъ и писаніямъ Вольтера: ну, а что изъ этого вышло, можете судить сами. Господинъ Александръ говоритъ: бабушкѣ это понравится, — и онъ выдѣлываетъ солдатика изъ набалдашника палочки».

въ этомъ ничего не смыслить, рѣзвится и время отъ времени у него вырываются очень странные отвѣты. Напримѣръ, намедни, когда я велѣла снять съ него портретъ Бромптону, хорошему англійскому живописцу, и малютка не хотѣлъ смирно сидѣть, я спросила его: какъ сидишь ты передъ живописцомъ?—Онъ отвѣчалъ: не знаю, я себя не вижу. Я была очень поражена этимъ отвѣтомъ, который показался мнѣ очень глубокимъ, тѣмъ болѣе, что, наскучивши сеансомъ, онъ ударялъ меня по пальцамъ».

7-го сентября, въ Петербургѣ. «Да будетъ Божіе благословеніе на Александрѣ. Онъ есть и будетъ старшій, воспитывается какъ старшій, по системѣ старшинства, это кровь и плоть старшаго и старшій дѣ-

Медаль на рожденіе в. к. Константина Павловича.

Снимокъ съ подлинной медали.

лецъ. Да, тутъ есть уже воля и нравъ; теперь уже безпрестанно задаются вопросы: зачѣмъ, отчего, къ чему? Мальчикъ хочетъ все знать основательно, и Богъ вѣсть, чего онъ уже не знаетъ. Онъ не любитъ даже играть съ тѣми, кто знаетъ менѣе его, потому что они не могутъ отвѣтить на наши вопросы; а слово бабушки — это наше самое дорогое слово, и ему мы болѣе всего вѣримъ. Къ тому же въ насъ есть привѣтливость и насмѣшливая веселость, которая родилась съ нами и просто обворожительна. Ей-ей, ужъ если этотъ не удастся, то я не знаю что́ можетъ удаться на этомъ свѣтѣ. У этого будетъ и душа и тѣло—или ужъ я ничего тутъ не смыслю, или самъ онъ перемѣнится изъ бѣлаго въ черное, и тогда перестанетъ быть тѣмъ, что онъ теперь. Все это весьма таинственно, загадочно, пророчественно».

ГЛАВА ВТОРАЯ

24-го мая 1781 года, въ Царскомъ Селѣ. «Шведскій король и принцъ прусскій просили у меня и получили выкройку платьица господина Александра. На всемъ этомъ нѣтъ ни одного шва, и ребенокъ почти не знаетъ, что его одѣваютъ: ему всунутъ ручки и ножки въ платьице вдругъ, и вотъ онъ готовъ; это платье — геніальная черта съ моей стороны, и я хотѣла, чтобъ вы о немъ знали. Надо еще сообщить вамъ, что оба мальчугана растутъ и развиваются необыкновенно и моя метода удается съ ними удивительно. Богъ вѣсть, чего только старшій не дѣлаетъ: онъ складываетъ изъ буквъ слова, онъ рисуетъ, пишетъ, копаетъ землю, фехтуетъ, ѣздитъ верхомъ, изъ одной игрушки дѣлаетъ двадцать; у него удивительное воображеніе и нѣтъ конца его вопросамъ. Однажды онъ хотѣлъ знать, отчего есть люди на свѣтѣ и зачѣмъ самъ явился на свѣтъ или на землю. Я не знаю, но въ складѣ ума этого мальчика есть какая-то особенная глубина, и при томъ онъ веселаго нрава. Вотъ отчего я очень берегусь, чтобъ ни въ чемъ не напрягать его; онъ дѣлаетъ, что хочетъ; ему не позволяютъ вредить себѣ и другимъ... Бромптонъ написалъ обоихъ моихъ внуковъ, и вышла прелестная картина; старшій забавляется тѣмъ, что разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ, а другой дерзко поднялъ на плечо знамя Константина»[26].

25-го іюня, въ Петергофѣ. «Изъ Александровой азбуки мы извлекли то, что пригодно ко всеобщему употребленію, и теперь — это русская азбука. Этой азбуки въ двѣ недѣли продано здѣсь въ городѣ двадцать тысячъ экземпляровъ; она сдѣлается бабкой-повитухой всѣхъ нашихъ будущихъ головъ».

10-го іюля, въ Петергофѣ. «Любопытство и любознательность господина Александра преобладаютъ надъ всѣми другими его вкусами, и въ настоящую минуту онъ проводитъ до часу и двухъ надъ книгами съ картинками, и Богъ знаетъ съ чѣмъ этотъ ребенокъ не ознакомился. Онъ начинаетъ чинить воскомъ свои игрушки и, напримѣръ, сдѣлаетъ вамъ изъ набалдашника трости фигуру человѣка очень отчетливо, съ головой, руками и ногами. Я видѣла, какъ онъ иногда производилъ и уродливыя вещи, смотря по тому, какая мысль ему взбредетъ на умъ. Господинъ братецъ его такъ живъ, что эта живость не позволяетъ ему ни на чемъ останавливаться, но глазки у него преумные; впрочемъ у него фигура Бахуса, что составляетъ полную противоположность со старшимъ, котораго скульпторъ могъ бы взять за образецъ Купидона. — Весьма полезно, когда каждый молодой человѣкъ въ умѣ своемъ беретъ кого нибудь за образецъ: въ моей молодости я все хотѣла поступать по идеямъ и писаніямъ Вольтера: ну, а что изъ этого вышло, можете судить сами. Господинъ Александръ говоритъ: бабушкѣ это понравится, — и онъ выдѣлываетъ солдатика изъ набалдашника палочки».

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Акварель художника С. С. Соломко (типъ портрета Уткина).

11-го декабря, въ Петербургѣ. «Намедни господинъ Александръ началъ съ ковра моей комнаты и довелъ мысль свою по прямой линіи до фигуры земли, такъ что я принуждена была послать въ Эрмитажную библіотеку за глобусомъ. Но когда онъ его получилъ, то принялся усердно путешествовать по земному шару и черезъ полчаса, если не ошибаюсь, онъ зналъ почти столько же, сколько покойный г. Вагнеръ пережевывалъ со мною въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Теперь мы за ариө-

Екатерина II съ семействомъ въ Царскосельскомъ саду.
Съ гравюры Бергера, сдѣланной по рисунку съ натуры Антинга.

метикой и не принимаемъ на вѣру, что дважды два четыре, если мы сами ихъ не сосчитали. Я еще не видала мальчугана, который такъ любилъ бы разспрашивать, такъ былъ бы любопытенъ, жаденъ на знанія, какъ этотъ. Онъ очень хорошо понимаетъ по-нѣмецки и еще болѣе по-французски и по-англійски; кромѣ того онъ болтаетъ какъ попугай, любитъ разсказывать, вести разговоръ, а если ему начнутъ разсказывать, то весь обращается въ слухъ и вниманіе. У него прекрасная память, и его не проведешь. При всемъ томъ онъ вполнѣ ребенокъ и въ немъ нѣтъ ничего скороспѣлаго, кромѣ развѣ только вниманія».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Въ это время цесаревичъ Павелъ Петровичъ въ сопровожденіи великой княгини Маріи Ѳеодоровны путешествовалъ заграницею подъ именемъ графа Сѣвернаго. Великокняжеская чета выѣхала изъ Царскаго Села 19-го сентября 1781 года. Тогда же великимъ князьямъ Александру и Константину была привита оспа; все обошлось благополучно и 26-го сентября повелѣно отслужить благодарственное молебствіе о выздоровленіи ихъ высочествъ. Событіе это послужило предметомъ торжества во всей Россіи, на основаніи особаго указа, разосланнаго по имперіи[27].

25-го февраля 1782 года Екатерина писала Гримму, что когда Сѣверные графъ и графиня воротятся, «они очень удивятся изумительнымъ успѣхамъ Александра: онъ до того любознателенъ, что няня должна журить его, чтобъ заставить оторваться отъ книжки, тогда какъ другихъ дѣтей журятъ за то, что они не берутъ книжки въ руки. Такъ какъ ему всего четыре года и пониманіе его соразмѣрно съ этимъ возрастомъ, то надо было написать для него доступную ему книжку, и эта книжка доставляетъ ему большое наслажденіе. Теперь мы уже сочиняемъ ему третью».

1-го апрѣля, въ Петербургѣ. «Представьте, что, вопреки пустымъ разглагольствованіямъ противъ насъ аббата Райналя, мы все-таки законодательствуемъ съ шести часовъ утра до девяти[28]; затѣмъ до одиннадцати текущія дѣла. Потомъ приходитъ господинъ Александръ и сударь Константинъ. Затѣмъ полчаса до обѣда и часъ послѣ обѣда посвящены сочиненію для вышеупомянутыхъ господъ азбуки, сказокъ. Слѣдуютъ два часа совершеннаго отдыха и затѣмъ полтора часа уходятъ на маранье писемъ и пр., послѣ чего до восьми снова являются означенные господа и производятъ возню. Отъ восьми до девяти приходитъ кто хочетъ. И такъ я утверждаю, что это день вполнѣ заполненный и требуется большое искусство для сочиненія новыхъ коментаріевъ».

2-го апрѣля. «Если бы вы знали, что такое Александръ лавочникъ, Александръ поваръ, Александръ, проходящій самолично разные роды ремеслъ: онъ краситъ, дѣлается обойщикомъ, смѣшиваетъ и растираетъ краски, рубитъ дрова, чиститъ мебель, исполняетъ должность кучера, конюха, выдѣлываетъ всякія математическія фигуры, учится самоучкой читать, писать, рисовать, считать, пріобрѣтать всякаго рода свѣдѣнія откуда и какъ случится, и имѣетъ въ тысячу разъ больше познаній, чѣмъ всякое другое дитя тѣхъ же лѣтъ. И эти знанія вовсе не превышаютъ его возраста, потому что они ему не навязываются, а онъ самъ ихъ отыскиваетъ. Вдобавокъ этотъ крошка не знакомъ съ досадою или упрямствомъ; онъ всегда веселъ, весьма послушенъ, щедръ, въ особенности съ чрезвычайно нуждающимися, и признателенъ къ своимъ

O NIMIVM FORTVNATI SVBDITI! — VT HOS INFANTES, ITA VOS AMAT.

Екатерина II, окруженная семействомъ и ближними придворными.

Съ гравюры 1784 г. Сидо, находящейся въ Эрмитажѣ.

приближеннымъ; дѣлаетъ добро, и ничто живущее никогда не видало отъ него никакого зла. Ни минуты у него нѣтъ праздной, всегда занятъ. Что вы мнѣ скажете на все это?»

1-го іюня, въ Царскомъ Селѣ. «Сказка о Царевичѣ Хлорѣ такая бездѣлица, что я удивляюсь, зачѣмъ ее перевели. Присоедините ее къ тому, что у васъ есть, и у васъ будетъ весь Александровъ запасъ, но на маленькую головку Александра онъ дѣйствуетъ правильно и мальчуганъ отлично знаетъ все, чему до сихъ поръ учили его. Въ настоящую минуту рыскаетъ по Царскосельскимъ садамъ».

30-го сентября, въ Петербургѣ. «Я въ восхищеніи, что книги дѣтской библіотеки удостоились вашего вниманія. Правда, что головки господина Александра и компаніи удивительно начинаютъ наполняться и что нѣтъ имени города или страны, котораго при чтеніи Александръ не находилъ бы на своемъ глобусѣ. Онъ его съ большимъ удовольствіемъ ставитъ возлѣ себя, когда читаетъ. А читать онъ такъ любитъ, что поутру, только что откроетъ глаза, также и послѣ обѣда, уже бѣжитъ къ своей книгѣ. Это лѣто онъ часто говорилъ своимъ приставницамъ, вскакивая съ постели: я теперь хочу тотчасъ почитать, а то послѣ мнѣ больше захочется гулять, чѣмъ читать, и если я теперь не почитаю, то день у меня пропадетъ.—Замѣтьте, что никогда его не заставляли читать или учиться, но самъ онъ смотритъ на это, какъ на удовольствіе и на долгъ. Онъ прочелъ свои четыре книжки и перечелъ ихъ по нѣскольку разъ; такое повтореніе онъ любитъ, требуетъ и оно его забавляетъ. Кромѣ того Александръ—сама доброта; онъ столько же послушенъ, какъ и внимателенъ, и можно сказать, что онъ самъ себя воспитываетъ. Нынче осенью ему пришла охота смотрѣть фарфоровую фабрику и арсеналъ. Рабочіе и офицеры были озадачены его вопросами, его любознательностью, вниманіемъ и вдобавокъ вѣжливостью: ничто не ускользаетъ отъ этого мальчугана, которому нѣтъ еще пяти лѣтъ; его ребяческія выходки даже необычайно любопытны и въ его мысляхъ есть послѣдовательность, чрезвычайно рѣдкая въ дѣтяхъ. Я приписываю это его превосходнѣйшей организаціи, потому что онъ прекрасенъ какъ ангелъ и удивительно строенъ. Братъ его будетъ уменъ, но далеко не такъ превосходно сложенъ».

14-го ноября. «Вы скажете, вотъ письмо, писанное послѣ долгаго промежутка. Но есть ли возможность писать, когда съ нѣкотораго времени безпрестанно меня безпокоятъ? Кромѣ обыкновенныхъ занятій, вотъ господинъ Александръ требуетъ у меня одного чтенія за другимъ, и развѣ не слѣдуетъ продолжать доставлять ему оное? Надняхъ онъ узналъ про Александра Великаго; онъ попросилъ лично съ нимъ познакомиться, и совсѣмъ огорчился, узнавъ, что его уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ очень о немъ сожалѣетъ».

16-го ноября. «Папенька и маменька не узнаютъ своихъ дѣтей, когда воротятся, такъ они выросли; если они такъ будутъ продолжать, то сдѣлаются великанами».

17-го ноября. «Слушайте, не вздумайте воображать, что я хочу сдѣлать изъ Александра разрубателя Гордіевыхъ узловъ. Ничего подобнаго буквально нѣтъ. Александръ будетъ превосходный человѣкъ, но вовсе не завоевателемъ: ему нѣтъ надобности быть имъ.—Что же касается до сударя Константина, то это будетъ остроумная, но своеобразная голова».

1-го декабря. «Я опоздала съ своимъ письмомъ, потому что, сказать по совѣсти, сочиняла и должна была спѣшить окончить для маленькаго Александра сказку, въ которой является красавецъ принцъ—большой краснобай и разумникъ».

10-го декабря. «Господинъ Александръ говоритъ своимъ приставницамъ, когда ему страшно: «боюсь, но ничего, я все-таки пойду впередъ». Мнѣ кажется, онъ созданъ природою, чтобы вносить послѣдовательность и неустрашимость въ дѣлахъ, которыя онъ будетъ предпринимать. Предпріятія же его, я полагаю, не будутъ вредить ближнему, потому что у него слезы появляются на глазахъ, когда онъ видитъ или думаетъ, что ближній находится въ бѣдѣ...... Господинъ Александръ не получалъ никакого кирасирскаго полка. Онъ учится читать и писать, чтобы получить шарфъ и знакъ (Ringkragen), которыхъ домогается его честолюбіе. Отъ этого онъ такъ примѣрно учится уже два года. Честолюбіе сударя Константина покамѣстъ заключается въ томъ, чтобы хорошо покушать, подражать брату и весело дурачиться».

18-го декабря. «Надо сказать правду, что вотъ уже четыре мѣсяца какъ судьба словно тѣшится тѣмъ, чтобы причинить мнѣ огорченія [29]. Теперь даже господинъ Александръ и сударь Константинъ заболѣли. Я вчера застала перваго у дверей своей комнаты, завернутаго въ плащъ. Спрашиваю его, что это за церемонія?—Онъ отвѣчаетъ мнѣ: «это часовой, умирающій отъ холода».—«Какъ такъ?»—Не прогнѣвайтесь, у него лихорадка, а чтобъ позабавиться и посмѣшить меня, онъ во время озноба надѣлъ свой плащъ и сталъ на часы. Вотъ веселый больной, который переноситъ болѣзнь свою съ большимъ мужествомъ, не правда ли?»

5-го января 1783 года. «Посылаю вамъ новую сказку «Февей», сочиненную для Александра на Александровской фабрикѣ, и отъ всего сердца желаю, чтобы надъ чтеніемъ ея вы зѣвали до боли въ челюстяхъ.—Въ письмѣ Ваньера [30] я встрѣтила выраженіе Вольтера, доставившее мнѣ большое удовольствіе, а именно: умъ хорошій и неподдѣльный (c'est celui de bon et véritable esprit). Надѣюсь, что этотъ умъ составитъ удѣлъ Александра. Это называется кончить восхожденіемъ на свой треножникъ».

9-го марта. «Чтобъ писать вамъ, я должна была оторваться поневолѣ отъ второй эпохи Россійской исторіи, составляемой мною для господина Александра и сударя Константина[31]. А надо сказать, что всѣ читавшіе первую эпоху этой исторіи нашли, что это въ своемъ родѣ лучезарное

Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи.
Съ портрета Лампи, находящагося въ Эрмитажѣ.

твореніе. Въ числѣ этихъ лицъ князь Потемкинъ, княгиня Дашкова, господинъ Фактотумъ (графъ Безбородко) и многіе другіе, которые не легко удовлетворяются. Таковое одобреніе подстрекаетъ насъ къ продолженію любимаго труда: мы уже набросали жизнь и подвиги Владиміра

Святого, который, наперекоръ вамъ и другимъ невѣрующимъ, былъ человѣкъ недюжинный».

10-го марта. «Прошу васъ настоятельно купите для господина Александра карманную книгопечатную машину; надо также, чтобъ были буквы и нѣсколько дюжинъ дощечекъ для печатанія картинокъ. Это будетъ славное угощеніе для господина Александра, который и безъ того все рыскаетъ по фабрикамъ, гдѣ только объ нихъ прослышитъ».

19-го апрѣля. «Вы содрогнетесь отъ страха, когда услышите, что для васъ переводится на нѣмецкій языкъ первая эпоха Россійской исторіи,—то есть отъ сотворенія міра до 862 года. Это составляетъ страницъ сорокъ и войдетъ въ библіотеку Александро-Константиновскую. Кромѣ того, г. Февей представится вашему превосходительству въ точномъ французскомъ переводѣ, какъ вы того желали. — Вторая эпоха исторіи, вдвое больше первой, можетъ быть будетъ кончена и переведена до отправки сего посланія. Если случится подобное несчастіе, вы получите за разъ двѣ вмѣсто одной. Вторая эпоха начинается съ 862 года и оканчивается въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка; все это наброcано въ теченіе трехъ мѣсяцевъ или около того. Это выйдетъ антидотъ тѣмъ негодникамъ, которые унижаютъ Россійскую исторію, каковы докторъ Леклеркъ и учитель Левекъ; оба глупцы и, не прогнѣвайтесь, глупцы скучные и отвратительные. Заранѣе прошу у васъ извиненія за весь этотъ ворохъ; отъ васъ зависитъ бросить его въ огонь и сдѣлать то же съ тремя послѣдними эпохами, которыя непосредственно послѣдуютъ за двумя первыми, ибо всѣхъ будетъ пять. Вы скажете, что ея величество становится лицомъ скучнымъ и невыносимымъ. Какъ быть? Всякій принимаетъ тонъ и складъ своего положенія. Не пожалѣете ли вы также моихъ мальчугановъ, что имъ придется переваривать такіе большіе куски? Покамѣстъ они принялись учиться писать и рисовать; учителя Александра говорятъ, что онъ оказываетъ для своего возраста удивительные успѣхи, что другія дѣти бѣгаютъ отъ своихъ учителей, а ему все кажется, что они проводятъ мало времени съ нимъ; но они старательно наблюдаютъ, чтобы уходить въ назначенный часъ. Мы открыли эту зиму въ Александрѣ странное желаніе: однажды онъ задержалъ въ углу одну изъ моихъ дамъ, съ которой онъ любитъ болтать, и настойчиво просилъ ее сказать ему, на кого онъ похожъ. Она отвѣчала ему, что у него, кажется, черты лица матери.—Я не это спрашиваю, возразилъ онъ; мой нравъ, мое обращеніе на кого похоже?—Дама отвѣчала: этимъ вы можетъ быть похожи болѣе на бабушку, чѣмъ на кого другого. А!—сказалъ онъ, это-то именно мнѣ и хотѣлось узнать, бросился на шею къ этой дамѣ и сталъ цѣловать ее за то, что она ему сказала».

28-го апрѣля. «Сегодня Александръ пришелъ опять просить у меня книги. Вотъ завзятый чтецъ! Я ему сунула въ руки книгу для

чтенія въ нормальныхъ школахъ (écoles normales), чтобъ поскорѣе отъ него отдѣлаться, и посулила ему первую эпоху Россійской исторіи. Это мальчикъ крѣпкій; онъ будетъ очень уменъ и притомъ веселъ, и на пятомъ словѣ всегда является бабушка, такъ что, дай ему волю, онъ уже давно поселился бы въ моей комнатѣ. Но полно, нечего вамъ надоѣдать нашимъ хозяйствомъ, которое очень забавно и многихъ потѣшаетъ».

Великій князь Александръ Павловичъ въ юности.

Съ портрета Лампи.

3-го іюня, въ Царскомъ Селѣ. «Поговоримъ о пріятныхъ предметахъ. Если бы вы видѣли, какъ господинъ Александръ копаетъ землю, сѣетъ горохъ, сажаетъ капусту, пашетъ сохой, съ плугомъ, боронитъ, потомъ весь въ поту идетъ мыться въ ручьѣ, послѣ чего беретъ свою сѣть и съ помощью сударя Константина принимается за ловлю рыбы. Они отдѣляютъ щукъ отъ окуней, потому что щука, говоритъ Александръ, поѣдаетъ другихъ рыбъ, стало быть ее надо держать особо. Въ видѣ отдыха онъ розыскиваетъ своего учителя письма или рисованія;

онъ учится у обоихъ по методѣ нормальныхъ школъ. Все это дѣлается по собственному почину и съ одинаковымъ рвеніемъ, не замѣчая даже, что мы все это дѣлаемъ; насъ ни къ чему не принуждаютъ. Зато мы веселы и живы какъ рыбка. Нѣтъ ни выговоровъ, ни дурного расположенія, ни упрямства, ни слезъ, ни крика. Мы беремъ книгу, чтобъ читать, съ тою же охотой, съ какою вскакиваемъ въ лодку, чтобъ грести.

Великій князь Константинъ Павловичъ въ юности.

Съ портрета Лампи.

И надо еще посмотрѣть на насъ, когда мы находимся въ лодкѣ. Александръ обладаетъ удивительною силою и ловкостью. Недавно генералъ Ланской принесъ панцырную рубашку, которую я едва могла поднять одной рукою. Господинъ Александръ схватилъ ее и принялся съ нею бѣгать такъ проворно, что его съ трудомъ могли поймать».

16-го августа. «Моя компанія увеличилась на этихъ дняхъ барышней, которая въ честь старшаго брата названа Александрою. По правдѣ сказать, я гораздо болѣе люблю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Мои поль-

зуются превосходнымъ здоровьемъ, бѣгаютъ, прыгаютъ, ловки, проворны, смѣлы, гребутъ на лодкахъ и сами ими управляютъ по каналамъ, гдѣ не болѣе фута воды, и Богъ знаетъ чего они не производятъ: читаютъ, пишутъ, рисуютъ, танцуютъ, и все съ великой охотой. На этихъ дняхъ я брала ихъ съ собою въ Петергофъ, гдѣ мы жили въ Монплезирѣ и гдѣ они поспѣвали всюду, куда только могла достать рука или ступить нога ихъ. Они входили и выходили равно изъ оконъ, какъ изъ дверей. Да, вотъ такъ жизнь. Если бы вы видѣли, сколько отчаянныхъ работъ мы предпринимали совершенно хладнокровно, и при этомъ мы очень рѣдко, или почти никогда не падаемъ».

27-го сентября. «Надо разсказать вамъ черту господина Александра, которая стоитъ вниманія. Съ нѣкотораго времени у него явились разные страхи; между прочимъ пѣвецъ Маркетти сдѣлался его пугаломъ: онъ находитъ его непріятнымъ, а гримасы его ужасными, наконецъ, явилось отвращеніе ко множеству другихъ вещей, которое принимали за боязнь. Его стыдили трусостью и причудами, его увѣщевали. Я неоднократно говорила, чтобъ его не мучили, и давно уже на страхи его и отвращенія не обращали вниманія, показывая видъ, какъ будто не замѣчаютъ ихъ. Вотъ въ одинъ прекрасный день господинъ Александръ начинаетъ разсуждать съ окружающими и объявляетъ имъ, что онъ рѣшился разсматривать вблизи то, что его пугаетъ, и въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе недѣли онъ ходилъ посмотрѣть какъ можно ближе на все, что его пугало, и въ настоящее время онъ ничего не боится и веселѣе, чѣмъ когда либо».

28-го марта 1784 года. «Высокорожденные господа (Александръ и Константинъ) занимаются изученіемъ столярнаго мастерства подъ руководствомъ г. Майера, столяра-нѣмца, и большую часть дня пилятъ, стругаютъ. Не правда ли, забавно, что будущіе государи воспитываются учениками столярнаго ремесла. Но такъ какъ игрушки уже не забавляютъ господина Александра, столярное искусство замѣнило игрушки, наполняетъ наше время и не позволяетъ намъ быть безъ дѣла. Господинъ Александръ по всему: по росту, силѣ, разуму, любезности, познаніямъ, гораздо выше своего возраста; по-моему, изъ него выйдетъ превосходная личность, лишь бы второй (la secondaterie) не задерживалъ его успѣховъ[32]. Правда, что способности наши—это широкая рѣка, которую трудно остановить въ ея теченіи. Я боюсь послать вамъ образцы его рисованія, письма, счета, потому что вы бы не повѣрили, чтобъ ребенокъ могъ въ шесть лѣтъ такъ рисовать, писать, считать. Я не говорю объ его скачкахъ и прыжкахъ; все это въ тѣхъ же размѣрахъ и обѣщаетъ мощнаго человѣка. Я вамъ сообщу характерную черту: у его брата былъ насморкъ и ему запретили подходить къ окну, выходящему на балконъ, отъ котораго очень дуетъ. Малютка по вѣтрен-

ности безпрестанно подходилъ къ нему. Ему намѣтили на паркетѣ черту и не позволили ее переходить. Но малютка все-таки переступилъ ее; тогда старшій говоритъ ему: «Братъ, когда мнѣ говорятъ не ходить далѣе какъ до сихъ поръ, то я, чтобы не забыть этого, въ умѣ провожу себѣ черту позади той, которая мнѣ назначена, и коль скоро, по забывчивости, я переступлю за ту, которую самъ себѣ назначилъ, тогда я вспомню, что не надо переходить слѣдующую».

Этимъ заканчиваются свѣдѣнія о первыхъ дѣтскихъ годахъ великаго князя Александра Павловича, почерпнутыя изъ разсказовъ его воспитательницы императрицы Екатерины.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ относительно того, къ какому нравственному идеалу Екатерина желала приблизить своихъ внуковъ, при помощи направляемаго ею воспитанія. На это сама императрица даетъ отвѣтъ въ собственноручной замѣткѣ ея, найденной въ экземплярѣ Телемака Фенелона, который вѣроятно принадлежалъ ей[33].

«Изучайте людей», пишетъ Екатерина, «старайтесь пользоваться ими, не ввѣряясь имъ безъ разбора; отыскивайте истинное достоинство, хотя бы оно было на краю свѣта (allez chercher le vrai mérite au bout du monde), по большей части, оно скромно и прячется въ отдаленіи: добродѣтель не выказывается изъ толпы, она не отличается ни жадностью, ни желаніемъ выказаться, о ней забываютъ. — Никогда не окружайте себя льстецами; дайте почувствовать, что вамъ противны восхваленія и самоуничиженія. — Оказывайте довѣренность лишь тѣмъ людямъ, у которыхъ хватитъ храбрости въ случаѣ надобности вамъ возражать и которые отдаютъ предпочтеніе вашему доброму имени предъ вашею милостью. — Будьте мягки, человѣколюбивы, доступны, сострадательны и либеральны; ваше величіе да не препятствуетъ вамъ добродушно снисходить къ малымъ людямъ и ставить себя въ ихъ положеніе такъ, чтобы эта доброта не умаляла ни вашей власти, ни ихъ почтенія; выслушайте все, что хотя сколько нибудь заслуживаетъ вниманія; пусть видятъ, что вы мыслите и чувствуете такъ, какъ вы должны мыслить и чувствовать; поступайте такъ, чтобы люди добрые васъ любили, злые боялись и всѣ васъ уважали.—Храните въ себѣ тѣ великія душевныя качества, которыя составляютъ отличительную принадлежность человѣка честнаго, человѣка великаго и героя; страшитесь всякаго коварства (ayez en horreur tout artifice); прикосновеніе съ свѣтомъ да не помрачитъ въ васъ античнаго вкуса къ чести и добродѣтели.—Недостойные принципы и злое лукавство не должны имѣть доступа къ вашему сердцу. Великіе люди чужды двоедушія: они презираютъ связанныя съ этимъ низости (Que jamais de misérables principes, de mauvaises finesses ne trouvent entrée dans son coeur. Les duplicités sont inconnues aux grands hommes; ils en

méprisent les bassesses). — Молю Провидѣніе утвердить эти немногія слова въ моемъ сердцѣ и въ сердцахъ тѣхъ, которые ихъ прочтуть послѣ меня».

Въ этихъ замѣчательныхъ строкахъ императрицы встрѣчаются слѣды тѣхъ мыслей, которыя высказывала Екатерина въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ въ первые годы своего царствованія; онѣ же положены были въ основаніе инструкціи, которую она затѣмъ начертала для руководства воспитанія своихъ внуковъ Александра и Константина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Въ СЕНТЯБРѢ 1783 года, внезапно скончалась Софья Ивановна Бенкендорфъ[34]. Александру Павловичу шелъ тогда шестой годъ, а Константину Павловичу пятый годъ. Императрица нашла: «что время приспѣло, чтобы отъ нихъ отнять женскій присмотръ», и поручила главный надзоръ надъ воспитаніемъ великихъ князей генералъ-адъютанту Николаю Ивановичу Салтыкову[35]. Это былъ ловкій, но ограниченный царедворецъ, весьма твердо знавшій придворную науку. Отличительною чертою его характера была угодливость. По грубому выраженію одного изъ сотрудниковъ Салтыкова по воспитанію Александра Павловича, Массона, его главнымъ дѣломъ при великихъ князьяхъ было предохранить ихъ отъ сквозного вѣтра и засоренія желудка[36]. Наружность Салтыкова была непривлекательная. Современникъ изображаетъ его человѣкомъ небольшого роста, съ огромной головой, невзрачнымъ и неуклюжимъ, тщедушнымъ, хворымъ, съ постоянною

гримасою на лицѣ. Нельзя предположить, чтобы Екатерина придавала какое либо особое значенiе воспитательнымъ качествамъ Салтыкова; выборъ ея былъ вѣроятно вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Салтыковъ находился въ милости у великокняжеской четы, завѣдуя ихъ дворомъ уже десять лѣтъ. Екатерина не могла не замѣтить искусства, съ которымъ пробирался Николай Ивановичъ между подводными камнями, которыми усѣяна была дорога между большимъ и малымъ дворами. Говорятъ, что при этомъ онъ умѣлъ умѣрять выраженiе неудовольствiя, которое ему поручалось передавать, а съ другой стороны смягчалъ и отвѣты сына, докладывая о нихъ матери такъ, что обѣ враждующiя стороны оставались довольны его посредничествомъ. Вообще Салтыкову предназначалась, собственно говоря, только роль ширмы, за которой скрывалась вѣнценосная бабушка. Притомъ нельзя упустить изъ виду еще и то обстоятельство, что Екатерина могла вполнѣ положиться на эту ширму, а этимъ свойствомъ Салтыкова нельзя было пренебрегать при существовавшей тогда обстановкѣ придворной жизни.

Императрица продолжала попрежнему лично входить во всѣ подробности воспитанiя своихъ внуковъ и сохранила за собою постоянный ежедневный надзоръ за ихъ ученiемъ и поведенiемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ великiе князья оставались жить въ покояхъ бабушки. Екатерина не замедлила сообщить о мѣропрiятiяхъ по воспитанiю внуковъ своему корреспонденту Гримму въ слѣдующихъ выраженiяхъ: «Господа Александръ и Константинъ между тѣмъ перешли въ мужскiя руки, и въ ихъ воспитанiи установлены неизмѣнныя правила (leur éducation a reçu des règles immuables); но они все-таки приходятъ прыгать вокругъ меня: мы сохраняемъ прежнiй тонъ. Смѣю утверждать, что эти дѣти подаютъ очень великiя надежды»[37] (j'ose affirmer que ce sont des enfants de la plus grande espérance).

Неизмѣнныя правила, установленныя Екатериною, заключались въ подробномъ наставленiи о воспитанiи великихъ князей, написанномъ ею для Салтыкова и врученномъ ему 13-го марта 1784 года при особомъ рескриптѣ[38].

Въ этомъ рескриптѣ императрица говоритъ: «Богу благодаренiе! Неоспоримо, что природное сложенiе ихъ высочествъ, здоровье ихъ и качества души и ума соотвѣтствуютъ въ полной и рѣдкой мѣрѣ принятому объ нихъ попеченiю. Старшему приспѣло уже время прейти изъ присмотра, младенчеству сходственнаго, въ руководство отроку, отродiю его приличное. Братъ его, по привычкѣ и горячей любви между ими, да будетъ неразлученъ со старшимъ братомъ, котораго примѣръ ему нуженъ и полезенъ». Затѣмъ Екатерина переходитъ къ самому Салтыкову, мотивируя свой выборъ слѣдующимъ образомъ: «Въ главные приставники надъ воспитанiемъ искали мы особу добронравную, поведенiя

Аллегорическое изображенiе протоiерея Самборскаго, воздѣлывающаго ниву.

Заглавный листъ въ поэмѣ «Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича», изд. 1810 года.

основаннаго на здравомъ разсудкѣ и честности, и который съ дѣтьми умѣлъ бы обходиться пріятно и ласково. Увѣрены мы, что вы, соединяя въ себѣ сіи качества, ревность вашу къ добру и испытанную вашу честность употребите въ служеніи, въ которомъ по великой его важности будете руководимы единственно нами во всѣхъ случаяхъ».

Наставленіе Екатерины подраздѣляется на семь отдѣловъ: 1) здоровье и его сохраненіе, 2) подкрѣпленіе умонаклоненія къ добру, 3) добродѣтель и то, что отъ дѣтей требуется, 4) учтивость, 5) поведеніе, 6) знаніе и 7) обхожденіе приставниковъ съ воспитанниками[39].

Изъ этого перечисленія видно, что знанію въ наставленіи отмежевано сравнительно весьма небольшое мѣсто. Задача знанія опредѣляется слѣдующимъ образомъ: оно должно служить единственно средствомъ для познанія природныхъ способностей учащихся, для пріученія ихъ къ труду и отвращенія отъ праздности. На первомъ мѣстѣ поставлено въ наставленіи знаніе людей и жизни, благоволеніе къ роду человѣческому, снисхожденіе къ ближнимъ, познаніе вещей, какъ онѣ должны быть и какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Подобная точка зрѣнія императрицы вытекала изъ общаго склада идей того времени по отношенію къ воспитанію, начинавшаго тогда входить все болѣе и болѣе въ общественное сознаніе въ Россіи и во всей Европѣ. Отдавая должное значеніе умственному элементу въ дѣлѣ воспитанія, императрица во всѣхъ своихъ педагогическихъ разсужденіяхъ выдвигаетъ на первый планъ физическіе и нравственные элементы и съ особенною заботливостью останавливается на этихъ предметахъ[40].

Екатерина очень дорожила своимъ «наставленіемъ» и гордилась имъ. Въ кабинетѣ государыни всегда находилось нѣсколько копій этого наставленія, которыя она охотно дарила посѣщавшимъ ее лицамъ, пользовавшимся ея благоволеніемъ. «Я написала прекрасное наставленіе (une belle instruction) для господъ Александра и Константина», не замедлила сообщить императрица Гримму, обѣщая ему послать свое произведеніе, какъ только будетъ сдѣланъ порядочный переводъ[41].

Многое въ наставленіи имѣетъ прямое отношеніе къ Россіи и къ условіямъ ея жизни. Обращено вниманіе на русскую грамоту: «Русское письмо и языкъ, надлежитъ стараться, чтобы знали, какъ возможно лучше». Прочимъ языкамъ Екатерина предполагала учить не иначе, какъ въ разговорахъ, «но чтобъ притомъ не позабывали своего языка русскаго и для того читать и говорить съ дѣтьми и по-русски, и стараться, чтобъ говорили по-русски хорошо». Наставленіе указываетъ также на необходимость изученія законовъ россійскихъ, «ибо, не знавъ оныхъ, и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ». При этомъ упомянуто о наказѣ комиссіи и учрежденіи для управленія губерній Россійской имперіи.—Предписывается «употреблять по нѣсколько ча-

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ АЛЕКСАНДРЪ и КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧИ и ВЕЛИКІЯ КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРА, ЕЛЕНА, МАРІЯ и ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНЫ.

съ камея, исполненнаго великой княгиней Маріей Өеодоровной въ 1790 году.

Александрова дача. Храмъ Фелицы въ саду.

Съ рисунка изъ рѣдкаго изданія «Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича». Харьковъ. 1810 г.

совъ въ день для спознаванія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для ихъ высочествъ и для самой имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно; прочія знанія, лишь примѣняясь къ оной, представлять надлежитъ, и для того приказать по временамъ составить таблицы частей, водя ихъ высочества отъ части до части. Карты всея Россіи и особо каждой губерніи съ описаніемъ, каковы присланы отъ генералъ-губернаторовъ, къ тому служить могутъ, чтобъ знать: слой земли, произростанія, животныхъ, торги, промыслы и рукодѣлія; также рисунки и виды знаменитыхъ мѣстъ, теченіе рѣкъ судоходныхъ съ назначеніемъ береговъ, гдѣ высоки, гдѣ поемны, большія и проселочныя дороги, города и крѣпости знаменитыя, описаніе народовъ, въ каждой губерніи живущихъ, одежда и нравы ихъ, обычаи, веселія, вѣра, законы и языки». — Разработывая наставленіе для воспитанія внуковъ, Екатерина не позабыла также русскую исторію и по этому поводу пишетъ: «Исторію Россійскую имъ знать нужно, и для нихъ сочиняется».

Сознавая необходимость Александру быть знакомымъ съ судьбами родного края, Екатерина сама занялась въ часы досуга сочиненіемъ Русской исторіи, подъ заглавіемъ: «Записки касательно Россійской исторіи», потому что никакихъ популярныхъ и учебныхъ книгъ по этой части въ то время не существовало[42]. Для этой цѣли она приступила къ изученію лѣтописей и, составляя изъ нихъ сводъ, старалась отыскать въ событіяхъ русской исторіи тотъ нравственный смыслъ, въ которомъ тогдашніе иностранные историки имъ отказывали, и внушить юнымъ читателямъ любовь къ своей родной исторіи. По счастливому выраженію Добролюбова[43], Екатерина умѣла «набросить на всѣ темныя явленія русской жизни и исторіи какой-то свѣтлый, даже отрадный колоритъ». Императрица имѣла полное основаніе считать «Записки касательно Россійской исторіи» одною изъ заслугъ своихъ для русскаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что при составленіи этого замѣчательнаго труда, она, кромѣ великихъ князей, имѣла также въ виду потребности создаваемыхъ ею нормальныхъ школъ. «Dieu donne une heureuse digestion aux marmots, qui auront à digérer cela», писала Екатерина.

Назначивъ хотя не даровитаго, но безусловно вѣрнаго человѣка въ лицѣ Н. И. Салтыкова приставникомъ при внукахъ, Екатерина озаботилась въ то же время пріисканіемъ способнаго исполнителя своихъ педагогическихъ предначертаній. Выборъ ея остановился на швейцарскомъ гражданинѣ Фридрихѣ-Цезарѣ Лагарпѣ. Это былъ республиканецъ, преисполненный гуманными идеями XVIII вѣка, неподкупной честности и независимаго характера.

Цѣпь необыкновенныхъ случайностей привела въ Россію Лагарпа и остановила на немъ вниманіе Екатерины. Въ 1782 году Лагарпъ

былъ намѣченъ Гриммомъ, чтобы сопутствовать въ путешествіи по Италіи и вообще направить на путь истины брата фаворита Александра Дмитріевича Ланского. «Добропорядочность, благоразуміе и разсудительность» Лагарпа, по отзыву Екатерины, очаровали «присутствующихъ и отсутствующихъ», и императрица пожелала, чтобъ онъ сопровождалъ молодого человѣка[44] до Петербурга, обѣщая устроить судьбу его приличнымъ образомъ[45]. Путешественники прибыли въ Петербургъ въ началѣ 1783 года. Появленіе Лагарпа при русскомъ дворѣ совпало съ переходомъ великихъ князей отъ женскаго надзора къ мужскому. Императрица воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы удержать достойнаго педагога въ Россіи и привлечь его къ воспитанію любимаго внука. 28-го марта 1784 года Екатерина сообщила Гримму, что Лагарпъ будетъ назначенъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя избраны состоять при господинѣ Александрѣ «съ особымъ приказаніемъ говорить съ нимъ по-французски (avec ordre exprès de parler avec lui français); другому поручено», продолжаетъ императрица, «говорить по-нѣмецки[46]; по-англійски онъ уже говоритъ. Наконецъ мы идемъ впередъ, понемножку, какъ можемъ»[47].

Когда Лагарпъ началъ свои занятія съ великимъ княземъ Александромъ, то ученикъ его не зналъ ни слова по-французски, а преподаватель не могъ говорить по-англійски. Поэтому въ первое время не могло быть и рѣчи о правильныхъ урокахъ, и прежде всего надо было изобрѣсти средство для взаимнаго пониманія. Къ счастью, Лагарпъ умѣлъ рисовать. Обыкновенно онъ рисовалъ какой нибудь предметъ, великій князь писалъ подъ рисункомъ названіе предмета, а Лагарпъ подписывалъ это названіе по-французски. Мало-по-малу дѣло пошло на ладъ, посѣщенія Лагарпа становились все чаще и чаще и вызывали въ великомъ князѣ желаніе продолжать занятія съ наставникомъ, съумѣвшимъ привлечь его вниманіе. Сперва Александръ читалъ съ Лагарпомъ одинъ разъ въ недѣлю, но вскорѣ охотно согласился заниматься съ нимъ каждый день, а потомъ и два раза въ день.

Недолго однако Лагарпъ занималъ подобное второстепенное положеніе въ дѣлѣ воспитанія Александра Павловича; очевидно Екатерина предназначала ему болѣе дѣятельную педагогическую роль, на что намекаетъ письмо къ Гримму въ маѣ 1784 года, въ которомъ говорится: «мы держимъ г. Лагарпа про запасъ, а покамѣстъ онъ гуляетъ»[48].

10-го іюня 1784 года, Лагарпъ рѣшился на смѣлый шагъ и представилъ императрицѣ чрезъ генерала Салтыкова обширную записку, какъ бы педагогическую исповѣдь, въ которой онъ высказалъ свое настоящее призваніе — быть наставникомъ и изложилъ въ подробности, какіе предметы и при помощи какихъ пособій онъ можетъ и долженъ, по его мнѣнію, преподавать великимъ князьямъ[49]. Записка Лагарпа,

дополняющая собою «наставленіе» Екатерины и служившая какъ бы отвѣтомъ на требованія, заявленныя въ немъ императрицею относительно воспитанія внуковъ, рѣшила окончательно судьбу его. Средство, избранное Лагарпомъ, чтобы выйти наконецъ изъ неизвѣстности и создать себѣ въ Россіи положеніе, соотвѣтствующее блистательнымъ его дарованіямъ и врожденному призванію быть педагогомъ, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Екатерина вполнѣ одобрила мысли, высказанныя Лагарпомъ въ запискѣ, и собственноручно на ней написала: «Дѣйствительно, кто сочинилъ подобную записку, тотъ способенъ преподавать не одинъ только французскій языкъ»[50].

По содержанію своему записка Лагарпа распадается на три части. Въ первой авторъ указываетъ предметы, преподаваніе которыхъ онъ могъ бы принять на себя. Во второй онъ разбираетъ средства къ исполненію намѣченнаго преподаванія; въ этомъ отдѣлѣ подробно изложены предметы преподаванія и пособія, при помощи которыхъ слѣдуетъ вести преподаваніе великимъ князьямъ. Третья часть заключаетъ въ себѣ общія разсужденія.

Въ запискѣ Лагарпъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на изложеніи исторіи, придавая изученію ея важное значеніе. «Будущій правитель—пишетъ Лагарпъ—не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ, ни юристомъ, и т. д. Но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ и знать преподаваемые ему предметы настолько, чтобы понимать ихъ настоящую цѣну и имѣть ясное сознаніе обязанностей, лежащихъ на монархѣ, въ рукахъ котораго счастье и несчастье многихъ милліоновъ. А какая же наука можетъ развить гражданское чувство болѣе, нежели исторія? Всякій гражданинъ, желающій приносить пользу своей странѣ своимъ участіемъ въ дѣлахъ общественныхъ, обязанъ изучить исторію. Тѣмъ болѣе обязанность эта лежитъ на будущемъ правителѣ. Но надобно направить ея изученіе такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ почерпнуть въ немъ вредныя начала. Не слѣдуетъ никогда забывать, что Александръ Македонскій, одаренный прекраснымъ геніемъ и блестящими качествами, опустошилъ Азію и совершилъ столько ужасовъ единственно изъ желанія подражать героямъ Гомера, подобно тому, какъ Юлій Цезарь изъ подражанія этому самому Александру Македонскому совершилъ преступленіе, сокрушивъ свободу своего отечества. И въ наше время неблагоразумное чтеніе Квинта Курція обратило одного сѣвернаго государя, одареннаго впрочемъ геройскими качествами, въ тирана своихъ подданныхъ и въ бича многихъ милліоновъ людей».

Касаясь въ своей запискѣ познанія тѣхъ началъ, на которыхъ основаны правильно устроенныя человѣческія общества, Лагарпъ говоритъ: «Всякому доброму гражданину необходимо ознакомиться съ этими нача-

Александрова дача. Видъ дома и грота.

Съ рисунка изъ рѣдкаго изданія «Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича». Харьковъ. 1810 г.

лами, а тѣмъ болѣе будущему правителю слѣдуетъ своевременно проникнуться ими. Онъ увидитъ, что когда-то, по крайней мѣрѣ, существовало между людьми равенство, и если обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились, то это отнюдь не случилось съ цѣлью предоставить человѣчество со связанными ногами и руками прихотямъ одного человѣка, и что существовали самодержавные государи настолько великодушные и правдивые, чтобы всенародно объявить своимъ подданнымъ: мы за славу себѣ почитаемъ сказать, что мы сотворены для нашихъ народовъ»[51].

Казалось, что послѣ рѣшительнаго одобренія, высказаннаго Екатериною по поводу записки Лагарпа, всѣ препятствія къ назначенію его наставникомъ великаго князя Александра устранены; но вдругъ явилась новая задержка. Къ несчастію для Лагарпа одинъ изъ его доброжелателей, къ тому же самый вліятельный, генералъ-адъютантъ Ланской, заболѣлъ, и 25-го іюня 1784 года жестокая болѣзнь свела его въ могилу. Императрица до того была поражена его неожиданною смертью, что слегла въ постель и впала въ совершенное отчаяніе. Всѣ дѣла пріостановились, и Лагарпъ считалъ уже свое дѣло проиграннымъ, лишившись поддержки Ланского. Но опасенія оказались неосновательными. Екатерина восторжествовала надъ душевными и тѣлесными недугами и 15-го сентября[52] сообщила Гримму: «Я полагаю, вы знаете, что Лагарпъ опредѣленъ къ Александру.—Онъ находитъ своего воспитанника даровитымъ (il trouve du talent à son élève Alexandre)».

Такимъ образомъ кончилось, наконецъ, переходное положеніе, въ которомъ находилось воспитаніе внуковъ Екатерины. «Провидѣніе повидимому возымѣло наконецъ сожалѣніе надъ милліонами людей, обитающихъ Россію», пишетъ Лагарпъ въ своихъ запискахъ, отступивъ на этотъ разъ отъ обычной скромности, «но лишь Екатерина II могла пожелать, чтобы ея внуки были воспитаны какъ люди»[53].

Съ первыхъ же дней появленія республиканца при дворѣ Екатерины онъ сдѣлался задушевнымъ другомъ и любимымъ наставникомъ своего царственнаго воспитанника, проявлявшаго къ нему трогательную привязанность. Чувства искренней любви и благодарности къ Лагарпу неизмѣнно сохранились въ сердцѣ Александра до конца его земного поприща[54].

«Я вамъ обязанъ тѣмъ немногимъ, что я знаю (Je vous dois le peu de ce que je sais)», писалъ впослѣдствіи Александръ Лагарпу[55]. Принимая въ 1811 году Огинскаго, прибывшаго изъ Парижа, и разспрашивая его о Лагарпѣ, императоръ Александръ сказалъ ему съ большимъ чувствомъ: «Я всѣмъ ему обязанъ»[56].—«Tout ce que je sais, et tout ce que—peut-être—je vaux, c'est à M. La Harpe que je le dois!»—съ такими словами обратился къ прусскому королю и его

сыновьямъ императоръ Александръ, представляя имъ въ 1814 году въ Лангрѣ своего бывшаго наставника[57]. Столь лестную для Лагарпа оцѣнку его педагогической дѣятельности можно прослѣдить и въ юношескихъ воззрѣніяхъ признательнаго ученика. Уже въ 1796 году Александръ въ дружеской бесѣдѣ отзывался о Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокихъ добродѣтелей, истинномъ мудрецѣ, самыхъ строгихъ правилъ, сильнаго характера, которому онъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что онъ знаетъ, а въ особенности тѣми началами правды и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастіе носить въ своемъ сердцѣ, куда внѣдрилъ ихъ его наставникъ[58].

Лагарпъ также душевно привязался къ своему даровитому ученику. По мнѣнію его, Александръ родился съ самыми драгоцѣнными задатками высокихъ доблестей и отличнѣйшихъ дарованій; впослѣдствіи же, къ величайшей радости Лагарпа, даже люди, исполненные недовѣрія, должны были, какъ онъ выразился, признать, что это была исключительная личность, которая является въ тысячу лѣтъ разъ[59]. «Ни для одного смертнаго», говорилъ Лагарпъ[60], «природа не была столь щедра. Съ самаго младенчества, замѣчалъ я въ немъ ясность и справедливость въ понятіяхъ» (justesse d'idées).

Екатерина, съ своей стороны, вполнѣ довѣряла избранному ею наставнику любимаго внука и выражала полное сочувствіе и одобреніе читаемому имъ курсу, каждый отдѣлъ котораго удостоивался тщательнаго просмотра. Однажды императрица обратилась къ Лагарпу съ слѣдующими словами: «Les maximes que vous lui inculquez, sont bien faites pour lui rendre l'âme forte: je les lis moi-même avec le plus grand plaisir, et je suis infiniment satisfaite de vos soins».—Лагарпъ отвѣчалъ, что, удостоившись столь лестнаго довѣрія и поощренія, было бы непростительно съ его стороны этого не чувствовать[61].

Въ одномъ мѣстѣ читаннаго имъ Александру курса исторіи Лагарпъ говоритъ: «лучшій и, можетъ быть, единственный другъ правителя—сила его собственной разсудительности, помощью которой онъ взвѣшиваетъ доводы своихъ министровъ, совѣты друзей и похвалы царедворцевъ»[62]. Руководствуясь этимъ воззрѣніемъ, Лагарпъ старался вселить въ Александра мысль, что онъ истинныхъ друзей имѣть не можетъ. «И такъ, вы утверждаете, что мы, государи, лишены пріятностей и наслажденій дружбы», сказала Лагарпу Екатерина, заставшая его въ преподаваніи этихъ истинъ великому князю.—«Не спорю, ваше величество», отвѣчалъ Лагарпъ, «чтобы многіе изъ государей не были достойны имѣть друзей, но положеніе ваше таково, что всѣ ваши приближенные имѣютъ во власти, вамъ данной, слишкомъ великую необходимость и поэтому будутъ большею частію говорить вамъ то, чего не чувствуютъ».—Этими правилами, объяснялъ Лагарпъ однажды одному изъ своихъ собе-

сѣдниковъ, довелъ я Александра до того, что онъ полагается на себя, а не на окружающихъ его людей[63].

При всѣхъ своихъ достоинствахъ и нравственныхъ совершенствахъ, Лагарпъ не былъ конечно чуждъ и недостатковъ; онъ самъ признавалъ себя идеалистомъ и теоретикомъ, знакомымъ болѣе съ книгами, нежели съ людьми. Только впослѣдствіи, по окончаніи воспитанія Александра, когда Лагарпъ по возвращеніи въ отечество, столкнувшись на политическомъ поприщѣ съ жизнью и съ страстями человѣческими, пріобрѣлъ недостававшую ему жизненную, практическую опытность онъ отказался отъ многихъ изъ своихъ прежнихъ теоретическихъ умозаключеній. Поэтому, будучи въ 1801 году вторично призванъ въ Россію тогда уже своимъ вѣнценоснымъ воспитанникомъ, онъ началъ даже усматривать величайшее благо въ разумномъ самодержавіи и въ этомъ новомъ духѣ преподавалъ Александру наставленія, предостерегая его при каждомъ удобномъ случаѣ отъ увлеченій и слишкомъ поспѣшныхъ мѣропріятій.

Современники встрѣтили выборъ главнаго наставника великаго князя Александра не вполнѣ сочувственно и выражали недовѣріе къ принятой системѣ воспитанія. Однажды, юный великій князь, бросаясь на шею къ Лагарпу, былъ осыпанъ пудрой съ его парика, и, когда наставникъ сказалъ: «посмотрите, любезный князь, на что вы похожи», Александръ отвѣтилъ: «все равно; никто меня не осудитъ за то, что займу отъ васъ». Какъ разъ въ этомъ и ошибся Александръ. Хотя лично Лагарпа признавали умнымъ, достойнымъ, благородно мыслящимъ человѣкомъ, истиннымъ и честнымъ другомъ свободы, но сожалѣли о томъ, что онъ внушаетъ своему воспитаннику невѣрныя понятія, несогласныя съ обстановкой и съ будущимъ призваніемъ того, кому они преподавались.—Лагарпъ, съ своей стороны, отзываясь съ сочувствіемъ о врожденной добротѣ души русскаго народа[64], съ горечью однако сознавался, что не было недостатка въ людяхъ, которые заставляли невѣжественную толпу повторять обвиненіе относительно иностранца, имѣвшаго наглость желать сдѣлать изъ Александра Марка Аврелія, тогда какъ Россія нуждается въ Тиверіи или въ Чингизъ-Ханѣ[65]. Въ запискахъ своихъ Лагарпъ приходитъ однако къ слѣдующему примирительному заключенію[66]: «Вспоминая, что я былъ преисполненъ республиканскими правилами, воспитанъ въ одиночествѣ, совершенно чуждый большому свѣту, жилъ болѣе съ книгами и съ созданіями фантазіи, чѣмъ съ людьми, и долженъ былъ провести двѣнадцать лѣтъ при дворѣ безъ руководителей и совѣтниковъ, я не могу не удивляться, что я не сдѣлался предметомъ еще большихъ гоненій. Всюду, кромѣ Россіи, я подвергся бы имъ, и изъ этого прихожу къ заключенію, что особы, принадлежащія ко двору, здѣсь несравненно менѣе недоброжелательны, чѣмъ въ другихъ странахъ. Правда, первые годы моего пребыванія въ Россіи

Александрова дача. Храмъ Цереры въ саду.

Съ рисунка изъ рѣдкаго изданія «Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича». Харьковъ. 1810 г.

были тяжелы. Противоположность моихъ привычекъ обычаямъ тѣхъ людей, съ которыми я былъ связанъ, подала поводъ подозрѣвать во мнѣ честолюбіе, которое казалось тѣмъ сильнѣе, что я не выказывалъ стремленія къ полученію повышеній и милостей; но лишь только убѣдились, что это честолюбіе не было способно поставлять препятствія другимъ, стали относиться ко мнѣ доброжелательно, и это благорасположеніе ко мнѣ сдѣлалось до того общимъ, что я пріобрѣлъ много друзей въ этой чужой странѣ, которая съ тѣхъ поръ стала для меня вторымъ отечествомъ и по моимъ связямъ, и по моей женитьбѣ на одной петербургской уроженкѣ»[67].

Приведемъ здѣсь свидѣтельства нѣкоторыхъ современниковъ, враждебныхъ Лагарпу. Ф. Ф. Вигель, относящійся въ своихъ воспоминаніяхъ вообще враждебно къ преобразовательной дѣятельности императора Александра, рѣзко порицаетъ Лагарпа; критика его заслуживаетъ вниманія, какъ отголосокъ мнѣнія всѣхъ тогдашнихъ приверженцевъ стараго порядка. «Воспитаніе Александра», пишетъ Вигель, «было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины. Образованіе его ума поручила она женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ въ день своего прибытія, и который карманную республику свою поставилъ образцомъ будущему самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка, котораго женили ранѣе 16-ти лѣтъ. Но, не разжевавши ихъ, можно сказать,—не переваривши ихъ, призвалъ онъ ихъ себѣ на память въ тотъ день, въ который началъ царствовать. Иногда у себя спрашиваешь, что было бы съ красотою его души, если бы любовь къ отечеству сохранила ее, еслибъ ее не исказило безотчетное пристрастіе къ иноземному? И гдѣ бы тогда въ лѣтописяхъ найти подобнаго ему царя?»[68].

Нѣтъ сомнѣнія, что другой современникъ, Крыловъ, въ баснѣ «Воспитаніе льва», также намекаетъ на Лагарпа и его преподаваніе. Орелъ, воспитывая львенка, научаетъ его, къ ужасу звѣринаго свѣта, вить гнѣзда; въ заключеніе разсказа баснописецъ приводитъ нравоученіе, что нѣтъ большой пользы тому знать птичій бытъ, кого звѣрьми владѣть поставила природа, и что важнѣйшая наука для царей знать свойство своего народа и выгоды земли своей[69].

А. С. Стурдза, консервативный образъ мыслей котораго достаточно извѣстенъ, высказывается болѣе снисходительно относительно Лагарпа, величая его Аристотелемъ новѣйшаго Александра; онъ признаетъ за нимъ заслуги въ томъ, что онъ внушилъ и глубоко внѣдрилъ въ сердце своего воспитанника религіозное уваженіе къ человѣческому достоинству—качество драгоцѣнное, какъ онъ выражается, для монарха вообще и незамѣнимое для самодержца[70].

Что же касается оцѣнки воспитательной дѣятельности Лагарпа позднѣйшими историками, то нѣкоторые изъ нихъ укоряютъ его въ томъ, что онъ развилъ въ своемъ ученикѣ отвлеченный либерализмъ, породившій массу неосуществившихся проектовъ и взглядовъ, но не выдержавшій столкновенія съ дѣйствительною жизнію.

Коснувшись вкратцѣ воспитательной роли Лагарпа, остается сказать также нѣсколько словъ и о прочихъ наставникахъ Александра.

Законоучителемъ и духовникомъ великаго князя Александра или, какъ значится въ придворномъ штатѣ того времени, наставникомъ въ христіанскомъ законѣ, императрица избрала протоіерея Андрея Афанасьевича Самборскаго. Онъ занималъ эту должность съ 1784 года до обрученія великаго князя Александра въ 1793 году[71].

Прекрасный выборъ Екатерины вполнѣ достойнаго и образованнаго законоучителя для своихъ внуковъ не разъ подвергался осужденію современниковъ и даже потомства. Донынѣ историки обвиняютъ Самборскаго въ томъ, что онъ не умѣлъ сообщить своему царственному ученику истиннаго пониманія духа православной церкви; на него смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть съ предвзятымъ предубѣжденіемъ исключительно какъ на человѣка свѣтскаго, лишеннаго глубокаго религіознаго чувства. Обвиненія эти нельзя признать справедливыми, и строгій судъ нашихъ историковъ о Самборскомъ, какъ законоучителѣ Александра Павловича, долженъ значительно измѣниться[72]. Неблагопріятныя сужденія о Самборскомъ отчасти вызваны были, вѣроятно, отзывами самого императора Александра, замѣтившаго, впослѣдствіи, по поводу своихъ юношескихъ религіозныхъ чувствъ слѣдующее: «Я былъ, какъ и всѣ мои современники, не набоженъ».—Но этотъ взглядъ навѣянъ позднѣйшими религіозными увлеченіями его, и вопросъ остается еще открытымъ, была ли эта вновь обрѣтенная набожность государству полезнѣе душевнаго настроенія юношескихъ годовъ великаго князя. Наставленія Самборскаго преисполнены были, напротивъ того, истинно христіанскимъ духомъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ вся переписка Самборскаго, и безпристрастный разборъ его преподаванія доказываетъ, что онъ поставилъ себѣ задачею развивать въ своихъ слушателяхъ истинное понятіе о Богѣ на основаніи Евангелія, которое они «слушали и читали весьма охотно съ изъясненіями», и вмѣстѣ съ тѣмъ всячески старался, «дабы ихъ высочества не почитали урокомъ слово Божіе». И такъ слѣдуетъ сказать, нелицепріятный судъ исторіи долженъ придти къ заключенію, что законоучитель, избранный Великою Екатериною, который училъ великаго князя «находить во всякомъ человѣческомъ состояніи — своего ближняго. Тогда никого не обидите, и тогда исполнится законъ Божій» — внѣ всякаго сомнѣнія стоялъ на высотѣ своего призванія быть духовнымъ наставникомъ будущаго самодержца. Съ другой стороны, зная жизнь и

принимая во вниманіе тѣ искушенія и соблазны, которыми она окружена на вершинахъ земного существованія, можно ли возлагать на законоучителя, хотя бы онъ былъ ученѣйшимъ богословомъ и образцовымъ наставникомъ, всю отвѣтственность за религіозныя колебанія и уклоненія, какимъ подвергается въ зрѣломъ возрастѣ тотъ, кто пользовался его уроками въ ранней молодости? Императоръ Павелъ учился закону Божію у знаменитаго Платона, и однакожъ мы не видимъ, чтобы въ жизни этого государя обнаружились плоды внушеній такого мудраго наставника[73].

Недоброжелателей и завистниковъ Самборскаго конечно смущало и то обстоятельство, что императрица, во вниманіе къ долголѣтнему пребыванію его заграницею, разрѣшила ему носить свѣтскую одежду и брить бороду. Послѣ этого легко было обвинять Андрея Афанасьевича въ нѣкоторомъ умышленномъ отступленіи отъ чистоты православія; сверхъ того этому бритому, образованному законоучителю, женатому къ тому на англичанкѣ, поручено было преподавать великимъ князьямъ и англійскій языкъ — примѣръ едва ли не единственный въ исторіи русской педагогіи[74].

Обратимся теперь къ второстепеннымъ дѣятелямъ, призваннымъ къ участію въ дѣлѣ воспитанія великаго князя Александра.

Генералъ-маіоръ Александръ Яковлевичъ Протасовъ, родственникъ графа Александра Романовича Воронцова, состоялъ при великомъ князѣ Александрѣ въ качествѣ помощника генерала Салтыкова и старшаго наблюдателя за его воспитаніемъ[75]; онъ обязанъ былъ жить въ самой ближайшей къ почивальнѣ комнатѣ. Протасовъ пользовался расположеніемъ императрицы за усердное и добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей и вѣроятно обратилъ на себя ея вниманіе, будучи еще новгородскимъ губернаторомъ, твердымъ и человѣколюбивымъ образомъ дѣйствій при усмиреніи возмутившихся въ 1783 году крестьянъ. Массонъ отзывается въ своихъ запискахъ о Протасовѣ крайне неуважительно, называя его: «borné, mystérieux, bigot, pusillanime»[76]. Дневныя записки Протасова и переписка его свидѣтельствуютъ, что отзывъ Массона не можетъ быть признанъ справедливымъ[77]. Напротивъ того, не подлежитъ сомнѣнію, что Протасовъ своими совѣтами и внушеніями неоднократно оказывалъ вліяніе на сердце и совѣсть великаго князя. Изъ записокъ Протасова видно, что онъ, какъ вѣрный сынъ православной церкви и строгій хранитель дворянскихъ преданій и сложившихся формъ русской общественной жизни, не могъ сходиться въ политическихъ взглядахъ съ Лагарпомъ; онъ называетъ его «человѣкомъ любящимъ народное правленіе, хотя впрочемъ съ честнѣйшими намѣреніями». — Свободомысліе Лагарпа признавалось Протасовымъ опаснымъ и вреднымъ для великаго князя. Въ одномъ только дѣлѣ у этихъ двухъ непримиримыхъ антагонистовъ проявлялось трогательное единодушіе: въ

Александрова дача. Видъ озера въ саду.

Съ рисунка съ натуры Угрюмова.

старанiи внушить Александру любовь и уваженiе къ отцу, сблизить его съ нимъ и тѣмъ, какъ увидимъ ниже, косвенно противодѣйствовать намѣренiямъ Екатерины относительно измѣненiя порядка престолонаслѣдiя. Относительно нравственныхъ добродѣтелей, которыя Протасовъ старался привить великому князю, между нимъ и Лагарпомъ также не существовало разногласiя; строгость предъявляемыхъ ими требованiй была одинакова.

Что же касается требованiй императрицы Екатерины, высказанныхъ ею столь опредѣленнымъ образомъ въ наставленiи 1784 года, то слѣдуетъ замѣтить, что они далеко не исполнялись съ должнымъ вниманiемъ. Въ этомъ случаѣ вина падала конечно не на Лагарпа; онъ тотчасъ замѣтилъ весьма важныя упущенiя въ примѣненiи воспитательнаго плана и пишетъ, что воля императрицы въ дѣйствительности никогда не соблюдалась относительно двухъ нижеслѣдующихъ пунктовъ: «чтобъ всѣ приставники, такъ и служители, единодушно поступали въ пользу дѣтей по нашимъ наставленiямъ, и ни единый изъ нихъ не раздиралъ того, что другiе сшиваютъ, и не хвалилъ въ дѣтяхъ и при оныхъ, что другiе хулятъ, либо хулилъ то, что другiе хвалятъ», и — «единожды въ недѣлю приставники имѣютъ собираться у генерала Салтыкова, чтобъ онъ отъ нихъ могъ узнать о успѣхахъ ихъ высочествъ и чтобъ условиться могли, какъ поступать согласно, дабы разногласiя и недоразумѣнiя между ими не было».

Кромѣ Лагарпа, великiй князь Александръ Павловичъ имѣлъ еще слѣдующихъ преподавателей: по русской словесности и русской исторiи Михаила Никитича Муравьева; по «натуральной исторiи» знаменитаго Палласа; по «экспериментальной физикѣ» Крафта; по математикѣ полковника Массона[78].

Послѣ перехода великихъ князей въ мужскiя руки, въ перепискѣ Екатерины встрѣчаются попрежнему разсказы относительно дальнѣйшаго развитiя, среди новой обстановки ея любимца, этого ангела въ человѣческомъ образѣ, какъ она называла нерѣдко Александра.

18-го марта 1785 года Екатерина пишетъ Гримму: «Надо вамъ дать отчетъ о томъ, что совершилъ сегодня господинъ Александръ, сдѣлавъ себѣ изъ куска ваты круглый парикъ, и пока мы съ генераломъ Салтыковымъ любовались тѣмъ, что его хорошенькое личико не только вовсе не обезображено отъ этого наряда, но еще похорошѣло, онъ сказалъ намъ: прошу васъ менѣе обращать вниманiя на мой парикъ, чѣмъ на то, что я буду дѣлать. И вотъ онъ беретъ комедiю Обманщикъ[79], лежавшую на столѣ, и начинаетъ разыгрывать одну сцену изъ трехъ лицъ, представляя всѣхъ троихъ одинъ и давая каждому тонъ и мимику, свойственные характеру изображаемаго лица. Никогда еще Калифалкжерстонъ, ни Самблинъ, ни его дворецкiй не были разыграны лучше, съ большею естественностiю и правдивѣе, и сверхъ того съ тою грацiей,

которую этотъ удивительный ребенокъ умѣетъ придать всему, за что ни возьмется. Мы просто глазамъ не вѣрили, видя, что онъ выдѣлывалъ, и притомъ помирали со смѣху. Никогда никто не училъ его играть на сценѣ; но эту зиму онъ съ удовольствіемъ бывалъ на представленіяхъ въ моемъ Эрмитажномъ театрѣ. Онъ очень часто посѣщалъ его и слушалъ съ большимъ вниманіемъ, и охотно прочитывалъ или заставлялъ себѣ прочитывать піесу до представленія. Признаюсь, меня порадовали дарованія, которыя выказалъ сегодня этотъ мальчуганъ. Я побьюсь объ закладъ, что этотъ—будетъ удаченъ; онъ идетъ себѣ самъ, да еще какъ»[80].

25-го апрѣля. «Господа Александръ и Константинъ переданы на руки генералу Салтыкову, который, равно какъ и всѣ приставленныя къ нимъ лица, во всемъ слѣдуетъ моимъ правиламъ и указаніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, они оба восхитительно хороши собою, рослы, сильны, здоровы, разумны и послушны; на нихъ можно дѣйствительно любоваться. Я увѣрена, что Александромъ будутъ всегда отмѣнно довольны. Онъ обладаетъ чрезвычайною ровностью характера, соединенною съ привѣтливостью, рѣдкою въ его возрастѣ. Лицо у него открытое, веселое и полное благоволенія; воля его всегда хорошо направлена; онъ стремится къ успѣху и успѣваетъ во всемъ не по возрасту; онъ учится ѣздить верхомъ, читаетъ и пишетъ на трехъ языкахъ, рисуетъ и его ни къ чему не принуждаютъ. Онъ пишетъ всегда что нибудь относящееся къ исторіи или географіи, или какія нибудь избранныя поученія или что нибудь веселое; сердце у него превосходное»[81].

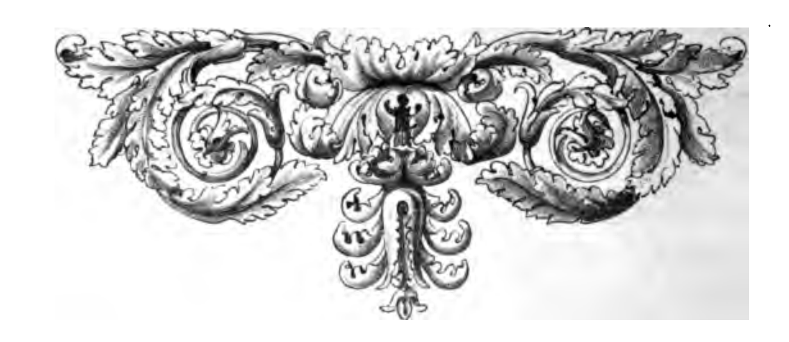
26-го апрѣля. «Господинъ Александръ дня не можетъ прожить, чтобы не заняться разсматриваніемъ эстамповъ, и особенно если ему сколько нибудь нездоровится: тогда онъ обложитъ себя ими кругомъ и, пока забавляется ими, проситъ, чтобъ кто нибудь изъ окружающихъ взялъ книгу и громко читалъ ему, такъ какъ мы хотимъ быть постоянно заняты по вкусу и влеченію. Что вы объ этомъ скажете»?[82].

10-го августа, въ Царскомъ Селѣ. Въ эту минуту господа Александръ и Константинъ очень заняты. Они бѣлятъ снаружи домъ въ Царскомъ Селѣ, подъ руководствомъ двухъ шотландскихъ штукатуровъ, и Богъ знаетъ какими мастерствами они уже не занимались»[83].

Въ письмѣ отъ 20-го августа Екатерина снова возвращается къ мимическимъ талантамъ Александра Павловича и пишетъ: «Я думаю по правдѣ сказать: для того, чтобъ хорошо играть ту или другую роль въ трагедіи, надо бы читать исторію и никогда не подражать жестамъ другихъ актеровъ; когда чувство вѣрно, мнѣ кажется, что и мимика тоже вѣрна. Я въ жизнь свою не видала болѣе вѣрной мимики, болѣе естественной и граціозной, какъ у господина Александра: онъ отъ природы большой мимикъ (de son naturel il est gesticulateur)»[84].

Въ заключеніе приведемъ еще разсказъ Екатерины о пребываніи своемъ во дворцѣ Пелла (на берегу Невы), отъ 17-го іюня 1786 года. «Я сегодня утромъ пріѣхала сюда изъ Царскаго Села съ моими двумя внуками; одна комната отдѣляетъ меня отъ нихъ; стало быть они живутъ у меня и шумятъ ужасно. Я должна была ихъ прогнать, чтобъ имѣть хоть минуту покоя; они ушли, напѣвая оперный маршъ и ведя каждый за лапку свою собачку вмѣсто принцессы. Вы можете по этому судить, какой мы беремъ тонъ; эти мальчуганы прелестны. Но пора кончить эти бабушкины сказки»[85].

Въ томъ же 1786 году Карлъ Ивановичъ Остенъ-Сакенъ, воспитатель великаго князя Константина Павловича, записалъ въ своемъ журналѣ слѣдующую характеристику Александра Павловича: «Il est doux, timide, dissimulé, il a beaucoup d'esprit et une judiciaire admirable. En un mot il promet de devenir un prince excellent et de répondre en tout parfaitement à l'éducation qu'on lui donne».

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ АЛЕКСАНДРЪ И КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧИ.

Аллегорическое изображеніе восточнаго вопроса: Александръ разрубаетъ мечомъ Гордіевъ узелъ; Константинъ водружаетъ православный крестъ.

Акварель художника С. С. Соломко, съ картины, находящейся въ Эрмитажѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЪ ИСХОДѢ 1786 года начались приготовленія къ путешествію императрицы Екатерины въ Крымъ. Кромѣ многочисленной свиты государыня намѣрена была взять съ собою и обоихъ внуковъ, Александра и Константина, чтобы познакомить ихъ съ Россіею. Генералу Салтыкову приказано заняться приготовленіями къ этой поѣздкѣ[86], причемъ однако ничего не было сообщено о предстоящемъ путешествіи родителямъ великихъ князей. Цесаревичъ и великая княгиня глубоко оскорбились этимъ распоряженіемъ императрицы и въ почтительномъ письмѣ умоляли оставить сыновей при нихъ въ Петербургѣ; они указывали, что долгій зимній путь могъ ихъ утомить, что они еще не испытали свойственныхъ ихъ возрасту болѣзней, и что предположенная поѣздка и соединенныя съ нею развлеченія могли бы задержать успѣхи ихъ ученія. «Вотъ, ваше величество», заключили свое письмо Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, «вѣрное и искреннее изображеніе состоянія

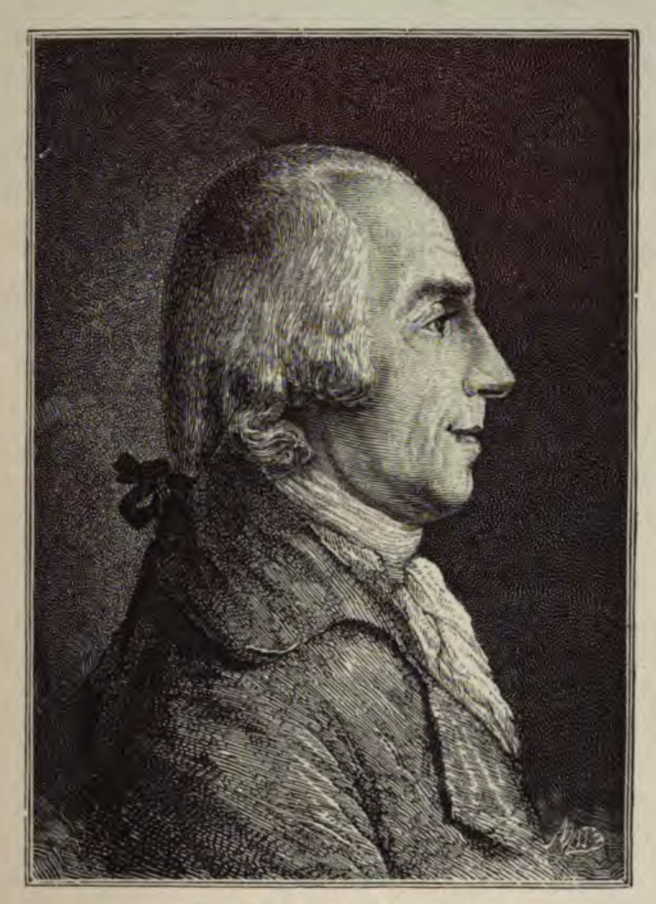
сердецъ нашихъ, и ваше величество слишкомъ справедливы, слишкомъ добры, имѣете сердце слишкомъ нѣжное, чтобы не принять во вниманіе просьбы отца и матери, которые послѣ уваженія и привязанности, питаемой къ вамъ, не знаютъ сильнѣйшихъ чувствъ, чѣмъ чувства любви, привязывающей насъ къ нашимъ дѣтямъ». Въ отвѣтъ на это письмо цесаревича и великой княгини, называя ихъ опасенія плодомъ раздраженнаго воображенія, Екатерина писала: «Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, но въ то же время они принадлежатъ и мнѣ, принадлежатъ и государству (vos enfants sont à vous, ils sont à moi, ils sont à l'État). Съ самаго ранняго дѣтства ихъ я поставила себѣ въ обязанность и удовольствіе окружать ихъ нѣжнѣйшими заботами. Вы говорили мнѣ часто, и устно, и письменно, что мои заботы о нихъ вы считаете настоящимъ счастіемъ для своихъ дѣтей, и что не могло случиться для нихъ ничего болѣе счастливаго. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: вдали отъ васъ для меня будетъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ. Изъ пяти трое остаются съ вами[87]; неужели одна я, на старости лѣтъ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, буду лишена удовольствія имѣть возлѣ себя кого нибудь изъ своего семейства?»[88].

Получивъ это письмо, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна обратились къ Екатеринѣ съ новой просьбой—дозволить имъ сопровождать ее въ путешествіи. Но и на эту просьбу послѣдовалъ рѣшительный отказъ императрицы: «Чистосердечно я вамъ должна сказать», писала она, «что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая и о томъ, что меньшія ваши дѣти оставались бы безъ всякаго призрѣнія; одни они брошены».

Тогда цесаревичъ съ супругою рѣшились обратиться къ князю Потемкину, въ надеждѣ, что онъ склонитъ Екатерину къ уступчивости. Письма были отправлены къ свѣтлѣйшему 16-го декабря и застали его въ Симферополѣ только 7-го января 1787 года; поэтому онъ былъ лишенъ всякой возможности повліять на рѣшеніе императрицы въ этомъ дѣлѣ[89]. Между тѣмъ отъѣздъ великихъ князей былъ рѣшенъ безповоротно. Но злой рокъ распорядился по-своему.—Великій князь Константинъ Павловичъ заболѣлъ сыпью, и 7-го января Екатерина вынуждена была выѣхать въ дальній путь безъ внуковъ. Наканунѣ дня своего отъѣзда, по замѣчанію графа Сегюра, она была противъ обыкновенія молчалива и задумчива[90]. Во время пути императрица писала Гримму: «Я очень огорчена, что Александръ и Константинъ не сопровождаютъ меня въ этой поѣздкѣ и они сами были этимъ также очень опечалены»[91].

Екатерина передъ отъѣздомъ письменно подтвердила генералу Салтыкову то, что, какъ она пишетъ, «я уже словесно вамъ приказывала и что болѣе всего лежитъ у меня на сердцѣ, понеже будущее благо мнѣ отъ Бога порученной имперіи и людей отъ того за-

виситъ: то есть, чтобъ во время моего отсутствія вы непремѣнно наблюдали, слѣдовали и выполняли данный вамъ отъ меня наказъ о воспитаніи моихъ внуковъ, великихъ князей Александра и Константина Павловича. Вы о семъ именемъ моимъ подтвердите господамъ Протасову и Сакену и вообще всѣмъ при внукахъ моихъ находящимся: прикажите имъ снова прочесть, для памяти, мною подписанный наказъ и скажите

Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ.
Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

всѣмъ, что я ожидаю отъ всѣхъ непремѣннаго и усерднаго исполненія предписаннаго»[92].

Во время отсутствія императрицы великая княгиня Марія Ѳеодоровна еженедѣльно писала ей о своихъ дѣтяхъ; кромѣ того Екатерина поддерживала дѣятельную переписку съ генераломъ Салтыковымъ и съ графомъ Я. А. Брюсомъ, не забывая также дорогихъ ея сердцу внуковъ[93].

Дѣтская переписка Александра и Константина съ державной бабушкой, за немногими исключеніями, велась на русскомъ языкѣ; она заслу-

живаетъ вниманія историка, такъ какъ въ дѣтскихъ письмахъ ихъ вполнѣ обрисовываются уже будущія особенности характера обоихъ великихъ князей. Сравнивая между собою письма Александра и Константина, нельзя не обратить вниманія на заключительныя слова ихъ. Александръ пишетъ: «я люблю васъ всѣмъ сердцемъ и душою.—Цѣлую ваши ручки и ножки (иногда прибавлялось «и маленькій пальчикъ»).—Вашъ нижайшій внукъ Александръ».—Константинъ придаетъ окончанію своихъ писемъ совершенно иной оборотъ: всякія нѣжности отсутствуютъ; онъ пишетъ: «Я пребываю вашъ, бабушка, покорнѣйшій внукъ Константинъ». Письма на французскомъ языкѣ отличаются тѣмъ же характеромъ. Константинъ пишетъ: «Je suis avec respect votre très obéissant petit fils».—Александръ оканчиваетъ свои нѣжныя посланія бабушкѣ слѣдующимъ образомъ: «Je baise vos mains et vos pieds. Votre très humble et très obéissant petit fils»[94].

Въ мартѣ мѣсяцѣ великій князь Константинъ наконецъ оправился отъ мучившей его съ начала 1787 года сыпи[95]; на этотъ разъ Александръ уцѣлѣлъ. Но затѣмъ Константинъ заболѣлъ корью, и болѣзнь тотчасъ же перешла къ старшему брату. Но корь оказалась не злокачественной. Марія Ѳеодоровна писала императрицѣ: «Jamais il n'y eut de rougeole plus heureuse»[96]. 1-го апрѣля великіе князья считались уже выздоровѣвшими и 11-го апрѣля они въ первый разъ совершили прогулку въ каретѣ.

Между тѣмъ Екатерина не отказалась отъ мысли путешествовать съ своими внуками; весною она повелѣла имъ выѣхать къ ней на встрѣчу въ Москву. Что же касается цесаревича и великой княгини, то они на этотъ разъ безропотно подчинились волѣ матери. 12-го мая генералъ Салтыковъ писалъ о великомъ князѣ Александрѣ, по этому поводу, императрицѣ слѣдующее: «Александръ Павловичъ съ перваго самаго дня, какъ только узналъ приказаніе ваше ѣхать на встрѣчу вамъ, мнѣ говорилъ, что онъ, до самаго своего отсюда выѣзда, поставитъ себя въ престрогій діэтъ и очень будетъ себя беречь, чтобы не занемочь и чрезъ то не сдѣлать каковаго либо помѣшательства или остановки ѣздѣ своей, совѣтуя весьма прилежно и Константину Павловичу со своей стороны то же дѣлать»[97].

22-го мая, великіе князья Александръ и Константинъ выѣхали изъ Царскаго Села и ночевали въ Тоснѣ, направляясь черезъ Новгородъ и Тверь въ Москву. «Великій князь и великая княгиня насъ провожали сюда до Тосны», доноситъ Салтыковъ императрицѣ, «и здѣсь почти до нашего ужина пробыли; разставаніе было очень короткое, чтобъ не растрогать и себя и дѣтей». Великіе князья встрѣтились съ бабушкой въ Знаменскомъ (имѣніи князя Д. Ю. Трубецкого) 23-го іюня. Вечеромъ пріѣхали въ Коломенское, 27-го въѣхали въ Москву[98]. 11-го іюля Ека-

терина возвратилась въ Царское Село и была встрѣчена у дворцоваго крыльца Павломъ Петровичемъ, Маріею Ѳеодоровною и придворными.

Среди всѣхъ государственныхъ заботъ, занимавшихъ въ ту пору Екатерину[99], любимый внукъ ея продолжалъ попрежнему радовать и утѣ-

Андрей Афанасьевичъ Самборскій.
Съ гравюры Афанасьева.

шать императрицу. Въ концѣ 1787 года она сообщила Гримму слѣдующую лестную для великаго князя характеристику: «Александръ прелестнѣйшая личность (c'est un délicieusissime sujet). Его наставникъ Лагарпъ самъ возлагаетъ на него большія надежды, а этотъ Лагарпъ швей-

царецъ, который вовсе не изъ льстецовъ и заставляетъ его въ большихъ пріемахъ глотать всякія горькія истины изъ исторіи и разныя другія голыя истины. Но онъ мальчикъ хорошій, прекрасно и счастливо одаренный отъ природы; братъ его тоже очень остроумный субъектъ, но у него есть недостатки, которыхъ нѣтъ у старшаго. Оба они преисполнены честолюбія и желанія дѣлать все хорошо, дѣлать какъ можно лучше, и отъ рожденія надѣлены всѣми задатками, чтобы успѣть въ этомъ, а у старшаго столько чутья, сколько только возможно»[100].

Къ этой характеристикѣ нужно присоединить другую, сдѣланную Екатериною нѣсколько позже, а именно въ 1790 году: «Господинъ Александръ тѣлесно, сердечно и умственно представляетъ рѣдкій образецъ красоты, доброты и смышленности. Онъ живъ и основателенъ, скоръ и разсудителенъ, мысль его глубока, и онъ съ необыкновенной ловкостью дѣлаетъ всякое дѣло, какъ будто всю жизнь имъ занимался. Онъ великъ и силенъ для своего возраста и притомъ гибокъ и легокъ. Однимъ словомъ, мальчикъ этотъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей (ce garçon-là est la réunion de quantité de contradictions) и потому чрезвычайно любимъ окружающими. Ровесники его легко соглашаются съ его мнѣніями и охотно слѣдуютъ за нимъ. Предвижу для него одну опасность—это женщины, потому что за нимъ будутъ гоняться, и нельзя ожидать, чтобъ оно было иначе, такъ какъ у него наружность, которая все расшевеливаетъ. Впрочемъ, онъ не знаетъ, до чего онъ хорошъ, и до сихъ поръ не придаетъ большого значенія своей красотѣ. Вы конечно понимаете, что мы и не стараемся сдѣлать изъ него фата. Кромѣ того онъ очень свѣдущъ для своихъ лѣтъ: онъ говоритъ на четырехъ языкахъ, хорошо знакомъ съ исторіей всѣхъ странъ, любитъ чтеніе и никогда не бываетъ празденъ. Онъ охотно предается всѣмъ удовольствіямъ своего возраста. Если я съ нимъ заговорю о чемъ нибудь дѣльномъ, онъ весь вниманіе, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинакимъ удовольствіемъ; заставлю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ. Всѣ имъ довольны, и я также. Воспитатель его Лагарпъ находитъ, что онъ — личность замѣчательная. Теперь они сидятъ надъ математикой, которая ему такъ же легко дается, какъ и все остальное. Однимъ словомъ, я представляю вамъ господина Александра какъ личность замѣчательную между ему подобными, потому что, если этотъ не будетъ имѣть успѣха, то я не знаю, кто послѣ того можетъ разсчитывать на успѣхъ. Замѣтьте еще, что, когда Александръ боленъ, или ему нездоровится, или онъ утомленъ, что не часто случается, а также когда день его приходитъ къ концу, то онъ окружаетъ себя изящными искусствами и тогда онъ развлекается эстампами, медалями или рѣзными камнями»[101].

Съ неменьшимъ восторгомъ и удовольствіемъ Екатерина отзывается объ успѣхахъ Александра въ 1791 году: «Этотъ юноша разуменъ»,

князь Григорий Алекс
впадатся, Полскаго
полку, о ~~[illegible]~~ П
пинова, и буде от
нении и обидъ то
вуи защита, сеи
и по сю порь слу
порочно пытъ
способъ возб[illegible]т
романіися, про
и разборь, и буде
для оправданія

No: 16:5: 1446. ?

Александръ покорилъ также совершенно сердце князя Потемкина, который называлъ его царемъ души своей (prince de son coeur), находя, что съ красотою Аполлона онъ соединяетъ умъ и большую скромность[103]. Когда свѣтлѣйшій, въ концѣ февраля 1791 года, прибылъ изъ арміи въ Петербургъ и давалъ въ Таврическомъ дворцѣ свой знаменитый праздникъ, великій князь Александръ совмѣстно съ братомъ участвовалъ въ кадрили, которую исполняли въ присутствіи императрицы. Это обстоятельство сблизило великаго князя съ Потемкинымъ. Екатерина не замедлила сообщить о томъ Н. И. Салтыкову: «Говорилъ мнѣ князь Потемкинъ», пишетъ императрица, «съ безпримѣрными похвалами о великихъ князьяхъ, паче же о Александрѣ Павловичѣ, и со слезами въ глазахъ, называя его ангеломъ, воплощеннымъ для блаженства имперіи, сказалъ: que c'est le prince de son coeur, и что видитъ въ немъ величайшую надежду, что скромность и модестія въ немъ чрезвычайная; однимъ словомъ, онъ такъ къ нему страстенъ сталъ, какъ я и вы. Сіе вамъ нарочно пишу, чтобъ вы сему радовались, что онъ всѣхъ людей сердца пріобрѣтаетъ.—Вотъ вамъ плоды вашихъ трудовъ»[104].

Для возможно полной характеристики великаго князя Александра въ юношескіе годы его жизни, необходимо привести также менѣе восторженные о немъ отзывы А. Я. Протасова, который не скрылъ въ своихъ запискахъ и нѣкоторые замѣченные имъ недостатки ввѣреннаго его попеченію воспитанника[105]: «Замѣчается въ Александрѣ Павловичѣ много остроумія и способностей», пишетъ Протасовъ въ 1791 году, «но совершенная лѣнь и нерадѣніе узнавать о вещахъ, и не только чтобъ желать вѣдать о внутреннемъ положеніи дѣлъ, кои бы требовали нѣкотораго посилія въ познаніи, но даже удаленіе читать публичныя вѣдомости и знать о происходящемъ въ Европѣ. То есть, дѣйствуетъ въ немъ одно желаніе веселиться и быть въ покоѣ и праздности! Дурное положеніе для человѣка его состоянія! Я всѣ силы употребляю преобороть сіи склонности.—Отъ нѣкотораго времени замѣчаются въ Александрѣ Павловичѣ сильныя физическія желанія, какъ въ разговорахъ, такъ и по соннымъ грезамъ, которыя умножаются по мѣрѣ частыхъ бесѣдъ съ хорошими женщинами[106]. Въ теченіе того-жъ времени лучшее упражненіе въ праздные часы состоитъ въ критикѣ людей и въ передражниваніи. Отъ сего я отвожу, сколько могу.—Сквозь слабости Александра Павловича примѣчается великая честность; онъ обѣщалъ великой княгинѣ (Маріи Ѳеодоровнѣ) писать, когда мы имъ недовольны, во время бытія ея высочества за городомъ. За нѣкоторые его поступки журилъ я его, но какъ, признавшись въ своихъ слабостяхъ, обѣщался исправиться, то я его простилъ; не взирая на то, онъ писалъ великой княгинѣ о томъ съ извиненіемъ, почитая то за долгъ и честь,

князь Григорiй Алекс

впадатся, Полскаго

полку, о [illegible] П

пинова, и буде от

пенiй и обидъ то

вихъ защита, сей

и посю поръ слу

порочно нынѣ

способъ возв[illegible]т

романiися, про

и раз воръ, и буде

для отправленiя

по: 16: ч: 1746 г.

хотя уже и прощенъ,— и что «неисправности его весьма крупатъ»: точныя его слова! Благодареніе Богу! Есть, кажется, сѣмена добродѣтели».

12-го декабря 1791 года великому князю Александру минуло 14 лѣтъ. Протасовъ въ этотъ день занесъ въ свой дневникъ слѣдующую замѣтку: «Ростомъ 2 аршина 7 вершковъ. Благодареніе Богу! При ощутительномъ созрѣваніи разума, украшается добродѣтельными свойствами: честность, справедливость и кротость въ немъ утверждаются. Отвсюду слышу похвалы объ учтивости, привѣтливости и снисхожденіи. Но съ другой стороны, по моему замѣчанію, шпынство [107], лѣнь, странные поклоны и

Медаль, выбитая по случаю бракосочетанія в. к. Александра Павловича съ в. к. Елисаветой Алексѣевной.

Снимокъ съ подлинной медали.

дурныя привычки, а паче — наклоняться, портятъ его: первыя — отдаляя отъ добродѣтели, а послѣднія — обезображивая прелестную фигуру.— Александръ Павловичъ около сего времени, по долгомъ терпѣніи зубной боли, рѣшился выдернуть зубъ, что съ позволенія ея императорскаго величества и родителей тогда-жъ и совершилось зубнымъ врачемъ. Его высочество перенесъ сіе дѣйствіе, не произнеся ни малой жалобы, съ довольною по лѣтамъ его твердостію духа, хотя и чувствовалъ общую боль, въ разсужденіи, что зубъ былъ коренной».

Продолжая свои замѣтки и въ 1792 году, Протасовъ пишетъ, что новый годъ въ первые мѣсяцы «произвелъ въ Александрѣ Павловичѣ нѣкоторыя полезныя перемѣны, но и открылъ притомъ, что дурныя привычки не истребляются. — Замѣчается въ его высочествѣ лишнее самолюбіе, а отъ того упорство во мнѣніяхъ своихъ, и что онъ во всемъ

будто увѣрить и переувѣрить человѣка, когда захочетъ. Изъ сего открывается нѣкоторая хитрость, ибо въ затмѣваніи истины и въ желаніи быть всегда правымъ неминуемо нужно приступать къ подлогамъ. Насмѣшки, лѣнь и праздность также много водворились въ немъ. Такимъ образомъ, сколь ни желалось при началѣ воспитанія, чтобъ хитрость обратить въ нужную скромность и осторожность, насмѣшки — въ пріятныя издѣвки, терпимыя или принятыя въ веселомъ обхожденіи, лѣнь и праздность посредствомъ честолюбія—въ дѣятельность и прилежность, но, по несчастію, еще успѣха мало! — Богъ мой свидѣтель, что я о томъ безпрестанно пекусь, но виноватъ ли, если мнѣ худо помогаютъ? Въ окончаніи сего апрѣля мѣсяца замѣтилъ я, что Александръ Павловичъ, негодуя на строгія мои поправленія, пересказываетъ оныя, и хотя таковой подвигъ сдѣлался въ первомъ движеніи, но однакожъ сіе не доказываетъ искренности, ни того добросердечія, которое я всегда въ немъ предполагалъ, а паче потому, что онъ въ томъ отрицался, приписывая моему пустому сомнѣнію. Я, имѣя явныя къ тому доказательства, старался истребить таковую къ хитрости наклонность. Весьма сожалительно, если этотъ злой порокъ внѣдрится въ сердце. Не попусти, Господи!»

Въ сентябрѣ Протасовъ продолжаетъ: «Александръ Павловичъ, не взирая на частыя свои прошибки, пріобрѣтаетъ многія пользы, и хотя излишнее самолюбіе и упорство въ мелочахъ въ немъ сильны, однакожъ дурныя привычки проходятъ; лучшее же—что онъ начинаетъ имѣть ко мнѣ довѣренность и къ совѣтамъ моимъ уваженіе. Лишнее прилѣпленіе къ мелочамъ и къ модамъ отводятъ его отъ упражненіевъ, приличныхъ его отродію. — Замѣчанія мои о его поведеніи показаться могутъ противорѣчущими, еслибъ я не былъ увѣренъ, что всѣ дѣти въ теченіе ихъ возраста частымъ подвержены перемѣнамъ.—Его высочество, услышавъ отъ меня, что одинъ престарѣлый иностранецъ, находясь прежде при нашей академіи, претерпѣваетъ съ женою крайнюю бѣдность, при подробномъ о семъ разговорѣ крайне тронулся и, выхвативъ изъ своего бюро 25 рублей, отдалъ мнѣ для подаянія тому старику. Я, желая испытать его, спрашивалъ: не будетъ ли у него недостатка въ деньгахъ—на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что больше имѣетъ, нежели надобно, хотя у него, въ разсужденіи другихъ издержекъ, и не много было. Оное мнѣ весьма понравилось, видѣвъ, что онъ помочь бѣдному не жалѣетъ, хотя впрочемъ по опытамъ вижу, что онъ отъ природы не очень чливаго[108] нрава. Я самъ эти деньги отвезъ несчастному семейству. Благодареніе Источнику всѣхъ благъ! Александръ Павловичъ начинаетъ помогать людямъ, просить за нихъ, разсматривать и входить въ нужды, наконецъ — разсуждать о вещахъ безпристрастно и съ точностью».

Къ сожалѣнію, Протасовъ рѣдко записывалъ мнѣнія и взгляды, которые высказывалъ юный великій князь въ разговорахъ съ своимъ воспитателемъ. Три случая удостоились только вниманія его.

«Однажды, въ 1791 году, Александръ Павловичъ, разговаривая о французскихъ дѣлахъ, «по случаю чтенія публичныхъ вѣдомостей», говорилъ, что равенство между людьми хорошо, и что французскіе дворяне напрасно безпокоятся лишеніемъ сего достоинства, «понеже де оно въ одномъ названіи состоитъ, не принося впрочемъ никакой за собою ощутительной пользы». — «Я за долгъ и честь почелъ доказать его высочеству несправедливость его по сей матеріи мыслей», пишетъ Протасовъ, «видя, что оныя ему вложены человѣкомъ, любящимъ народное правленіе, хотя впрочемъ съ честнѣйшими намѣреніями».

Въ 1792 году, великій князь, говоря о королѣ шведскомъ Густавѣ IV, что на него находятъ минуты забвенія, высказался: «Сколько похваляли нынѣшняго короля шведскаго и умъ его, а паче то, что онъ въ самыхъ младенческихъ лѣтахъ не игралъ дѣтскими игрушками, а упражнялся какъ совершенный человѣкъ, но видно, что скоропостижность эта думать о важныхъ вещахъ повредила ему голову, потому что важное обращеніе въ этикетѣ, пріемы съ большими обрядами, хотя, конечно, необходимы, но не только ребенку, но даже и взрослому человѣку скучны. Мнѣ кажется, надобно оставить дѣтямъ приличныя ихъ лѣтамъ забавы, пока онѣ имъ наскучатъ».

Передавъ эти разсужденія Александра Павловича, его воспитатель замѣчаетъ: «Вотъ разсужденія не только зрѣлаго, но и умнаго человѣка!» Затѣмъ Протасовъ продолжаетъ: «По матеріи о скорыхъ переломахъ въ шведскомъ правительствѣ, покойнымъ шведскимъ королемъ учиненныхъ (Густавомъ III), и что возведеніе мѣщанъ въ большія достоинства сдѣлано имъ для увеличиванія его собственной власти, и что предпріятая имъ война приключила крайнее истощеніе государству, отъ котораго на долгое время поправиться не можетъ, Александръ Павловичъ говорилъ: «Онъ слишкомъ былъ великъ для толь малаго государства. Мое мнѣніе: не надлежитъ нигдѣ, а паче въ большомъ государствѣ, стараться о расширеніи границъ, но жить мирно и не дѣлать во внутренности перемѣнъ, потому что всякая перемѣна не скоро утвердится, а прежній порядокъ вещей потеряетъ свое теченіе, и все остановится».

Въ заключеніе краткаго очерка юношескихъ годовъ великаго князя Александра Павловича упомянемъ еще объ Александровой дачѣ[109]. Она была выстроена по приказанію императрицы Екатерины для любимаго внука на пограничной окраинѣ между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ, и при ней разбитъ красивый садъ, въ тѣнистыхъ аллеяхъ котораго ученикъ Лагарпа бесѣдовалъ съ своимъ наставникомъ. По мысли Александра, садъ долженъ былъ служить какъ бы живою иллюстраціею къ

нравоучительной сказкѣ императрицы о царевичѣ Хлорѣ. Домъ великаго князя стоялъ на крутомъ берегу, и близъ него находился шатеръ съ золотымъ верхомъ. Къ дому вела прямая аллея, обсаженная цвѣтами; далѣе дорога слѣдовала черезъ мостъ, украшенный трофеями, по полю, на которомъ возвышался павильонъ, расписанный изображеніями богатствъ; за павильономъ — нива, на ней хижина, а напротивъ ея каменная глыба съ надписью: «храни златые камни» — символъ «незыблемой основы благосостоянія Россіи при Екатеринѣ II», то есть ея Наказа. Нива прилегала къ храму Цереры. За этимъ храмомъ — водный ключъ, посвященный имени великой княгини Маріи Θеодоровны, близъ него пещера нимфы Эгеріи, мудрой наставницы царя Нумы Помпилія. Отсюда длинная аллея вела мимо каскада къ высокому крутому холму, гдѣ находился «храмъ Розы безъ шиповъ», круглый куполъ котораго поддерживался семью колоннами. Посрединѣ этого храма возвышался алтарь, а на немъ стояла урна съ «Розою безъ шиповъ». Плафонъ былъ расписанъ фресками, изображавшими Петра Великаго, смотрящаго съ высоты небесъ на блаженствующую Россію, которая, окруженная символами богатства, наукъ и промышленности, опирается на щитъ съ изображеніемъ «Фелицы», то есть Екатерины II. Здѣсь же орелъ ломаетъ когтями рога луны, трофеи, трубящая Слава и два ангела съ крестомъ. У подножія храма было озеро, на которомъ плавали небольшія суда. Въ концѣ тѣнистаго лѣса возвышались храмы Флоры и Помоны.

Александрова дача была воспѣта въ особой поэмѣ С. Джунковскимъ, изданной въ 1793 году[110]. Въ предисловіи, посвященномъ императрицѣ Екатеринѣ, авторъ говоритъ, что великій князь: «яко начальникъ россійскаго юношества и предшественникъ великихъ плодовъ Твоего матернаго о всеобщемъ воспитаніи попеченія, восчувствовавъ особливо высокость и справедливость мыслей въ одной изъ начертанныхъ Тобою притчей, называемой «Царевичъ Хлоръ», восхотѣлъ представить оную въ расположеніи своего увеселительнаго сада. Въ самой природѣ онъ соорудилъ себѣ всегдашній памятникъ принятаго отъ Тебя воспитанія и примѣръ юношамъ, любящимъ видѣть пріятность, соединенную съ наставленіемъ».

Поэма Джунковскаго издана была вторично въ Харьковѣ въ 1810 году[111] и къ этому изданію приложены три гравюры, изображающія виды Александрова, благодаря которымъ эта дача спаслась отъ забвенія. Кромѣ того, на гравюрѣ заглавнаго листа поэмы представленъ А. А. Самборскій въ крестьянской одеждѣ; онъ повѣсилъ на сукъ вѣтвистаго дерева свой наперсный крестъ и орденъ св. Анны и, взявшись за плугъ, въ который впряжены два вола, пашетъ землю — аллегорическое изображеніе его воспитательной дѣятельности[112]. Надъ нимъ паритъ го-

Дорогою имъ пришлось вынести, какъ пишетъ Екатерина, то, что называется у насъ «совершенная распутица и непогода». Обрадованная императрица тотчасъ увѣдомила о ихъ пріѣздѣ графа Румянцева. «Онѣ вышли изъ экипажа у своего жилища, у дома Шепелева», пишетъ Екатерина 1-го ноября; «при выходѣ изъ кареты ихъ встрѣтилъ гофмаршалъ и придворные кавалеры[122], назначенные сопровождать ихъ, и проводили въ ихъ аппартаменты. Я стояла, такъ сказать, спрятавшись съ графиней Браницкой, которая меня сопровождала, равно какъ съ графомъ Зубовымъ, который былъ дежурнымъ, въ одной изъ комнатъ, предназначенныхъ принцессамъ, когда двери распахнулись, и онѣ вошли: старшая довольно скоро узнала меня, младшая послѣдовала ея примѣру. Эта старшая показалась всѣмъ, видѣвшимъ ее, очаровательнымъ ребенкомъ или, скорѣе, очаровательной молодой дѣвушкой: я знаю, что дорогой она всѣхъ плѣнила; графиня Шувалова и Стрекаловъ расточаютъ ей тысячу похвалъ. Затѣмъ я пригласила войти всѣхъ, кто имъ сопутствовалъ, и, такъ какъ было уже поздно и всѣ были утомлены, я, послѣ краткаго свиданія, удалилась съ графиней Браницкой и графомъ Зубовымъ, которые всю дорогу, не умолкая, болтали о впечатлѣніи, которое произвела на нихъ старшая принцесса. Изъ этого я вывожу заключеніе, что нашъ молодой человѣкъ будетъ очень разборчивъ, если она не побѣдитъ его; онъ увидитъ ее лишь тогда, когда она совершенно отдохнетъ, а я не выкажу ни малѣйшей поспѣшности показать ее ему». Въ тотъ же день вечеромъ Екатерина продолжаетъ: «Я два раза видѣла сегодня принцессъ. Чѣмъ больше видишь старшую, тѣмъ больше она нравится (l'ainée plus on la voit et plus elle plait)». «On ne peut la voir sans être charmée», сказала Екатерина Храповицкому на другой день послѣ пріѣзда принцессъ[123].

Утромъ 1-го ноября императрица навѣстила принцессъ во время ихъ туалета и возложила на ихъ свѣтлостей знакъ ордена св. великомученицы Екатерины.

Пріѣздъ въ Петербургъ и первую встрѣчу съ императрицей Екатериной принцесса Луиза описываетъ, въ письмѣ къ своей матери, слѣдующимъ образомъ: «Въ концѣ концовъ, послѣ очень утомительнаго путешествія, мы вотъ пріѣхали, милѣйшая мама, вчера въ 8 часовъ вечера. Императрица ожидала насъ въ нашихъ комнатахъ съ статсъ-дамою, фамилію которой я позабыла — она племянница князя Потемкина[124] — и съ нѣкіимъ г. Зубовымъ, которому я очень признательна, потому что онъ вывелъ меня изъ тяжелаго, затруднительнаго положенія, о чемъ я вамъ и разскажу сейчасъ. Прежде всего мы пріѣзжаемъ, затѣмъ поднимаемся по лѣстницѣ. Г. Барятинскій, оберъ-гофмаршалъ, подаетъ мнѣ руку, и намъ предшествуютъ два камеръ-юнкера. Они проводятъ насъ черезъ нѣсколько комнатъ, мы подходимъ къ закрытой двери, она

лубь, и яркое солнце освѣщаетъ вдали, на горѣ, храмъ Фелицы, надъ жертвенникомъ коего курится ѳиміамъ.

Александрова дача почему-то была подарена графу Н. И. Салтыкову и на планѣ Павловска 1789 года она именуется уже Салтыковскою мызою.

Затѣмъ дача была предана полному забвенію, олицетворяющему собою чувства, съ которыми Александръ Павловичъ въ позднѣйшее время относился къ своей державной бабкѣ и къ ея царствованію. Мѣста, бывшія свидѣтелями его дѣтскихъ игръ и отроческихъ занятій науками, заглохли, штукатурка храмовъ и облицовка ихъ пообсыпались; холмы обвалились, воды иссякли, озеро обратилось въ котловину, заросшую кустарникомъ. Сохранились только и понынѣ печальные остатки «храма Розы безъ шиповъ».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Изъ замѣтокъ Протасова видно, что съ пятнадцатымъ годомъ Александръ Павловичъ вступилъ въ періодъ развитія страстей, требовавшій отъ его воспитателей особеннаго вниманія. Императрица Екатерина не замедлила рѣшить вопросъ по-своему, ускоривъ женитьбу внука.

Мысль о пріисканіи для великаго князя Александра подходящей невѣсты уже давно занимала Екатерину. Еще въ 1783 году, 7-го (18-го) сентября, баденскій повѣренный въ дѣлахъ Кохъ представилъ императрицѣ записку съ характеристикой пяти маленькихъ дочерей наслѣднаго принца Баденскаго, въ которой онъ особенно восхвалялъ четырехълѣтнюю принцессу Луизу[113]. На этотъ разъ Екатерина ограничилась уклончивымъ замѣчаніемъ: qu'elle n'ignorait pas le mérite des jeunes princesses de Bade, mais qu'elle avait les mains liées à leur égard par rapport aux degrés prohibés»[114]. Тѣмъ не менѣе, семь лѣтъ спустя, Екатерина снова

цѣлую ей руку, тогда же является графиня Шувалова, и за нею слѣдуютъ всѣ остальные. Затѣмъ императрица удаляется».

Принцесса Луиза быстро освоилась съ новой обстановкой, среди которой она внезапно очутилась, покинувъ скромный родительскій домъ въ тихомъ Карлсруэ. Екатерина, какъ и слѣдовало ожидать, сразу пріобрѣла расположеніе принцессы Луизы, которая нашла ее очень доброй и вскорѣ не чувствовала болѣе никакого стѣсненія при встрѣчахъ съ императрицею[125].

Какъ уже выше упомянуто, Екатерина не спѣшила познакомить внука съ принцессами, желая дать имъ время оправиться послѣ утомительнаго и долгаго переѣзда. «Старшая немного кашляетъ, а у младшей насморкъ», пишетъ она графу Румянцеву; «но надѣюсь, что послѣ небольшого отдыха это пройдетъ», прибавляетъ государыня.

2-го ноября, передъ обѣдомъ, прибыли изъ Гатчины цесаревичъ и великая княгиня Марія Ѳеодоровна. Вечеромъ великіе князья и великія княжны собрались у родителей, и затѣмъ прибыли новопріѣзжія принцессы. Здѣсь произошло первое свиданіе принцессы Луизы съ великимъ княземъ Александромъ. На другой день великая княгиня Марія Ѳеодоровна сообщила императрицѣ письменно о живомъ удовольствіи, испытанномъ ею при встрѣчѣ съ обѣими молодыми принцессами. «Старшая показалась мнѣ прелестною», пишетъ Марія Ѳеодоровна; «она не только хороша собой, но во всей ея фигурѣ есть особенная привлекательность, которая въ состояніи возбудить любовь къ ней и въ самомъ равнодушномъ существѣ. Она чаруетъ своею обходительностью и тѣмъ чистосердечіемъ, которымъ дышатъ всѣ черты лица ея[126]. У младшей личико веселенькое, умненькое, но она еще дитя. Старшая принцесса, увидя Александра, поблѣднѣла и задрожала; что же касается Александра, то онъ былъ очень молчаливъ и ограничился только тѣмъ, что смотрѣлъ на нее, но ничего ей не сказалъ, хотя разговоръ былъ общій. Когда принцессы распростились съ нами, я стала хвалить ихъ, то есть высказалась о впечатлѣніи, которое онѣ на меня произвели, и говорила отъ чистаго сердца»[127].

4-го ноября Екатерина сказала Храповицкому: «Цесаревичъ очень полюбилъ и хвалитъ старшую принцессу, но женихъ застѣнчивъ и къ ней не подходитъ. Она очень ловка и развязна, elle est nubile à 13 ans!»[128]

Однако, 1-го декабря императрица сообщила графу Румянцеву слѣдующія утѣшительныя извѣстія. «Мы продолжаемъ быть весьма довольны нашими двумя принцессами Баденскими; до сихъ поръ кажется, что старшая одержитъ верхъ (l'ainée emportera la pomme). Какъ кажется, она пришлась теперь весьма по вкусу господину Александру. Сначала онъ былъ такъ же неприступенъ, какъ принцесса была сдержанна; но теперь начинаютъ привыкать другъ къ другу и любятъ быть вмѣстѣ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ 1787 ГОДУ.

ГЕЛІОГРАВЮРА СЪ ПОРТРЕТА, ГРАВИРОВАННАГО СКОРОДУМОВЫМЪ.

ЭКСПЕД. ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

своемъ физическомъ и умственномъ развитіи, еще болѣе затрудняла предстоявшую мнѣ задачу. То, что я имѣлъ честь сказать в. и. в. о каждой изъ этихъ принцессъ, составляетъ результатъ не только моихъ собственныхъ наблюденій, но является и заключеніемъ, которое я долженъ былъ вывести

Видъ Коннетабля въ г. Гатчино въ концѣ прошлаго столѣтія.
Съ гравюры Ухтомскаго, сдѣланной съ рисунка съ натуры Щедрина.

изъ всего того, что я слышалъ отъ окружающихъ ихъ людей, отъ людей преданныхъ ихъ родителямъ, а равно и отъ тѣхъ, которые вслѣдствіе натянутости отношеній и неудовольствій отдалились отъ нихъ.— Прошу позволенія в. и. в. закончить сказанное однимъ замѣчаніемъ, которое можетъ быть не лишено значенія въ данномъ случаѣ. Если всѣ

баденскіе принцы, какъ живущіе въ настоящее время, такъ равно и тѣ, которыхъ я засталъ еще здѣсь, отличались другъ отъ друга дарованіями и свѣдѣніями, то всѣ они весьма сходятся между собою, обладая ровнымъ, прекраснымъ характеромъ. Въ основаніи его лежатъ сердечная доброта и благодушіе. Что же касается до наслѣдной принцессы, то можно съ увѣренностью сказать, что она не внѐсла въ этотъ домъ зачатковъ противоположныхъ качествъ»[117].

Императрица осталась довольна донесеніемъ графа Румянцева и 26-го мая 1791 года написала своему посланнику: «Надобно теперь, чтобъ вы опять безъ афектаціи и подъ видомъ посѣщенія нѣмецкихъ князей, при которыхъ вы акредитованы, съѣздили къ баденскому двору и старалися извѣдать мысль супруги наслѣднаго принца и, напоминая бытность ея въ Россіи, сказали, что вы отъ меня самой знаете, въ какой отличной памяти она у меня находится, и что я часто оказывала желаніе паки ея увидѣть[118]. Потомъ, узнавъ ея расположеніе, не оставьте хвалить дѣтей ее, наипаче же третью и четвертую дочь, и въ разговорахъ вашихъ потщитеся узнать, не сдѣлаетъ ли отецъ или дѣдъ препятствія къ перемѣнѣ закона которой либо изъ тѣхъ дочерей, и, буде найдете наклонность въ наслѣдной принцессѣ и никакихъ ни отъ кого препятствій, меня увѣдомьте». Въ заключеніе подтверждалось вести дѣло съ крайнею осторожностію, «никого не компрометируя и колико можно меньше гласно».

25-го октября Екатерина писала Румянцеву еще слѣдующее: «notre homme croit à vue et il ne tient qu'à nous de le marier». Графъ Николай Петровичъ дважды посѣтилъ баденскій дворъ и, успѣшно выполнивъ предписанія императрицы, удостоился получить выраженіе ея благоволенія въ собственноручномъ письмѣ отъ 2-го января 1792 года. Екатерина писала, что съ удовольствіемъ видитъ, что графъ нашелъ наслѣдную Баденскую принцессу въ томъ точно расположеніи, какъ желалось ее найти, а дочерей ея превосходя уже доброе объ нихъ описаніе, сдѣланное прежде сего. Затѣмъ императрица продолжаетъ: «Старшей изъ сихъ принцессъ въ семъ генварѣ мѣсяцѣ исполнится тринадцать лѣтъ и будетъ она по нашему счету на четырнадцатомъ году, слѣдовательно о поѣздкѣ матери ея съ дочерями сюда прежде января мѣсяца будущаго 1793 года еще условиться рано, но между тѣмъ предлежитъ вамъ отъ времени до времени съѣздить въ Карлсруэ, имѣть стараніе и бдѣніе, дабы образъ мыслей наслѣдной принцессы не перемѣнился, но паче подкрѣпился, такожде старайтесь поприлежнѣе узнать нравъ, склонности и, буде можно, о душевныхъ свойствахъ и понятіяхъ старшей принцессы, такожде о здоровомъ ея тѣлесномъ сложеніи; все сіе, думаю, что, сдружась съ окружающими ихъ людьми, не трудно вамъ будетъ развѣдать гораздо подробно. Касательно мысли маркграфа баден-

Колонна, воздвигнутая императоромъ Павломъ въ Гатчинскомъ саду.
Съ гравюры Ухтомскаго, сдѣланной съ рисунка съ натуры Щедрина.

скаго не предвидится изъ оныхъ по вашему описанію великія препятствія. Но буде найдете способъ отклонить наслѣднаго принца отъ пріѣзда его съ супругою его сюда, вы сдѣлаете дѣло доброе, и которое отвратитъ многія разныя неудобности; подобная поѣздка, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ излишня; вы знаете нашу публику и неумѣренное ея сужденіе, малѣйшее въ отцѣ чего не понравится, останется въ мысляхъ и въ рѣчахъ и въ переговорахъ и болѣе служитъ противу, нежели для

дочери, отъ женщины же понеже менѣе требуется совершенствъ, то имъ скорѣе прощаются недостатки, и лишь бы были осторожны, вѣжливы и обходительны. Касательно перемѣны въ законѣ, скажу, что мы у дѣда и у прочихъ родственниковъ не станемъ просить дозволеніе, лишь бы принцессамъ не запретили принять оный, сама же думаю, что не станетъ упрямиться, слѣдуя добрымъ совѣтамъ своей матери; сверхъ того, пріѣдучи сюда, уже половина намѣренія исполнится, увидя же жениха, надѣюсь, что не откажется отъ ожидаемой ей судьбинѣ».

Во время веденія дальнѣйшихъ переговоровъ съ баденскимъ дворомъ оказалось затрудненіе по поводу предположеннаго путешествія наслѣдной принцессы въ Россію, которая не могла оставить своего супруга, чтобы привезти къ императрицѣ своихъ дочерей. Екатерина высказала, однако, мнѣніе, что это обстоятельство не есть еще существенная помѣха дѣлу и вещь поправимая. «Хотя, конечно», пишетъ императрица Румянцеву, 4-го іюня 1792 года, «въ виду возраста принцессъ, можно было бы еще отложить года на два пріѣздъ ихъ въ Россію, но я думаю, что, прибывъ сюда нынѣ же, въ самомъ этомъ возрастѣ, та или другая скорѣе привыкнетъ къ странѣ, въ которой ей предназначено провести остальную вою жизнь, и что другая тѣмъ не менѣе будетъ пристроена прилично своему рожденію. Вслѣдствіе такихъ соображеній я рѣшилась предписать вамъ, чтобы вы просили у наслѣдной принцессы Баденской согласіе на отъѣздъ обѣихъ ея дочерей, прицессъ Луизы и Фредерики. Вы скажете, что я охотно принимаю на себя окончаніе ихъ воспитанія и устройство участи обѣихъ. Склонность (l'inclination) моего внука Александра будетъ руководить его выборомъ; ту, которая за выборомъ останется, я своевременно пристрою. Для упрощенія формальностей вдовствующая графиня Шувалова[119] отправится на этихъ дняхъ подъ предлогомъ поѣздки на Ахенскія воды, въ сопровожденіи стариннаго друга ея дома, тайнаго совѣтника Стрекалова[120]. Если наслѣдная принцесса, какъ она сама предполагала, мужъ ея и свекоръ согласны будутъ вручить мнѣ молодыхъ принцессъ, то вы уговоритесь съ помянутою графиней Шуваловой и тайнымъ совѣтникомъ Стрекаловымъ о мѣстѣ, гдѣ будетъ приличнѣе принять молодыхъ принцессъ. Графиня Шувалова путешествуетъ подъ собственнымъ именемъ, а принцессы сохранятъ инкогнито до самыхъ границъ Россіи. По прибытіи въ Петербургъ обѣ принцессы будутъ жить въ моемъ дворцѣ, изъ котораго одна, какъ я надѣюсь, не выйдетъ никогда, а другая лишь затѣмъ, чтобы ей пристойнымъ образомъ выйти замужъ. Считаю излишнимъ сказать вамъ, что онѣ будутъ всѣмъ снабжены и содержаны на мой счетъ: это само собою разумѣется и для васъ несомнѣнно».

Воля Екатерины была исполнена, и въ воскресенье, 31-го октября 1792 года, Баденъ-Дурлахскія принцессы прибыли въ Петербургъ[121].

напередъ, но красивая голова! Какъ увидишь ее, такъ забудешь, что молодой человѣкъ держитъ ее не довольно прямо, а немножко наклоняетъ впередъ. Это было уже часто ему замѣчено, но когда онъ танцуетъ или сидитъ на лошади и держитъ голову прямо надъ плечами, то онъ напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго тѣмъ, кто имѣетъ честь знать послѣдняго. У него такой же величественный видъ, а это для четырнадцати лѣтъ, право, очень много. Но довольно! Не надо слишкомъ много о немъ говорить»[139].

Императрица Екатерина, останавливаясь съ неподдѣльнымъ восторгомъ на красотѣ своего любимца, нисколько ему не льстила. Дѣйствительно, по единогласному отзыву всѣхъ современниковъ, въ пятнадцать лѣтъ великій князь Александръ былъ совершенный красавецъ. Высокій ростомъ, прекрасно сложенный, стройный, онъ отличался изяществомъ пріемовъ, ловкостью движеній, которая однако не вредила величію осанки. Голубые глаза его свѣтились умомъ; частыя вспышки нѣжностыдливаго румянца оживляли мраморную бѣлизну его нѣжнаго, женственнаго лица. Особенную прелесть его лицу придавала улыбка, имѣвшая въ себѣ чарующую привлекательность. Въ сознаніи своей красоты, Александръ любилъ одѣваться къ лицу, щеголять нарядами. По свидѣтельству Ростопчина, можно было смѣло сказать, что не было въ мірѣ подобнаго великому князю Александру: душа же его была еще прекраснѣе его наружности; еще никогда нравственныя и физическія стороны не были такъ прекрасно закончены въ одномъ лицѣ[140].

Съ января мѣсяца 1793 года, когда было получено офиціальное согласіе родителей принцессы Луизы на ея бракъ съ великимъ княземъ Александромъ, она начала учиться русскому языку и догматамъ греческой вѣры[141]. 9-го мая въ большой церкви Зимняго дворца состоялось мѵропомазаніе принцессы Луизы, нареченной въ православіи Елисаветой Алексѣевною. Обрядъ совершалъ Гавріилъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій; воспріемницей принцессы была Новгородскаго Сирцова монастыря игуменья Александра Матвѣевна Шубина.

На другой день происходило торжественное обрученіе великаго князя Александра Павловича съ ея высококняжескою свѣтлостію благовѣрной княжной Елисаветой Алексѣевною, причемъ кольца мѣняла императрица Екатерина. По совершеніи обрученія отслуженъ благодарственный молебенъ, а потомъ началась божественная литургія. «Мой любезный воспитанникъ, отмѣчаетъ Протасовъ въ своемъ дневникѣ, «во весь божественный обрядъ сохранялъ всю должную къ сему происшествію благопристойность, при особливомъ душевномъ удовольствіи, сопровожденномъ кротостію и смиренномудріемъ».

«Всѣ говорили, что обручаютъ двухъ ангеловъ», пишетъ Екатерина. «Ничего нельзя вообразить прелестнѣе этого 15-ти-лѣтняго жениха и

Гренадеръ и мушкетеръ Гатчинскихъ войскъ.
Изъ изданія Висковатова «Описаніе одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ».

раскрывается, моя сестра Фредерика и я — входимъ, дверь за нами закрывается. Это была комната, въ которой насъ ожидала императрица. Я вижу ее; мнѣ хотѣлось думать, что это она, но такъ какъ я не думала, чтобы она была тамъ, я не хотѣла все-таки подходить къ ней, опасаясь, какъ бы это не былъ кто-либо другой; въ первое мгновеніе

цѣлую ей руку, тогда же является графиня Шувалова, и за нею слѣдують всѣ остальные. Затѣмъ императрица удаляется».

Принцесса Луиза быстро освоилась съ новой обстановкой, среди которой она внезапно очутилась, покинувъ скромный родительскій домъ въ тихомъ Карлсруэ. Екатерина, какъ и слѣдовало ожидать, сразу пріобрѣла расположеніе принцессы Луизы, которая нашла ее очень доброй и вскорѣ не чувствовала болѣе никакого стѣсненія при встрѣчахъ съ императрицею[125].

Какъ уже выше упомянуто, Екатерина не спѣшила познакомить внука съ принцессами, желая дать имъ время оправиться послѣ утомительнаго и долгаго переѣзда. «Старшая немного кашляетъ, а у младшей насморкъ», пишетъ она графу Румянцеву; «но надѣюсь, что послѣ небольшого отдыха это пройдетъ», прибавляетъ государыня.

2-го ноября, передъ обѣдомъ, прибыли изъ Гатчины цесаревичъ и великая княгиня Марія Ѳеодоровна. Вечеромъ великіе князья и великія княжны собрались у родителей, и затѣмъ прибыли новопріѣзжія принцессы. Здѣсь произошло первое свиданіе принцессы Луизы съ великимъ княземъ Александромъ. На другой день великая княгиня Марія Ѳеодоровна сообщила императрицѣ письменно о живомъ удовольствіи, испытанномъ ею при встрѣчѣ съ обѣими молодыми принцессами. «Старшая показалась мнѣ прелестною», пишетъ Марія Ѳеодоровна; «она не только хороша собой, но во всей ея фигурѣ есть особенная привлекательность, которая въ состояніи возбудить любовь къ ней и въ самомъ равнодушномъ существѣ. Она чаруетъ своею обходительностью и тѣмъ чистосердечіемъ, которымъ дышатъ всѣ черты лица ея[126]. У младшей личико веселенькое, умненькое, но она еще дитя. Старшая принцесса, увидя Александра, поблѣднѣла и задрожала; что же касается Александра, то онъ былъ очень молчаливъ и ограничился только тѣмъ, что смотрѣлъ на нее, но ничего ей не сказалъ, хотя разговоръ былъ общій. Когда принцессы распростились съ нами, я стала хвалить ихъ, то есть высказалась о впечатлѣніи, которое онѣ на меня произвели, и говорила отъ чистаго сердца»[127].

4-го ноября Екатерина сказала Храповицкому: «Цесаревичъ очень полюбилъ и хвалитъ старшую принцессу, но женихъ застѣнчивъ и къ ней не подходитъ. Она очень ловка и развязна, elle est nubile à 13 ans!»[128]

Однако, 1-го декабря императрица сообщила графу Румянцеву слѣдующія утѣшительныя извѣстія. «Мы продолжаемъ быть весьма довольны нашими двумя принцессами Баденскими; до сихъ поръ кажется, что старшая одержитъ верхъ (l'ainée emportera la pomme). Какъ кажется, она пришлась теперь весьма по вкусу господину Александру. Сначала онъ былъ такъ же неприступенъ, какъ принцесса была сдержанна; но теперь начинаютъ привыкать другъ къ другу и любятъ быть вмѣстѣ.

чество отъ всякаго прочнаго умствованія. Положеніе безполезное для будущаго времени, но извинительное по его лѣтамъ и обстоятельствамъ! Сѣмена добродѣтели, въ немъ посѣянныя, при благодати Божіей, являютъ однакожъ иногда плоды свои, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ: при починкѣ въ обмазываніи алебастромъ царскосельскаго дворца одинъ работникъ упалъ съ вышины и переломилъ члены. Неизвѣстно, почему, когда уже его вынесли изъ саду, дошло сіе до моего воспитанника: отослать онаго въ больницу, послать къ нему своего лейбъ-медика, приказать хирургу пользовать его, дать на все сіе деньги, къ самому же послать нѣкоторую сумму, постелю, кожи, свои простыни, были для него одна минута. Но что еще болѣе, справляться всякій день про него, заниматься этимъ, а всего драгоцѣннѣе—не только другимъ, но и мнѣ о томъ не сказалъ, почитая сіе долгомъ человѣчества, къ чему всякій непремѣнно обязанъ![145].—Въ теченіе сего же времени имѣлъ я удовольствіе часто слышать отъ людей честныхъ и безпристрастныхъ похвалы Александру Павловичу за его ласку, учтивость и снисхожденіе».

Объ этомъ же времени Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову: «Пребываніе въ Царскомъ Селѣ необыкновенно пышно; образовался новый дворъ, много дамъ, слѣдовательно, много суеты, и исторіямъ нѣтъ конца. Великая княжна Елисавета пользуется всеобщею любовью; но мнѣ досадно, что у нея передъ глазами примѣръ дочери графини Шуваловой, что замужемъ за Голицынымъ: это—лукавѣйшая тварь, сплетница, кокетка и беззастѣнчивая въ рѣчахъ. Вообще выборъ лицъ къ этому двору, за исключеніемъ графа Головина и Тутолмина, весьма неудаченъ: въ немъ видишь либо глупцовъ, либо вертопраховъ, либо такихъ молодыхъ людей, о которыхъ и сказать нечего. Великій князь Александръ, при добрѣйшемъ сердцѣ, до крайней степени не свѣдущъ во всемъ, что касается знанія людей и общества; окруженный тупоумными людьми, онъ освоился съ глупостью. Графиня Шувалова, вмѣсто того, чтобъ исправлять и съ нѣжностью образовывать, выставляетъ всѣ его недостатки и добилась уже того, что ее ненавидитъ и молодой человѣкъ, и молодая великая княжна[146]. Сердце великаго князя прекраснѣйшее въ свѣтѣ... но онъ слышитъ столько пошлостей и столько разговоровъ о предметахъ, недостойныхъ его вниманія, что будетъ чудомъ, если онъ не поддастся дурному примѣру. Впрочемъ, люди, его окружающіе, не понимаютъ ни важности мѣстъ, ими занимаемыхъ, ни должнаго уваженія къ личности молодого князя, единственную заботу свою полагаютъ въ томъ, чтобы смѣшить его. Онъ до сихъ поръ довольно охотно выслушиваетъ правду и исправляется. Я взялъ смѣлость высказать ему мой образъ мыслей относительно остротъ и каламбуровъ, которыми онъ любитъ щеголять, и, кажется, онъ исправился отъ этого недостатка, ибо я таковыхъ болѣе не слышу отъ него. Онъ чрезвычайно любитъ Кочубея.

титься въ будущемъ маѣ, когда дороги будутъ хороши, а погода ясна; она нѣжнаго сложенія, которое однако окрѣпнетъ»[134].

Обратимся теперь къ запискамъ Протасова, который занесъ на страницы своего дневника послѣдовательную исторію сватовства своего воспитанника. 5-го ноября, во время концерта въ Эрмитажѣ, Протасовъ замѣтилъ, что великій князь Александръ обходился съ принцессою Луизою весьма стыдливо, но примѣтна была въ немъ большая тревога, и съ того дня, какъ онъ полагаетъ, «начались первыя его къ ней чувства». Съ этого времени великій князь сталъ болѣе знакомиться съ принцессою, и «тѣмъ открылись ему ея достоинства». 15-го ноября Александръ Павловичъ имѣлъ откровенную бесѣду съ Протасовымъ и признался ему, «сколько принцесса для него пріятна, что онъ бывалъ уже въ нашихъ женщинъ влюбленъ, но чувства его къ нимъ наполнены были огнемъ и нѣкоторымъ неизвѣстнымъ желаніемъ — великая нетерпѣливость видѣться и крайнее безпокойство безъ всякаго точнаго намѣренія, какъ только единственно утѣшаться зрѣніемъ и разговорами; а, напротивъ, онъ ощущаетъ къ принцессѣ нѣчто особое, преисполненное почтенія, нѣжной дружбы и несказаннаго удовольствія обращаться съ нею; нѣчто удовольственнѣе, спокойнѣе, но гораздо или несравненно пріятнѣе прежнихъ его движеній; наконецъ, что она въ глазахъ его любви достойнѣе всѣхъ здѣшнихъ дѣвицъ». Высказавъ Протасову чувства, волновавшія его душу, Александръ Павловичъ присовокупилъ еще, что «по нѣкоторымъ матеріямъ съ нею онъ находитъ изъ ея разговоровъ много сходства съ его мыслями». «Я къ этому не оставилъ ему сказать», пишетъ Протасовъ, «что, когда ея умоположеніе сходственно съ его, то и не можетъ ничего быть счастливѣе. Вслѣдствіе чего и совѣтовалъ, чтобъ онъ, видя таковую божескую къ себѣ благодать, безъ всякихъ его заслугъ, питалъ душевную къ Провидѣнію Всевышнему благодарность за избраніе ему такой жены, которая вѣкъ его сдѣлаетъ благополучнѣйшимъ». Слезы мои и ласки послѣдовали симъ моимъ словамъ, которыя и теперь изъ глазъ моихъ стремятся. Всемогущій Богъ мнѣ свидѣтель, какимъ удовольствіемъ и живою радостію наполняется душа моя въ сіи минуты, и сколько по неизреченной Его ко мнѣ благости заплоченъ я за всѣ мои въ теченіе воспитанія великаго князя безпокойства и разныя тревоги: вижу и собираю плоды моихъ трудовъ и попеченій! Мой воспитанникъ—честный человѣкъ, прямой христіанинъ, добротѣ души его нѣтъ конца, тѣлесныя его доброты всѣмъ извѣстны. Невѣста, ему избранная, какъ нарочно для него создана. Если Александръ Павловичъ имѣетъ нѣкоторыя слабости, яко-то: праздность, медленность и лѣнь, имѣю надежду, что хорошія его качества переработаютъ отчасти его недостатки. Прошу Бога, чтобъ онъ утверждался въ добродѣтели, которой столь хорошія сѣмена въ немъ посѣяны, и если

Кирасиръ Гатчинскихъ войскъ.

Изъ изданія Висковатова «Описаніе одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ».

впередъ при немъ будетъ хорошій человѣкъ, не сомнѣваюсь ни мало, чтобъ онъ еще лучше не сдѣлался, ибо его нравъ столь кротокъ, что послѣ частыхъ моихъ досадъ отъ поученіевъ, строгихъ выговоровъ и непрестанныхъ докукъ, онъ, чувствуя оныхъ справедливость, не только оными

ратрицу и великаго князя Александра, но даже цесаревича Павла Петровича и великую княгиню Марію Θеодоровну, равно какъ и весь дворъ Екатерины. Протасовъ въ слѣдующихъ строкахъ обрисовалъ чарующій образъ ея: «Черты лица ея очень хороши и соразмѣрны ея лѣтамъ, ибо въ будущемъ генварѣ (1793 года) ей минетъ только 14 лѣтъ[135]. Физіономія пресчастливая; она имѣетъ величественную пріятность, ростъ большой; всѣ ея движенія и привычки имѣютъ нѣчто особо привлекательное; она не только ходитъ, но и бѣгаетъ — какъ я при играхъ примѣтилъ—весьма пріятно. Въ ней виденъ разумъ, скромность и пристойность во всемъ ея поведеніи. Доброта души ея написана на глазахъ, равно и честность. Всѣ ея движенія доказываютъ великую осторожность благонравія; она столько умна, что нашлась со всѣми, ибо всѣхъ женщинъ, которыя ей представлялись, умѣла обласкать или, лучше сказать, всѣхъ обоего пола людей, ее видѣвшихъ, къ себѣ привлекла. Я не ошибусь напередъ предузнать, что чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда черты ея лица пріидутъ въ совершенство, она будетъ красавица. Ея свѣтлость имѣетъ въ нравѣ много сходства съ Александромъ Павловичемъ».

Дѣйствительно, принцесса Луиза, по единогласному отзыву всѣхъ лицъ, видѣвшихъ ее въ эти годы, была чрезвычайно хороша собою. «Я ничего не видѣлъ прелестнѣе и воздушнѣе ея таліи, ловкости и пріятности въ обращеніи», говоритъ о ней Евграфъ Θедоровичъ Комаровскій, состоявшій при графѣ Румянцевѣ и видѣвшій принцессу передъ отъѣздомъ ея въ Россію[136]. По свидѣтельству другихъ современниковъ, черты лица ея были чрезвычайно тонки и правильны; греческій профиль, большіе голубые глаза, правильное овальное очертаніе лица и волосы прелестнѣйшаго бѣлокураго цвѣта, при этомъ стройный станъ, врожденная грація и чисто воздушная походка дѣлали ее подобною нимфѣ. Наконецъ, она обладала еще чрезвычайно мягкимъ, пріятнымъ голосомъ, который вкрадывался въ душу[137] (un son de voix d'une douceur qui s'insinuait dans l'âme). Екатерина называла ее сиреной и говорила, что голосъ ея такъ и проникаетъ вамъ въ душу[138].

Что касается Александра, то Екатерина описываетъ его въ эту эпоху Гримму въ слѣдующихъ восторженныхъ строкахъ: «Какъ бы вы удивились и въ какое пришли восхищеніе при видѣ этого высокаго, красиваго и добраго юноши. Какъ много онъ обѣщаетъ, какая это воплощенная чистота и вмѣстѣ съ тѣмъ глубина! Какая послѣдовательность въ правилахъ и сколько безпримѣрнаго желанія поступать во всемъ хорошо!—При всемъ томъ онъ необыкновенно скроменъ, и все въ немъ естественно: въ немъ нѣтъ ничего искусственнаго. Что за прелесть этотъ юноша, отъ котораго всѣ безъ ума, да и есть чѣмъ восхищаться! Это нашъ любимчикъ (das ist unser Herzblatt); онъ очень хорошо знаетъ это и идетъ своей дорогой. Голова у него нѣсколько

напередъ, но красивая голова! Какъ увидишь ее, такъ забудешь, что молодой человѣкъ держитъ ее не довольно прямо, а немножко наклоняетъ впередъ. Это было уже часто ему замѣчено, но когда онъ танцуетъ или сидитъ на лошади и держитъ голову прямо надъ плечами, то онъ напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго тѣмъ, кто имѣетъ честь знать послѣдняго. У него такой же величественный видъ, а это для четырнадцати лѣтъ, право, очень много. Но довольно! Не надо слишкомъ много о немъ говорить»[139].

Императрица Екатерина, останавливаясь съ неподдѣльнымъ восторгомъ на красотѣ своего любимца, нисколько ему не льстила. Дѣйствительно, по единогласному отзыву всѣхъ современниковъ, въ пятнадцать лѣтъ великій князь Александръ былъ совершенный красавецъ. Высокій ростомъ, прекрасно сложенный, стройный, онъ отличался изяществомъ пріемовъ, ловкостью движеній, которая однако не вредила величію осанки. Голубые глаза его свѣтились умомъ; частыя вспышки нѣжностыдливаго румянца оживляли мраморную бѣлизну его нѣжнаго, женственнаго лица. Особенную прелесть его лицу придавала улыбка, имѣвшая въ себѣ чарующую привлекательность. Въ сознаніи своей красоты, Александръ любилъ одѣваться къ лицу, щеголять нарядами. По свидѣтельству Ростопчина, можно было смѣло сказать, что не было въ мірѣ подобнаго великому князю Александру: душа же его была еще прекраснѣе его наружности; еще никогда нравственныя и физическія стороны не были такъ прекрасно закончены въ одномъ лицѣ[140].

Съ января мѣсяца 1793 года, когда было получено офиціальное согласіе родителей принцессы Луизы на ея бракъ съ великимъ княземъ Александромъ, она начала учиться русскому языку и догматамъ греческой вѣры[141]. 9-го мая въ большой церкви Зимняго дворца состоялось мѵропомазаніе принцессы Луизы, нареченной въ православіи Елисаветой Алексѣевною. Обрядъ совершалъ Гавріилъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій; воспріемницей принцессы была Новгородскаго Сирцова монастыря игуменья Александра Матвѣевна Шубина.

На другой день происходило торжественное обрученіе великаго князя Александра Павловича съ ея высококняжескою свѣтлостію благовѣрной княжной Елисаветой Алексѣевною, причемъ кольца мѣняла императрица Екатерина. По совершеніи обрученія отслуженъ благодарственный молебенъ, а потомъ началась божественная литургія. «Мой любезный воспитанникъ, отмѣчаетъ Протасовъ въ своемъ дневникѣ, «во весь божественный обрядъ сохранялъ всю должную къ сему происшествію благопристойность, при особливомъ душевномъ удовольствіи, сопровожденномъ кротостію и смиренномудріемъ».

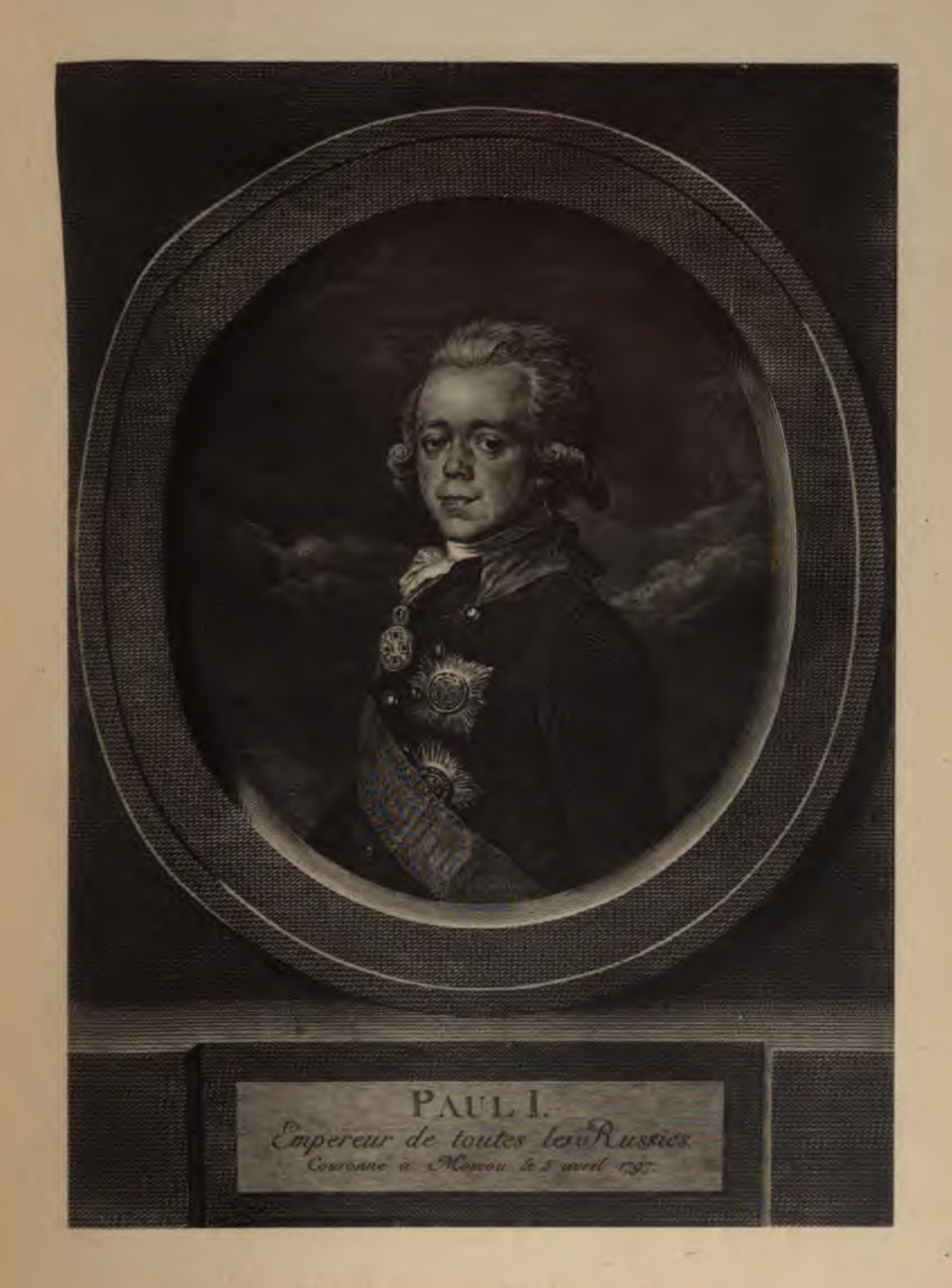
«Всѣ говорили, что обручаютъ двухъ ангеловъ», пишетъ Екатерина. «Ничего нельзя вообразить прелестнѣе этого 15-ти-лѣтняго жениха и

добродѣтели, но и благопристойности, наполненная духомъ французскихъ щеголихъ, почитающая скромность только въ томъ, чтобъ лучше обмануть, впрочемъ, обхожденія довольно пріятнаго, еслибъ не желала всегда первенствовать и спорить съ привязками. Послѣ брака первое ея стараніе было развратить молодыхъ супруговъ; нравоученіе ее въ томъ состояло, чтобъ великой княгинѣ дѣлать всякія угожденія, замѣчать передъ женою всѣ мужнины ошибки, за всякое слово съ нимъ спорить, а въ большихъ сборищахъ показать его ревнивымъ и охуждать данное ему воспитаніе. Сперва, прежде и послѣ сговора много ласкалась она къ великому князю, но нѣкоторое большей ея дочери на непорочность его покушеніе, противъ котораго добродѣтель его устояла, сдѣлала его матери и дочери ненавистнымъ».

«Въ теченіе сего времени давались балы по случаю бракосочетанія у многихъ знатныхъ особъ. Его высочество при оныхъ показывалъ много дѣтскости, оставляя людей почетныхъ, упражнялся въ разговорахъ съ молодыми модниками и тѣмъ подалъ поводъ графинѣ Головиной[157] и прочимъ дѣлать разныя интриги, и чрезъ то и пронеслись слухи вредные въ публикѣ на счетъ его, чего я прекратить былъ не въ состояніи».

«Въ концѣ ноября оба супруга отъ долгаго сидѣнія, крутого оборота въ жизни и отчасти отъ погоды занемогли ходомъ лихорадки и простуды, но по большей части были на ногахъ. Его высочество, совершенно отставъ отъ упражненій, назначенныхъ съ учителями, упражнялся съ ружьемъ и въ прочихъ мелочахъ, разными шутками съ парикмахеромъ Романомъ и прочими комнатными,—несвойственными никакъ съ даннымъ ему воспитаніемъ, чего я не въ силахъ былъ прекратить, тѣмъ паче, что братъ меньшій давалъ ему къ тому способъ. Но кому надлежало давать примѣръ своимъ поведеніемъ, о томъ спрашивать нечего. Великій князь началъ употреблять вино по вкусу, но не имѣлъ свѣдѣнія о количествѣ, употреблялъ больше, нежели надобно, думая, что, когда не пьянъ, то будто отъ того и вреда нѣтъ. Я съ помощію лейбъ-медика отвратилъ его отъ того, раствердивъ, что я не боялся бы онаго, но боюсь привычки и вреда здоровью, и что вліяніе излишества, а наконецъ самые вредные пороки рождаются по большей части отъ привычекъ. Сколько твердилъ я до окончанія сего года, что праздность есть источникъ всѣхъ злыхъ дѣлъ, но болѣзненные припадки причиною были отговорки, а между тѣмъ лѣнь и нерадѣніе совершенно дѣлаютъ ему вредъ[158]. Вотъ какъ, заключаетъ Протасовъ, къ сожалѣнію моему, окончился 16-й годъ и наступилъ семнадцатый».

«Въ началѣ сего 1794 года до марта мѣсяца не было дальней перемѣны въ умоположеніи его высочества, хотя и начались упражненія съ де-ла-Гарпомъ и прочими, но о россійскомъ ученіи совсѣмъ забыто. Настала работа дѣлать маленькій театръ по старой привычкѣ; сіе за-

Императоръ Павелъ I.

Съ гравюры Клаубера 1797 г. сдѣланной съ портрета Вуаля, писаннаго въ 1787 г.

Фототипия А. И. Вильборгъ С.П.Б. Мещ. 15

Казакъ Гатчинскихъ войскъ.
Изъ изданія Висковатова «Описаніе одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ».

Среди удовольствій царскосельской придворной жизни и новой для него обстановки, великій князь Александръ, конечно, отсталъ отъ научныхъ занятій. Объ этомъ горько сожалѣлъ Протасовъ, который пишетъ, что «Александръ Павловичъ отсталъ нечувствительно отъ всякаго рода упражненій; пребываніе его у невѣсты и забавы отвлекли его высо-

чество отъ всякаго прочнаго умствованія. Положеніе безполезное для будущаго времени, но извинительное по его лѣтамъ и обстоятельствамъ! Сѣмена добродѣтели, въ немъ посѣянныя, при благодати Божіей, являютъ однакожъ иногда плоды свои, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ: при починкѣ въ обмазываніи алебастромъ царскосельскаго дворца одинъ работникъ упалъ съ вышины и переломилъ члены. Неизвѣстно, почему, когда уже его вынесли изъ саду, дошло сіе до моего воспитанника: отослать онаго въ больницу, послать къ нему своего лейбъ-медика, приказать хирургу пользовать его, дать на все сіе деньги, къ самому же послать нѣкоторую сумму, постелю, кожи, свои простыни, были для него одна минута. Но что еще болѣе, справляться всякій день про него, заниматься этимъ, а всего драгоцѣннѣе—не только другимъ, но и мнѣ о томъ не сказалъ, почитая сіе долгомъ человѣчества, къ чему всякій непремѣнно обязанъ![145].— Въ теченіе сего же времени имѣлъ я удовольствіе часто слышать отъ людей честныхъ и безпристрастныхъ похвалы Александру Павловичу за его ласку, учтивость и снисхожденіе».

Объ этомъ же времени Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову: «Пребываніе въ Царскомъ Селѣ необыкновенно пышно; образовался новый дворъ, много дамъ, слѣдовательно, много суеты, и исторіямъ нѣтъ конца. Великая княжна Елисавета пользуется всеобщею любовью; но мнѣ досадно, что у нея передъ глазами примѣръ дочери графини Шуваловой, что замужемъ за Голицынымъ: это—лукавѣйшая тварь, сплетница, кокетка и беззастѣнчивая въ рѣчахъ. Вообще выборъ лицъ къ этому двору, за исключеніемъ графа Головина и Тутолмина, весьма неудаченъ: въ немъ видишь либо глупцовъ, либо вертопраховъ, либо такихъ молодыхъ людей, о которыхъ и сказать нечего. Великій князь Александръ, при добрѣйшемъ сердцѣ, до крайней степени не свѣдущъ во всемъ, что касается знанія людей и общества; окруженный тупоумными людьми, онъ освоился съ глупостью. Графиня Шувалова, вмѣсто того, чтобъ исправлять и съ нѣжностью образовывать, выставляетъ всѣ его недостатки и добилась уже того, что ее ненавидитъ и молодой человѣкъ, и молодая великая княжна[146]. Сердце великаго князя прекраснѣйшее въ свѣтѣ... но онъ слышитъ столько пошлостей и столько разговоровъ о предметахъ, недостойныхъ его вниманія, что будетъ чудомъ, если онъ не поддастся дурному примѣру. Впрочемъ, люди, его окружающіе, не понимаютъ ни важности мѣстъ, ими занимаемыхъ, ни должнаго уваженія къ личности молодого князя, единственную заботу свою полагаютъ въ томъ, чтобы смѣшить его. Онъ до сихъ поръ довольно охотно выслушиваетъ правду и исправляется. Я взялъ смѣлость высказать ему мой образъ мыслей относительно остротъ и каламбуровъ, которыми онъ любитъ щеголять, и, кажется, онъ исправился отъ этого недостатка, ибо я таковыхъ болѣе не слышу отъ него. Онъ чрезвычайно любитъ Кочубея.

При обоихъ великихъ князьяхъ состоитъ наставникомъ прекрасный и достойный человѣкъ, по имени Лагарпъ, родомъ швейцарецъ. Не знаю, какимъ образомъ и по какой причинѣ принцъ Нассаускій и Эстергази изыскали средства оклеветать его передъ императрицею по поводу нѣкоторыхъ писемъ, написанныхъ имъ на родину, во время смутъ въ Ваатландѣ. Съ бѣднягою очень худо обошлись: о немъ позабыли при

Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.
Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

назначеніи наградъ кавалерамъ великаго князя Александра. Онъ хотѣлъ удалиться, и это было бы великой потерей, ибо заботамъ этого человѣка великіе князья обязаны своимъ воспитаніемъ. Но императрица приглашала его къ себѣ два раза, и швейцарецъ, объяснивъ все, какъ было, разоблачилъ плутни г. Эстергази и вышелъ побѣдителемъ»[147].

Въ это время Екатерина продолжала заниматься записками касательно Россійской исторіи и среди оживленной царскосельской жизни почти не писала Гримму. Тѣмъ не менѣе и въ немногихъ строкахъ,

посланныхъ ею своему корреспонденту, встрѣчается одно любопытное указаніе объ Александрѣ.

«Но представьте себѣ, какое подозрѣніе падаетъ на Александра», пишетъ Екатерина. «Кто бы это подумалъ? Одинъ изъ кавалеровъ[148], его воспитателей, вздумалъ прошедшее лѣто перевести на русскій языкъ англійскую комедію Шеридана «Школа злословія». Ее играли въ Эрмитажѣ[149] и пьесу эту нашли гораздо выше французскаго перевода, сдѣланнаго во Франціи. Такъ какъ этотъ русскій переводъ блестѣлъ остроуміемъ и оригинальностью языка и былъ прекрасно приноровленъ къ нашимъ нравамъ и обычаямъ, то всѣ пришли отъ него въ восторгъ. Александръ принималъ живое участіе въ одобреніяхъ и восклицаніяхъ зрителей. Я думала, что онъ просто по дружбѣ къ своему кавалеру придаетъ такую цѣну аплодисментамъ. Пьесу сыграли и въ городѣ, но тамъ публику не такъ легко было провести, какъ меня, и всѣ заговорили, что Александръ сдѣлалъ большую часть этого перевода съ англійскаго, что онъ лучше знаетъ по-англійски, чѣмъ его кавалеръ, и какъ бы ни скрывался, всѣ знаютъ, что самыя удачныя остроты принадлежатъ ему. Слухи дошли до меня; я ему сказала это. Онъ сталъ отрекаться, покраснѣлъ и увѣрялъ, что онъ слышалъ отрывки въ чтеніи и, можетъ быть, иногда дѣлалъ свои замѣчанія, а кавалеръ его могъ этимъ воспользоваться, чтобъ измѣнить кое-что въ переводѣ. Видите, заключаетъ императрица, какъ болѣзни прилипчивы, и что значитъ дурной примѣръ»[150].

Въ письмѣ отъ 5-го августа[151] еще говорится, что слухъ о путешествіи господина Александра по Европѣ — выдумка газетчиковъ, которая не имѣетъ никакого основанія, и что еще до Рождества будетъ его свадьба (il sera bien et dûment marié d'ici à Noël).

Въ исходѣ лѣта великая княжна Елисавета испытала большое огорченіе; ей пришлось разстаться съ сестрою, которая въ сопровожденіи С. Ѳ. Стрекалова возвратилась въ Карлсруэ. «Обѣ сестры очень плакали», пишетъ Протасовъ, «и Александръ Павловичъ оказалъ свою чувствительность многими слезами, при чемъ и мы, всѣ тутъ бывшіе, не могли удержаться отъ слезъ; столь сіе зрѣлище было горестно! Провожали ея свѣтлость сестра и оба великіе князья съ дворомъ нашимъ чрезъ садъ до кареты». «Je serai seule, seule, absolument seule sans avoir personne à qui communiquer mes petites pensées», писала огорченная Елисавета Алексѣевна своей матери.

16-го августа, императрица Екатерина переѣхала изъ Царскаго Села въ Петербургъ, въ Таврическій дворецъ. На другой день за ней послѣдовали великіе князья и великая княжна-невѣста. Здѣсь дворъ началъ готовиться къ цѣлому ряду торжествъ. Они открылись 2-го сентября празднованіемъ мира съ Турціею, которое продолжалось по 15-е сен-

Царскосельскій садъ въ концѣ царствованія Екатерины II.

Съ рѣдкой акватинты Майера. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

тября и окончилось фейерверкомъ на Царицыномъ лугу[152]. Затѣмъ 28-го сентября исполнилось наконецъ завѣтное желаніе императрицы Екатерины: въ этотъ день совершено бракосочетаніе великаго князя Александра[153].

Въ 8 часовъ утра, по сигналу, поданному пятью выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости, всѣ находившіяся тогда въ столицѣ войска гвардіи, въ числѣ 14,527 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова, выступили и затѣмъ выстроились на площади передъ Зимнимъ дворцомъ и по прилегающимъ къ ней улицамъ. Въ 12³/₄ часовъ, при двадцати одномъ пушечномъ выстрѣлѣ съ бастіоновъ Адмиралтейской крѣпости, тронулось торжественное шествіе изъ внутреннихъ аппартаментовъ государыни въ большую церковь Зимняго дворца. На женихѣ надѣтъ былъ кафтанъ серебрянаго глазета съ брилліантовыми пуговицами, алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго; на невѣстѣ таковое же платье съ украшеніями изъ жемчуговъ и брилліантовъ. Обрядъ бракосочетанія совершалъ синодальный членъ и соборный Спаса-Преображенія церкви протопресвитеръ Лукьянъ Протопоповъ. Вѣнцы держали великій князь Константинъ надъ Александромъ и графъ Безбородко надъ Елисаветой. По окончаніи обряда бракосочетанія отслужено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, и при пѣніи «Тебѣ Бога хвалимъ» стоявшія въ строю войска произвели пальбу троекратнымъ бѣглымъ огнемъ, которой отвѣчалъ громъ пушекъ съ бастіоновъ Адмиралтейской и Петропавловской крѣпостей и яхтъ, стоявшихъ на Невѣ, а по церквамъ начался колокольный звонъ, продолжавшійся три дня. Празднества по случаю бракосочетанія великаго князя Александра продолжались 14 дней и завершились 11-го октября блистательнымъ фейерверкомъ на Царицыномъ Лугу[154].

«C'est Psyché unie à l'Amour», писала Екатерина, сообщая принцу де-Линь, что она довольна своимъ хозяйствомъ, но изнурена праздниками и усталостью[155].

Но весь этотъ блескъ имѣлъ и обратную сторону, которая не ускользнула отъ наблюдательности злорѣчиваго современника: «Весьма боюсь, не повредила бы женитьба великому князю: онъ такъ молодъ, а жена его такъ хороша собою»—пишетъ Ѳ. В. Ростопчинъ[156].

Отголоски опасеній, высказанныхъ Ростопчинымъ, съ бо́льшими подробностями перешли къ намъ въ сѣтованіяхъ Протасова. «Въ теченіе октября и ноября поведеніе Александра Павловича не соотвѣтствовало моему ожиданію», жалуется огорченный воспитатель. «Онъ прилѣпился къ дѣтскимъ мелочамъ, а паче военнымъ, и, слѣдуя прежнему, подражалъ брату, шалилъ непрестанно съ прислужниками въ своемъ кабинетѣ весьма непристойно. Всѣмъ таковымъ непристойностямъ, сходственнымъ его лѣтамъ, но не состоянію, была свидѣтельницею супруга. Въ раз-

«Руина», воздвигнутая въ память взятія Очакова, и «Орловскія ворота» въ Царскомъ Селѣ.

Съ акварели Щедрина 1791 года.

добродѣтели, но и благопристойности, наполненная духомъ французскихъ щеголихъ, почитающая скромность только въ томъ, чтобъ лучше обмануть, впрочемъ, обхожденія довольно пріятнаго, еслибъ не желала всегда первенствовать и спорить съ привязками. Послѣ брака первое ея стараніе было развратить молодыхъ супруговъ; нравоученіе ее въ томъ состояло, чтобъ великой княгинѣ дѣлать всякія угожденія, замѣчать передъ женою всѣ мужнины ошибки, за всякое слово съ нимъ спорить, а въ большихъ сборищахъ показать его ревнивымъ и охуждать данное ему воспитаніе. Сперва, прежде и послѣ сговора много ласкалась она къ великому князю, но нѣкоторое большей ея дочери на непорочность его покушеніе, противъ котораго добродѣтель его устояла, сдѣлала его матери и дочери ненавистнымъ».

«Въ теченіе сего времени давались балы по случаю бракосочетанія у многихъ знатныхъ особъ. Его высочество при оныхъ показывалъ много дѣтскости, оставляя людей почетныхъ, упражнялся въ разговорахъ съ молодыми модниками и тѣмъ подалъ поводъ графинѣ Головиной[157] и прочимъ дѣлать разныя интриги, и чрезъ то и пронеслись слухи вредные въ публикѣ на счетъ его, чего я прекратить былъ не въ состояніи».

«Въ концѣ ноября оба супруга отъ долгаго сидѣнія, крутого оборота въ жизни и отчасти отъ погоды занемогли ходомъ лихорадки и простуды, но по большей части были на ногахъ. Его высочество, совершенно отставъ отъ упражненій, назначенныхъ съ учителями, упражнялся съ ружьемъ и въ прочихъ мелочахъ, разными шутками съ парикмахеромъ Романомъ и прочими комнатными,—несвойственными никакъ съ даннымъ ему воспитаніемъ, чего я не въ силахъ былъ прекратить, тѣмъ паче, что братъ меньшій давалъ ему къ тому способъ. Но кому надлежало давать примѣръ своимъ поведеніемъ, о томъ спрашивать нечего. Великій князь началъ употреблять вино по вкусу, но не имѣлъ свѣдѣнія о количествѣ, употреблялъ больше, нежели надобно, думая, что, когда не пьянъ, то будто отъ того и вреда нѣтъ. Я съ помощію лейбъ-медика отвратилъ его отъ того, раствердивъ, что я не боялся бы онаго, но боюсь привычки и вреда здоровью, и что вліяніе излишества, а наконецъ самые вредные пороки рождаются по большей части отъ привычекъ. Сколько твердилъ я до окончанія сего года, что праздность есть источникъ всѣхъ злыхъ дѣлъ, но болѣзненные припадки причиною были отговорки, а между тѣмъ лѣнь и нерадѣніе совершенно дѣлаютъ ему вредъ[158]. Вотъ какъ, заключаетъ Протасовъ, къ сожалѣнію моему, окончился 16-й годъ и наступилъ семнадцатый».

«Въ началѣ сего 1794 года до марта мѣсяца не было дальней перемѣны въ умоположеніи его высочества, хотя и начались упражненія съ де-ла-Гарпомъ и прочими, но о россійскомъ ученіи совсѣмъ забыто. Настала работа дѣлать маленькій театръ по старой привычкѣ; сіе за-

Камероновская галерея въ царскосельскомъ саду, построенная Екатериной II.

Съ современной акватинты Майера (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

вело до того, что и великую княгиню оставилъ одну. — 23-го марта великій князь показывалъ нѣкотораго рода представленіе куклами и машинками, а именно: балетъ «Дидона», при игрѣ на скрипкѣ г. Дица,— гдѣ были меньшой братъ, великая княгиня-супруга, графиня Шувалова и я. Эта пронырливая женщина всѣ способы употребляетъ развратить супруговъ, твердя обыкновенно, что нѣтъ вещи вѣчной, и что самая любовь не можетъ быть навсегда; всякими образами старается взять нѣкоторую волю надъ великимъ княземъ; но я помогаю ему отъ того избавиться. Не позабыла она и тутъ всякія шпынства употреблять къ осмѣянію его дѣтской игры, которая, по правдѣ сказать, не взирая на состояніе, сходственна еще съ его лѣтами».

Послѣдняя замѣтка Протасова въ его запискахъ, заслуживающая вниманія, относится къ апрѣлю 1794 года и заключается въ слѣдующемъ:

«Тогда-то была на Таврическомъ театрѣ представлена комедія русская: «Лебедянская ярмарка», сочиненіе г. Копьева, гдѣ осмѣяны странныя моды молодыхъ жемановъ, толстые на шеѣ платки, короткія трости и низкіе башмаки, кои ежеминутно съ ногъ спадывали. Государынѣ и всѣмъ тутъ присутствовавшимъ оная очень понравилась, кромѣ молодыхъ великихъ князей, которые нѣкоторымъ образомъ себя тутъ видѣли. Скоро послѣ пожалована отъ ея величества сочинителю золотая табакерка съ алмазами. Тутъ уже не могъ я воздержаться, чтобы Александру Павловичу не представить, сколь гнусно прилѣпляться къ этимъ страннымъ модамъ и тѣмъ дѣлать непріятности бабушкѣ и родителямъ, отъ которыхъ еще и таиться въ томъ, преображаясь въ другую одежду, какъ скоро гдѣ видѣть надлежитъ. Но онъ хотѣлъ меня увѣрить, что табакерка и привѣтствіе автору сдѣланы будто для того, чтобъ ободрить русское сочиненіе. Я не могъ сдержаться, чтобъ не дать ему почувствовать, сколь далеко зараза этихъ странныхъ модъ въ немъ вкоренилась, и даже до того, что онъ, отступая отъ своихъ правилъ, хочетъ отыграться ложными выдумками. Сіе его очень тронуло: хотѣлъ спорить, но я прекратилъ, сказавъ, что все сіе говорю по единой къ нему искренности».

Съ 1792 года началась постройка въ Царскомъ Селѣ Александровскаго дворца. Сумароковъ въ своей исторіи царствованія Екатерины II пишетъ: «Имя Александра всегда вырывалось изъ устъ Екатерины съ пріятною улыбкою; въ младенчествѣ искала ему забавъ, въ юности предупреждала его желанія и хотѣла оставить памятникъ сихъ нѣжныхъ къ нему чувствъ, повелѣвъ славному Гваренги, не щадя ни искусства, ни иждивенія, соорудить для него особое обиталище. Всѣ знатоки признаютъ Александровскій дворецъ образцомъ художества, единственнымъ въ своемъ родѣ; но Екатерина не одобрила зданія, ей казалось, что великолѣпіе не соотвѣтствовало ея любви къ нему»[159].

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ХОТЯ ЕКАТЕРИНА и была, повидимому, полновластною распорядительницею воспитанія великаго князя Александра, но она не имѣла возможности совершенно отстранить отъ него вліяніе родителя. Императрица предвидѣла это неизбѣжное зло и, какъ выше упомянуто, вскорѣ послѣ рожденія внука писала въ 1778 году Гримму: «Боюсь за него только въ одномъ отношеніи: но объ этомъ когда нибудь скажу на словахъ; домекайте (à bon nez salut)». Опасенія Екатерины не замедлили оправдаться. Со вступленіемъ же Александра въ юношескій возрастъ отцовское вліяніе неизбѣжнымъ образомъ усилилось и внесло новыя противорѣчія въ дѣло воспитанія.

Для вѣрной оцѣнки характера Александра, какимъ онъ проявился впослѣдствіи, во время его самодержавства, нельзя упустить изъ виду это обстоятельство; историку его времени не слѣдуетъ забы-

вать, что ему суждено было провести дѣтство и юность между двумя противоположными полюсами: геніальной бабкой и гатчинской кордегардіей. Привязанности Александра съ раннихъ лѣтъ мучительнымъ образомъ дѣлились между Екатериною и его родителями; ему приходилось угождать то одной, то другой сторонѣ и безпрестанно согласовать несхожіе вкусы, взгляды, скрывая вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости свои чувства. Все способствовало къ тому, чтобы поставить его съ дѣтства между молотомъ и наковальней[160].

Гете справедливо замѣтилъ, что «человѣку невозможно освободиться отъ впечатлѣній своей юности, и это доходитъ до того, что даже вещи, страдающія недостатками, но къ которымъ онъ привыкъ въ эти годы и среди которыхъ жилъ въ это счастливое время, остаются для него и впослѣдствіи дорогими и кажутся хорошими; и онъ точно ослѣпленъ ими, не усматривая въ нихъ ничего ошибочнаго»[161]. Эта истина оправдалась и въ жизни Александра Павловича; ему никогда не удалось отрѣшиться во всѣхъ своихъ начинаніяхъ отъ нѣкоторой присущей ему двуличности и скрытности, соединенныхъ съ недовѣріемъ вообще къ людямъ[162] — недостатки, развившіеся подъ вліяніемъ совершенно исключительной обстановки, среди которой онъ возмужалъ. Такимъ образомъ въ умѣ Александра вполнѣ естественнымъ образомъ постепенно вкоренялась неизбѣжная двойственность въ дѣлахъ и мысляхъ, которая преслѣдовала его затѣмъ въ продолженіе всей его жизни. Обстоятельства постепенно вытѣсняли изъ его дѣтскаго сердца откровенность и искренность, замѣнивъ ихъ скрытностью и притворствомъ. Явилось самообладаніе, соединенное съ извѣстной долей притворства, умѣніе владѣть собою и способность удовлетворять противоположныя требованія, заявляемыя окружавшей его средою. Проявляемый Александромъ въ этихъ случаяхъ «тактъ», который онъ усвоилъ себѣ съ дѣтства, вызывалъ всеобщія похвалы и одобреніе. Алкивіадъ умѣлъ быть изнѣженнымъ аѳиняниномъ въ Аѳинахъ и суровымъ спартанцемъ въ Спартѣ; это же умѣнье съ юныхъ лѣтъ усвоилъ и великій князь. Екатерина, восхищаясь своимъ любимцемъ, при свойственной ей наблюдательности, должна была замѣтить нѣкоторую уклончивость въ его характерѣ — объ этомъ свидѣтельствуетъ ея переписка, но она старалась давать этой уклончивости благопріятное объясненіе. Припомнимъ приведенное уже выше письмо, въ которомъ императрица пишетъ: «Мальчикъ этотъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей, отчего чрезвычайно любимъ окружающими... Когда я съ нимъ заговорю о чемъ нибудь дѣльномъ, онъ весь вниманіе, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ; заставлю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ. Всѣ имъ довольны и я также».—Зло было, конечно, поправимо; для этого требовалось полное измѣненіе семейной обстановки, окружавшей съ колыбели

Александра. Но осуществленіе подобнаго чуда выходило изъ сферы могущества Екатерины!

Гатчинская кордегардія привила Александру еще другое зло: увлеченіе фронтомъ, солдатской выправкой, однимъ словомъ, экзерцирмейстерство, парадоманію. Усмотрѣвъ въ выправкѣ существенную сторону военнаго дѣла и свыкнувшись съ подобнымъ взглядомъ, онъ перещеголялъ впослѣдствіи въ этомъ искусствѣ даже своего брата Константина и довелъ выправку до небывалаго совершенства[163].

Великій князь Александръ совмѣстно съ братомъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе привлекались цесаревичемъ къ экзерциціямъ созданныхъ имъ гатчинскихъ войскъ[164]. Что же это были за гатчинскія войска, у которыхъ Александръ учился уму разуму, какъ онъ выражался «по нашему, по-гатчински», и олицетворявшихъ собою какъ бы государство въ государствѣ?

Екатерина всегда опасалась для своихъ внуковъ неправильной постановки военнаго обученія, «понеже все касательно службы», писала императрица, «наипаче же военной, не есть и быть не можетъ и не должно дѣтскою игрушкою»[165]. Но въ дѣйствительности обстоятельства сложились иначе, и судьба направила юныхъ великихъ князей на нежелаемый императрицею путь. По какому-то необъяснимому недоразумѣнію или упущенію, Екатерина не воспрепятствовала цесаревичу съ 1782 года постепенно сформировать и усилить особые отряды войскъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ, состоявшіе изъ трехъ родовъ оружія. Войска эти образовались слѣдующимъ образомъ: первоначально составлены были двѣ команды, каждая въ числѣ 30-ти человѣкъ, взятыхъ изъ флотскихъ баталіоновъ для карауловъ, одна на Каменномъ острову, другая въ Павловскѣ. Дальнѣйшее ихъ пополненіе нижними чинами послѣдовало при помощи нижнихъ чиновъ, поступавшихъ разными случаями изъ другихъ командъ, и вербовкою, а офицерами изъ отставныхъ. Организація, обмундированіе и обученіе гатчинцевъ не имѣли ничего общаго съ порядками, существовавшими въ правительственныхъ россійскихъ войскахъ. Это былъ какъ бы протестъ противъ военной системы, установившейся въ царствованіе Екатерины. Вообще, цесаревичъ старался возродить въ своихъ тѣ самые «обряды неудобь носимые», которые, по словамъ Екатерины, будучи введены Петромъ III, «не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ»[166]. Такимъ образомъ, среди россійской арміи появились, какъ бы съ дозволенія правительства, какія-то обособленныя войска, устроенныя по прусскому образцу и походившія на живую карикатуру уже отжившихъ свое время Фридриховскихъ порядковъ. Численность гатчинскихъ войскъ съ каждымъ годомъ возростала, и въ 1796 году они состояли уже изъ шести баталіоновъ пѣхоты, егерской

роты, четырехъ кавалерійскихъ полковъ (жандармскаго, драгунскаго, гусарскаго и казачьяго) и пѣшей и конной артиллеріи при двѣнадцати орудіяхъ[167]. Всего въ этихъ войскахъ числилось 2,399 человѣкъ (въ томъ числѣ 19 штабъ- и 109 оберъ-офицеровъ)[168]. Сверхъ сего заведена была цесаревичемъ въ гатчинскихъ прудахъ флотилія и сооружена въ Павловскѣ крѣпость Маріенталь.

Первымъ командиромъ и инструкторомъ гатчинскихъ войскъ назначенъ пруссакъ, баронъ Штейнверъ, знакомый съ тайнами экзерцирмейстерскихъ традицій Фридриха Великаго. О Штейнверѣ Павелъ говорилъ: «этотъ будетъ у меня таковъ, каковъ былъ Лефортъ у Петра Перваго»[169]. По словамъ Ростопчина, цесаревичъ во главѣ гатчинскихъ войскъ думалъ изображать собою покойнаго прусскаго короля. Ежегодно весною и осенью производились маневры, руководимые цесаревичемъ, который каждый день присутствовалъ при вахтпарадѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случались. Малѣйшая неисправность, малѣйшее противорѣчіе выводили его изъ себя, и онъ воспалялся гнѣвомъ»[170].

Дополнимъ сообщенныя выше краткія свѣдѣнія о гатчинскихъ войскахъ нижеслѣдующею любопытною о нихъ замѣткою, которая встрѣчается въ запискахъ одного современника[171].

«Тактика прусская и покрой ихъ военной одежды составляли душу сего воинства; служба вся полагалась въ присаленной головѣ, сколь можно больше, коротенькой трости, непомѣрной величины шляпѣ, натянутыхъ сапогахъ выше колѣна и перчаткахъ, закрывающихъ локти. Въѣзжая въ Гатчину, казалось въѣзжать въ прусское владѣніе. При разводахъ его высочество наблюдалъ точно тотъ же порядокъ, какой наблюдался въ Потсдамѣ во времена Фридриха II.—Здѣсь можно было замѣтить повторенія нѣкоторыхъ анекдотовъ сего прусскаго короля съ нѣкоторыми прибавленіями, которыя сему государю никогда бы въ мысль не вошли, напримѣръ: Фридрихъ II-й во время Семилѣтней войны одному изъ своихъ полковъ въ наказаніе оказанной имъ робости велѣлъ отпороть тесьму съ ихъ шляпъ.—Подражатель гатчинскій одному изъ своихъ баталіоновъ за неточное выполненіе его воли велѣлъ сорвать петлицы съ ихъ рукавовъ и провесть въ примѣръ другимъ чрезъ кухню въ ихъ жилища. Запальчивость наслѣдникова оказывалась при всѣхъ ученіяхъ: за ничто офицеровъ сажалъ подъ стражу, лишалъ чиновъ, помѣщая въ рядовые, и потомъ толикая жъ малость приводила ихъ опять въ милость.—Всякій день можно было наслышаться новыхъ анекдотовъ въ Петербургѣ о дворѣ гатчинскомъ; толикія проказы позволялись наслѣднику ради того, чтобы онъ былъ чѣмъ нибудь занятъ и не помышлялъ бы о правленіи государствомъ, по его мнѣнію, по всѣмъ правамъ ему принадлежащемъ».

Императрица должна была слышать пальбу, сопровождавшую маневры, когда они производились близъ Царскаго Села; но она безмолв-

ствовала и не нарушала военныхъ забавъ цесаревича, нисколько не опасаясь какого либо «дѣйства» съ его стороны. Екатерина только жаловалась, что цесаревичъ ни свѣтъ ни заря производитъ экзерцицію и продолжаетъ почти во весь день; «разстучалъ мнѣ голову своею пальбою», прибавила государыня. Затѣмъ, сколько намъ извѣстно, со стороны императрицы послѣдовало только одно посягательство противъ существованія гатчинскихъ войскъ, а именно въ 1794 году—но и эта попытка пріостановить развитіе этой незаконной вооруженной силы не привела къ желаемой цѣли. Все осталось попрежнему, и цесаревичъ спокойно продолжалъ свои воинскія потѣхи, усмотрѣвъ въ вмѣшательствѣ императрицы въ это дѣло лишь новую шикану, замѣтивъ впрочемъ, что это его не удивляетъ: «поелику привыкъ къ шиканамъ»[172]. Въ арміи и въ народѣ гатчинцы возбуждали однѣ насмѣшки и сравненіе съ ненавистными голштинцами Петра III. Между тѣмъ это не была простая игра въ солдаты, какъ многіе ошибочно тогда думали: Павелъ видѣлъ, напротивъ того, въ гатчинскихъ войскахъ средство къ будущему возрожденію россійской арміи, стоявшей въ его глазахъ весьма низко, нуждаясь въ коренномъ преобразованіи въ гатчинскомъ духѣ.

Здѣсь нельзя не сказать также нѣсколько словъ и о личномъ составѣ гатчинскихъ войскъ. Онъ былъ не завидный. Одинъ изъ современниковъ отзывается о гатчинскихъ офицерахъ цесаревича, этихъ будущихъ опричникахъ павловскаго царствованія, слѣдующимъ нелестнымъ образомъ: «Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи: выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди находили убѣжище въ гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а можетъ быть иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда наконецъ счастіе имъ также улыбнулось, они закипѣли местію: разъѣзжая по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили»[173]. Изъ этой среды болѣе всѣхъ пріобрѣлъ впослѣдствіи извѣстность своею лютостію бывшій прусскій гусаръ, Федоръ Ивановичъ Линденеръ. При воцареніи Павелъ Петровичъ произвелъ его въ генералъ-маіоры и назначилъ инспекторомъ кавалеріи. Долго помнили его имя въ кавалерійскихъ полкахъ; онъ сотнями считалъ людей, коихъ удалось ему впослѣдствіи погубить. Ростопчинъ отозвался о Линденерѣ, въ 1794 году, со свойственною ему нерѣдко безпощадною правдивостью: «Пошлая личность, надутая самолюбіемъ (plat personnage, bouffi d'amour propre)», пишетъ Ростопчинъ, «выдви-

Императрица Марія Θеодоровна.

Съ гравюры Клаубера, сдѣланной съ портрета, писаннаго 1801 г. Кюгельхеномъ.

Фототипія А. И. Вильборгъ С.П.Б.

нутая впередъ минутною прихотью великаго князя. Этотъ человѣкъ очень опасенъ, будучи подозрителенъ и недовѣрчивъ, тогда какъ властелинъ легковѣренъ и вспыльчивъ». По мнѣнію Ростопчина, цесаревичъ окруженъ былъ людьми, изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда![174].

Другой выдающійся герой среди этой своеобразной школы раболѣпства и самовластія былъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, сдѣлав-

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Съ портрета, находящагося въ Эрмитажѣ.

шійся, по истинно роковой случайности, еще до воцаренія Павла, близкимъ человѣкомъ гуманнаго воспитанника Лагарпа. Прибывъ, 4-го сентября 1792 года, въ Гатчину въ чинѣ капитана (24-хъ лѣтъ), Аракчеевъ, произведенный въ полковники 25-го іюня 1796 года, занималъ въ то время у цесаревича мѣсто инспектора пѣхоты, начальствовалъ артиллеріею, исправлялъ должность гатчинскаго губернатора и управлялъ учрежденнымъ въ 1794 году военнымъ департаментомъ. Неуто-

мимый и ретивый Аракчеевъ недаромъ выдвинулся такъ быстро, находясь въ Гатчинѣ; онъ производилъ ученія, продолжавшіяся по двѣнадцати часовъ въ день, не сходя при этомъ съ поля. Современникъ тогда письменно выразился о немъ: «Jamais poète pyndarique ne fut plus impérieusement tourmenté de son Apollon, que cet homme n'est obsédé de son démon martial»[175]. Аракчеевъ возмужалъ среди людей отверженныхъ, презираемыхъ, покорныхъ, хотя и завистливыхъ и недовольныхъ, среди этой малой гвардіи, которая должна была впослѣдствіи осрамить, измучить и унизить настоящую старую гвардію.

И вотъ съ этой-то незавидной средой великому князю Александру, по волѣ отца, пришлось съ каждымъ годомъ все болѣе сближаться. Вмѣсто одного раза въ недѣлю, Александръ долженъ былъ съ 1795 года ѣздить по четыре раза въ Павловскъ и заниматься маневрами, ученіями и парадами; въ слѣдующемъ затѣмъ году фронтовыя занятія еще болѣе расширились, окончательно отвлекая великаго князя отъ всякихъ научныхъ занятій. «Нынѣшнее лѣто я могу дѣйствительно сказать, что я служилъ», писалъ Александръ Лагарпу 13-го октября 1796 года[176]; въ 6 часовъ утра онъ ежедневно ѣздилъ въ Павловскъ и оставался тамъ до перваго часу, а часто даже и послѣ обѣда, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ тою разницею, что въ эти дни великій князь возвращался въ Царское Село къ обѣднѣ.

Служба при гатчинскихъ войскахъ причинила Александру еще другое, также непоправимое зло—она вызвала у него глухоту лѣваго уха. «Я въ молодости стоялъ близъ батареи», разсказывалъ однажды въ 1818 году императоръ Александръ, «и отъ сильнаго гула пушекъ лишился слуха въ лѣвомъ ухѣ»[177]. Эти слова государя, тогда же записанныя однимъ изъ присутствовавшихъ лицъ, доказываютъ несправедливость той легенды, по которой виновницей глухоты Александра Павловича является императрица Екатерина, будто бы желавшая пріучить внука съ младенчества къ пушечнымъ выстрѣламъ и вызвавшая этою неосторожностію поврежденіе въ неокрѣпшемъ еще слуховомъ нервѣ будущаго императора[178].

Но всѣми этими невзгодами еще не исчерпывалось все то растлѣвающее вліяніе, которое во всѣхъ отношеніяхъ гатчинская атмосфера оказывала на Александра. Независимо отъ военной выправки и духа капральства, усвоенныхъ здѣсь юнымъ великимъ княземъ, ему приходилось еще слышать при маломъ дворѣ рѣзкое осужденіе правленія Екатерины, признававшагося цесаревичемъ узурпаціею. Въ бесѣдахъ съ сыновьями Павелъ Петровичъ давалъ просторъ своему раздраженію и вмѣстѣ съ тѣмъ неудовольствію по поводу свободомыслія, отличавшаго Александра. При полученіи извѣстія о какихъ либо новыхъ ужасахъ, сопровождавшихъ французскую революцію, цесаревичъ говорилъ: «вы

видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками» (vous voyez, mes enfants, qu'il faut traiter les hommes comme des chiens). Упоминая о Лагарпѣ, съ которымъ онъ три года сряду не разговаривалъ, отворачиваясь отъ него при встрѣчахъ, онъ спрашивалъ:

Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

Съ портрета Боровиковскаго.

«avez-vous toujours ce jacobin auprès de vous»?[179]. Но Павелъ не довольствовался подобнымъ неумѣстнымъ вопросомъ; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старался вообще искоренить въ умѣ своихъ сыновей внушенія, сдѣланныя имъ Лагарпомъ. Все это, конечно, весьма мало согласовалось или, лучше

сказать, совершенно расходилось съ наставленіями Екатерины и невольно водворяло смуту въ неустановившемся еще міросозерцаніи Александра. Въ это самое время императрица разсуждала съ внукомъ о правахъ человѣка и читала съ нимъ французскую конституцію, разъясняя ему всѣ статьи ея, равно какъ и причины французской революціи[180]. Лагарпу же Екатерина говорила: «будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно. Я вижу, что вы честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно. Оставайтесь при моихъ внукахъ, пользуясь полнымъ моимъ довѣріемъ, и продолжайте заботиться о нихъ съ свойственнымъ вамъ усердіемъ»[181].

Уже съ 1780 года замѣтно было, что отношенія Екатерины къ цесаревичу Павлу Петровичу сдѣлались крайне натянутыми. Послѣ одной бесѣды съ сыномъ императрица замѣтила: «вижу, въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти! Изъ насъ сдѣлаютъ провинцію, зависящую отъ воли Пруссіи. Мнѣ больно было бы, если бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елисаветы, послужила знакомъ измѣненія всей системы русской политики»[182].

Екатерина вовсе не была жестокою, безсердечною матерью, какою многіе писатели склонны намъ изобразить ее, но она отлично знала своего сына, предвидѣла пагубное его царствованіе и не могла думать безъ страха о томъ, что имперія, выдвинутая ею столь быстро на путь благоденствія, славы и образованности, останется послѣ нея безъ всякихъ гарантій прочнаго существованія. Намѣреваясь избавить отечество отъ подобнаго несчастія, Екатерина желала передать престолъ великому князю Александру Павловичу, причемъ устраненіе цесаревича отъ наслѣдованія являлось въ ея глазахъ государственною необходимостью. Между тѣмъ достаточно извѣстно, что Екатерина привыкла издавна ставить выше всего интересы государственные и приносить имъ въ жертву всѣ другія соображенія и чувствованія; поэтому затрудненія, съ которыми сопряженъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, столь смѣлый правительственный шагъ, не могли остановить творца переворота 1762 года.—«На этомъ свѣтѣ», писала однажды Екатерина, препятствія созданы для того, чтобы достойные люди ихъ уничтожали и тѣмъ умножали свою репутацію; вотъ назначеніе препятствій»[183]. Къ тому же обстоятельства благопріятствовали новому перевороту, задуманному Екатериною. Въ то время не существовало закона, который въ точности устанавливалъ бы порядокъ престолонаслѣдія. Законъ Петра Великаго 1722 года сохранялъ еще полную силу, а по этому закону правительствующіе государи россійскаго престола имѣли право назначать своимъ преемникомъ кого имъ будетъ угодно, по собственному благоусмотрѣнію, не стѣсняясь стариннымъ правомъ первородства, а въ случаѣ, если назначенный уже наслѣдникомъ окажется неспособнымъ, отрѣшить могли его отъ престола.

Дневникъ Храповицкаго можетъ служить доказательствомъ, что въ 1787 году, послѣ возвращенія Екатерины изъ путешествія на югъ Россіи, вопросъ касательно необходимости измѣненія престолонаслѣдія уже окончательно созрѣлъ въ умѣ императрицы; она приступила къ историческому изученію его и читала «Правду воли монаршей». 20-го августа, Екатерина, по этому поводу, входила съ секретаремъ своимъ въ разсужденіе о томъ, что причиною несчастій царевича Алексѣя Петровича было ложное мнѣніе, будто старшему сыну принадлежитъ престолъ. Затѣмъ, 25-го августа, Храповицкій пишетъ: «Спрошены указы о наслѣдникахъ къ престолу, назначенныхъ со временъ Екатерины I, и въ изъясненіи оказанъ родъ неудовольствія»[184].

Къ какимъ заключеніямъ привело Екатерину историческое изученіе мѣропріятій Петра Великаго, можно видѣть изъ собственноручной замѣтки императрицы слѣдующаго содержанія:

«Признаться должно, что несчастливъ тотъ родитель, который себя видитъ принужденнымъ для спасенія общаго дѣла отрѣшить своего отродія. Тутъ уже совокупляется или совокуплена есть власть самодержавная и родительская. И такъ, я почитаю, что премудрый государь Петръ I, несомнѣнно, величайшія имѣлъ причины отрѣшить своего неблагодарнаго, непослушнаго и неспособнаго сына. Сей наполненъ былъ противъ него ненавистью, злобою, ехидною завистью; изыскивалъ въ отцовскихъ дѣлахъ и поступкахъ въ корзинѣ добра пылинку худаго, слушалъ ласкателей, отдалялъ отъ ушей своихъ истину, и ничѣмъ на него не можно было такъ угодить, какъ понося и говоря худо о преславномъ его родителѣ. Онъ же самъ былъ лѣнтяй, малодушенъ, двоякъ, нетвердъ, суровъ, робокъ, пьянъ, горячъ, упрямъ, ханжа, невѣжда, весьма посредственнаго ума и слабаго здоровья».

Независимо отъ этой замѣтки, мысль Екатерины еще яснѣе выразилась въ другихъ собственноручныхъ набросках, касающихся греческаго проекта. Екатерина пишетъ:

«Буде успѣхи войны подали бы способы и случай Россіи къ совершенному выгнанію врага имени Христова изъ предѣловъ европейскихъ, то Россія, за таковую всему христіанству и роду человѣческому заслугу, выговариваетъ себѣ возстановленіе, на развалинахъ варварской державы, древней Греческой имперіи. Россія обѣщаетъ оную имперію въ совершенной независимости оставить, вручить и отдать младшему россійскому великому князю Константину Павловичу, который тогда имѣетъ дать обѣщаніе — да не учинитъ ни въ какомъ случаѣ наслѣдственное или иное притязаніе на всероссійское наслѣдіе, равномѣрно и братъ его на греческое»[185].

Всѣ эти записки явно свидѣтельствуютъ, что въ эпоху второй Турецкой войны императрица Екатерина уже окончательно остановилась

на мысли, что польза государства требуетъ устраненія отъ престолонаслѣдія цесаревича Павла Петровича и замѣну его великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

Между тѣмъ цесаревичъ, съ своей стороны, дѣлалъ все, что только возможно для оправданія въ глазахъ Россіи намѣреній Екатерины по отношенію къ престолонаслѣдію. Современникъ и близкій ему человѣкъ Ѳ. В. Ростопчинъ пишетъ: «невозможно безъ содроганія и жалости

Король шведскій Густавъ IV.

Съ гравюры конца прошлаго столѣтія.

видѣть все, что дѣлаетъ великій князь-отецъ; онъ какъ будто бы изыскиваетъ всѣ средства внушить къ себѣ ненависть и отвращеніе. Онъ задался мыслью, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ; исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора.—Каждый день только и слышно, что о насильствахъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ постыдился бы всякій частный человѣкъ.— Великій князь вездѣ видитъ вѣтви революціи. Онъ всюду видитъ якобинцевъ»[186].

Переписка Екатерины доказываетъ, что уже съ 1791 года планъ объ устраненіи отъ престола цесаревича Павла не составлялъ тайны для близкихъ ей людей. 1-го сентября 1791 года, императрица, въ письмѣ къ Гримму, выразилась на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленно; высказывая свои предположенія относительно послѣдствій французской революціи, она пишетъ: «но это будетъ не въ мое время и, надѣюсь, не во время господина Александра»[187]. Наконецъ, 14-го августа 1792 года, Екатерина сообщаетъ Гримму такія разсужденія, которыя позволяютъ смотрѣть на назначеніе Александра наслѣдникомъ, какъ на дѣло рѣшенное. «Послушайте, къ чему торопиться съ коронаціей?» пишетъ Екатерина... Всему есть время, по словамъ Соломона. Сперва мы женимъ Александра, а тамъ современемъ и коронуемъ его со всевозможными церемоніями, торжествами и народными празднествами. Все будетъ блестяще, величественно и великолѣпно. О, какъ онъ самъ будетъ счастливъ, и какъ съ нимъ будутъ счастливы другіе!»[188].

Для характеристики отношеній, установившихся въ это время между императрицею Екатериною и цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, достаточно привести неизданное доселѣ собственноручное письмо Екатерины графу В. П. Мусину-Пушкину[189] отъ 14-го сентября 1792 года.

«Графъ Валентинъ Платоновичъ. При семъ прилагаю копію съ письма Кушелева[190] къ здѣшнему губернатору, въ которомъ онъ говоритъ, что цесаревичъ указать изволилъ отдать болѣе (NB) половины Александровской площади[191], какъ по присланному отъ него же къ губернатору плану явствуетъ, какимъ-то купцамъ. Приказаніе само по себѣ сумасбродное и приказаніе само по себѣ послѣдней дерзости. Позовите Кушелева къ себѣ и скажите ему моимъ именемъ, что, есть ли еще разъ онъ дерзнетъ подобное писаніе куда ни есть послать, то я его сошлю, гдѣ воронъ костей его не сыщетъ; а великому князю скажите, чтобъ онъ впередъ мимо васъ никакихъ приказаній по прошеніямъ ничьимъ не посылалъ.

«Екатерина.

«14 сент. 1793 г.

«Освѣдомитесь напередъ, заподлинно ли то писано по приказанію великаго князя»[192].

Въ 1794 году, императрица обратилась къ рѣшительному средству для осуществленія задуманнаго переворота и объявила Совѣту[193] намѣреніе «устранить сына своего Павла отъ престола, ссылаясь на его нравъ и неспособность. Весь Совѣтъ готовъ былъ покориться сему намѣренію; остановилъ его графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, сказавъ, что нравъ и инстинкты наслѣдника, когда онъ сдѣлается императоромъ, могутъ перемѣниться: и замѣчаніе сіе остановило намѣ-

реніе Екатерины объявить наслѣдникомъ внука своего Александра»[191]. На этомъ пока остановилось дѣло.

Но противодѣйствіе, встрѣченное Екатериною въ Совѣтѣ, конечно, не остановило ея въ преслѣдованіи намѣченной цѣли. Препятствія, какъ уже выше замѣчено, по ея мнѣнію, созданы для того, чтобы достойные люди ихъ уничтожали; руководствуясь подобнымъ воззрѣніемъ, императрица осталась себѣ вѣрна и въ этомъ, столь близкомъ ея сердцу дѣлѣ, продолжая изыскивать новые пути для проведенія своихъ намѣреній.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Екатерина справилась бы съ сопротивленіемъ государственныхъ сановниковъ въ затронутомъ вопросѣ; сильные и многочисленные приверженцы императрицы не замедлили бы поддержать ее въ борьбѣ съ сыномъ, разъ настала бы рѣшительная минута. Но этимъ не исчерпывалось уничтоженіе предстоявшихъ препятствій. Нужно было еще заручиться согласіемъ великаго князя Александра на совершеніе предположеннаго государственнаго переворота, не возмущая его сыновнихъ чувствъ; полученіе же этого столь необходимаго согласія или одобренія составляло едва ли не самую трудную часть задачи, взятой на себя Екатериною. Зная любовь и довѣріе, съ которыми Александръ относился къ Лагарпу, императрица рѣшилась испробовать, возможно ли заручиться содѣйствіемъ послѣдняго въ столь щекотливомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что Лагарпъ былъ единственный человѣкъ, который могъ бы взять на себя подобное порученіе и разрѣшить его съ полнымъ успѣхомъ—при томъ, конечно, условіи, если бы онъ сочувствовалъ намѣреніямъ императрицы.

Три недѣли спустя послѣ бракосочетанія великаго князя Александра, 18-го октября 1793 года, Екатерина призвала къ себѣ Лагарпа, чтобы сообщить ему свои намѣренія и съ его помощію приготовить внука къ мысли о будущемъ его возвышеніи. Но честный, неподкупный республиканецъ не былъ расположенъ разыграть роль, предназначенную ему, какъ онъ пишетъ, въ дѣлѣ избавленія Россіи отъ будущаго Тиверія; мало того, онъ былъ даже возмущенъ до глубины души предстоявшею насильственною мѣрою. Обратимся къ собственному разсказу Лагарпа объ этомъ замѣчательномъ эпизодѣ его жизни.

«Съ конца 1793 года шла рѣчь о лишеніи престолонаслѣдія великаго князя Павла Петровича, возбудившаго всеобщую ненависть, и о возведеніи на престолъ, по кончинѣ государыни, старшаго внука ея Александра. Злые совѣтники овладѣли умомъ Павла и наполнили душу его подозрѣніями. Онъ имѣлъ несчастіе довѣриться французскимъ эмигрантамъ, которые представляли врагами его всѣхъ тѣхъ, чей здравый смыслъ цѣнилъ по достоинству ихъ сумасбродныя притязанія. Во главѣ злонамѣренной лиги находились: бывшій французскій посланникъ въ Константинополѣ, Шуазель-Гуфье, графъ Эстергази и принцъ Нассау

Monsieur le general du g…
a la reception de ces ordres j…
de remettre les travaux qui v…
au plus ancien, et au plu…
vos subordonnés, et d'aller p…
de toutes les forteresses entret…
eu depuis Cherson, suivant …
Caminieo podolsk, d'où vous …
de la frontière, jusqu'à riga e…
vous vous rendrez à Saint…
de chaque forteresse vous me re…

Зигенъ [195]. Совѣтники Екатерины полагали, что мнѣ пріятно будетъ видѣть устраненіе человѣка, котораго сами же они называли заклятымъ врагомъ либеральныхъ идей и отъ котораго я лично не могъ ожидать

Великая княжна Александра Павловна.

Съ портрета Боровиковскаго.

ничего хорошаго. Такъ какъ меня считали въ то время ярымъ республиканцемъ, проникнутымъ самыми опасными началами, то составители заговора надѣялись, взявшись ловко за дѣло, вовлечь меня въ предпріятіе, имѣющее цѣлью избавить Россію отъ новаго Тиверія.—Цѣль,

ломалъ себѣ голову, какимъ бы образомъ предостеречь Павла, постоянно окруженнаго шпіонами и злонамѣренными друзьями. Одно неосторожное слово, вырвавшееся у него, могло бы повлечь за собою самыя гибельныя послѣдствія».

Когда Екатерина убѣдилась, что Лагарпъ не только не намѣренъ содѣйствовать, но даже обнаруживаетъ склонность противодѣйствовать своимъ нравственнымъ вліяніемъ на внука ея намѣренію назначить Александра наслѣдникомъ и отстранить отъ престола Павла — она не задумалась прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ, уволивъ Лагарпа отъ занятій съ внукомъ и отпустивъ его заграницу. Эта была истинная причина его внезапнаго и преждевременнаго удаленія изъ Россіи, а вовсе не свойственный ему либеральный образъ мыслей, на который нерѣдко указываютъ историки.

Великій князь Александръ хотя и не очень прилежно, но тѣмъ не менѣе продолжалъ и послѣ брака предначертанныя императрицею занятія съ любимымъ наставникомъ. 23-го октября 1794 года, во время одной изъ лекцій, графъ Салтыковъ внезапно вызвалъ къ себѣ Лагарпа и объявилъ ему волю государыни, что такъ какъ Александръ Павловичъ вступилъ въ бракъ, а Константинъ Павловичъ опредѣленъ въ военную службу, то занятія съ великими князьями должны прекратиться съ концомъ текущаго года[198]. Александръ, по возвращеніи Лагарпа, тотчасъ догадался въ чемъ дѣло и обратился къ своему наставнику или, лучше сказать, другу, желавшему скрыть испытанное огорченіе, съ словами: «не думайте, чтобъ я не замѣчалъ, что уже давно замышляютъ противъ васъ что-то недоброе; насъ хотятъ разлучить, потому что знаютъ всю мою привязанность, все мое довѣріе къ вамъ». Говоря это, онъ бросился обнимать Лагарпа, обливаясь слезами. «Я вырвался, лишь давъ ему почувствовать, что онъ могъ навлечь бѣду на меня, если бы кто нибудь насъ въ это время увидалъ», пишетъ Лагарпъ[199].

31-го января 1795 года послѣдовалъ на имя графа Салтыкова рескриптъ слѣдующаго содержанія: «Графъ Николай Ивановичъ, находившагося при любезныхъ внукахъ нашихъ великихъ князьяхъ подполковника Фридриха Лагарпа, въ изъявленіе нашего благоволенія къ трудамъ имъ понесеннымъ при воспитаніи ихъ высочествъ съ успѣхомъ, пожаловавъ въ полковники, увольняемъ изъ службы нашей и повелѣваемъ отпустить въ отечество, производя ему сверхъ пенсіи, указомъ нашимъ отъ 10-го мая 1793 года опредѣленной[200], полное по чину жалованье изъ того мѣста, откуда онъ и прежде получалъ, на проѣздъ же выдать тысячу червонныхъ, истребовавъ оные изъ нашего кабинета. Пребываемъ вамъ благосклонны». «Екатерина»[201].

Но Лагарпъ не рѣшился покинуть Россію, не добившись свиданія съ цесаревичемъ; для достиженія этой цѣли ему пришлось преодолѣть

не мало затрудненій, такъ какъ Павелъ Петровичъ былъ сильно вооруженъ противъ Лагарпа, около трехъ лѣтъ не говорилъ съ нимъ ни слова и даже отворачивался отъ него при встрѣчѣ. Большого труда стоило Лагарпу отсрочить свой отъѣздъ на нѣсколько мѣсяцевъ, главнымъ образомъ подъ предлогомъ семейныхъ обстоятельствъ. Наконецъ

Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ.
Съ гравированнаго портрета Пожалостина.

ему удалось достигнуть желаемаго. Получивъ дозволеніе явиться къ цесаревичу, жившему тогда въ Гатчинѣ, Лагарпъ отправился въ ту же ночь въ путь и рано утромъ былъ уже въ дворцовой пріемной. Это было 27-го апрѣля 1795 года[202]. Великому князю чрезвычайно понравилась эта быстрота; онъ принялъ Лагарпа весьма привѣтливо и

имѣлъ съ нимъ въ кабинетѣ разговоръ, продолжавшійся два часа. Не открывая цесаревичу своихъ предположеній, онъ успѣлъ убѣдить его въ необходимости измѣнить обращеніе съ дѣтьми и постарался разсѣять сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему сыновей. Лагарпъ торжественно заклиналъ Павла имѣть къ молодымъ великимъ князьямъ полное довѣріе, сдѣлаться другомъ ихъ и всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не черезъ третье лицо. Цесаревичъ обнялъ Лагарпа и съ сердечнымъ изліяніемъ благодарилъ за добрые совѣты, которымъ обѣщалъ слѣдовать. Въ этотъ день назначенъ былъ въ Гатчинѣ балъ, и Павелъ Петровичъ пригласилъ его на этотъ вечеръ; великая княгиня Марія Ѳеодоровна, изъявивъ желаніе пройти съ нимъ полонезъ, поставила гостя въ неловкое положеніе, потому что съ нимъ не было перчатокъ. Великій князь вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, предложивъ ему свои. Лагарпъ хранилъ ихъ до своей смерти, какъ воспоминаніе о памятномъ для него днѣ, въ который примирился съ нимъ его давній недоброжелатель[203].

Лагарпъ продолжалъ свои занятія съ великимъ княземъ Александромъ до самаго отъѣзда, причемъ историческія лекціи его слушала также великая княгиня Елисавета Алексѣевна. Когда вопросъ объ увольненіи Лагарпа съ производствомъ и съ пенсіею былъ окончательно рѣшенъ, Александръ писалъ своему любимому наставнику, что онъ пойметъ, какое онъ испытываетъ огорченіе, зная о предстоящей скорой разлукѣ и «особенно оставаясь одинъ при этомъ дворѣ, который я ненавижу, и предназначенный къ положенію, одна мысль о коемъ меня заставляетъ содрогаться (surtout restant seul dans cette Cour que j'abhore, destiné à une condition dont la seule idée me fait frémir).—Единственно остающаяся мнѣ надежда—думать, что черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ вы мнѣ сами сказали, я васъ увижу опять.—Прощайте, дорогой другъ, будьте увѣрены, что до послѣдней минуты жизни пребуду весь вашъ и что никогда не забуду того, чѣмъ вамъ обязанъ, и всего, что вы для меня сдѣлали».

Въ день отъѣзда Лагарпа, 9-го мая 1795 года, Александръ прислалъ ему свой портретъ и портретъ великой княгини, украшенные алмазами, присовокупивъ къ нимъ слѣдующія трогательныя строки: «Прощайте, любезный другъ. Чего мнѣ стоитъ сказать вамъ это слово. Помните, что вы оставляете здѣсь человѣка, который вамъ преданъ, который не въ состояніи выразить вамъ свою привязанность, который обязанъ вамъ всѣмъ, кромѣ жизни (qui vous doit tout hormis le jour). Примите отъ жены, отъ брата и отъ меня знаки нашей общей признательности. Будьте счастливы, любезный другъ, это желаніе человѣка любящаго васъ, уважающаго и почитающаго выше всего. Я едва вижу что пишу. Прощайте въ послѣдній разъ, лучшій мой другъ, не забы-

вайте меня. — Жена поручаетъ повторить вамъ, что она во вѣкъ не забудетъ всѣхъ вашихъ о ней попеченій. — Братъ не могъ приложить своего портрета, потому что не имѣетъ его, но пришлетъ его вамъ»[204].

Не довольствуясь этимъ письмомъ, великій князь въ самое утро отъѣзда Лагарпа явился инкогнито изъ Таврическаго дворца, чтобы съ нимъ проститься. «Мнѣ понадобилась вся моя твердость духа», пишетъ Лагарпъ, «чтобы вырваться изъ его объятій, покуда онъ обливалъ меня слезами»[205].

Великій князь Александръ изъявилъ Лагарпу желаніе, чтобы передъ разлукой его наставникъ оставилъ ему письменное наставленіе. Лагарпъ исполнилъ это желаніе 6-го апрѣля 1795 года, и воспитанникъ его обѣщалъ исполнять наставленіе въ точности[206].

Лѣтомъ 1795 года Лагарпъ былъ уже въ Швейцаріи и поселился въ окрестностяхъ Женевы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Разсмотримъ теперь, къ какимъ политическимъ взглядамъ и убѣжденіямъ привели великаго князя Александра воспитаніе и ненормальная семейная обстановка; въ нихъ кроется отвѣтъ на вопросъ: могла ли императрица Екатерина разсчитывать, если не на содѣйствіе, то, по крайней мѣрѣ, на согласіе внука принять, помимо отца, то бремя, которое она ему готовила. Для этой цѣли обратимся къ нѣсколькимъ историческимъ свидѣтельствамъ несомнѣнной достовѣрности, ясность и опредѣленность которыхъ не оставляетъ желать ничего лучшаго; всѣ они относятся къ 1796 году.

Первое изъ нихъ—письмо великаго князя Александра къ Лагарпу, отъ 21-го февраля 1796 года, слѣдующаго содержанія:

«Любезный другъ! Пишу вамъ черезъ особу, которая сама передастъ письмо мое къ вамъ. И такъ я могу писать къ вамъ свободно. Дорогой другъ! Какъ часто я вспоминаю о васъ и обо всемъ,

что вы мнѣ говорили, когда мы были вмѣстѣ! Но это не могло измѣнить принятаго мною намѣренія отказаться впослѣдствіи отъ носимаго мною званія (de me défaire de ma charge). Оно съ каждымъ днемъ становится для меня все болѣе невыносимымъ по всему, что дѣлается вокругъ меня. Непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка; это ужасно (tout le monde pille, on ne rencontre presque pas d'honnête homme; c'est affreux). Что до меня касается, я преобразился, встаю рано и работаю цѣлое утро по извѣстному вамъ плану. Это начинало идти очень хорошо, я становился очень усидчивъ къ труду, но явилась помѣха. Захотѣли, чтобы я дѣлалъ утреннія прогулки отъ 10 до 11 часовъ. Вотъ уже и перерывъ, впрочемъ, я дѣлаю что возможно; въ настоящую минуту еще новая помѣха—празднества по случаю бракосочетанія второго сына наслѣдника престола; но это скоро кончится, а тутъ и постъ приближается. Уѣдутъ на дачу, и я примусь за чтеніе и работу болѣе чѣмъ когда либо. Я весьма доволенъ режимомъ, котораго придерживаюсь, здоровъ какъ нельзя болѣе и большею частію времени веселъ, не смотря на мои огорченія. Я очень счастливъ съ женой и съ невѣсткой[207]. Но что касается до мужа сей послѣдней, онъ меня часто огорчаетъ; онъ горячъ болѣе чѣмъ когда либо, очень своеволенъ, и часто его прихоти не согласуются съ разумомъ. Военное ремесло вскружило ему голову, и онъ иногда жестоко обращается съ солдатами своей роты; онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи роту, и вы видѣли ея начало[208]. Я же, хотя и военный, жажду лишь мира и спокойствія и охотно уступлю свое званіе за ферму подлѣ вашей или, по крайней мѣрѣ, въ окрестностяхъ. Жена раздѣляетъ мои чувства, и я въ восхищеніи, что она держится моихъ правилъ»[209].

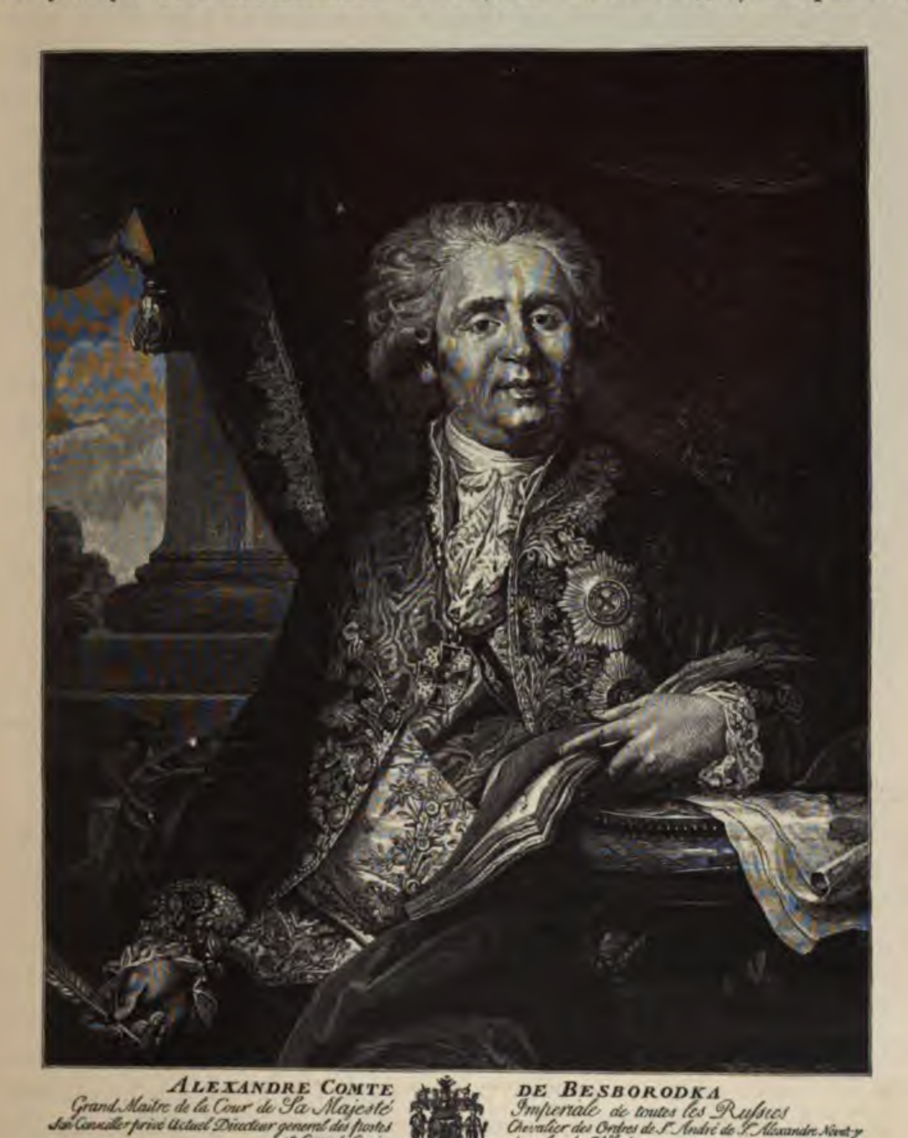
Обратимся теперь къ другому письму великаго князя Александра, написанному 10-го мая 1796 года къ Виктору Павловичу Кочубею, занимавшему тогда мѣсто чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра въ Константинополѣ. Къ Кочубею великій князь питалъ, какъ онъ выражался, «безпредѣльную дружбу» (amitié sans bornes). Въ этомъ произведеніи пера Александра, въ которомъ онъ «поговорилъ откровенно о многомъ», обрисовываются въ самыхъ яркихъ краскахъ міровоззрѣніе и душевное настроеніе внука Екатерины въ послѣдній годъ ея царствованія. Оно дополняетъ собою вышеприведенное письмо Александра къ Лагарпу, отъ 21-го февраля, и съ большею подробностію входитъ въ обсужденіе тѣхъ же основныхъ мыслей.

«Да, милый другъ», пишетъ Александръ, «повторю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ

себя ими, не затрудняясь препятствіями, и строилъ безконечные планы для будущаго. По свидѣтельству Чарторижскаго, мнѣнія его соотвѣтствовали взглядамъ воспитанника 89-го года, который желалъ бы всюду видѣть республику и признаетъ эту форму правленія единственною сообразною съ желаніями и правами человѣчества. Хотя собесѣдникъ Александра и самъ принадлежалъ въ это время къ числу восторженныхъ людей, хотя онъ родился и былъ воспитанъ въ республикѣ, съ увлеченіемъ усвоившей себѣ всѣ начала французской революціи, но тѣмъ не менѣе онъ держалъ сторону благоразумія и умѣрялъ крайнія мнѣнія великаго князя. Между прочимъ Александръ утверждалъ, что наслѣдственность престола—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи, которая съумѣетъ избрать способнѣйшаго къ управленію государствомъ. Чарторижскій упорно оспаривалъ эту политическую ересь, указывалъ на трудности и случайности избранія, припоминалъ все, что Польша претерпѣла отъ подобнаго порядка вещей, и какъ мало Россія способна и приготовлена къ нему; наконецъ князь Адамъ присовокупилъ, что на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, Россія отъ этого ничего не выиграла бы, ибо она лишилась бы того, кто всѣхъ достойнѣе верховной власти, чьи намѣренія самыя благодѣтельныя и самыя чистыя[214].

Иной разъ во время прогулокъ обоихъ друзей разговоръ отъ политики переходилъ къ природѣ, красотами которой юный великій князь охотно восторгался. Сельскія занятія, сельскіе труды, жизнь простая и тихая на хорошенькой фермѣ, въ странѣ отдаленной и живописной, вотъ идиллія, которую онъ хотѣлъ осуществить и къ мечтамъ о которой онъ постоянно со вздохомъ возвращался. Всѣ эти бесѣды наводили князя Адама на размышленія, что такія мечты или, какъ онъ ихъ называетъ, «divagations politiques» не были приличны для великаго князя, что при столь высокомъ призваніи и для того, чтобы произвести въ общественномъ строѣ великія и счастливыя перемѣны, необходимо обладать большей силой, большей вѣрой въ себя, чѣмъ имѣлъ ихъ великій князь; что при занимаемомъ имъ положеніи онъ заслуживалъ порицанія за то, что желалъ сбросить съ себя громадное бремя, ему предназначенное, и вздыхалъ о досугахъ спокойной жизни; что сознавать трудности своего положенія и страшиться ихъ недостаточно, и что слѣдуетъ, напротивъ того, проникнуться пламеннымъ желаніемъ преодолѣть ихъ. Однако, всѣ эти размышленія, которыя приходили Чарторижскому на умъ, нисколько не уменьшали чувства восторга и преданности, съ которыми онъ относился къ своему царственному другу. «Его искренность», замѣчаетъ князь Адамъ въ своихъ запискахъ, «его прямота, увлеченіе, съ которымъ онъ предавался прекраснымъ мечтамъ, имѣли неотразимую прелесть. При томъ онъ былъ еще такъ молодъ,

при видѣ низостей, совершаемыхъ на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не

Князь Александръ Андреевичъ Безбородко.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Лампи.

желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ, напримѣръ, князь Зубовъ, Пассекъ, князь Барятинскій, оба Салтыкова, Мятлевъ и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже и называть, и которые, будучи надменны съ низшими,

пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ способомъ.

«Вотъ, дорогой другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, что это нѣчто такое, за что я могъ бы дорого поплатиться... Я обсудилъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился, и что я не замедлилъ придти къ рѣшенію, на которомъ остановился.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправлять укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого непригляднаго поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая свое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

«Вы будете смѣяться надо мною и скажете, что это намѣреніе не сбыточное, — это въ вашей власти, но подождите исполненія и уже тогда произнесите приговоръ. Знаю, что вы будете порицать меня, но не могу поступить иначе, потому что спокойную совѣсть ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ. Вотъ, любезный другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда это высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что, гдѣ бы я ни былъ, счастливымъ или несчастнымъ, богатымъ или бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ всегда будетъ однимъ изъ величайшихъ утѣшеній для меня; моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію. Прощайте, мой дорогой и истинный другъ; въ ожиданіи же того, увидѣть васъ было бы для меня самымъ счастливымъ событіемъ. Жена моя вамъ кланяется; ея мысли совершенно согласны съ моими»[210].

Теперь остается еще упомянуть объ откровенныхъ бесѣдахъ 19-тилѣтняго Александра съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ весною 1796 года въ саду Таврическаго дворца и въ Царскомъ Селѣ.

Митрополитъ Новгородскій Гавріилъ.

Съ гравированнаго портрета Клаубера.

Екатерина дозволила въ 1795 году князьямъ Адаму и Константину Чарторижскимъ пріѣхать въ Петербургъ. Они были приняты при дворѣ, и молодые великіе князья познакомились съ ними[211]; съ тѣхъ поръ началось постепенное сближеніе между княземъ Адамомъ Чарторижскимъ

и великимъ княземъ Александромъ. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія Ѳ. В. Ростопчина, который высказываетъ въ своей переписке опасеніе, чтобы общество князя Чарторижскаго не повредило молодому великому князю[212].

Весною 1796 года, Александръ Павловичъ пригласилъ князя Адама посѣтить его въ Таврическомъ дворцѣ, и здѣсь, во время прогулки по саду, произошла достопамятная ихъ бесѣда, продолжавшаяся безъ перерыва въ продолженіе трехъ часовъ.

«Великій князь сказалъ мнѣ», пишетъ Чарторижскій въ своихъ запискахъ[213], «что наше поведеніе, моего брата и мое, наша покорность судьбѣ, которая должна была быть тягостной для насъ, спокойствіе и равнодушіе, съ коимъ мы все приняли, не придавая ничему цѣны и не отвергая милостей, для насъ стѣснительныхъ, внушили ему къ намъ уваженіе и довѣріе; что онъ сочувствуетъ нашимъ побужденіямъ, что онъ угадываетъ ихъ и одобряетъ, что онъ ощутилъ потребность ознакомить насъ съ истиннымъ своимъ образомъ мыслей, что онъ не можетъ помириться съ мыслію, чтобы мы имѣли о немъ понятіе, не согласное съ дѣйствительностію. Онъ сказалъ мнѣ затѣмъ, что онъ нисколько не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ Кабинета и Двора, что онъ далеко не одобряетъ политики и образа дѣйствій своей бабки; что онъ порицаетъ ея основныя начала (qu'il était loin d'approuver la politique et la conduite de sa grand'mère; qu'il condamnait ses principes); что всѣ его желанія были на сторонѣ Польши и имѣли предметомъ успѣхъ ея славной борьбы; что онъ оплакивалъ ея паденіе; что Костюшко въ его глазахъ былъ человѣкомъ великимъ по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло человѣчества и справедливости.—Онъ сознался мнѣ, что ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди; что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціею; что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ. Онъ съ благоговѣніемъ говорилъ мнѣ о своемъ наставникѣ г. Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, истинной мудрости, строгихъ правилъ, сильнаго характера. Ему онъ былъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что онъ знаетъ; въ особенности онъ обязанъ ему тѣми началами правды и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастіе носить въ своемъ сердцѣ, куда внѣдрилъ ихъ г. Лагарпъ.

«Прохаживаясь вдоль и поперекъ по саду, мы нѣсколько разъ встрѣчали великую княгиню, прогуливавшуюся отдѣльно. Великій князь сказалъ мнѣ, что его супруга — повѣренная всѣхъ его мыслей, что она одна знаетъ и раздѣляетъ его чувства, но что, за исключеніемъ ея, я первое и единственное лицо, съ которымъ, послѣ отъѣзда его наставника, онъ рѣшился говорить о нихъ; что онъ не можетъ по-

вѣрить ихъ рѣшительно никому, ибо никто въ Россіи еще не способенъ раздѣлять ихъ или даже понять; что поэтому я долженъ чувствовать, какъ для него будетъ отрадно отнынѣ имѣть человѣка, съ которымъ онъ можетъ говорить откровенно и съ полнымъ довѣріемъ.

«Этотъ разговоръ былъ пересыпанъ, какъ легко себѣ представить, изліяніями дружбы съ его стороны, съ моей — выраженіями удивленія и благодарности и увѣреніями въ преданности. Онъ отпустилъ меня, сказавъ, что постарается видаться со мною какъ можно чаще; впрочемъ, предписавъ мнѣ крайнюю осторожность и безусловную тайну, позволилъ мнѣ сообщить содержаніе нашего разговора брату».

«Я разстался съ нимъ, сознаюсь въ томъ, внѣ себя, глубоко взволнованный, не зная, сонъ ли это или дѣйствительность. Какъ! Русскій великій князь, наслѣдникъ Екатерины, ея любимый внукъ и воспитанникъ, тотъ, кого она, устранивъ сына, желала бы возвести послѣ себя на престолъ, тотъ, о которомъ говорили, что въ немъ возродится Екатерина — этотъ великій князь ненавидитъ основныя начала своей бабки и отрекается отъ нихъ и отъ ненавистной политики Россіи! Онъ страстно любитъ справедливость и свободу, онъ жалѣетъ Польшу и хотѣлъ бы видѣть ее счастливою! — Не чудомъ ли въ этой атмосферѣ, въ этой обстановкѣ, могли развиться столь благородные помыслы, столь высокія добродѣтели? — Я былъ молодъ, исполненъ восторженныхъ мыслей и чувствъ; необычайныя вещи недолго удивляли меня; я охотно вѣрилъ всему, что казалось мнѣ величіемъ и добродѣтелью.—Я легко поддался понятному очарованію. Въ словахъ и въ поведеніи этого царственнаго юноши было столько чистосердечія, чистоты, столько рѣшительности, повидимому, несокрушимой, столько самозабвенія и возвышенности душевной въ словахъ и въ обращеніи, что онъ показался мнѣ существомъ избраннымъ свыше, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей родины. Я возымѣлъ къ нему безграничную привязанность, и чувство, внушенное имъ мнѣ въ эту первую минуту, пережило даже постепенное разрушеніе возбужденныхъ имъ надеждъ; позже оно устояло противъ всѣхъ ударовъ, нанесенныхъ ему самимъ же Александромъ, и никогда не погасло, не смотря на множество причинъ и на всѣ печальныя разочарованія, которыя могли бы разрушить его. Я сообщилъ моему брату о бывшемъ между нами разговорѣ, и, изливши другъ передъ другомъ нашъ восторгъ и наше удивленіе, мы вмѣстѣ предались мечтамъ о свѣтломъ будущемъ, которое, казалось, раскрывалось передъ нами».

Съ переѣздомъ Двора въ Царское Село свиданія князя Адама съ Александромъ происходили чаще, и политическія бесѣды продолжались съ еще большею свободою во время прогулокъ. «Политическія мнѣнія, которыя нынѣ показались бы избитыми, общими мѣстами, были тогда

животрепещущими новостями», пишетъ Чарторижскій, «и тайна, которую приходилось соблюдать, мысль, что это происходитъ передъ глазами Двора, погрязшаго въ предразсудкахъ абсолютизма, на зло всѣмъ этимъ министрамъ, столь убѣжденнымъ въ своей непогрѣшимости, придавала еще болѣе занимательности и соли этимъ сношеніямъ, которыя становились все болѣе частыми и близкими.—Это было своего рода фран-

Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ.
Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.

масонство, коему не оставалась чуждою и великая княгиня. — Императрица Екатерина взглянула благосклонно на близость, возникавшую между ея внукомъ и обоими нами; она одобрила это сближеніе, не угадывая, конечно, ни истиннаго его повода, ни послѣдствій».

Вскорѣ, однако, проницательный князь Адамъ началъ относиться критически къ мечтательному либерализму Александра, который подъ обаяніемъ едва начинавшейся молодости создавалъ себѣ образы, утѣшалъ

себя ими, не затрудняясь препятствіями, и строилъ безконечные планы для будущаго. По свидѣтельству Чарторижскаго, мнѣнія его соотвѣтствовали взглядамъ воспитанника 89-го года, который желалъ бы всюду видѣть республику и признаетъ эту форму правленія единственною сообразною съ желаніями и правами человѣчества. Хотя собесѣдникъ Александра и самъ принадлежалъ въ это время къ числу восторженныхъ людей, хотя онъ родился и былъ воспитанъ въ республикѣ, съ увлеченіемъ усвоившей себѣ всѣ начала французской революціи, но тѣмъ не менѣе онъ держалъ сторону благоразумія и умѣрялъ крайнія мнѣнія великаго князя. Между прочимъ Александръ утверждалъ, что наслѣдственность престола—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи, которая съумѣетъ избрать способнѣйшаго къ управленію государствомъ. Чарторижскій упорно оспаривалъ эту политическую ересь, указывалъ на трудности и случайности избранія, припоминалъ все, что Польша претерпѣла отъ подобнаго порядка вещей, и какъ мало Россія способна и приготовлена къ нему; наконецъ князь Адамъ присовокупилъ, что на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, Россія отъ этого ничего не выиграла бы, ибо она лишилась бы того, кто всѣхъ достойнѣе верховной власти, чьи намѣренія самыя благодѣтельныя и самыя чистыя[214].

Иной разъ во время прогулокъ обоихъ друзей разговоръ отъ политики переходилъ къ природѣ, красотами которой юный великій князь охотно восторгался. Сельскія занятія, сельскіе труды, жизнь простая и тихая на хорошенькой фермѣ, въ странѣ отдаленной и живописной, вотъ идиллія, которую онъ хотѣлъ осуществить и къ мечтамъ о которой онъ постоянно со вздохомъ возвращался. Всѣ эти бесѣды наводили князя Адама на размышленія, что такія мечты или, какъ онъ ихъ называетъ, «divagations politiques» не были приличны для великаго князя, что при столь высокомъ призваніи и для того, чтобы произвести въ общественномъ строѣ великія и счастливыя перемѣны, необходимо обладать большей силой, большей вѣрой въ себя, чѣмъ имѣлъ ихъ великій князь; что при занимаемомъ имъ положеніи онъ заслуживалъ порицанія за то, что желалъ сбросить съ себя громадное бремя, ему предназначенное, и вздыхалъ о досугахъ спокойной жизни; что сознавать трудности своего положенія и страшиться ихъ недостаточно, и что слѣдуетъ, напротивъ того, проникнуться пламеннымъ желаніемъ преодолѣть ихъ. Однако, всѣ эти размышленія, которыя приходили Чарторижскому на умъ, нисколько не уменьшали чувства восторга и преданности, съ которыми онъ относился къ своему царственному другу. «Его искренность», замѣчаетъ князь Адамъ въ своихъ запискахъ, «его прямота, увлеченіе, съ которымъ онъ предавался прекраснымъ мечтамъ, имѣли неотразимую прелесть. При томъ онъ былъ еще такъ молодъ,

что могъ пріобрѣсти то, чего ему недоставало; обстоятельства, необходимость могли развить способности, не имѣвшія ни времени, ни случая обнаружиться; но его воззрѣнія, его намѣренія оставались драгоцѣнными подобно чистому золоту, и хотя онъ впослѣдствіи сильно измѣнился, однако до своей кончины сохранялъ нѣкоторыя наклонности и мнѣнія своей юности.—Я часто отстаивалъ передъ его порицателями искренность и неподдѣльность его мнѣній. Впечатлѣніе, произведенное первыми годами нашего знакомства, не могло изгладиться. Нѣтъ сомнѣній, что, когда девятнадцатилѣтній Александръ изливалъ мнѣ, подъ величайшею тайною и съ беззавѣтностію, облегчавшею его душу, мнѣнія и чувства, скрываемыя имъ отъ всѣхъ, онъ дѣйствительно испытывалъ эти чувства и потребность съ кѣмъ нибудь подѣлиться ими. Какое иное побужденіе могло быть тогда у него? Кого хотѣлъ бы онъ обмануть? Онъ очевидно повиновался влеченію своего сердца и довѣрялъ мнѣ истинныя свои мысли».

И такъ, князь Чарторижскій имѣлъ случай ознакомиться всестороннимъ образомъ съ политическими убѣжденіями Александра, съ его восторженнымъ отношеніемъ къ красотамъ природы и съ его идиллическими мечтами о спокойной сельской жизни. Но отъ его наблюдательности не скрылся еще третій предметъ увлеченій Александра, который однако совершенно не подходилъ къ прочимъ и даже прямо имъ противорѣчилъ. «Это былъ милитаризмъ во вкусѣ его отца великаго князя Павла». Чарторижскій нерѣдко слышалъ, какъ Александръ и Константинъ съ удовольствіемъ замѣчали: это по-нашему, по-гатчински, когда они разсказывали о своихъ служебныхъ похожденіяхъ въ этомъ особомъ мірѣ, сильно походившемъ на карикатуру. «Императрица Екатерина», разсказываетъ князь Адамъ, «съ неудовольствіемъ замѣчала сближеніе, установившееся между отцомъ и его двумя сыновьями, но не предвидѣла однако всѣхъ его послѣдствій, ибо въ такомъ случаѣ она, вѣроятно, положила бы ему конецъ. Великій князь Александръ сказалъ мнѣ однажды, возвращаясь изъ Павловска: «намъ оказываютъ честь бояться насъ»; этимъ желалъ онъ выразить, что Екатерина начинаетъ безпокоиться сборомъ войскъ и ученіями въ Павловскѣ и тѣмъ родомъ единомыслія, которое установилось между отцомъ и его сыновьями. Александръ былъ польщенъ, что они возбудили нѣкоторое опасеніе со стороны императрицы, но я сомнѣваюсь, чтобы оно дѣйствительно имѣло мѣсто; если подобное безпокойство и возникло въ умѣ Екатерины, то оно было весьма слабымъ и скоро исчезло. Екатерина прекрасно знала недостатокъ личной храбрости, свойственный ея сыну, смѣшную сторону его войскъ, нерасположеніе, которымъ они пользовались со стороны публики и среди арміи, чтобы сдѣлать имъ честь бояться ихъ. Поэтому она спокойно спала подъ охраною одной роты гренадеръ, въ то время какъ Павелъ маневрировалъ съ своей маленькой арміей въ нѣсколькихъ верстахъ разстоянія»[215].

Въ заключеніе описанія своихъ сношеній съ Александромъ, лѣтомъ 1796 года, Чарторижскій пишетъ, что неодобреніе, съ которымъ великій князь смотрѣлъ на политику своей бабки, располагало его укло-

Дворецъ въ Павловскѣ.

Съ гравюры Ухтомскаго, сдѣланной съ рисунка Щедрина.

няться отъ исполненія ея воли, когда это представлялось возможнымъ. Онъ всегда находилъ что нибудь возражать и, когда ему приходилось принимать малѣйшее участіе въ дѣйствіяхъ правительства, которое не

приходилось ему тогда по вкусу, онъ не проявлялъ ни усердія, ни доброй воли, но выказывалъ лишь неудовольствіе и равнодушіе. Великій князь Константинъ, который не раздѣлялъ либеральныхъ идей своего брата, сходился съ нимъ въ оцѣнкѣ нравовъ и характера императрицы Екатерины[216].

Принимая все вышесказанное во вниманіе, видно, какъ мало согласовались государственныя воззрѣнія Екатерины съ идиллическими мечтаніями и гатчинскими увлеченіями ея возлюбленнаго внука. Оказывается, что Александръ не только не сочувствовалъ политической системѣ своей бабки, но относился къ ней отрицательно и даже враждебно и, слѣдовательно, совершенно не оцѣнилъ и не понялъ необыкновеннаго генія этой государыни. Мало того, оказывается, что въ Александрѣ отсутствовали даже личныя чувства расположенія и привязанности къ императрицѣ, которая между тѣмъ считала его ангеломъ въ человѣческомъ образѣ и питала къ нему безграничную любовь[217]. Вся эта печальная обстановка, семейная и политическая, была, конечно, вызвана гатчинскими внушеніями, которыя окончательно восторжествовали и отразились самымъ пагубнымъ образомъ на Александрѣ, благодаря его политической незрѣлости[218].

Вотъ къ какому трагическому исходу привели всѣ просвѣщенныя попеченія, вся безграничная любовь и заботливость Екатерины о своемъ внукѣ, котораго она готовила себѣ въ преемники,—къ полному крушенію всѣхъ ея надеждъ: Александръ отказался быть продолжателемъ ея великихъ дѣлъ и во многомъ сталъ на точку зрѣнія цесаревича Павла Петровича. Результатъ получился совершенно обратный тому, котораго можно было ожидать; но счастливый рокъ избавилъ Екатерину отъ печальной необходимости убѣдиться въ этомъ и испытать на закатѣ дней ни съ чѣмъ несравнимыя разочарованіе и огорченіе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наступилъ 1796 годъ. Царствованіе Екатерины склонялось къ концу; тридцать три года оно изливало славу и блескъ на Россію[219]. Совершился третій раздѣлъ Польши, присоединена Курляндія, началась война съ Персіею, а французскіе эмигранты и союзники Екатерины, попрежнему, тщетно ожидали выступленія русскихъ войскъ за границу для пораженія французской республики. Европейскимъ дипломатамъ, желавшимъ выманить русскихъ для совершенія столь славнаго подвига, Екатерина говорила: «Que voulez-vous, la peau est plus près que la chemise»[220]. Гримму же Екатерина писала въ 1793 году: «Si je dois être de la partie, ce ne sera pas dans le chemin des sottises que je m'embarquerai»[221]. При такихъ взглядахъ для императрицы немыслимо было вы-

ступить во главѣ европейской коалиціи противъ революціонной Франціи; несомнѣнно, что государственный эгоизмъ, обнаруженный Екатериною съ самаго вступленія на престолъ, никогда не дозволилъ бы ей бороться за дѣло, не касающееся ея собственнаго интереса: это противорѣчило бы духу и великимъ дѣламъ всего ея царствованія[222]. Великодушные порывы, направленные къ спасенію Европы, судьба предоставила ея преемникамъ. Если же воинственные помыслы продолжали еще занимать Екатерину на закатѣ дней ея, то они, конечно, направлялись не въ сторону Рейна или Италіи, но на Востокъ. Для Екатерины всегда и вездѣ на первомъ планѣ стояли интересы Россіи, не Европы; это истина, которая не подлежитъ оспариванію.

Первая половина 1796 года была ознаменована въ семейной жизни Екатерины двумя выдающимися событіями.

Не довольствуясь ранней женитьбою своего старшаго внука, Екатерина поспѣшила пріискать невѣсту и великому князю Константину Павловичу. Съ этою цѣлью осенью 1795 года была приглашена въ Петербургъ герцогиня Саксенъ-Кобургская съ тремя дочерьми, и 15-го февраля 1796 года Константинъ Павловичъ вступилъ въ супружество съ пятнадцатилѣтнею принцессою Саксенъ-Кобургскою Юліаною, нареченною Анною Өеодоровною. Новобрачные поселились въ Мраморномъ дворцѣ.

«Теперь у меня жениховъ больше нѣтъ», писала Екатерина Гримму послѣ свадьбы Константина Павловича, «но за то остается пять дѣвицъ, изъ которыхъ младшей только годъ, но старшей пора замужъ.—Жениховъ имъ придется поискать днемъ съ фонаремъ. Безобразныхъ мы исключимъ, дураковъ тоже; бѣдность же не порокъ. Но и внутреннее содержаніе должно соотвѣтствовать красивой наружности. Если попадется такой товаръ на рынкѣ, сообщайте мнѣ о находкѣ»[223].

Затѣмъ, 25-го іюня 1796 года, произошло другое радостное для Екатерины семейное событіе. Въ этотъ день великая княгиня Марія Өеодоровна въ Царскомъ Селѣ разрѣшилась отъ бремени сыномъ[224]. Въ присутствіи императрицы духовникъ ея протоіерей Савва Исаевъ совершилъ молитву надъ новорожденнымъ, котораго нарекли небывалымъ въ нашемъ царственномъ домѣ отъ временъ Владиміра именемъ Николая. Обрядъ крещенія происходилъ 6-го іюля въ церкви Царскосельскаго дворца. Воспріемниками назначены были: великій князь Александръ Павловичъ и великая княжна Александра Павловна; послѣдняя должна была заступить мѣсто императрицы Екатерины, которая по нездоровью не могла присутствовать при крещеніи новорожденнаго внука[225].

По поводу этого событія Екатерина писала Гримму 25-го іюня 1796 года: «Объявляю страстотерпцу (souffre-douleur), что сегодня въ три часа утра мамаша родила огромнѣйшаго мальчика, котораго на-

звали Николаемъ. Голосъ у него басъ и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь мою въ первый разъ вижу такого рыцаря.—Если

Видъ крѣпости въ Павловскѣ.

Съ гравюры Ухтомскаго, сдѣланной съ рисунка Щедрина.

онъ будетъ продолжать, какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ»[226]. 2-го іюля императрица продолжаетъ: «Въ воскресенье будутъ крестить рыцаря Николая (le chevalier Nicolas),

здоровье его превосходно». Къ этимъ свѣдѣніямъ Екатерина присовокупляетъ 5-го іюля, то-есть, менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ рожденія внука, еще слѣдующія замѣчанія: «Рыцарь Николай уже три дня кушаетъ кашку, потому что безпрестанно проситъ ѣсть. Я полагаю, что никогда осмидневный ребенокъ не пользовался такимъ угощеніемъ; это неслыханное дѣло. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія; если такъ будетъ продолжаться, то я полагаю, что придется по прошествіи шести недѣль отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза (il toise tout le monde), голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего»[227].

Рожденіе «рыцаря Николая» сопровождалось событіемъ, которое доказываетъ, съ какою настойчивостію императрица, по обыкновенію своему, преслѣдовала разъ намѣченную цѣль: отстранить цесаревича Павла Петровича отъ престола. «Можетъ быть, я добра, обыкновенно кротка, но по своему званію я должна крѣпко хотѣть, когда чего хочу, и вотъ единственныя мои достоинства». Такъ писала о себѣ Екатерина въ 1774 году[228] и почти то же она повторила въ 1791 году, набрасывая свой портретъ: «Не смотря на всю гибкость моей натуры, я умѣла быть упряма или настойчива, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это необходимо»[229].

Тотчасъ послѣ крещенія новорожденнаго великаго князя, цесаревичъ Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ Павловскъ. Марія Ѳеодоровна оставалась въ Царскомъ Селѣ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, императрица попыталась обратиться къ Маріи Ѳеодоровнѣ по вопросу о престолонаслѣдіи и доставила ей бумагу, въ которой предлагала великой княгинѣ потребовать отъ цесаревича отреченія отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу великаго князя Александра Павловича; вмѣстѣ съ тѣмъ императрица настаивала на томъ, чтобы Марія Ѳеодоровна скрѣпила своею подписью эту бумагу, какъ удостовѣреніе согласія съ ея стороны на ожидаемый актъ отреченія. Марія Ѳеодоровна нисколько не раздѣляла мнѣнія Екатерины о необходимости предположеннаго ею устраненія цесаревича отъ наслѣдованія престола, и потому великая княгиня отказалась, съ чувствомъ искренняго негодованія, подписать требуемую бумагу. Гнѣвъ свой на непокорную невѣстку Екатерина выразила при прощаніи 3-го августа, когда великая княгиня, принявъ сорокадневную молитву послѣ разрѣшенія своего отъ бремени, уѣзжала въ Павловскъ. Императрица ограничилась тѣмъ, что спросила Марію Ѳеодоровну: «Comment vous portez-vous, madame la Grande Duchesse?»—Великая княгиня, послѣ всего случившагося, оставила Царское Село подъ самыми тягостными впечатлѣніями и, конечно, скрыла отъ цесаревича требованіе, съ которымъ обращалась къ ней императрица, царственная мать его[230].

На этомъ пока остановилось это замысловатое дѣло.

Вскорѣ послѣдовали однако событія, которыя побудили императрицу вступить въ личныя объясненія по этому вопросу съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

Видъ Пиля въ Павловскѣ.

Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ рисунка Щедрина.

13-го августа 1796 года, прибылъ въ Петербургъ давно желанный гость, молодой шведскій король Густавъ IV, подъ именемъ графа Гаги. Среди нескончаемыхъ празднествъ, баловъ, вечеровъ всякаго рода, ве-

лись переговоры, начавшіеся уже давно, по поводу брака короля съ великой княжною Александрой Павловною. Казалось, что всѣ препятствія и недоумѣнія наконецъ улажены, и 11-го сентября должно было имѣть мѣсто въ Зимнемъ дворцѣ обрученіе. Офиціально Дворъ приглашался только къ балу; но въ послѣднюю минуту вѣроисповѣдный вопросъ и упрямство Густава IV разстроили соглашеніе, къ которому настойчиво стремилась Екатерина. Между тѣмъ Дворъ собрался, и приглашенные пребывали въ тягостномъ ожиданіи грядущихъ событій; король, къ удивленію осаждавшихъ его дипломатовъ, отказался явиться, требуя исключенія изъ брачнаго договора статьи о сохраненіи великой княжной православія. Когда же князю Зубову пришлось наконецъ доложить императрицѣ, что назначенное обрученіе должно быть отложено, она не могла выговорить ни слова — Екатерина почувствовала первый легкій припадокъ паралича. Оскорбленіе, нанесенное въ этотъ день самолюбію ея молодымъ королемъ, которому она оказывала столько вниманія и участія, отразилось пагубнымъ образомъ на здоровьѣ 67-милѣтней государыни. На другой день Екатерина признавалась, что ночь съ 27-го на 28-е іюня ничто въ сравненіи съ тою, которую она провела[231].

Отнынѣ мрачныя предчувствія овладѣли ея умомъ[232], вслѣдствіе чего всѣ мысли Екатерины снова обратились къ ускоренію рѣшенія возбужденнаго ею вопроса относительно измѣненія порядка престолонаслѣдія.

Оправившись нѣсколько отъ испытанныхъ ею тревоги и огорченія, Екатерина имѣла 16-го сентября разговоръ съ великимъ княземъ Александромъ, въ которомъ она выяснила внуку всю государственную необходимость задуманнаго ею переворота. Спрашивается, какимъ образомъ отнесся юный великій князь къ сообщеніямъ своей бабки? На это даетъ отвѣтъ письмо Александра Павловича къ императрицѣ отъ 24-го сентября 1796 года, уцѣлѣвшее въ бумагахъ князя Зубова, который, конечно, былъ посвященъ въ тайны этого дѣла. Вотъ точный переводъ этого любопытнаго историческаго документа:

«Ваше Императорское Величество! Я никогда не буду въ состояніи достаточно выразить свою благодарность за то довѣріе, которымъ Ваше Величество соблаговолили почтить меня, и за ту доброту, съ которой изволили дать собственноручное поясненіе къ остальнымъ бумагамъ. Я надѣюсь, что Ваше Величество, судя по усердію моему заслужить неоцѣненное благоволеніе ваше, убѣдитесь, что я вполнѣ чувствую все значеніе оказанной милости. Дѣйствительно, даже своею кровью я не въ состояніи отплатить за все то, что Вы соблаговолили уже и еще желаете сдѣлать для меня. Эти бумаги съ полною очевидностію подтверждаютъ всѣ соображенія, которыя Вашему Величеству благоугодно было недавно сообщить мнѣ и которыя, если мнѣ позволено будетъ выска-

МИХАЙЛОВСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ НАЧАЛѢ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ.

Съ акварели съ натуры Патерсона (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

4 Генваря

Юрью Александровичу Не

Его Императорско

Высочайше Указать соизволилъ

ставнаго Унтеръ Офицера К

Его Императорскому

Государю Цесаревичу и Вели

Александру Павловичу для

Статскій Совѣтникъ Нелединс

Я сего дня имелъ щастiе до

историковъ его времени къ заключенію, что Александръ могъ быть одновременно великодушнымъ, мечтательнымъ и двоедушнымъ.

При такихъ взглядахъ, какими руководствовался Александръ въ эту эпоху, конечно, нельзя было быть участникомъ въ государственномъ переворотѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, нельзя однако отрицать, что, если Провидѣніе продлило бы жизнь Екатерины, то, можетъ быть, намѣренія императрицы относительно отстраненія цесаревича отъ престола всетаки осуществились бы на дѣлѣ. Подобное предположеніе можно основывать на примѣрѣ, взятомъ изъ позднѣйшаго времени. Вѣроятно, въ такомъ случаѣ разыгралось бы нѣчто сходное съ положеніемъ, занятымъ Александромъ по отношенію къ затрудненіямъ, встрѣченнымъ имъ впослѣдствіи на жизненномъ поприщѣ, когда, на сдѣланныя ему тогда по поводу особыхъ обстоятельствъ заявленія, онъ отвѣчалъ сначала молчаніемъ, вздохами, а кончилъ тѣмъ, что вынужденъ былъ условно на все согласиться. Поэтому и въ 1796 году обстоятельства могли поставить Александра именно въ трагическое положеніе быть вынужденнымъ дѣйствовать въ смыслѣ заявленія, сдѣланнаго императрицѣ въ письмѣ отъ 24-го сентября.

Въ то время, когда Екатерина вступила въ непосредственные переговоры съ Александромъ по дѣлу о престолонаслѣдіи, отъ нея осталось однако скрытымъ, что, къ довершенію всѣхъ бѣдствій, эти переговоры совпали со сближеніемъ великаго князя съ отцомъ[236]. Это сближеніе побудило даже Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну благодарить Протасова, что онъ «возвратилъ имъ сына»[237]. Принимая во вниманіе это обстоятельство, можно даже предположить на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, что Александръ простеръ несочувствіе къ предположеніямъ Екатерины до того, что сообщилъ цесаревичу разговоръ съ императрицею и, можетъ быть, съ вѣдома отца написалъ ей письмо отъ 24-го сентября. Но этого еще мало; для успокоенія подозрительности цесаревича Александръ призналъ его императоромъ еще при жизни Екатерины. Существуетъ письмо великаго князя Александра Павловича къ Алексѣю Андреевичу Аракчееву отъ 23-го сентября 1796 года, касающееся служебныхъ дѣлъ гатчинскихъ войскъ, но замѣчательное тѣмъ, что Александръ именуетъ въ немъ цесаревича «Его Императорскимъ Величествомъ»[238]. Это письмо представляетъ еще въ томъ отношеніи замѣчательное явленіе, что оно помѣчено 23-мъ сентября и, слѣдовательно, написано наканунѣ вышеприведеннаго письма великаго князя къ императрицѣ Екатеринѣ, врученнаго ей послѣ рѣшительной бесѣды 16-го сентября[239]. Справедливо замѣчено, что историку приходится отгадывать и возстановлять—въ особенности, отгадывать. Въ данномъ случаѣ нельзя иначе доискаться истины. Поэтому, зная характеръ цесаревича и свойственный ему образъ дѣйствій, можно предположить, что Павелъ

Петровичъ, не довольствуясь признаніемъ своихъ правъ со стороны сына, привелъ его къ присягѣ себѣ, какъ законному императору, свидѣтелемъ же этой присяги былъ Аракчеевъ. Вотъ исходная точка необъяснимой

Катафалкъ надъ гробами Петра III и Екатерины II въ Зимнемъ дворцѣ.
Съ весьма рѣдкой гравюры того времени (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

дружбы, связавшей на всю жизнь Александра съ гатчинскимъ капраломъ. Невозможнаго въ этомъ предположеніи ничего нѣтъ; въ 1801 году случилось же нѣчто подобное, когда утромъ 11-го марта генералъ-прокуроръ Обольяниновъ водилъ великихъ князей Александра и Константина въ

церковь Михайловскаго замка для присяги въ вѣрности—явленіе, вполнѣ подходящее къ сдѣланному выше предположенію. Тогда свидѣтелемъ присяги былъ Обольяниновъ, а въ 1796 году любимецъ и довѣренный исполнитель велѣній цесаревича Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

Но какъ бы то ни было, одно только достовѣрно, что Александръ не сочувствовалъ планамъ Екатерины и что мечты, занимавшія въ то время умъ великаго князя, увлекали его совершенно на другой путь, чѣмъ тотъ, который предначертала и готовила державная бабка своему любимцу. Одно лицо слышало отъ него по этому поводу слѣдующія достопамятныя слова: «Если вѣрно, что хотятъ посягнуть на права отца моего, то я съумѣю уклониться отъ такой несправедливости. Мы съ женою спасемся въ Америку, будемъ тамъ свободны и счастливы, и про насъ больше не услышатъ». Трогательное изліяніе молодой и чистой души, замѣчаетъ авторъ тѣхъ же записокъ, приводя слова Александра[240].

Остается сказать, что Александръ былъ загадкой для современниковъ и едвали будетъ разгаданъ потомствомъ; поэтъ же справедливо назвалъ его сфинксомъ, неразгаданнымъ до гроба.

Между тѣмъ Екатерина, увѣренная въ согласіи внука на новый порядокъ престолонаслѣдія, готовилась всенародно объявить свое рѣшеніе. Тайна изъ Зимняго дворца давно уже проникла въ общество, и не трудно было отгадать, кого Екатерина желала видѣть своимъ преемникомъ[241]. Въ Петербургѣ начали распространяться слухи, что 24-го ноября, въ день тезоименитства императрицы, а по другимъ извѣстіямъ 1-го января 1797 года, послѣдуютъ важныя перемѣны. Екатерина готовила манифестъ о назначеніи великаго князя Александра Павловича наслѣдникомъ престола. Сохранилось преданіе, что бумаги по этому предмету были подписаны важнѣйшими государственными сановниками; называли: Безбородко, Суворова, Румянцева-Задунайскаго, Зубова, митрополита Гавріила и другихъ. Одновременно же съ тѣмъ, вѣроятно, праздность Александра, на которую столь часто жалуется въ своихъ запискахъ Протасовъ, прекратилась бы навсегда; великому князю предоставили бы, безъ сомнѣнія, опредѣленный кругъ государственныхъ занятій, къ коимъ Екатерина признавала невозможнымъ допустить Павла вслѣдствіе его характера и политическихъ воззрѣній.

Но Провидѣніе разсудило иначе; благія намѣренія великой государыни, преслѣдовавшей въ этомъ дѣлѣ одну цѣль—благо Россіи, не были приведены въ исполненіе, и на имперію обрушились страшныя испытанія. Что же касается великаго князя Александра Павловича, то на этотъ разъ милостивая судьба избавила его отъ необходимости выбирать между государственною пользою и сыновнимъ чувствомъ.

вичъ», сказалъ ему Павелъ, «служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде».— Затѣмъ, призвавъ великаго князя Александра Павловича и послѣ лестнаго отзыва объ Аракчеевѣ, сложивъ ихъ руки, прибавилъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». — Александръ, видя воротникъ Аракчеева забрызганнымъ грязнымъ снѣгомъ отъ скорой ѣзды и узнавъ, что онъ выѣхалъ изъ Гатчины въ одномъ мундирѣ, не имѣя съ собою никакихъ вещей, повелъ его къ себѣ и далъ ему собственную рубашку[247]. Начиная съ этого рокового часа, грубая и тусклая фигура Аракчеева дѣлается историческимъ лицомъ и навсегда заслоняетъ собою свѣтлую личность Александра[248].

Вѣроятно, вскорѣ послѣ пріѣзда цесаревича, при посредствѣ графа Безбородки, посвященнаго Екатериною въ дѣло объ отстраненіи Павла Петровича отъ престола, всѣ таинственныя бумаги, касавшіяся этого переворота, перешли въ руки наслѣдника. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, князь Зубовъ игралъ также роль при передачѣ этихъ бумагъ цесаревичу, указавъ мѣсто, гдѣ онѣ хранились. Во всякомъ случаѣ вполнѣ достовѣрно, что еще при жизни Екатерины цесаревичъ приказалъ собрать и запечатать бумаги, находившіяся въ кабинетѣ, и, какъ отмѣчено въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ: «самъ начавъ собирать оныя прежде всѣхъ».

Между тѣмъ крѣпкій организмъ Екатерины продолжалъ еще бороться со смертію; замѣчались еще признаки жизни, но ежеминутно ожидали ея кончины. «Болѣзнь ея величества не оставляла нисколько», повѣствуетъ камеръ-фурьерскій журналъ; «страданіе продолжалось безъ перерыва, воздыханіе утробы, хрипѣніе, по временамъ изверженіе изъ гортани темной мокроты, не открывая очей печали, почти внѣ чувствъ, что рождало во всѣхъ уныніе. — По притеченіи времени полудня до пяти часовъ болѣзнь ея величества не уменьшалась ни мало, сіе предвѣщало близкую кончину, почему преосвященнымъ Гавріиломъ митрополитомъ отправлено Всевышнему богомоліе и канонъ при исходѣ души. Но кто минуетъ неизбѣжность смерти, по сей непремѣнности и наша благочестивѣйшая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица Всероссійская, бывъ объята страданіемъ вышеписанной болѣзни, чрезъ продолженіе 36-ти часовъ безъ всякой перемѣны, имѣя отъ рожденія 67 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 15 дней, наконецъ 6-го (17-го) числа ноября въ четвертокъ, пополудни въ три четверти десятаго часа, къ сѣтованію всея Россіи, въ сей временной жизни скончалась».

«Россійское солнце погасло», пишетъ А. С. Шишковъ въ своихъ запискахъ. «Екатерина Великая во гробѣ, душою въ небесахъ! Павелъ Первый воцарился. Никто не ожидалъ сей внезапной перемѣны. Кроткое и славное Екатеринино царствованіе, тридцать четыре года продолжавшееся, такъ усыпило, что, казалось, оно, какъ бы какому благому и

Между тѣмъ цесаревичъ проводилъ въ Гатчинѣ день 5-го ноября обычнымъ образомъ. Утромъ въ 8 часовъ Павелъ Петровичъ катался въ саняхъ, затѣмъ въ половинѣ 11-го часа вышелъ на плацъ передъ дворцомъ, куда пришелъ баталіонъ его высочества, и прошелъ съ нимъ въ манежъ, гдѣ произведено было ученіе и вахтъ-парадъ. Въ первомъ часу ихъ высочества со свитою отправились на Гатчинскую мельницу къ обѣденному столу и возвратились во дворецъ въ три четверти 4-го часа пополудни[244].

Въ это время пріѣхали въ Гатчину, какъ сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, «нарочито присланные сперва офицеръ, а потомъ шталмейстеръ графъ Зубовъ, съ донесеніемъ его императорскому высочеству о случившейся внезапно ея императорскому величеству сильной болѣзни. Почему безъ малѣйшаго упущенія времени ихъ императорскія высочества соизволили изъ Гатчины отсутствовать въ каретѣ въ С.-Петербургъ, ровно въ четыре часа пополудни».

Разсказываютъ, что Павелъ Петровичъ, узнавъ о прибытіи въ Гатчину графа Зубова, обратился къ великой княгинѣ со словами: «ma chère, nous sommes perdus».— Онъ думалъ, что Зубовъ пріѣхалъ арестовать его и отвезти въ замокъ Лоде, о чемъ давно ходили слухи. Когда же онъ узналъ настоящую причину появленія его въ Гатчинѣ, цесаревичъ испыталъ страшное душевное потрясеніе; внезапный переходъ отъ страха къ противоположному чувству подѣйствовалъ пагубнымъ образомъ на нервы и самый мозгъ цесаревича.—Кутайсовъ выразилъ впослѣдствіи сожалѣніе, что не пустилъ великому князю немедленно кровь.

Въ Софіи цесаревичъ встрѣтилъ Ѳ. В. Ростопчина, посланнаго къ нему великимъ княземъ Александромъ. — «Ah, c'est vous, mon cher Rostopchin», сказалъ ему Павелъ Петровичъ и затѣмъ, разспросивъ подробно о происшествіи этого дня, приказалъ ему слѣдовать за собою. Цесаревичъ безпрерывно встрѣчалъ посланныхъ изъ Петербурга разными лицами курьеровъ, которые составили предлинную свиту саней. Ростопчинъ пишетъ: «Не было ни одной души изъ тѣхъ, кои, дѣйствительно или мнительно имѣя какія либо сношенія съ окружавшими наслѣдника, не отправили бы нарочнаго въ Гатчину съ извѣстіемъ; между прочимъ, одинъ изъ придворныхъ поваровъ и рыбный подрядчикъ наняли курьера и послали.

«Проѣхавъ Чесменскій дворецъ, наслѣдникъ вышелъ изъ кареты. Я привлекъ его вниманіе на красоту ночи. Она была самая тихая и свѣтлая; холода было не болѣе 3°, луна то показывалась изъ-за облаковъ, то опять скрывалась. Стихіи, какъ бы въ ожиданіи важной перемѣны въ свѣтѣ, пребывали въ молчаніи, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погодѣ, я увидѣлъ, что наслѣдникъ устремилъ взглядъ свой

Катафалкъ, воздвигнутый надъ гробами Петра III и Екатерины II въ Петропавловскомъ соборѣ.

Съ рѣдкой акватинты того времени (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

на луну, и, при полномъ ея сіяніи, могъ я замѣтить, что глаза его наполнились слезами и даже текли слезы по лицу. Съ моей стороны, преисполненъ бывъ важности сего дня, преданъ будучи сердцемъ и душою тому, кто восходилъ на тронъ Россійскій, любя отечество и представляя себѣ сильно всѣ послѣдствія, всю важность перваго шага, всякое онаго вліяніе на чувства преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычайнымъ воображеніемъ самовластнаго монарха, отвыкшаго владѣть собою, я не могъ воздержаться отъ повелительнаго движенія и, забывъ разстояніе между нимъ и мною, схватя его за руку, сказалъ: «Ah, Monseigneur, quel moment pour vous». На это онъ отвѣчалъ, пожавъ крѣпко мою руку: «Attendez, mon cher, attendez. J'ai vécu quarante deux ans. Dieu m'a soutenu. Peut-être me donnera-t-il la force et la raison nécessaires pour supporter l'état auquel il me destine. Espérons tout de sa bonté».

Вечеромъ въ девятомъ часу цесаревичъ съ великою княгинею Маріею Өеодоровною прибыли въ Зимній дворецъ, наполненный людьми всякаго званія, объятыми страхомъ и любопытствомъ и ожидавшими съ трепетомъ кончины Екатерины[245]. У всѣхъ была дума на умѣ, какъ замѣчаетъ современникъ и очевидецъ, что теперь настанетъ пора, когда и подышать свободно не удастся[246]. Великіе князья Александръ и Константинъ встрѣтили родителя въ мундирахъ своихъ гатчинскихъ баталіоновъ. «Пріемъ, ему сдѣланный», пишетъ Ростопчинъ, «былъ уже въ лицѣ государя, а не наслѣдника». Хотя Екатерина еще дышала, но уже чувствовалась близость новой злополучной эры!

Цесаревичъ тотчасъ посѣтилъ умиравшую императрицу. Камеръ-фурьерскій журналъ впадаетъ по этому случаю въ несвойственный ему лиризмъ, и мы читаемъ: «Очи высочайшихъ особъ видѣли наипоразительнѣйшее зрѣлище. Его императорское высочество свою мать нашелъ въ страданіи болѣзни, лишенную всѣхъ чувствъ. Кого сіе не тронетъ? Сыновняя горячность и чувствительность не возмогла вынести сей болѣзненной скорби, возродила чувства темныя сѣтованія, ихъ высочества пали предъ лицемъ ея, лобызали руки! Трогательно сіе поражало чувства у всѣхъ окружающихъ. Кто возможетъ объяснить горестное соболѣзнованіе его императорскаго высочества и ея императорскаго высочества грозящей потерей толь драгоцѣнной для ихъ особы».

Поговоривъ нѣсколько съ медиками, цесаревичъ прошелъ съ великой княгиней въ угольный кабинетъ и туда призывалъ тѣхъ, съ которыми желалъ разговаривать или кому имѣлъ передавать приказанія. Ихъ высочества всю ночь пробыли во внутреннихъ покояхъ императрицы.

Здѣсь же цесаревичъ принималъ Аракчеева, прискакавшаго, по его приказанію, вслѣдъ за нимъ изъ Гатчины. «Смотри, Алексѣй Андрее-

Аллегорическая картина.

Сыновнее благочестіе «символъ императорскаго обѣта» держитъ два медальона, изображающіе Петра III и Екатерину II, и идетъ вставить ихъ въ пирамиду, долженствующую служить памятникомъ дѣянія. Императоръ Павелъ лобызаетъ урну, въ которой хранится прахъ Петра III и Екатерины II. Онъ сопровождаемъ Мудростью, которая несетъ скипетръ и корону; сопутствуетъ ему Правосудіе и Побѣда; посреди ихъ находится Россійскій Геній. Соединенные народы созерцаютъ явленіе. Исторія вноситъ его въ лѣтопись. Время въ теченіи своемъ поднимаетъ завѣсу и попускаетъ узрѣть внутренность Храма Незабвенія, въ коемъ лежитъ открытая книга и въ ней написано «Павелъ I». На жертвенникѣ видна выпуклость, изображающая Петра I и Петра III встрѣчающихъ Екатерину II въ Елисейскихъ поляхъ.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ картины Луизы Перронъ Лабрус.

вичъ», сказалъ ему Павелъ, «служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде».— Затѣмъ, призвавъ великаго князя Александра Павловича и послѣ лестнаго отзыва объ Аракчеевѣ, сложивъ ихъ руки, прибавилъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». — Александръ, видя воротникъ Аракчеева забрызганнымъ грязнымъ снѣгомъ отъ скорой ѣзды и узнавъ, что онъ выѣхалъ изъ Гатчины въ одномъ мундирѣ, не имѣя съ собою никакихъ вещей, повелъ его къ себѣ и далъ ему собственную рубашку[247]. Начиная съ этого рокового часа, грубая и тусклая фигура Аракчеева дѣлается историческимъ лицомъ и навсегда заслоняетъ собою свѣтлую личность Александра[248].

Вѣроятно, вскорѣ послѣ пріѣзда цесаревича, при посредствѣ графа Безбородки, посвященнаго Екатериною въ дѣло объ отстраненіи Павла Петровича отъ престола, всѣ таинственныя бумаги, касавшіяся этого переворота, перешли въ руки наслѣдника. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, князь Зубовъ игралъ также роль при передачѣ этихъ бумагъ цесаревичу, указавъ мѣсто, гдѣ онѣ хранились. Во всякомъ случаѣ вполнѣ достовѣрно, что еще при жизни Екатерины цесаревичъ приказалъ собрать и запечатать бумаги, находившіяся въ кабинетѣ, и, какъ отмѣчено въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ: «самъ начавъ собирать оныя прежде всѣхъ».

Между тѣмъ крѣпкій организмъ Екатерины продолжалъ еще бороться со смертію; замѣчались еще признаки жизни, но ежеминутно ожидали ея кончины. «Болѣзнь ея величества не оставляла нисколько», повѣствуетъ камеръ-фурьерскій журналъ; «страданіе продолжалось безъ перерыва, воздыханіе утробы, хрипѣніе, по временамъ изверженіе изъ гортани темной мокроты, не открывая очей печали, почти внѣ чувствъ, что рождало во всѣхъ уныніе. — По притеченіи времени полудня до пяти часовъ болѣзнь ея величества не уменьшалась ни мало, сіе предвѣщало близкую кончину, почему преосвященнымъ Гавріиломъ митрополитомъ отправлено Всевышнему богомоліе и канонъ при исходѣ души. Но кто минуетъ неизбѣжность смерти, по сей непремѣнности и наша благочестивѣйшая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица Всероссійская, бывъ объята страданіемъ вышеписанной болѣзни, чрезъ продолженіе 36-ти часовъ безъ всякой перемѣны, имѣя отъ рожденія 67 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 15 дней, наконецъ 6-го (17-го) числа ноября въ четвертокъ, пополудни въ три четверти десятаго часа, къ сѣтованію всея Россіи, въ сей временной жизни скончалась».

«Россійское солнце погасло», пишетъ А. С. Шишковъ въ своихъ запискахъ. «Екатерина Великая во гробѣ, душою въ небесахъ! Павелъ Первый воцарился. Никто не ожидалъ сей внезапной перемѣны. Кроткое и славное Екатеринино царствованіе, тридцать четыре года продолжавшееся, такъ усыпило, что, казалось, оно, какъ бы какому благому и

безсмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная вѣсть о смерти ея, не предупрежденная никакою угрожающею опасностью, вдругъ разнеслася и поразила сперва столицу, а потомъ и всю обширную Россію»[249].

Наступилъ краткій, но незабвенный по жестокости періодъ четырехъ-лѣтняго царствованія императора Павла.

МАРСОВО ПОЛЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ НАЧАЛѢ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ.

Съ акварели съ натуры Патерсона (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

государь наслѣдникъ съ его супругою, великій князь Константинъ Павловичъ съ супругою, великія княжны Александра Павловна, Елена Павловна, Марія Павловна и Екатерина Павловна; отъ присяги къ государю императору подходили ихъ высочества съ колѣнопреклоненіемъ и лобызали десницу вселюбезнѣйшаго своего родителя. Потомъ преосвященный Гавріилъ и все духовенство и всѣ предстоящія знатныя особы, находившіяся въ церкви, чинили присягу[250]. Церемонія присяги и принесеніе поздравленія духовенствомъ окончились въ два часа пополуночи, и, въ заключеніе, въ высочайшемъ присутствіи, отслужена была еще панихида у тѣла усопшей императрицы.

Въ эту же ночь князь Петръ Михайловичъ Волконскій встрѣтилъ у воротъ Зимняго дворца наслѣдника, который въ сопровожденіи Аракчеева, Капцевича и Апрѣлева, разставлялъ новыя пестрыя будки и часовыхъ[251]. Праздные дни Александра Павловича кончились, занятія начались, но съ ними явилось другое зло: теперь великому князю предстояло терять все время на исполненіе обязанностей унтеръ-офицера, и въ такихъ именно выраженіяхъ онъ оцѣнилъ свою дѣятельность, начавшуюся для него съ наступленіемъ царствованія императора Павла[252].

На другое утро, 7-го ноября, въ девятомъ часу, императоръ Павелъ совершилъ верховый выѣздъ по городу въ сопровожденіи цесаревича Александра Павловича, а въ одиннадцатомъ часу присутствовалъ при первомъ вахтъ-парадѣ или разводѣ. Съ этого дня вахтъ-парадъ пріобрѣлъ значеніе важнаго государственнаго дѣла и сдѣлался на многіе годы непремѣннымъ ежедневнымъ занятіемъ русскихъ самодержцевъ. Съ 7-го ноября, при паролѣ, государь ежедневно отдавалъ наслѣднику приказы, содержаніе которыхъ причиняло многимъ нечаянныя радости, но еще чаще незаслуженную печаль. Приказы подписывались цесаревичемъ и скрѣплялись Аракчеевымъ; это продолжалось до отъѣзда двора въ Москву на коронацію.

Приказомъ отъ 7-го ноября великій князь Александръ Павловичъ назначенъ полковникомъ въ Семеновскій полкъ, а полковникъ Аракчеевъ комендантомъ города Петербурга и въ Преображенскій полкъ. На слѣдующій день, 8-го ноября, Аракчеевъ произведенъ въ генералъ-маіоры; 13-го ноября государь пожаловалъ ему анненскую ленту. Квартира Аракчееву была назначена въ Зимнемъ дворцѣ; онъ занялъ покои князя Зубова[253].

Отнынѣ гатчинскій капралъ, по отзыву Ростопчина, взялся смирить высокомѣріе екатерининскихъ вельможъ. При первомъ же разводѣ грубые пріемы его обнаружились въ полномъ блескѣ; гвардейцамъ ранѣе прочихъ пришлось ознакомиться со всѣми прелестями его цвѣтистой рѣчи, услышавъ изъ устъ его поощреніе, выраженное гнусливымъ го-

Аллегорическая картина.

Сыновнее благочестіе «символъ императорскаго обѣта» держитъ два медальона, изображающіе Петра III и Екатерину II, и идетъ вставить ихъ въ пирамиду, долженствующую служить памятникомъ дѣянія. Императоръ Павелъ лобызаетъ урну, въ которой хранится прахъ Петра III и Екатерины II. Онъ сопровождаемъ Мудростью, которая несетъ скипетръ и корону; сопутствуетъ ему Правосудіе и Побѣда; посреди ихъ находится Россійскій Геній. Соединенные народы созерцаютъ явленіе. Исторія вноситъ его въ лѣтопись. Время въ теченіи своемъ поднимаетъ завѣсу и попускаетъ узрѣть внутренность Храма Незабвенія, въ коемъ лежитъ открытая книга и въ ней написано «Павелъ I». На жертвенникѣ видна выпуклость, изображающая Петра I и Петра III встрѣчающихъ Екатерину II въ Елисейскихъ поляхъ.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ картины Луизы Перронъ Лабрус.

лосомъ въ грозныхъ словахъ: «что же вы, ракаліи, не маршируете! Впередъ, маршъ!»

Съ какими чувствами Аракчеевъ относился къ екатерининскимъ преданіямъ, можно судить по слѣдующему любопытному разсказу, сохранившемуся въ запискахъ Михайловскаго-Данилевскаго. Императоръ Павелъ неоднократно поручалъ Аракчееву инспектированіе различныхъ частей войскъ по Россіи; при смотрѣ Екатеринославскому гренадерскому полку Аракчеевъ назвалъ знамена этого полка, прославившагося въ прошлыхъ войнахъ своею храбростью, екатерининскими юбками!! Легко себѣ представить, съ какимъ негодованіемъ должны были слушать офицеры вѣка Екатерины подобныя оскорбительныя изреченія, произнесенныя громогласно человѣкомъ, не бывавшимъ никогда на войнѣ и заявившимъ свою неустрашимость и усердіе единственно на плацъ-парадахъ и во время экзекуцій.

10-го ноября, гатчинскія войска, вызванныя въ Петербургъ, торжественно вступили въ столицу[254]. Когда войска вошли въ алиніеманъ, на Дворцовой площади, императоръ сказалъ имъ: «Благодарю васъ, мои друзья, за вѣрную вашу мнѣ службу, и, въ награду за оную, вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры чинъ въ чинъ». Впечатлѣніе, произведенное среди гвардіи этимъ повелѣніемъ, было потрясающее: «съ какою радостію великіе князья увидѣлись съ своими сослуживцами, и съ какою печалью мы должны были считать ихъ своими товарищами», повѣствуетъ тогдашній гвардеецъ Е. Ѳ. Комаровскій. «Иначе и быть не могло, ибо эти новые товарищи были не только безъ всякаго воспитанія[255], но многіе изъ нихъ развратнаго поведенія; нѣкоторые даже ходили по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командою»[256].

«Отжили мы добрые дни. Кому дадутъ покой?» — говорили въ народѣ, когда распространилась вѣсть о кончинѣ Екатерины. Народное предчувствіе не обманулось.

Въ первые двадцать четыре часа послѣ смерти императрицы роскошный, пышный Дворъ ея преобразился въ огромную кордегардію. Отъ появленія гатчинскихъ любимцевъ въ Зимнемъ дворцѣ, по мѣткому замѣчанію Державина, «тотчасъ все пріяло другой видъ, загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ»[257].

А. С. Шишковъ въ свою очередь свидѣтельствуетъ, что въ одинъ часъ все такъ перемѣнилось, что, казалось, насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе. «Я вошелъ въ залу и столько же пораженъ былъ удивленіемъ, сколько удрученъ печалью. Перемѣна сія была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ былъ множества разнаго рода людей, стоявшихъ

о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ,—бѣгали, повелѣвали, учреждали... Удивленный, смущенный отъ всего того, что глазамъ моимъ представлялось, возвратился я домой съ печальными мыслями и сокрушеннымъ сердцемъ»[258].

Другой современникъ, князь Ѳ. Н. Голицынъ, пишетъ: «Все чрезъ сутки приняло совсѣмъ новый видъ: перемѣна мундировъ въ полкахъ гвардіи, вахтъ-парады, новыя правила въ военномъ ученіи; однимъ словомъ, кто бы за недѣлю до того уѣхалъ, по возвращеніи ничего бы не узналъ.—Дворецъ какъ будто обратился весь въ казармы: внутренніе бекеты, безпрестанно входящіе и выходящіе офицеры съ повелѣніями, съ приказами, особливо по утру. Стукъ ихъ сапоговъ, шпоръ и тростей, все сіе представляло совсѣмъ новую картину, къ которой мы не привыкли. Тутъ уже тотчасъ было примѣтно, сколь государь страстно любилъ все военное, а особливо точность и аккуратность въ движеніяхъ, слѣдуя отчасти правиламъ Фредерика, короля прусскаго»[259].

Такимъ образомъ, новое царствованіе съ первыхъ же дней сдѣлалось отрицаніемъ предыдущаго. Наступила новая эпоха въ русской исторіи[260]. «Называли ее», какъ выразился современникъ Ѳ. П. Лубяновскій, «гдѣ какъ требовалось: торжественно и громогласно—возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, въ полголоса—царствомъ власти, силы и страха; втайнѣ, между четырехъ глазъ—затмѣніемъ свыше»[261]. Началась безпощадная ломка всего созданнаго для Россіи геніемъ Екатерины. «Вообще сказать можно, былъ хаосъ совершенный»[262].

Павелъ вступилъ на престолъ съ подозрительностью и предубѣжденіемъ противъ екатерининскихъ порядковъ, которыя питалъ къ нимъ болѣе двадцати лѣтъ. Поэтому онъ съ поразительною поспѣшностью принялся за подвигъ «исцѣленія» Россіи: гатчинское управленіе должно было послужить образцомъ для управленія Россійскою имперіею. Немедленно всѣ пружины установившагося государственнаго строя были вывернуты, столкнуты со своихъ мѣстъ, и Россія вскорѣ приведена въ хаотическое состояніе. Прежде всего была объявлена безпощадная война круглымъ шляпамъ, отложнымъ воротникамъ, фракамъ, жилетамъ и сапогамъ съ отворотами[263]. Затѣмъ появилась новая уродливая и неудобная форма для русскаго воинства. «Эта одежда и Богу угодна и вамъ хороша», говорилъ Павелъ, привѣтствуя вновь обмундированныхъ чиновъ своей арміи[264].

«Все пошло на прусскую стать», замѣчаетъ Шишковъ, «мундиры, большіе сапоги, длинныя перчатки, высокія треугольныя шляпы, усы, косы, пукли, ордонансъ-гаузы, экзерциръ-гаузы, шлагбаумы и даже крашеніе, какъ въ Берлинѣ, пестрою краскою мостовъ, будокъ и проч. Сіе уничижительное подражаніе пруссакамъ напоминало забытыя вре-

на неизбѣжный вахтъ-парадъ, шли какъ на лобное мѣсто. Никто не зналъ, что его тамъ ожидаетъ: быстрое возвышеніе, ссылка въ Сибирь, заточеніе въ крѣпости, позорное выключеніе изъ службы или даже тѣлесное наказаніе. «Всѣ эти уничижительныя, несоразмѣрныя и необыкновенныя мѣры отвратили дворянство совершенно отъ службы. Упалъ духъ, сдѣлалось роптаніе».—Такъ отзывается о павловской эпохѣ возрожденія князь Ѳ. Н. Голицынъ.

Дѣйствительно, строгая, но нелѣпая дисциплина, постоянныя экзерциціи, фронтъ, выправка, взысканія и наказанія, переходившія всякіе предѣлы, заставили дворянъ бѣжать изъ военной службы, которая въ мирное время представляла болѣе опасностей, чѣмъ прежде самая война. Въ предупрежденіе «такого самовольства дворянъ» императоръ Павелъ запретилъ имъ начинать службу иначе, какъ въ военномъ званіи. Исключеніе сдѣлано было только для коллегіи иностранныхъ дѣлъ[266].

Въ такой простой, въ такой наивной формѣ, какъ при Павлѣ, самовластье еще ни разу не являлось въ Россіи. Это былъ своего рода бредъ, хаосъ. Всякая идея политическаго прогреса была отстранена. «Одно понятіе: самодержавіе, одно желаніе: самодержавіе неограниченное—были двигателями всѣхъ дѣйствій Павла. Въ его царствованіе Россія обратилась почти въ Турцію»[267], — вотъ какъ отзывается объ этихъ печальныхъ дняхъ баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ въ неизданной главѣ его біографіи графа Сперанскаго.

По поступкамъ, ознаменовавшимъ собою первые шаги новаго императора, можно было готовиться къ необычайнымъ событіямъ. Но Павелъ съумѣлъ удивить даже своихъ приверженцевъ утонченными проявленіями злобы противъ истекшаго съ 1762 года тридцатипятилѣтія.

19-го ноября вынуто тѣло «бывшаго императора» Петра III-го, погребеннаго въ 1762 году въ Александро-Невской лаврѣ, и переложено въ новый великолѣпный гробъ, поставленный въ Благовѣщенской церкви. 25-го ноября императоръ Павелъ короновалъ покойнаго родителя, собственноручно возложивъ на гробъ императорскую корону. Но этимъ загробнымъ апоѳеозомъ чествованіе памяти Петра III-го не ограничилось. 2-го декабря жителямъ Петербурга представилось необыкновенное зрѣлище, которое еще недавно не приснилось бы самому смѣлому воображенію: изъ Невскаго монастыря, при 18-ти градусномъ морозѣ, потянулась въ Зимній дворецъ печальная процессія съ останками Петра, а за гробомъ шествовали пѣшкомъ въ глубокомъ траурѣ ихъ величества и ихъ высочества. По прибытіи шествія во дворецъ гробъ Петра былъ внесенъ въ большую залу и поставленъ на катафалкѣ въ особо устроенномъ великолѣпномъ castrum doloris, рядомъ съ гробомъ императрицы Екатерины!!![268]. Затѣмъ, 5-го декабря, оба гроба одновременно перевезены

№.1063.

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАР

ПАВЛА ПЕТРОВ

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСК

и прочая, и прочая, и прочая.

Отъ Санктпетербурга до города пен
флота лейтенанту петру [illegible]
давать изъ почтовыхъ по четыре лошади с
за указныя прогоны безъ задержанія. Въ Санктпетербург

Въ воскресенье 16-го (27-го) ноября 1796 года, государь, въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича, пріѣхалъ въ Мраморный дворецъ, въ нижнемъ этажѣ котораго содержался подъ строгимъ присмотромъ плѣнный Костюшко[272]. Павелъ сказалъ Костюшкѣ, что давно сожалѣлъ о его участи, но не могъ ничего для него сдѣлать, теперь же можетъ вознаградить его за перенесенныя имъ продолжительныя страданія... «Вы свободны», прибавилъ императоръ, «я самъ желалъ принести вамъ эту утѣшительную вѣсть». Костюшко было до того взволнованъ, что не могъ выговорить ни слова. Императоръ сѣлъ подлѣ него и вступилъ въ разговоръ. Костюшко, вспомнивъ о соотечественникахъ, спросилъ, будутъ ли освобождены и другіе польскіе плѣнные. «Безъ сомнѣнія», отвѣтилъ государь, «хотя въ моемъ совѣтѣ многіе высказались противъ освобожденія Потоцкаго и Нѣмцевича; находятъ ихъ слишкомъ опасными. Поручитесь ли вы за нихъ?» — Костюшко сказалъ, что за Нѣмцевича онъ ручается, а за Потоцкаго не можетъ дать слова, не переговоривъ съ нимъ предварительно. Государь остался очень доволенъ этою осторожностью Костюшки, которая ручалась за искренность его намѣреній, и разрѣшилъ ему ѣхать къ Потоцкому, когда только онъ того пожелаетъ. Костюшко просилъ государя позволить ему удалиться въ Америку.— Павелъ изъявилъ ему свое согласіе и обѣщалъ даровать средства для этого путешествія. Великій князь Александръ, растроганный печальнымъ видомъ Костюшки, прощаясь, обнялъ его нѣсколько разъ, проливая слезы[273].

При посѣщеніи Потоцкаго, императоръ, не стѣсняясь, сказалъ ему: «Вы подвергались долго преслѣдованіямъ; но въ последнее царствованіе всѣ честные люди подвергались подобной участи и я первый». Коснувшись затѣмъ польскаго вопроса, Павелъ замѣтилъ: «я всегда былъ противъ раздѣла Польши, признавая его несправедливымъ и неполитичнымъ дѣломъ, но теперь это совершившійся фактъ. Для возстановленія Польши необходимо содѣйствіе и согласіе со стороны трехъ державъ на возвращеніе отобранныхъ частей; но представляется ли вѣроятнымъ, чтобы Австрія, а въ особенности король прусскій отдали бы свои доли? Не могу же я одинъ отдать принадлежащую мнѣ часть и ослабить себя въ то самое время, когда они усилились? Это невозможно. Еще менѣе мнѣ одному возможно объявить имъ войну, чтобы ихъ къ тому принудить. Имперія моя нуждается въ мирѣ. Вы видите, что вамъ слѣдуетъ подчиниться обстоятельствамъ и оставаться спокойными». Потоцкій, тронутый откровенными и милостивыми словами государя, обѣщалъ исполнить это[274].

8-го (19-го) декабря всѣ плѣнные поляки оставили Петербургъ. Костюшко черезъ Швецію и Англію отправился въ Америку.

Вниманіе, оказанное императоромъ Павломъ бывшимъ польскимъ дѣятелямъ, распространилось и на развѣнчаннаго короля польскаго,

Станислава-Августа, проживавшаго въ Гроднѣ со времени послѣдняго раздѣла Рѣчи Посполитой. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, водворенъ въ Мраморномъ дворцѣ и окруженъ царскими почестями. Король скончался здѣсь въ началѣ 1798 года отъ апоплексическаго удара.

Оказавъ милость плѣннымъ полякамъ, воцарившійся государь не позабылъ также и двухъ русскихъ знаменитыхъ политическихъ заклю-

Раненый Костюшко.
Съ рисунка съ натуры Мартена 1797 г.

ченныхъ. Новиковъ былъ освобожденъ изъ Шлиссельбургской крѣпости; Радищевъ возвращенъ изъ Илимска, послѣ пятилѣтняго тамъ жительства, и разрѣшено ему жить въ деревнѣ[275], но пребываніе въ столицахъ и выѣздъ изъ деревни были однако воспрещены автору «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». Этимъ правомъ онъ воспользовался только въ слѣдующее царствованіе.

Но если были оказаны милости, то были явленія и обратнаго рода. «Корабль не грузится, а выгружается способными людьми», справедливо замѣтилъ наблюдательный современникъ[276]. Печальнымъ примѣромъ этого можетъ служить Суворовъ. 6-го февраля 1797 года отданъ на вахтъ-

парадѣ слѣдующій приказъ: «Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесясь къ его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы». Но этимъ постигшая его немилость не ограничилась; 22-го апрѣля коллежскій ассесоръ Николевъ предъявилъ Суворову въ Кобринѣ высочайшее повелѣніе немедленно привезти его въ боровицкія деревни и препоручить городничему, «а въ случаѣ надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». 5-го мая Суворовъ былъ доставленъ въ свою родовую вотчину, село Кончанское, Боровицкаго уѣзда, Новгородской губерніи.

Императоръ Павелъ чрезвычайно спѣшилъ своею коронаціею; вѣроятно, онъ вспомнилъ совѣтъ Фридриха Великаго, нѣкогда данный Петру III-му, не откладывать коронованія какъ средство болѣе упрочить себя на престолѣ — совѣтъ, однако, недостаточно оцѣненный его другомъ и почитателемъ[277]. Поэтому императоръ не стѣснился даже выбрать для этого торжества самое неблагопріятное время года: весеннюю распутицу. Въ день окончательнаго погребенія Екатерины II-й и Петра III-го, 18-го декабря 1796 года, Павелъ возвѣстилъ вѣрноподданнымъ, что коронація «въ апрѣлѣ наступающаго 1797 года совершитися имѣетъ». 1-го марта 1797 года императоръ Павелъ выѣхалъ изъ Петербурга отслушавъ молебенъ въ Казанской церкви; побывавъ въ Гатчинѣ, государь отправился въ Москву изъ Павловска 10-го марта. На другой день за нимъ послѣдовалъ цесаревичъ Александръ Павловичъ, а потомъ и прочіе члены императорской фамиліи, за исключеніемъ великаго князя Николая Павловича и великой княжны Анны Павловны, которые остались въ Петербургѣ.

28-го марта, въ Вербное воскресенье, происходилъ торжественный въѣздъ императора Павла въ Москву, по улицамъ, еще покрытымъ снѣгомъ. Морозъ былъ настолько чувствителенъ, что многихъ изъ придворныхъ чиновъ, ѣхавшихъ согласно церемоніалу верхомъ, приходилось снимать съ лошадей совершенно окоченѣвшими. Впереди кортежа скакали верховые и приказывали снимать шапки и перчатки. Императоръ ѣхалъ одинъ, а нѣсколько позади его слѣдовали великіе князья Александръ и Константинъ. Государь почти постоянно держалъ въ рукѣ шляпу, чтобы привѣтствовать ею толпу, видимо этимъ довольную; но особенное вниманіе зрителей обращалъ на себя цесаревичъ Александръ, красота и привѣтливое лицо котораго всѣхъ плѣнили. Все происходило въ порядкѣ и спокойствіи, но ощущенія толпы были скорѣе похожи на любопытство, чѣмъ на дѣйствительную радость.

Коронація совершилась 5-го апрѣля въ день Свѣтлаго Воскресенія. Священнодѣйствовали митрополиты Платонъ и Гавріилъ. Какъ на одну изъ особенностей этой коронаціи слѣдуетъ указать на то, что кромѣ

№ 1063.

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАР

ПАВЛА ПЕТРОВ

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСК

и прочая, и прочая, и прочая.

Отъ Санктпетербурга до города пен
флота лейтенанту петру [illegible]
давать изъ почтовыхъ по четыре лошади ст
за указныя прогоны безъ задержанія. Въ Санктпетербург

Посѣщеніе императоромъ Павломъ Костюшки.

Съ гравюры Орловскаго.

№ 1063.

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАР

ПАВЛА ПЕТРОВ

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСК

и прочая, и прочая, и прочая.

Отъ Санктпетербурга до города пен
флота лейтенанту петру ...
давать изъ почтовыхъ по четыре лошади ст
за указныя прогоны безъ задержанія. Въ Санктпетербург

она немедленно пріѣхала въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и постановила свое опредѣленіе».—Императоръ на это согласился, и тотчасъ же о томъ былъ посланъ съ фельдъегеремъ указъ палатѣ. Послѣ отъѣзда Павла Безбородко съ намѣреніемъ отсталъ. Замѣтивъ вдали нѣсколько скачущихъ троекъ съ чиновниками въ мундирахъ и съ зерцаломъ, онъ вышелъ изъ экипажа, пошелъ впередъ и, какъ бы гуляя, встрѣтилъ необыкновенный поѣздъ, остановилъ его, спросилъ предсѣдателя, отвелъ его въ сторону и сказалъ ему, чтобы онъ и его товарищи, не смотря ни на какія соображенія, какъ можно были осторожны и дѣйствовали сообразно съ законами въ предстоящемъ порученномъ имъ дѣлѣ; что въ противномъ случаѣ онъ и вся палата могутъ подпасть подъ справедливый гнѣвъ императора. По суду, Храповицкій, выславшій крестьянъ для исправленія дороги не по случаю проѣзда государя, а собственно потому, что она была испорчена дождями, былъ оправданъ[281].

5-го мая 1797 года послѣдовалъ указъ генералъ-прокурору, въ которомъ говорится, что государь, проѣзжая чрезъ слободу Пневу, увидалъ новый мостъ и, узнавъ потомъ, что на постройку его употреблено двѣ недѣли времени и до 2,000 руб. денегъ, тотчасъ же велѣлъ выдать строющимъ людямъ изъ своей казны 2,500 руб. и отыскать виновнаго, который, вопреки его повелѣніямъ, отягощалъ ненужными работами крестьянъ, а потому и повелѣлъ взыскать съ него деньги.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи императора Павла, историческое значеніе получило посѣщеніе его, въ сопровожденіи великихъ князей, іезуитскаго коллегіума въ Оршѣ, изъ котораго онъ вынесъ самое лучшее впечатлѣніе. Государь сказалъ при этомъ случаѣ архіепископу Сестренцевичу: «Я вхожу сюда не такъ, какъ входилъ со мною въ Брюннѣ императоръ Іосифъ въ монастырь этихъ почтенныхъ особъ; первое его слово, обращенное имъ къ своимъ офицерамъ, было такое: «эту комнату взять для больныхъ, а эту для госпитальной провизіи»; потомъ онъ приказалъ привести къ нему настоятеля монастыря и, когда тотъ явился, обратился къ нему съ такою рѣчью: «Когда же вы удалитесь отсюда?» Я поступаю совершенно иначе, хотя я еретикъ, а Іосифъ былъ римско-католическій императоръ». Вообще, императоръ при сношеніяхъ съ католическимъ духовенствомъ принималъ самое живое участіе въ судьбахъ латинской церкви, почитая ее самымъ твердымъ оплотомъ противъ злоупотребленій ума[282].

Вахтъ-парады и ученья, полковыя и баталіонныя, въ Вильнѣ и Гроднѣ прошли благополучно; но въ Ковнѣ шефъ Таврическаго гренадерскаго полка, полуслѣпой и глухой генералъ-отъ-инфантеріи Якоби, представилъ государю роту, приготовленную къ разводу по-старому. Якоби былъ уволенъ отъ службы, и затѣмъ императоръ приказалъ барону Аракчееву остаться въ Ковнѣ и выучить полкъ. Шесть недѣль оставался

Освобожденіе императоромъ Павломъ Костюшки и плѣнныхъ поляковъ.

Съ гравюры Орловскаго.

Алексѣй Андреевичъ на берегахъ Нѣмана и съ ранней зари принимался за обученіе неучей по новому уставу. Аракчеевъ былъ тогда «въ полномъ разгарѣ ратнаго рвенія», замѣчаетъ Ѳ. П. Лубяновскій оставшійся при немъ въ должности адъютанта. «Сколько строгъ и грозенъ былъ Алексѣй Андреевичъ передъ полкомъ, столько же дома былъ привѣтливъ и ласковъ», пишетъ Лубяновскій. «По вечерамъ офицеры приглашались на чай къ Аракчееву; на этихъ собраніяхъ генералъ благосклонно и вразумительно изъяснялъ равненіе строя, плутонги, эшелоны, пуанъ-де-вю, пуанъ-д'аппюи и прочія мистеріи воинскаго устава; дозволялъ даже, и не безъ удовольствія, вопросы себѣ, отвѣчалъ терпѣливо и съ знаніемъ дѣла; самъ вопросами удостовѣрялся, хорошо ли понято, о чемъ вчера говорено. Два раза въ недѣлю Алексѣй Андреевичъ отправлялъ длинныя письма къ наслѣднику цесаревичу, а мнѣ поручалъ списывать ихъ отъ слова до слова для архива его. Каждое письмо начиналось, каждое же и оканчивалось, хотя не всегда въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ, изліяніемъ изъ глубины сердца одной и той же приверженности душевной, живѣйшей, вѣчно непоколебимой; а между началомъ и заключеніемъ каждое письмо наполнялось пространнымъ описаніемъ, съ перваго шага невѣдѣнія во всѣхъ строевыхъ эволюціяхъ, потомъ — надежды къ исправленію при неусыпномъ трудѣ и точномъ исполненіи монаршей воли, наконецъ — вожделѣнныхъ успѣховъ и усовершеніи»[283].

Вскорѣ послѣ возвращенія императора Павла въ Павловскъ начались морскіе маневры. 6-го іюля его величество съ императрицею, великими князьями Александромъ и Константиномъ и со свитою изъ петергофской гавани въ катерѣ отправились къ флоту. Государь избралъ для своего пребыванія вновь построенный для этой кампаніи сорока-пушечный фрегатъ «Эмануилъ» или «Съ нами Богъ». Эскадръ-маіоромъ при особѣ его величества былъ назначенъ А. С. Шишковъ. Предполагалось идти съ флотомъ на Ревель, но свѣжій западный вѣтеръ препятствовалъ судамъ сняться съ якоря. «Во время этой стоянки», пишетъ Шишковъ[284], «великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, смотря на Кронштадтъ, на корабли и на построенныя на водѣ, для защиты рейда, двѣ крѣпости — Кроншлотъ и Цитадель, какъ на новые для нихъ предметы, любопытствовали узнать обо всемъ. Они поймали молодого на фрегатѣ мичмана и дѣлали ему разные о томъ вопросы. Я подслушалъ однажды разговоръ ихъ, и онъ показался мнѣ такъ достопримѣчателенъ, что я сохранилъ его въ моей памяти. Указывая на крѣпость, они спросили у него: въ которую изъ нихъ сажаютъ арестованныхъ офицеровъ? — Мичманъ, удивясь ихъ вопросу и какъ бы оскорбясь имъ, отвѣчалъ съ великою смѣлостью: «Что?!... офицеровъ сажать подъ караулъ въ крѣпость?!.... да этого никогда

не бывало, и я впервые о томъ слышу».—Такъ велико было, во времена Екатерины, честолюбіе въ самыхъ юныхъ офицерахъ! Тотъ же мичманъ, видѣлъ я, смотрѣлъ съ насмѣшливою улыбкою, когда великіе князья съ важнымъ видомъ брали ружья и, какъ солдаты, при всѣхъ учились отрывисто и проворно дѣлать ими на-караулъ, на-плечо, къ ногѣ и проч.[285]. — Стоянка наша на одномъ мѣстѣ, въ ожиданіи благополуч-

Король польскій Станиславъ Понятовскій.
Съ гравюры Милле, сдѣланной съ портрета Вернье.

наго вѣтра, наводила намъ скуку. Д. П. Трощинскій, судя по образу мыслей Екатерины, любившей, чтобъ всѣмъ при ней было свободно и весело, вздумалъ было, для препровожденія времени, заняться карточною игрою; но едва сѣли мы играть въ вистъ, какъ сверху прислано было намъ сказать, чтобы мы отъ подобныхъ забавъ воздержались. Между тѣмъ, хотя въ совершенной праздности не предстояло никакихъ дѣлъ, однакожъ императоръ показывалъ видъ дѣятельной заботливости: онъ не только по утру и вечеру часто, но даже и во время обѣда, вставая неоднократно изъ-за стола, выходилъ наверхъ, какъ

будто для какихъ либо нужныхъ распоряженій или обозрѣній.—Нерѣдко, чтобъ передъ рядовыми служителями показать себя занимающимся дѣлами, по утрамъ хаживалъ онъ на бакъ и тамъ, въ тѣснотѣ, посреди шума работающихъ вокругъ него матросовъ, выслушивалъ читаемыя передъ нимъ докладныя бумаги. Можно себѣ представить, что рѣшенія по онымъ не могли съ должнымъ вниманіемъ быть обдуманы.—Наконецъ (8-го іюля) насталъ благополучный вѣтеръ. Мы снялись съ якоря и пошли въ путь. Движеніе судовъ, пушечная пальба съ крѣпостей, усыпанная народомъ пристань—привели государя въ такое восхищеніе, что онъ казался внѣ себя отъ удовольствія»[286].

Вечеромъ, не доходя Красной Горки, было приказано: всему флоту лечь по способности на якорь. 9-го іюля флотъ съ утра продолжалъ дальнѣйшее движеніе; въ четвертомъ часу, по причинѣ скрѣпчавшаго вѣтра, весь флотъ сталъ на якорь: «Сильная качка фрегата не позволила день сей провести подобно прежнимъ», пишетъ Шишковъ[287]; «обѣденный столъ не былъ въ каютѣ, но нѣсколько холодныхъ блюдъ подано и разставлено было на шканцахъ, гдѣ присутствовала вся высокая императорская фамилія вмѣстѣ со всѣми генералами, офицерами, солдатами и матросами. Вечерняго стола совсѣмъ не было. Его императорское величество съ удивительною твердостію весь сей день изволилъ препроводить на шканцахъ, избравъ для засѣданія своего мѣсто возлѣ гротъ-мачты, въ одномъ мундирѣ и безъ шляпы. По правую руку его поставленъ былъ стулъ для государыни императрицы, а по лѣвую иногда сидѣли камеръ-фрейлины Анна Степановна Протасова и Екатерина Ивановна Нелидова, а иногда другія особы, коихъ е. и. в. приглашеніемъ къ тому и разговорами своими удостоивать соизволилъ. Всѣмъ находящимся на шканцахъ солдатамъ и матросамъ государь императоръ повелѣлъ быть въ обыкновенномъ ихъ положеніи, то есть, не взирая на его присутствіе, сидѣть и лежать, кому гдѣ случится. Ея и. в. государыня императрица, е. и. в. государь наслѣдникъ и великій князь Александръ Павловичъ не могли избавиться отъ страданія и морской болѣзни, приключаемой качкою судна. Многія обоего пола особы и даже нѣкоторые изъ гвардейскихъ солдатъ тому же подвержены были. Ночь препровождена была въ таковомъ же положеніи: е. и. в. изволилъ почивать на томъ же самомъ мѣстѣ, въ мундирѣ и въ шпагѣ, обернувъ голову свою епанчею. Для государыни императрицы и для камеръ-фрейленъ положены были тутъ же тюфяки съ подушками. Генералы, офицеры, солдаты и матросы вокругъ ихъ между пушками лежали или на пушкахъ сидѣли: все сіе представляло видъ, достойный вѣчнаго въ памяти потомковъ нашихъ сохраненія. Слава, проповѣдывающая дѣла царей и царствъ земныхъ, можетъ быть, въ первый разъ взирала на великаго монарха и на великую супругу его, тако посреди

шала Ивана Петровича Салтыкова, о которыхъ одинъ изъ участниковъ этихъ военныхъ упражненій отозвался слѣдующимъ образомъ: «они были скудны въ стратегіи, жалки въ тактикѣ и никуда негодны въ практикѣ».

Относительно вторичнаго пріѣзда императора въ Москву очевидецъ разсказываетъ, что «расположеніе къ нему населенія тогда уже очень убавилось, чуть не исчезло, не столько отъ передрягъ въ сферѣ высшей (особенно военной) и отъ причудливыхъ, капризныхъ и произвольныхъ дѣйствій, отъ которыхъ терпѣли болѣе непосредственно въ Петербургѣ, чѣмъ въ Москвѣ или провинціи, сколько отъ того, что полиція вездѣ должна была преслѣдовать фраки и круглыя шляпы, до такой степени, что даже мальчики были принуждены носить одежду французскую, трехрогія шляпы, башмаки съ пряжками, вмѣсто курточекъ и проч.». Власти строго наблюдали за точнымъ исполненіемъ этихъ повелѣній. Появленіе оберъ-полиціймейстера или коменданта на общественныхъ собраніяхъ возбуждало тревогу; на нихъ смотрѣли какъ на помѣху веселью на всѣхъ собраніяхъ и балахъ. Москва, подобно Петербургу, стала невеселымъ городомъ; она притихла и пріуныла еще болѣе другихъ русскихъ городовъ. Не слышно было обычнаго разгула, даже не видно было веселыхъ лицъ. Всѣ чувствовали себя подъ бдительнымъ контролемъ и строгимъ надзоромъ оберъ-полиціймейстера Эртеля, одного изъ неумолимыхъ и непреклонныхъ гатчинскихъ офицеровъ. Даже о частныхъ вечерахъ, концертахъ и т. п. хозяинъ дома обязанъ былъ предупреждать полицію, которая посылала квартальнаго въ мундирѣ присутствовать на этихъ собраніяхъ.

16-го мая государь съ великими князьями выѣхалъ изъ Москвы и чрезъ Владиміръ, Нижній-Новгородъ прибылъ 24-го мая въ Казань, гдѣ оставался шесть дней. Полковникъ Л. Н. Энгельгардтъ, командовавшій въ то время Уфимскимъ полкомъ, пишетъ въ своихъ запискахъ по поводу «ревю», назначеннаго въ Казани: «всѣ шли съ трепетомъ; я болѣе ужасался, чѣмъ идя на штурмъ Праги»[292]. Изъ Казани императоръ возвратился въ Петербургъ кратчайшимъ путемъ на Ярославль, минуя Москву. Императрица Марія Θеодоровна выѣхала на встрѣчу государю, и затѣмъ они вмѣстѣ черезъ Тихвинъ, Новую Ладогу и Шлиссельбургъ прибыли 11-го іюня вечеромъ въ Павловскъ.

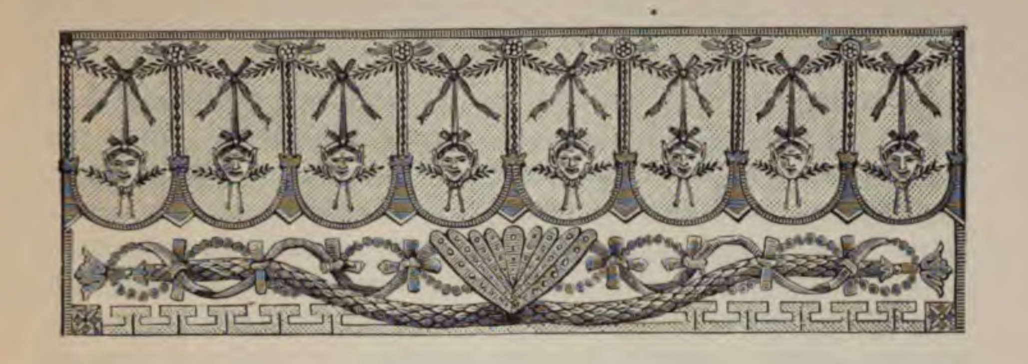

Императоръ Александръ I.

Съ гравюры Тардье, сдѣланной съ портрета, писаннаго Кюгельхеномъ.

Фототипія А. И. Вильборгъ С.П.Б. Мащ. 19

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

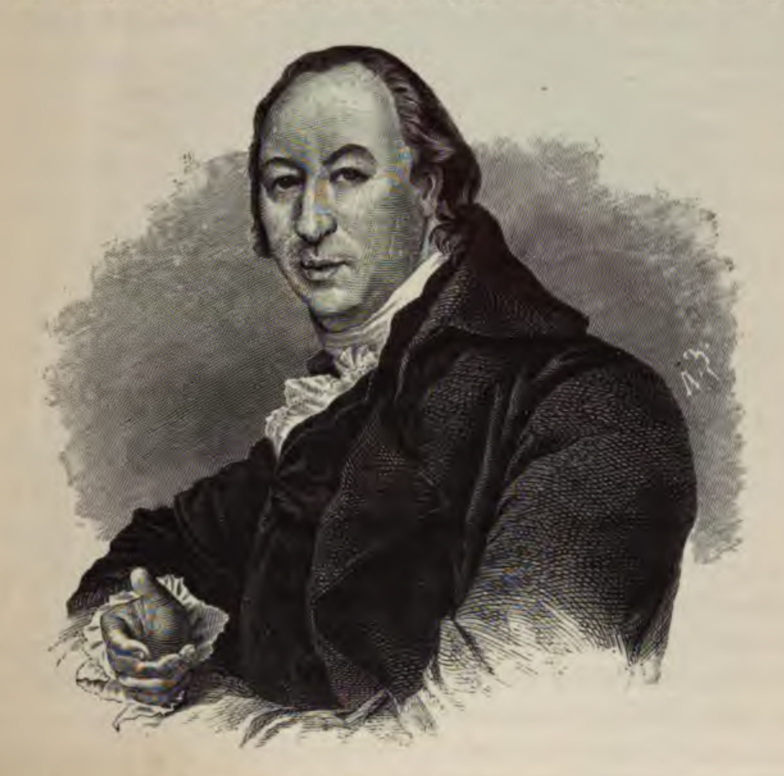
Прослѣдимъ теперь, какіе новые мысли и взгляды вызвало въ цесаревичѣ Александрѣ Павловичѣ царствованіе его родителя и какимъ измѣненіямъ подверглись мечты, которыми онъ увлекался при Екатеринѣ. Это всего лучше видно изъ письма Александра къ Лагарпу отъ 27-го сентября 1797 года, которое долженъ былъ вручить ему одинъ изъ друзей цесаревича, Николай Николаевичъ Новосильцовъ. Въ этомъ письмѣ, написанномъ въ Гатчинѣ, Александръ выражаетъ надежду въ будущемъ устроить судьбу Россіи на новыхъ основаніяхъ, или, какъ выражались тогда, даровать ей политическое бытіе, и затѣмъ, по достиженіи уже этой великой цѣли, кончить жизнь частнымъ человѣкомъ, наслаждаясь процвѣтаніемъ своей родины. Этотъ историческій документъ имѣетъ первостепенную важность и несомнѣнное значеніе для характеристики будущаго императора; поэтому считаемъ умѣстнымъ воспроизвести здѣсь это письмо въ переводѣ, въ полномъ его объемѣ [293].

«Наконецъ-то я могу свободно насладиться возможностью побесѣдовать съ вами, мой дорогой другъ», пишетъ Александръ. «Какъ уже давно не пользовался я этимъ счастіемъ! Письмо это вамъ передастъ Новосильцовъ; онъ ѣдетъ съ исключительною цѣлью повидать васъ и спросить вашихъ совѣтовъ и указаній въ дѣлѣ чрезвычайной важности—объ обезпеченіи блага Россіи при условіи введенія въ ней свободной конституціи (constitution libre). Не устрашайтесь тѣми опасностями, къ которымъ можетъ повести подобная попытка; способъ, которымъ мы хотимъ осуществить ее, значительно устраняетъ ихъ. Чтобы вы могли лучше понять меня, я долженъ возвратиться назадъ.

«Вамъ извѣстны различныя злоупотребленія, царившія при покойной императрицѣ; они лишь увеличивались по мѣрѣ того, какъ ея здоровье и силы, нравственныя и физическія, стали слабѣть. Наконецъ въ минувшемъ ноябрѣ она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби и сожалѣніяхъ, вызванныхъ ея кончиною, и которыя, къ несчастію, усиливаются теперь ежедневно. Мой отецъ, по вступленіи на престолъ, захотѣлъ преобразовать все рѣшительно. Его первые шаги были блестящими, но послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе.

«Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ ужъ тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобъ сказать однимъ словомъ—благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ на выворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, не малую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь не причемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце. Я самъ, обязанный подчиняться всѣмъ мелочамъ военной службы, теряю все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера, рѣшительно не имѣя никакой возможности отдаться своимъ научнымъ занятіямъ, составлявшимъ мое любимое времяпрепровожденіе; я сдѣлался теперь самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

«Вамъ уже давно извѣстны мои мысли, клонившіяся къ тому, чтобы покинуть свою родину. Въ настоящее время я не предвижу ни малѣйшей возможности къ приведенію ихъ въ исполненіе, а затѣмъ и несчастное положеніе моего отечества заставляетъ меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда либо придетъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ея сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ

Николай Ивановичъ Новиковъ.
Съ портрета Боровиковскаго.

какихъ либо безумцевъ. Это заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація избрала бы своихъ представителей. Вотъ въ чемъ заключается моя мысль.

«Я подѣлился ею съ людьми просвѣщенными, съ своей стороны много думавшими объ этомъ. Всего-на-всего насъ только четверо, а именно: Новосильцовъ, графъ Строгановъ, молодой князь Чарторижскій, мой адъютантъ, выдающійся молодой человѣкъ [294], и я.

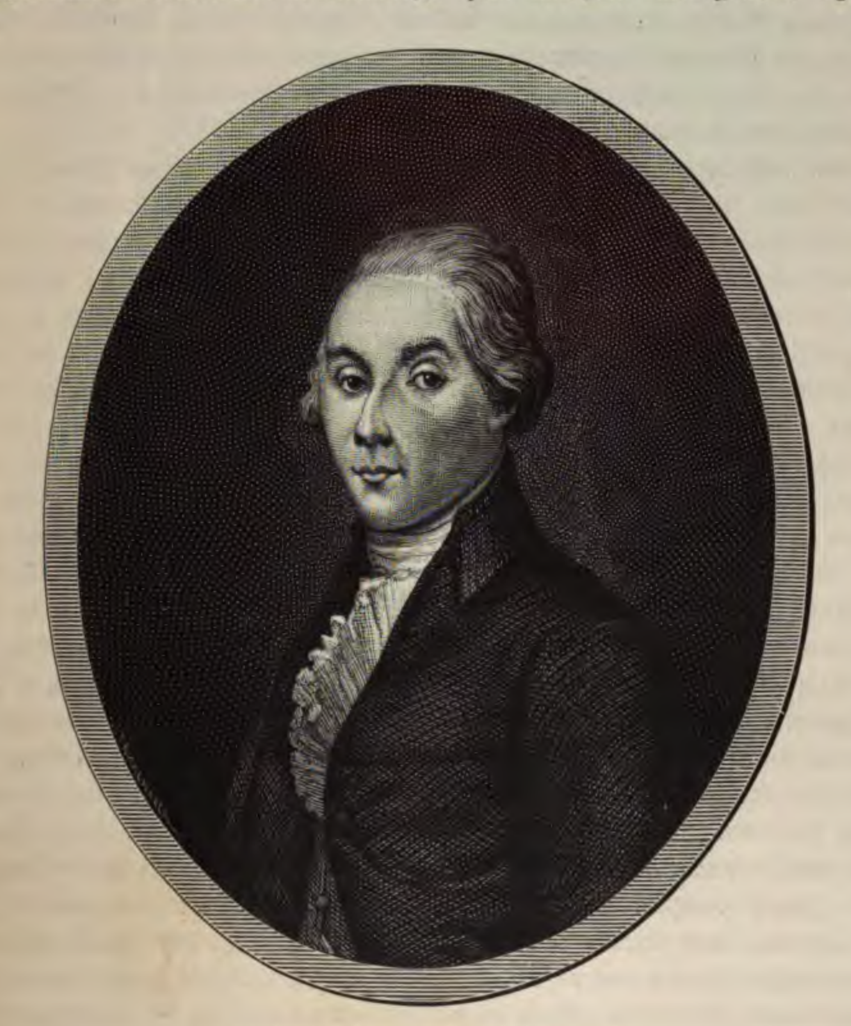
«Мы намѣреваемся въ теченіе настоящаго царствованія поручить перевести на русскій языкъ столько полезныхъ книгъ, какъ это только окажется возможнымъ, но выходить въ печати будутъ только тѣ изъ нихъ, печатаніе которыхъ окажется возможнымъ, а остальныя мы прибережемъ для будущаго; такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности, положимъ начало распространенію знанія и просвѣщенію умовъ. Но когда же придетъ и мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется, постепенно, образовать народное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію (constitution libre), послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы и я, если Провидѣніе благословитъ нашу работу, удалился бы въ какой нибудь уголокъ и жилъ бы тамъ счастливый и довольный, видя процвѣтаніе своего отечества и наслаждаясь имъ. Вотъ каковы мои мысли, мой дорогой другъ. Теперь мы посылаемъ къ вамъ г. Новосильцова, чтобы получить ваше одобреніе относительно всего вышесказаннаго и просить вашихъ указаній. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы явилась возможность имѣть васъ тогда подлѣ себя! Сколько пользы могли бы вы принести намъ! Но это мечта, которой я даже не смѣю предаваться. Мы будемъ даже достаточно счастливы и тѣмъ, если вы не откажетесь передать намъ ваши совѣты черезъ г. Новосильцова, который въ свою очередь можетъ сообщить вамъ множество свѣдѣній на словахъ. Это отличный молодой человѣкъ и притомъ очень образованный и особенно хорошо знающій свое отечество: я поручаю его вашему вниманію, мой дорогой другъ. Ему поручено, съ нашей стороны, объ очень многомъ разспросить васъ, въ особенности, о родѣ того образованія (le genre d'instruction), которое вы считаете наиболѣе удобнымъ для прививки и его дальнѣйшаго распространенія, и которое притомъ просвѣтило бы умы въ кратчайшій промежутокъ времени. Вопросъ этотъ имѣетъ громадное значеніе, и безъ разрѣшенія его немыслимо приступить къ дѣлу.

«Въ настоящее время мы очень заняты устройствомъ переводовъ на русскій языкъ возможно большаго количества полезныхъ книгъ, но предпріятіе наше не можетъ подвигаться впередъ такъ быстро, какъ это было бы желательно; всего труднѣе подыскать людей, способныхъ исполнить эти переводы. Я надѣюсь, дорогой другъ, что вы одобрите наши предположенія и поможете намъ вашими совѣтами, которые будутъ намъ крайне полезны.

«Я предоставляю г. Новосильцову сообщить вамъ много другихъ подробностей на словахъ. Дай только Богъ, чтобы мы когда либо могли достигнуть нашей цѣли — даровать Россіи свободу и предохранить ее отъ поползновеній деспотизма и тираніи. Вотъ мое единственное желаніе, и я охотно посвящу всѣ свои труды и всю свою жизнь этой цѣли, столь дорогой для меня.

«Прощайте, мой дорогой и истинный другъ; если бы мнѣ пришлось вновь увидѣть васъ—я былъ бы на верху блаженства. А пока вѣрьте самой чистосердечной привязанности и преданности, которыми одушевленъ въ отношеніи къ вамъ вашъ вѣрный другъ».

Письмо отъ 27-го сентября не нуждается въ коментаріяхъ; въ этой откровенной политической исповѣди уже всецѣло выступаетъ яркій

Александръ Николаевичъ Радищевъ.

Съ гравированнаго портрета Алексѣева.

образъ друга человѣчества, того филантропическаго Александра, убѣжденія котораго, впослѣдствіи, нерѣдко смущали не одного практическаго государственнаго дѣятеля. Въ одномъ только отношеніи разсужденія Александра рѣзко отличаются отъ мечтаній его въ послѣдніе годы екатерининскаго царствованія. Правленіе родителя побуждаетъ наслѣд-

ника отрѣшиться отъ высказаннаго имъ столь рѣшительнымъ образомъ намѣренія отказаться тѣмъ или другимъ способомъ отъ предназначеннаго ему въ будущемъ положенія и жить частнымъ человѣкомъ на берегахъ Рейна или въ Швейцаріи. Новая обстановка, вызванная къ жизни смертію императрицы, придала мыслямъ Александра другое направленіе; отнынѣ онъ рѣшается посвятить всѣ свои силы и труды новой задачѣ: даровать Россіи современемъ свободу и обезпечить ее тѣмъ въ будущемъ отъ бѣдствій, сопряженныхъ съ деспотизмомъ и тираніей, а затѣмъ уже, по совершеніи столь славнаго подвига, любоваться со стороны плодами своей дѣятельности и посѣяннымъ добромъ[295].

Въ нѣкоторой связи съ этимъ письмомъ цесаревича Александра Павловича къ Лагарпу и съ высказанными въ немъ мыслями стоитъ оригинальное порученіе, данное имъ нѣсколько ранѣе князю Адаму Чарторижскому еще во время коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ. Оно заключалось въ слѣдующемъ: составить проектъ манифеста (projet de proclamation) на случай вступленія Александра на престолъ съ возвѣщеніемъ его намѣреній въ моментъ принятія имъ верховной власти. Князь Чарторижскій упорно отказывался отъ этой работы, но Александръ не давалъ ему покоя до тѣхъ поръ, пока тревожившія его мысли не были изложены на бумагѣ. «Чтобы его успокоить», пишетъ князь Адамъ, «я наскоро составилъ, какъ умѣлъ, проектъ прокламаціи. То былъ рядъ разсужденій, въ коихъ я говорилъ о неудобствахъ образа правленія, существовавшаго дотолѣ въ Россіи, и о всѣхъ выгодахъ другого, который Александръ намѣревался ей даровать, о благодѣяніяхъ свободы и справедливости, которыми ей предстояло пользоваться по устраненіи стѣсненій, препятствовавшихъ ея благоденствію, и, наконецъ, о рѣшимости его, по совершеніи сего высокаго подвига, сложить съ себя власть, дабы тотъ, кто будетъ признанъ наиболѣе ея достойнымъ, могъ упрочить и усовершенствовать начатое имъ великое дѣло.—Мнѣ незачѣмъ объяснять, въ какой степени всѣ эти прекрасныя разсужденія, эти фразы, которыя я старался, по мѣрѣ возможности, связать одна съ другою, были мало пригодны въ примѣненіи къ дѣйствительности. Александръ былъ въ восторгѣ отъ моего труда, который воспроизводилъ занимавшую его тогда фантазію, весьма возвышенную, но въ сущности и весьма эгоистичную, ибо, желая составить счастіе своего отечества, какъ самъ онъ понималъ его въ то время, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ сохранить за собою свободу отдѣлаться отъ власти и отъ положенія, коихъ опасался и которыя ему не нравились, дабы поселиться спокойно въ тихомъ уединеніи, гдѣ бы онъ могъ издалека и на досугѣ наслаждаться содѣяннымъ имъ добромъ. Александръ съ великимъ удовольствіемъ положилъ бумагу въ карманъ и горячо благодарилъ меня за мою работу. Это успокоило его относительно будущаго. Ему казалось, что, заперевъ

Милостивый Государь м...

Петръ ...

Именнымъ указомъ Ва...
которымъ предписано Госуда...
прошенiе ваше о возвра...
Нынѣ военноначальство ваше во...
увольненiемъ вашимъ ...
сему.

Честь имѣю предс...
прошенiе ваше о возвращ...
двора

пребываю съ истин...
почтенiемъ
Вашимъ обя...

С П. Генв. 1801 г.
С ...

Главнокомандующiй ...

Съ самаго начала пребыванія своего въ Петербургѣ князь Адамъ Чарторижскій близко сошелся со всею семьею оберъ-камергера графа Александра Сергѣевича Строганова, состоявшею изъ единственнаго сына его, графа Павла Александровича, и родственника Николая Николаевича Новосильцова.

Воспитаніе графа Павла Александровича было ввѣрено Жильберу Ромму, который пріобрѣлъ европейскую извѣстность послѣ событій 1789 года[297]. Находясь съ своимъ ученикомъ заграницею въ самый разгаръ французской революціи, Роммъ посѣщалъ съ нимъ клубъ якобинцевъ и Національное Собраніе въ Версалѣ, а затѣмъ и въ Парижѣ. Въ 1790 году, Роммъ основалъ клубъ «Друзей закона» (Amis de la loi) и, конечно, записалъ членомъ его своего воспитанника, принявшаго имя «Paul Otcher». Молодой графъ сблизился съ Теруань де-Мерикуръ, которая, по словамъ французскаго біографа Ромма[298], была еще «la courtisane de l'opulence, avant de devenir la prostituée des rues». Увлеченный этой безстыдной Юдифью (cette impudique Judith), шестнадцатилѣтній Строгановъ разгуливалъ по улицамъ Парижа въ красномъ фригійскомъ колпакѣ и готовъ былъ сдѣлаться совершеннымъ демагогомъ. Слухи объ этомъ дошли до Петербурга; императрица Екатерина, по полученіи донесенія своего посланника Симолина, вознегодовала, и «буря разразилась», какъ выразился графъ Строгановъ-отецъ въ письмѣ къ Ромму. Новосильцовъ былъ посланъ въ Парижъ и благополучно доставилъ графа Павла Александровича въ Россію въ началѣ 1791 года. Сначала юный графъ былъ водворенъ въ подмосковной деревнѣ Братцово у своей матери[299]; по истеченіи нѣкотораго времени императрица Екатерина переименовала его въ камеръ-юнкеры, а императоръ Павелъ назначилъ дѣйствительнымъ камергеромъ. Тогда же онъ вступилъ въ бракъ съ умной и высокообразованной княжной Софьей Владиміровной Голицыной.

«Новосильцовъ, читаемъ въ запискахъ князя Адама Чарторижскаго, обладалъ умомъ, прозорливостью, отличался большою способностью къ труду, которую парализовала лишь страсть къ чувственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, что, однако, не мѣшало ему много читать, съ успѣхомъ изучать науки, прикладныя къ промышленности, и пріобрѣсти основательныя свѣдѣнія по части правовѣдѣнія, законодательства и политической экономіи. Образованіе это сопровождалось философіею, довольно снисходительною по взглядамъ на многіе предметы и желавшею быть свободною отъ всякихъ предразсудковъ, но не отнимавшею у него положительныхъ свойствъ его характера. Свойства эти выгодно отражались, словно въ зеркалѣ, на молодомъ графѣ Строгановѣ. Мнѣнія ихъ и чувства носили на себѣ отпечатокъ справедливости, искренности, европейскаго просвѣщенія, небывалыхъ въ то время въ Россіи, про-

Милостивый Государь м[illegible]

Петръ [illegible]

Читанные записки ва[illegible]
чемъ представлялъ Госуда[illegible]
рошенію вашему о дозвол[illegible]
Всемилостивѣйше соизволено ва[illegible]
[illegible] вашему [illegible]
[illegible].

Указъ объ предс[illegible]
прошенію вашему о дозвол[illegible]
[illegible]

пребываю и съ [illegible]
[illegible]

вашимъ вѣр[illegible]

С. П. бург. 1801 г.
6 генваря

[illegible]

[illegible]

Графъ Өедоръ Васильевичъ Ростопчинъ.

Съ гравированнаго портрета Клаубера.

тивъ которыхъ я не могъ устоять; они установили между нами тѣсную дружбу и обоюдное довѣріе. Они часто разспрашивали меня о великомъ князѣ; мнѣ казалось, что, соблюдая нѣкоторую сдержанность, я все же могу безъ неудобства довѣрить имъ часть признаній, услышанныхъ мною отъ великаго князя, равно какъ и его великодушныя намѣренія.

Они поняли необычайную важность того, что я имъ разсказывалъ. Я говорилъ съ великимъ княземъ о моихъ двухъ друзьяхъ; онъ уже отличилъ графа Павла Александровича; я ему сообщилъ, что ихъ убѣжденія сходятся съ его взглядами, что можно положиться на ихъ преданность и скромность, что они желаютъ его видѣть неофиціально, предложить ему свои услуги и выяснить себѣ, какимъ образомъ дѣйствовать сообразно его великодушнымъ намѣреніямъ, когда настанетъ къ тому время. Великій князь согласился посвятить ихъ въ свои тайны и пріобщить ихъ къ своимъ замысламъ. Это произошло въ Петербургѣ, послѣ воцаренія Павла, а осуществилось только въ Москвѣ во время коронаціи. Согласились собраться въ извѣстный день и часъ, въ уединенномъ мѣстѣ, и что великій князь къ намъ присоединится.

«Новосильцовъ приготовился къ совѣщанію. Онъ перевелъ на русскій языкъ отрывокъ какого-то французскаго сочиненія, содержащаго именно совѣты молодому государю при вступленіи его на престолъ, желающему творить добро въ своей землѣ и узнать, какимъ образомъ приняться за дѣло. Записка Новосильцова заключалась въ одномъ вступленіи, въ которомъ излагался общій взглядъ на предметъ, не касаясь основательной разработки частностей, относящихся къ различнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Эту дополнительную работу предстояло еще исполнить, но она никогда не была сдѣлана. Великій князь выслушалъ однако внимательно и съ удовольствіемъ чтеніе сжатаго очерка обязанностей главы государства и предстоящихъ ему трудовъ. Онъ заключался въ удачно составленномъ обзорѣ и общихъ выводахъ, могущихъ служить основаніемъ счастья народовъ, съ присовокупленіемъ плана главнѣйшихъ мѣропріятій. Авторъ ввелъ въ свой трудъ краснорѣчивыя обращенія къ великодушному и патріотическому сердцу августѣйшаго слушателя. Новосильцовъ умѣлъ изящно излагать свои мысли на русскомъ языкѣ; стиль его отличался ясностью и, какъ мнѣ казалось, звучностью. Великій князь осыпалъ его похвалами и заявилъ ему и графу Павлу Александровичу, что онъ усвоиваетъ себѣ начала, высказанныя въ запискѣ, которыя совпадаютъ съ его собственными взглядами. Онъ убѣждалъ Новосильцова докончить начатый трудъ и затѣмъ передать ему, дабы онъ имѣлъ возможность обдумать его содержаніе и впослѣдствіи примѣнить теорію на практикѣ. Съ того дня молодой графъ и Новосильцовъ стали дѣлить со мною довѣріе великаго князя и были пріобщены къ нашему соглашенію, столь долго остававшемуся тайнымъ, и это имѣло позже важныя послѣдствія. Привлеченіе къ предположеніямъ великаго князя двухъ усердныхъ патріотовъ должно было постепенно разрушить наши первыя мечты, столь увлекательныя для меня по отношенію къ независимости моего отечества, а для великаго князя относительно возможности избрать себѣ въ будущемъ отда-

ношенія Виктора Павловича къ наслѣднику остались въ полной силѣ. Продолжая съ нимъ откровенныя бесѣды, Александръ неоднократно выражалъ ему желаніе: «de voir notre gouvernement ordonné d'après les principes de la saine raison»[303]. Эти бесѣды побудили Кочубея спросить по этому предмету мнѣніе князя Безбородки. Канцлеръ отвѣтилъ сперва, что ничего нельзя сдѣлать, но затѣмъ сообщилъ племяннику, что онъ набросалъ нѣкоторыя мысли на бумагу, и вручилъ ему въ 1799 году, незадолго до своей кончины, своеручную записку[304]. Кочубей передалъ эту записку графу П. А. Строганову, который въ свою очередь познакомилъ съ нею наслѣдника; но разсужденія князя Безбородки не очень понравились Александру, и съ его стороны было отдано предпочтеніе работѣ Новосильцова. Подобная неблагопріятная оцѣнка труда Безбородки вполнѣ понятна, потому что основная мысль, которою руководствовался канцлеръ въ своей запискѣ, не соотвѣтствовала тогдашнимъ мыслямъ Александра Павловича и даже совершенно расходилась съ его сокровенными убѣжденіями. Для поясненія достаточно привести первыя строки записки. «Россія, говоритъ князь Безбородко, должна быть государствомъ самодержавнымъ. Малѣйшее ослабленіе самодержавія повлекло бы за собою отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія. Но государь самодержавный, прибавляетъ Безбородко, если онъ одаренъ качествами, сана его достойными, чувствовать долженъ, что власть дана ему безпредѣльная не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобъ держать въ почтеніи и исполненіи законы предковъ своихъ и самимъ имъ установленные; словомъ, изрекши законъ свой, онъ, такъ сказать, самъ первый его чтитъ и ему повинуется, дабы другіе и помыслить не смѣли, что отъ того уклониться или избѣжать могутъ»[305].

Выяснивъ такимъ образомъ свой основной взглядъ, Безбородко приступаетъ къ изложенію нѣкоторыхъ немаловажныхъ перемѣнъ, которыя онъ полагалъ полезнымъ ввести въ управленіе Россійской имперіи.

Передавая свою записку племяннику, Безбородко сказалъ ему, что императрица Екатерина вполнѣ раздѣляла высказанныя имъ здѣсь мысли, но бѣдствія, порожденныя французскою революціею, заставили государыню измѣнить свои взгляды; она оставила большую связку бумагъ о сенатѣ[306]. — Оказывается, что бывшій «якобинецъ», графъ П. А. Строгановъ, стоялъ на болѣе практической почвѣ, чѣмъ его царственный другъ: Строгановъ былъ того мнѣнія, что записка князя Безбородки «est un chef d'oeuvre et est le canevas de tout ce qu'il y aurait à faire»[307].

Остается сказать еще нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ, постигшей князя Адама Чарторижскаго въ царствованіе императора Павла. Служба его при наслѣдникѣ продолжалась недолго; среди всеобщаго вихря безпрерывныхъ перемѣщеній, которымъ подвергался въ то время

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Хотя въ царствованіе императора Павла цесаревичъ Александръ, по собственному признанію, терялъ все свое время на исполненіе обязанностей унтеръ-офицера, но если перечислить занимаемыя имъ тогда высокія должности, списокъ ихъ выйдетъ довольно внушительнымъ. Наслѣдникъ былъ первымъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ[312], шефомъ л.-гв. Семеновскаго полка, инспекторомъ по кавалеріи и пѣхотѣ с.-петербургской и финляндской дивизіи, и съ 1-го января 1798 года предсѣдательствовалъ въ военномъ департаментѣ[313].

Современникъ этой грозной эпохи пишетъ, что каждое утро въ семь часовъ и каждый вечеръ въ восемь Александръ подавалъ императору рапортъ[314]. «При этомъ слѣдовало отдавать отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ, относящихся до гарнизона, до всѣхъ карауловъ города, до конныхъ патрулей, разъѣзжавшихъ въ немъ и въ его окрестностяхъ, и

служебный міръ на всѣхъ его ступеняхъ, трудно было уцѣлѣть князю Адаму. Въ высочайшемъ приказѣ отъ 22-го января 1799 года читаемъ: «всемилостивѣйше жалуется адъютантъ е. и. в. великаго князя Александра Павловича, генералъ-маіоръ князь Чарторижскій 1-й въ гофмейстеры къ е. и. в. великой княжнѣ Еленѣ Павловнѣ» [308]. Затѣмъ въ дневникѣ словесныхъ повелѣній императора Павла, записанныхъ графомъ Ростопчинымъ и относящихся къ тому же 1799 году, встрѣчаются слѣдующія строки о князѣ Чарторижскомъ[309]:

«12-го августа. Гофмейстера князя Чарторижскаго послать министромъ къ королю Сардинскому».

«13 août. Expédier le prince Czartoryski le plus vite possible».

«17-го августа. Отправить немедленно къ его мѣсту тайнаго совѣтника Чарторижскаго».

«21 août. Au comte Kotchoubey. Permettre au prince Czartoryski de s'arrêter à Vienne, mais pas d'aller chez monsieur son père».

23-го августа князь Адамъ Чарторижскій выѣхалъ изъ Петербурга въ Италію.

«Назначеніе это», пишетъ князь Чарторижскій, «было опалою, имѣвшею видъ милости.—Мнѣ тяжело было разставаться съ великимъ княземъ, къ коему я привязался искренно, и съ нѣкоторыми друзьями, расположеніе которыхъ усладило мое пребываніе въ Россіи. — Великій князь выразилъ мнѣ огорченіе, которое причиняетъ ему мой отъѣздъ. Вспоминая объ этой минутѣ, мнѣ приходитъ на память, что онъ не былъ уже такимъ, какимъ я видѣлъ его при разставаніи въ Москвѣ, послѣ коронаціи его отца [310]. Онъ успѣлъ уже ознакомиться съ дѣйствительною жизнью, и она начала вліять на него. Часть его мечтаній, въ особенности та часть, которая касалась его лично и о которой мы давно уже не бесѣдовали—разсѣялась. Впрочемъ, великій князь не въ силахъ былъ оказать твердаго сопротивленія окружающимъ его примѣрамъ, и онъ искалъ также развлеченія въ ухаживаніи за самыми красивыми женщинами того времени.

«При прощаніи выказалось его доброе сердце; онъ обѣщалъ писать мнѣ, какъ только представится къ тому возможность» [311].

Эта возможность представилась лишь послѣ 12-го марта 1801 года, когда новый императоръ призвалъ къ себѣ своего друга въ Россію.

Императрица Елизавета Алексѣевна.

Съ гравюры Турнера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Монье.

Фототипія А. И. Вильборгъ С.П.Б. Маш. 19

за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ. Великій князь Александръ былъ еще молодъ, и характеръ его отличался робостью; сверхъ того онъ былъ близорукъ и немного глухъ; поэтому можно себѣ представить, что занимаемая имъ должность не была синекурою и стоила ему многихъ безсонныхъ ночей. Оба великіе князья смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько нибудь сердито, блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ. Они также искали покровительства у другихъ, вмѣсто того, чтобы имѣть возможность (какъ можно было бы ожидать по ихъ высокому положенію) самимъ его оказывать».

6-го іюня 1797 года была учреждена «Комиссія о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи относящихся». Президентомъ этой комиссіи назначенъ наслѣдникъ, членами генералъ-прокуроръ, второй с.-петербургскій военный губернаторъ и генералъ-провіантмейстеръ. По упраздненіи городской думы изданъ былъ 12-го сентября 1798 года «Уставъ столичнаго города С.-Петербурга» — онъ подписанъ Александромъ. По этому уставу главное городское начальство перешло въ «Комиссію о снабженіи резиденціи припасами». Правителемъ канцеляріи этой комиссіи былъ назначенъ статскій совѣтникъ Сперанскій, который такимъ образомъ сдѣлался впервые извѣстнымъ будущему императору.

Въ концѣ 1799 года, цесаревичъ былъ назначенъ сенаторомъ. Полученіе этой новой должности совершилось при слѣдующей обстановкѣ. Генералъ-прокуроръ Беклешевъ получилъ въ октябрѣ (1799 г.) высочайшее повелѣніе, чтобы на другой день общее собраніе сенаторовъ было въ Гатчинѣ. Всѣ сенаторы отправились туда ночью, не зная причины собранія. Длинная и узкая комната отведена была для присутствія; большой столъ посрединѣ оставлялъ мало мѣста для прохода. Въ половинѣ десятаго часа, послѣ развода, повѣщено было правительствующему сенату, что государь изволитъ идти въ общее собраніе. Сенаторы стали въ двѣ шеренги на одной сторонѣ комнаты. Императоръ вошелъ въ сопровожденіи цесаревича Александра Павловича и, подойдя къ своему креслу, представилъ присутствующимъ великаго князя какъ сенатора, выразивъ свое повелѣніе относительно этого предмета слѣдующими словами: «Милостивые государи! Я хочу, чтобы наслѣдникъ мой занималъ первое по мнѣ мѣсто въ сенатѣ». По занятіи великимъ княземъ мѣста по правую сторону императора, государь продолжалъ: «предметъ настоящаго собранія есть разсмотрѣніе составленнаго по моему приказанію проекта объ учрежденіи запасныхъ магазиновъ въ имперіи. Поручаю вамъ, милостивые государи, неотлагательно заняться этимъ дѣломъ, съ которымъ сопряжено благосостояніе народа, претерпѣвающаго большія бѣдствія во времена неурожая». Вслѣдъ затѣмъ государь спросилъ генералъ-прокурора: «есть ли указы

ственное дѣло объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія связало на всю жизнь неразрывными узами этихъ двухъ столь противоположнаго свойства людей.

«У меня только и есть что Богъ да вы», сказалъ однажды Аракчеевъ цесаревичу Павлу Петровичу въ Гатчинѣ. — «Современемъ я сдѣлаю изъ тебя человѣка», отвѣчалъ Аракчееву милостивый покровитель его служебнаго усердія.—Императоръ Павелъ не забылъ своего обѣщанія, и послѣ 6-го ноября 1796 года открылось для Аракчеева безграничное поле для его экзерцирмейстерскихъ дарованій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сдѣлался неоцѣнимымъ и необходимымъ совѣтникомъ и оберегателемъ Александра Павловича въ сложныхъ порядкахъ тогдашней службы, усѣянной на каждомъ шагу безчисленными подводными камнями. По настоятельной просьбѣ цесаревича, Аракчеевъ съ предупредительною готовностію муштровалъ «хорошенько», когда нужно, ввѣренныя Александру войска и не оставлялъ полезными совѣтами неопытнаго еще молодого командира [318]. Доказательствомъ тому служатъ всѣ письма цесаревича къ Аракчееву, относящіяся къ царствованію Павла. «Я получилъ бездну дѣлъ», пишетъ ему Александръ, «изъ которыхъ тѣ, на которыя я не знаю какія дѣлать рѣшенія, къ тебѣ посылаю, почитая лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору».—«Прости мнѣ, другъ мой, что я тебя безпокою, но я молодъ, и мнѣ нужны весьма еще совѣты, и такъ я надѣюсь, что ты ими меня не оставишь? Прощай, другъ мой, не забудь меня и будь здоровъ».—«Смотри, ради Бога, за семеновскими», напоминаетъ Александръ въ другомъ письмѣ своему опытному руководителю въ хитростяхъ гатчинскаго ратнаго строя.

Когда цесаревичъ въ ожиданіи путешествія съ государемъ по Россіи послѣ коронаціи узнаетъ, что Аракчеевъ будетъ ихъ сопровождать, онъ пишетъ: «Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женою, которую мнѣ, признаюсь, жаль покинуть. Одно у меня безпокойство, это твое здоровье. Побереги себя ради меня».

Малѣйшее нездоровье Аракчеева вызывало постоянно со стороны его друга сердечныя опасенія и самыя тревожныя чувства. «Жаль мнѣ видѣть», пишетъ Александръ, «что ты недоволенъ своею грудью. Желаю тебѣ искренно, чтобы она поправилась, и прошу тебя—побереги себя ради Бога».

«Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ, искренно сожалѣю, что ты нездоровъ, а особливо, что ты кровью харкалъ. Ради Бога, побереги себя, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для меня. Мнѣ отмѣнно пріятно видѣть твои расположенія ко мнѣ. Я думаю, что ты не сомнѣваешься въ моемъ и знаешь, сколько я тебя люблю чистосердечно».

Всякая разлука съ Аракчеевымъ сопровождалась изъявленіемъ искренняго сожалѣнія и сѣтованій со стороны Александра, ожидавшаго всегда

къ моей подписи?»—Указы были поднесены и подписаны. Послѣ того государь поднялся съ кресел и, когда сенаторы расположились въ прежнемъ порядкѣ на одной сторонѣ комнаты, оставилъ собраніе съ такими словами: «я оставляю васъ, милостивые государи, но надѣюсь, что вы не оставите меня и погостите съ недѣлю въ Гатчинѣ. Хозяинъ постарается, чтобы вы, среди занятій, провели время пріятно» [315].

Въ томъ же 1799 году, 1-го декабря, послѣдовало назначеніе цесаревича еще къ присутствію въ Совѣтѣ. Въ этотъ день Совѣтъ, собравшись въ гатчинскомъ дворцѣ, былъ удостоенъ высочайшаго присутствія. Прибывъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ, императоръ Павелъ открылъ засѣданіе объявленіемъ высочайшей воли о всегдашнемъ присутствіи въ Совѣтѣ его императорскаго высочества. Выразивъ благодарность августѣйшему родителю, цесаревичъ занялъ указанное ему первое мѣсто, а вслѣдъ затѣмъ Совѣтъ, съ своей стороны, принесъ императору вѣрноподданническое благодареніе за доставленіе ему счастія имѣть въ своемъ сословіи столь высокаго сотрудника, причемъ члены Совѣта: графъ Салтыковъ, Сиверсъ, Беклешевъ, баронъ Васильевъ и князь Гагаринъ, правитель канцеляріи и секретари были допущены его величествомъ къ рукѣ. За симъ начались, въ присутствіи императора «упражненія» Совѣта» [316].

Въ дѣйствительности всѣ эти разнообразныя должности, порученныя цесаревичу, сводились, по большей части, къ точному и строгому исполненію лишенныхъ существеннаго значенія мелочей службы и нисколько не могли подготовить великаго князя къ предстоявшему ему въ будущемъ высокому назначенію.

Стоитъ вникнуть въ переписку цесаревича Александра Павловича съ Аракчеевымъ за время царствованія императора Павла, чтобы воскресить картину тѣхъ мучительныхъ заботъ и непрестанныхъ тревогъ, которыми преисполнена была жизнь наслѣдника въ эту грозную эпоху.

Остановимся здѣсь нѣсколько подробнѣе на той непостижимой и вмѣстѣ съ тѣмъ роковой, по своимъ послѣдствіямъ, дружбѣ, которая связывала ученика и почитателя Лагарпа съ гатчинскимъ капраломъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ, любимцемъ Павла Петровича. Массонъ, близко знавшій Александра, какъ бывшій его наставникъ, предсказалъ это печальное явленіе; отзываясь вообще въ своихъ запискахъ съ похвалою о характерѣ великаго князя, Массонъ жалуется однако на то, что онъ склоненъ поддаваться чужому вліянію, и потому выражаетъ опасеніе, что какой нибудь наглый, невѣжественный и злой человѣкъ овладѣетъ имъ и подчинитъ его себѣ [317].

Дружба, связавшая Александра съ Аракчеевымъ, не есть плодъ павловскаго возрожденія Россіи. Напротивъ того, она, какъ уже выше упомянуто, началась еще въ концѣ царствованія Екатерины; таин-

ственное дѣло объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія связало на всю жизнь неразрывными узами этихъ двухъ столь противоположнаго свойства людей.

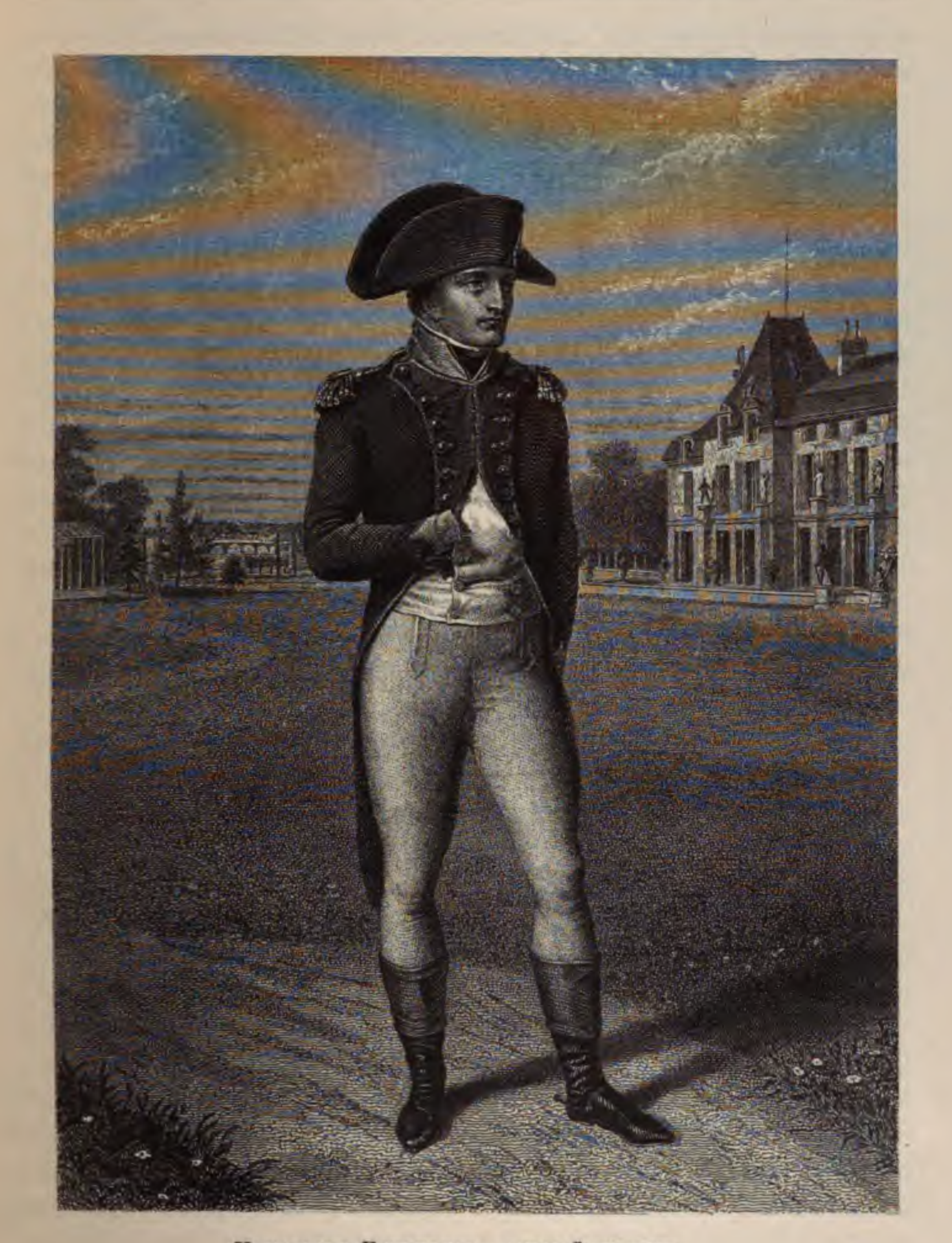
«У меня только и есть что Богъ да вы», сказалъ однажды Аракчеевъ цесаревичу Павлу Петровичу въ Гатчинѣ. — «Современемъ я сдѣлаю изъ тебя человѣка», отвѣчалъ Аракчееву милостивый покровитель его служебнаго усердія.—Императоръ Павелъ не забылъ своего обѣщанія, и послѣ 6-го ноября 1796 года открылось для Аракчеева безграничное поле для его экзерцирмейстерскихъ дарованій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сдѣлался неоцѣнимымъ и необходимымъ совѣтникомъ и оберегателемъ Александра Павловича въ сложныхъ порядкахъ тогдашней службы, усѣянной на каждомъ шагу безчисленными подводными камнями. По настоятельной просьбѣ цесаревича, Аракчеевъ съ предупредительною готовностію муштровалъ «хорошенько», когда нужно, ввѣренныя Александру войска и не оставлялъ полезными совѣтами неопытнаго еще молодого командира [318]. Доказательствомъ тому служатъ всѣ письма цесаревича къ Аракчееву, относящіяся къ царствованію Павла. «Я получилъ бездну дѣлъ», пишетъ ему Александръ, «изъ которыхъ тѣ, на которыя я не знаю какія дѣлать рѣшенія, къ тебѣ посылаю, почитая лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору».—«Прости мнѣ, другъ мой, что я тебя безпокою, но я молодъ, и мнѣ нужны весьма еще совѣты, и такъ я надѣюсь, что ты ими меня не оставишь? Прощай, другъ мой, не забудь меня и будь здоровъ».—«Смотри, ради Бога, за семеновскими», напоминаетъ Александръ въ другомъ письмѣ своему опытному руководителю въ хитростяхъ гатчинскаго ратнаго строя.

Когда цесаревичъ въ ожиданіи путешествія съ государемъ по Россіи послѣ коронаціи узнаетъ, что Аракчеевъ будетъ ихъ сопровождать, онъ пишетъ: «Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женою, которую мнѣ, признаюсь, жаль покинуть. Одно у меня безпокойство, это твое здоровье. Побереги себя ради меня».

Малѣйшее нездоровье Аракчеева вызывало постоянно со стороны его друга сердечныя опасенія и самыя тревожныя чувства. «Жаль мнѣ видѣть», пишетъ Александръ, «что ты недоволенъ своею грудью. Желаю тебѣ искренно, чтобы она поправилась, и прошу тебя—побереги себя ради Бога».

«Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ, искренно сожалѣю, что ты нездоровъ, а особливо, что ты кровью харкалъ. Ради Бога, побереги себя, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для меня. Мнѣ отмѣнно пріятно видѣть твои расположенія ко мнѣ. Я думаю, что ты не сомнѣваешься въ моемъ и знаешь, сколько я тебя люблю чистосердечно».

Всякая разлука съ Аракчеевымъ сопровождалась изъявленіемъ искренняго сожалѣнія и сѣтованій со стороны Александра, ожидавшаго всегда

Наполеонъ Бонапартъ—первый консулъ.

Съ портрета, писаннаго Изабеемъ и находящагося въ Версальскомъ музеѣ.

мѣрахъ и направленіи его дѣятельности по этому званію свѣдѣнія весьма скудны. Зная однако его корпусное образованіе и его службу, сомнѣваемся, чтобы дальнѣйшія разысканія указали на какую либо самостоятельную дѣятельность, тѣмъ болѣе, что Аракчеевъ не былъ изъ числа людей, которые чтеніемъ расширяютъ свои познанія». Признавая въ

рода неистовствамъ; онъ вырывалъ у солдатъ усы, билъ ихъ нещадно, грубилъ офицерамъ и награждалъ пощечинами[319].

Нелегко было среди этой дикой обстановки служить и самому Александру и изыскивать средства къ удовлетворенію строгихъ требованій своего родителя. Противоположность ихъ характеровъ и образа мыслей должна была привести къ взаимнымъ неудовольствіямъ; они дошли до того, что цесаревичъ въ 1797 году заговорилъ объ отставкѣ и повѣрилъ эту тайну Аракчееву. Въ письмѣ, относящемся вѣроятно къ августу мѣсяцу, мы читаемъ: «Теперь я долженъ твое желаніе исполнить и сказать тебѣ, что меня очень хорошо сегодня приняли и ничего о прошедшемъ не упоминали: еще вчерась мнѣ милостивые отзывы были чрезъ мою жену, такъ какъ, напримѣръ, чтобы я не сердился на него и тому подобное. Впрочемъ, сіе не перемѣняетъ моего желанія идтить въ отставку, но, къ несчастію, мудрено, чтобы оно сбылось[320]. — Отпиши мнѣ, каково учится мой баталіонъ, да, пожалуй, не шутя, а скажи сущую правду безъ обиняковъ.—Прощай, другъ мой, будь здоровъ и не забывай меня. Твой вѣрный другъ».

Въ другомъ письмѣ, вѣроятно, того же 1797 года, Александръ сообщаетъ Аракчееву подробности о своихъ служебныхъ мученіяхъ: «Завтра у насъ маневръ. Богъ знаетъ, какъ пойдетъ. Я сомнѣваюсь, чтобы хорошо было. Я хромой. Въ проклятой фальшивой тревогѣ помялъ опять ту ногу, которая была уже помята въ Москвѣ, и только что могу на лошади сидѣть, а ходить способу нѣтъ; и такъ, я съ постели на лошадь, а съ лошади на постель».

Представленныя нами выдержки изъ писемъ Александра достаточно свидѣтельствуютъ о глубинѣ сердечныхъ чувствъ писавшаго эти строки, вся послѣдующая жизнь котораго служитъ подтвержденіемъ его неизмѣннаго расположенія къ Аракчееву—расположенія, не подвергавшагося никакимъ колебаніямъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, не смотря на нѣкоторую измѣнчивость въ привязанностяхъ, свойственную вообще этому будущему властелину! Дѣйствительно, въ 1820 году, Александръ имѣлъ полное право писать Аракчееву: «Двадцать пять лѣтъ могли тебѣ доказать искреннюю мою привязанность къ тебѣ, и что я не перемѣнчивъ»[321].

Щедрыя милости, которыми императоръ Павелъ осыпалъ Аркачеева, не спасли его однако отъ неизбѣжной опалы.

Къ несчастію для Аракчеева, кромѣ муштрованія войскъ, ему была поручена и должность генералъ-квартирмейстера всей арміи, которая, конечно, не соотвѣтствовала ни дарованіямъ, ни знаніямъ этого неподражаемаго экзерцирмейстера. Въ свѣдѣніяхъ объ Аракчеевѣ, собранныхъ В. Ратчемъ[322], усердный панегиристъ его не могъ даже сообщить ничего похвальнаго о дѣятельности Алексѣя Андреевича, какъ генералъ-квартирмейстера; онъ ограничился слѣдующею характерною замѣткою: «О раз-

Сверхъ того, Аракчеевъ публично осыпалъ ругательствами въ строю преображенцевъ и, обходя ряды, щедрою рукою награждалъ людей ударами своей трости. Всѣ эти служебные подвиги Аракчеева вызвали наконецъ неудовольствіе государя; на этотъ разъ Павелъ внялъ общему воплю и разстался съ своимъ любимцемъ.

29-го января 1798 года подполковникъ Ленъ былъ исключенъ изъ списковъ умершимъ, а затѣмъ 1-го февраля Аракчеевъ уволенъ въ отпускъ до излеченія, и 2-го февраля генералъ-лейтенантъ Германъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ. Аракчеевъ немедленно отправился въ Грузино. Но этимъ невзгоды его не ограничились; 18-го марта последовалъ приказъ, по которому генералъ-маіоръ баронъ Аракчеевъ отставляется отъ службы, но съ награжденіемъ чина генералъ-лейтенанта.

Вскорѣ послѣ этого, весною 1798 года, во время путешествія, предпринятаго императоромъ Павломъ въ сопровожденіи сыновей въ Москву, цесаревичъ Александръ не упустилъ случая написать своему опальному другу нѣсколько словъ утѣшенія и ободренія. Письмо написано было въ Валдаѣ 7-го мая и заключалось въ слѣдующемъ:

«Любезный другъ Алексѣй Андреевичъ! Подъѣзжая къ Вышнему Волочку, душевно бы желалъ тебя увидѣть и сказать тебѣ изустно, что я такой же тебѣ вѣрный другъ, какъ и прежде. Признаюсь однако же, что я виноватъ передъ тобою и что давно къ тебѣ не писалъ; но, ей-Богу, отъ того произошло, что я не имѣлъ минуты для сего времени и я надѣюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобы могъ усумниться обо мнѣ. — Если ты сіе сдѣлалъ, то по чести согрѣшилъ и крайне меня обидѣлъ, но я надѣюсь, что сего не было. Прощай, другъ мой! Не забудь меня и пиши ко мнѣ, чѣмъ ты меня крайне одолжишь. Такъ же поболѣе смотри за своимъ здоровьемъ, которое, я надѣюсь, поправится; по крайней мѣрѣ, желаю онаго отъ всего сердца и остаюсь на вѣкъ твой вѣрный другъ».

Первая опала, постигшая Аракчеева, была непродолжительна; заступничество «вѣрнаго друга», вѣроятно, умѣрило неудовольствіе государя и содѣйствовало къ скорому возвращенію на службу столь усерднаго и преданнаго дѣятеля. Дѣйствительно, 29-го іюля 1798 года наслѣдникъ могъ уже сообщить Аракчееву радостную вѣсть о вызовѣ изъ Грузина въ Петербургъ.

Александръ писалъ изъ Петергофа:

«Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я имѣю порученіе отъ государя тебѣ написать, что онъ имѣетъ нужду до тебя и чтобы ты пріѣхалъ къ нему. Я отмѣнно радуюсь сему случаю, который мнѣ причинитъ веселіе тебя видѣть, чего уже давно я желаю. Исполнивъ волю государя, не остается мнѣ другого какъ пожелать тебѣ отъ искренняго сердца здоровья и хорошаго пути. Прощай, другъ мой! Твой вѣрный другъ».

цемъ вѣчнаго труженика, проводившаго охотно цѣлые часы за штатами и вѣдомостями, Ратчъ полагаетъ, что Аракчеевъ былъ въ должности генералъ-квартирмейстера только исполнителемъ повелѣній государя.

По свидѣтельству графа Толя, служба офицеровъ по квартирмейстерской части подъ начальствомъ Аракчеева была «преисполнена отчаянія». Отъ семи часовъ утра до семи часовъ вечера, съ двухъчасовымъ перерывомъ для обѣда, эти несчастные офицеры занимались нескончаемымъ перечерчиваніемъ старыхъ, большею частью, безполезныхъ плановъ. Аракчеевъ, со свойственною ему неукротимостію и фанатическимъ тиранствомъ, настаивалъ на точномъ и скоромъ исполненіи поручаемой работы; онъ былъ убѣжденъ, что если при Екатеринѣ офицеры имѣли много празднаго времени, то, занимаясь съ утра до вечера хотя и безполезною работою, подчиненные его будутъ все-таки отвлечены отъ вреднаго умствованія, и этимъ соблюдена будетъ польза службы.

Дополнимъ очеркъ просвѣщенной служебной дѣятельности этого выдающагося представителя разсматриваемой печальной эпохи портретомъ его, нарисованнымъ однимъ изъ современниковъ[323]: «По наружности Аракчеевъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ; въ его складѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутуловатъ и имѣлъ длинную, тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомію жилъ и мышецъ. Сверхъ того, онъ какъ-то судорожно морщилъ подбородокъ. У него были большія мясистыя уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная въ сторону, щеки впалыя, носъ широкій и угловатый, ноздри вздутыя, ротъ большой, лобъ нависшій. Чтобы дорисовать его портретъ, у него были впалые сѣрые глаза, и все выраженіе его лица представляло странную смѣсь ума и злости».

Будучи генералъ-квартирмейстеромъ, Аракчеевъ жилъ надъ залою, въ которой производилось черченіе плановъ, и раза по два и по три въ день являлся среди офицеровъ. При малѣйшемъ поводѣ, подъ самыми ничтожными предлогами, онъ осыпалъ ихъ самою отборною бранью и разъ даже забылся до того, что молодому колонновожатому Фитингофу далъ пощечину. Въ другой разъ, въ январѣ 1798 года, гнѣвъ его разразился надъ подполковникомъ Леномъ, сподвижникомъ Суворова и георгіевскимъ кавалеромъ; онъ обругалъ Лена самыми позорнѣйшими словами. Несчастная жертва его гнѣва, онъ, молча выслушавъ брань и возвратившись домой, написалъ письмо къ Аракчееву и затѣмъ застрѣлился. Къ счастью, подполковникъ Ленъ былъ лично извѣстенъ государю и рекомендованъ ему графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ; поэтому трагическая кончина славнаго офицера возбудила общее вниманіе и надѣлала много шуму въ городѣ. Императоръ потребовалъ письмо Лена.

Сверхъ того, Аракчеевъ публично осыпалъ ругательствами въ строю преображенцевъ и, обходя ряды, щедрою рукою награждалъ людей ударами своей трости. Всѣ эти служебные подвиги Аракчеева вызвали наконецъ неудовольствіе государя; на этотъ разъ Павелъ внялъ общему воплю и разстался съ своимъ любимцемъ.

29-го января 1798 года подполковникъ Ленъ былъ исключенъ изъ списковъ умершимъ, а затѣмъ 1-го февраля Аракчеевъ уволенъ въ отпускъ до излеченія, и 2-го февраля генералъ-лейтенантъ Германъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ. Аракчеевъ немедленно отправился въ Грузино. Но этимъ невзгоды его не ограничились; 18-го марта послѣдовалъ приказъ, по которому генералъ-маіоръ баронъ Аракчеевъ отставляется отъ службы, но съ награжденіемъ чина генералъ-лейтенанта.

Вскорѣ послѣ этого, весною 1798 года, во время путешествія, предпринятаго императоромъ Павломъ въ сопровожденіи сыновей въ Москву, цесаревичъ Александръ не упустилъ случая написать своему опальному другу нѣсколько словъ утѣшенія и ободренія. Письмо написано было въ Валдаѣ 7-го мая и заключалось въ слѣдующемъ:

«Любезный другъ Алексѣй Андреевичъ! Подъѣзжая къ Вышнему Волочку, душевно бы желалъ тебя увидѣть и сказать тебѣ изустно, что я такой же тебѣ вѣрный другъ, какъ и прежде. Признаюсь однако же, что я виноватъ передъ тобою и что давно къ тебѣ не писалъ; но, ей-Богу, отъ того произошло, что я не имѣлъ минуты для сего времени и я надѣюсь, что ты довольно меня коротко знаешь, чтобы могъ усумниться обо мнѣ. — Если ты сіе сдѣлалъ, то по чести согрѣшилъ и крайне меня обидѣлъ, но я надѣюсь, что сего не было. Прощай, другъ мой! Не забудь меня и пиши ко мнѣ, чѣмъ ты меня крайне одолжишь. Такъ же поболѣе смотри за своимъ здоровьемъ, которое, я надѣюсь, поправится; по крайней мѣрѣ, желаю онаго отъ всего сердца и остаюсь на вѣкъ твой вѣрный другъ».

Первая опала, постигшая Аракчеева, была непродолжительна; заступничество «вѣрнаго друга», вѣроятно, умѣрило неудовольствіе государя и содѣйствовало къ скорому возвращенію на службу столь усерднаго и преданнаго дѣятеля. Дѣйствительно, 29-го іюля 1798 года наслѣдникъ могъ уже сообщить Аракчееву радостную вѣсть о вызовѣ изъ Грузина въ Петербургъ.

Александръ писалъ изъ Петергофа:

«Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! Я имѣю порученіе отъ государя тебѣ написать, что онъ имѣетъ нужду до тебя и чтобы ты пріѣхалъ къ нему. Я отмѣнно радуюсь сему случаю, который мнѣ причинитъ веселіе тебя видѣть, чего уже давно я желаю. Исполнивъ волю государя, не остается мнѣ другого какъ пожелать тебѣ отъ искренняго сердца здоровья и хорошаго пути. Прощай, другъ мой! Твой вѣрный другъ».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

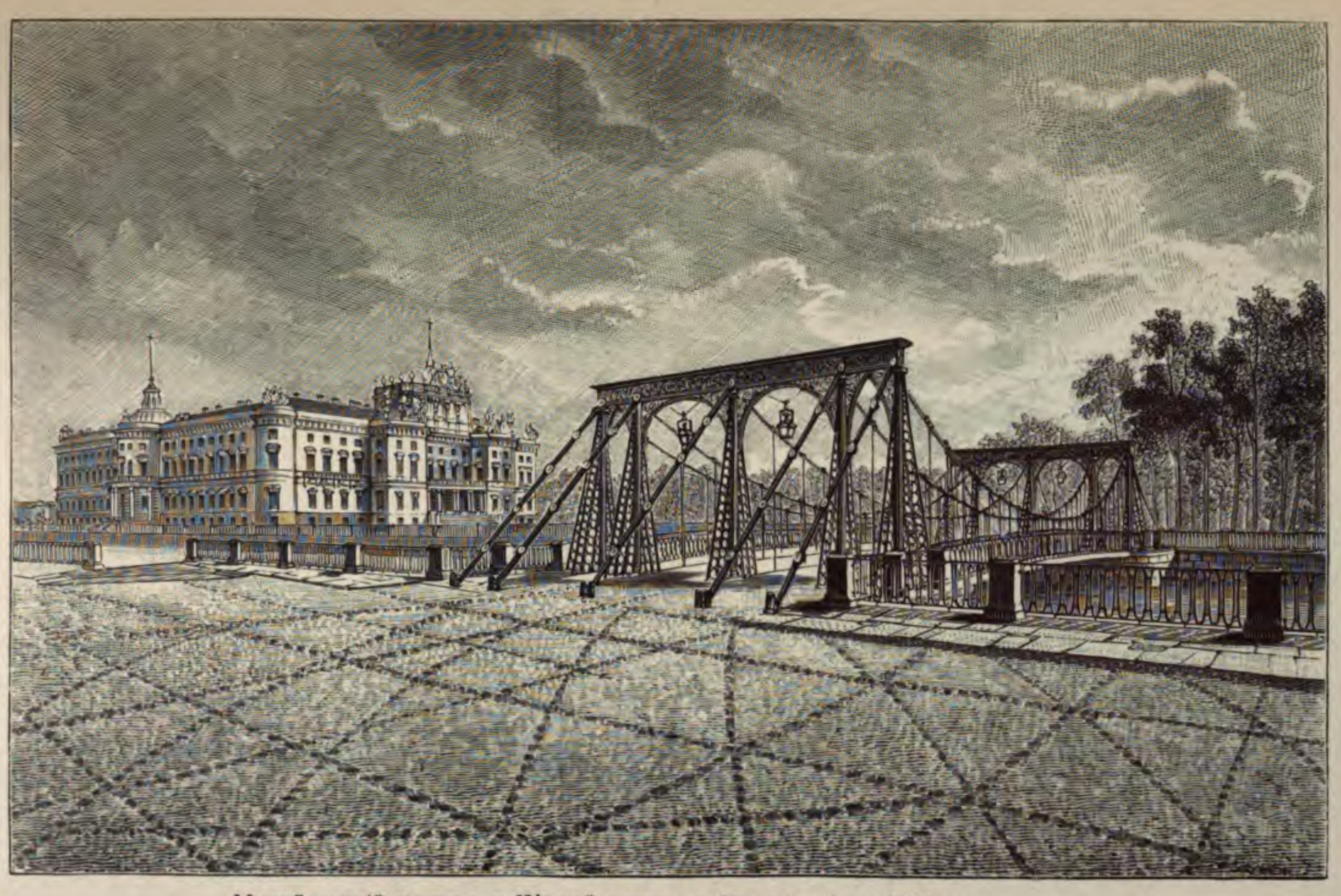
Приказомъ отъ 11-го августа 1798 года Аракчеевъ былъ вторично принятъ въ службу, а затѣмъ счастіе съ новымъ блескомъ возсіяло надъ его главою: 22-го декабря 1798 года Аракчеевъ вступилъ въ прежнюю должность генералъ-квартирмейстера, 4-го января 1799 года былъ назначенъ командиромъ гвардіи артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ всей артиллеріи, 5-го января награжденъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, съ командорствомъ по 1,000 рублей въ годъ, а 5-го мая пожалованъ графомъ. Сверхъ сего новый гербъ Аракчеева украсился собственноручною надписью императора Павла: «Безъ лести преданъ»[324].

Но въ томъ же 1799 году быстрое служебное возвышеніе Аракчеева вторично прервалось. Невзгоды, постигшія его въ 1798 году, конечно, не измѣнили ни характера, ни служебныхъ пріемовъ суроваго временщика. Аракчеевъ попрежнему являлся придирчивымъ, жестокимъ начальникомъ, заботившимся болѣе о томъ, чтобы находить безпорядки и неисправности, нежели отдавать должное разумному усердію и истиннымъ заслугамъ подчиненныхъ; своимъ недовѣрчивымъ отношеніемъ онъ отравлялъ охоту къ службѣ и истреблялъ любовь къ ней. Не имѣя въ душѣ ни къ кому снисхожденія, онъ утомлялъ и раздражалъ государя донесеніями о мелочныхъ отступленіяхъ отъ порядка службы. Наконецъ, наговоры и жалобы, доходившія до его державнаго покровителя, должны были подготовить почву для вожделѣннаго избавленія русскаго воинства отъ этого гатчинскаго бича[325]. Аракчеевъ самъ подалъ къ тому непосредственный поводъ.

Въ артиллерійскомъ арсеналѣ хранилась старинная колесница для артиллерійскаго штандарта, обитая бархатомъ съ золотыми кистями и галуномъ. Какой-то артиллерійскій солдатъ, найдя возможнымъ пролѣзть сквозь довольно рѣдкую чугунную рѣшетку окна, обрѣзалъ галунъ и кисти и унесъ ихъ незамѣтно отъ стоявшаго при арсенальномъ зданіи караула. Въ то время ни одинъ малѣйшій случай неисправности не могъ скрыться отъ вниманія Павла, и графу Аракчееву, по званію инспектора всей артиллеріи, надлежало немедленно донести о томъ государю. Въ настоящемъ случаѣ Аракчеевъ былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе: родной братъ его, генералъ-маіоръ Андрей Андреевичъ, командовалъ артиллерійскимъ баталіономъ, отъ котораго стоялъ караулъ при арсеналѣ во время случившейся покражи[326]. Аракчеевъ донесъ государю, что во время происшествія караулъ былъ наряженъ отъ полка генералъ-лейтенанта Вильде. Павелъ немедленно повелѣлъ отставить Вильде отъ службы[327]. Пострадавшій невинно генералъ обратился тогда къ защитѣ Кутайсова и объяснилъ ему безчестный поступокъ Аракчеева. Кутайсовъ поспѣшилъ открыть императору Павлу истину. Въ тотъ самый день вечеромъ былъ у государя балъ

votre Excellence

il faut que vous ayés la bonté
tous les ordres, que vous avés de
et st alexandre, en tous ce q
avés pas, en demandant les ordr
Sa majesté l'empereur
jenvoyerés sur le chan un

Михайловскій дворецъ и Цѣпной мостъ въ Петербургѣ въ 1824 году.

Съ рисунка съ натуры Сабата.

въ Гатчинѣ (30-го сентября). Аракчеевъ, ничего не подозрѣвая, явился во дворецъ, но лишь только Павелъ его увидѣлъ, какъ послалъ, чрезъ генералъ-адъютанта Котлубицкаго, приказаніе—ѣхать Аракчееву домой. На слѣдующее утро, 1-го октября 1799 года, послѣдовалъ высочайшій приказъ: «Генералъ-лейтенантъ Аракчеевъ 1-й за ложное донесеніе о безпорядкахъ и что въ противность устава нарядилъ дежурнымъ штабъ-офицера изъ другого баталіона, а не отъ того, который стоялъ тогда въ караулѣ, отставляется отъ службы. — Генералъ-маіоръ Аракчеевъ 2-й за случившуюся покражу въ арсеналѣ во время бытности тамъ въ караулѣ его баталіона отставляется отъ службы». Въ томъ же приказѣ сказано было, что генералъ Вильде принимается попрежнему въ службу.

На вахтъ-парадѣ 1-го октября вѣсть объ отставкѣ Аракчеева пронеслась между присутствовавшими и возбудила всеобщую радость въ служебномъ мірѣ. Цесаревичъ Александръ Павловичъ, прибывъ также до начала развода на плацъ, подошелъ къ генералъ-маіору П. А. Тучкову съ словами: «А слышалъ ты объ Аракчеевѣ и знаешь кто вмѣсто его назначенъ?»—«Знаю, ваше высочество, Амбразанцевъ»[328].—«Каковъ онъ?»—«Онъ пожилой человѣкъ, можетъ быть, не такъ знаетъ фронтовую часть, но, говорятъ, добрый и честный человѣкъ».—«Ну, слава Богу», отвѣчалъ Александръ, «эти назначенія настоящая лотерея, могли бы попасть опять на такого мерзавца, какъ Аракчеевъ»[329].

Къ этому разсказу очевидца, П. А. Тучкова, присоединено слѣдующее разсужденіе: «Превратность судьбы человѣка непостижима! Прежнее мнѣніе императора Александра объ Аракчеевѣ не давало повода предполагать, что когда нибудь человѣкъ этотъ будетъ связанъ тѣсною дружбою съ государемъ».—П. А. Тучковъ еще болѣе удивился бы, если ему пришлось бы читать письмо цесаревича Александра къ графу Аракчееву отъ 15-го октября 1799 года:

«Я надѣюсь, другъ мой», пишетъ Александръ изъ Гатчины, «что мнѣ нужды нѣтъ при семъ несчастномъ случаѣ возобновить увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ; ты имѣлъ довольно опытовъ объ оной и я увѣренъ, что ты объ ней и не сомнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится. — Я справлялся вездѣ о помянутомъ ложномъ донесеніи, но никто объ немъ ничего не знаетъ и никакой бумаги такого рода ни отъ кого совсѣмъ въ государеву канцелярію не входило; а государь, призвавши Ливена, продиктовалъ ему самъ тѣ слова, которыя стоятъ въ приказѣ[330]. Если что нибудь было, то съ побочной стороны. Но я вижу по всему дѣлу, что государь воображалъ, что покража въ арсеналѣ была сдѣлана по иностраннымъ наученіямъ. И такъ какъ воры уже сысканы, какъ уже я думаю тебѣ и извѣстно, то онъ ужасно удивился, что обманулся въ своихъ догадкахъ. Онъ за мною тот-

Генеральный планъ Михайловскаго дворца.

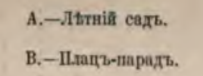
A.—Лѣтній садъ.

B.—Плацъ-парадъ.

C.—Садъ.

D.—Бассейнъ.

E.—Симеоновскій мостъ.

Каналъ

Фонтанки

Мойка

Б.Л. Беме.

1.—Ворота съ рѣшеткою.

2.—Экзерциргаузъ.

3.—Конюшни.

4.—Павильоны.

5.—Службы и жилье.

6.—Каналы.

7.—Констабель или площадь.

8.—Памятникъ Петру I.

9.—Замокъ.

10.—Подъемные мосты.

11.—Тройной каменный мостъ.

12.—Каменный мостъ.

Уменьшенная копія съ плана, сдѣланнаго при императорѣ Павлѣ I.

часъ прислалъ и заставилъ пересказать, какъ покража сдѣлалась, послѣ чего сказалъ мнѣ: я былъ все увѣренъ, что это по иностраннымъ проискамъ. Я ему на это отвѣчалъ, что иностраннымъ мало пользы будетъ въ пяти старыхъ штандартахъ. Тѣмъ и кончилось. Про тебя же ни слова мнѣ не говорилъ и видно, что ему сильныя внушенія на тебя сдѣланы, потому что я два раза просилъ за Апрѣлева, который и дѣла совсѣмъ съ тѣмъ не имѣлъ, но онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ согласиться, не почему иному, кажется, какъ потому, что Апрѣлевъ отъ тебя шелъ[331]. — Прощай, другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается».

Аракчеевъ не уѣхалъ тотчасъ въ Грузино. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее письмо, написанное имъ цесаревичу Александру Павловичу 21-го ноября 1799 года изъ Петербурга, въ которомъ онъ просилъ заступничества великаго князя за своего брата, пострадавшаго одновременно съ графомъ по случаю покражи въ арсеналѣ:

«Ваше императорское высочество!

«Всемилостивѣйшій государь!

«Сдѣлавшись несчастнымъ, сношу оное съ прискорбіемъ въ полной мѣрѣ тяжести онаго; но положеніе моего родного брата, генералъ-маіора, обременяетъ меня, ваше императорское высочество, и доводитъ до отчаянія, — которой, чрезъ меня сдѣлавшись нынѣ виннымъ и будучи молодой человѣкъ, находится въ праздности безъ службы; а какъ военнымъ судомъ въ покражѣ изъ арсенала караулъ и караульный офицеръ бывшаго его баталіона оправданы, то и припадаю слезно къ стопамъ вашего императорскаго высочества, сдѣлать мнѣ одну наивеличайшую вашу отеческую милость, исходатайствуйте ему у милосерднаго нашего государя императора прощеніе, опредѣленіемъ его опять въ службу, дабы онъ, будучи молодой человѣкъ, могъ заслужить и жертвовать своею жизнію за всѣ милости къ нашей фамиліи.

«Вашего императорскаго высочества слово въ милосердый часъ у государя императора можетъ оную милость испросить, а нечье болѣе.— Я же оную милость вашего императорскаго высочества до конца жизни моей буду имѣть незабвенною и, утѣшая себя надеждою получить милосердый отвѣтъ вашего императорскаго высочества, пребуду на вѣки вѣрнѣйшимъ вѣрноподданнымъ,

«графъ Аракчеевъ»[332].

Прямого отвѣта наслѣдника на слезное моленіе графа Аракчеева намъ не удалось найти. Существуетъ только письмо Александра Павловича къ графу, отъ 12-го декабря, которое должно быть отнесено къ

французскою республикою, вызвало неудовольствіе императора Павла противъ этого двора; Баденскіе принцы были лишены шефства въ русскихъ полкахъ[337], и гнѣвъ государя не замедлилъ отразиться и на добрыхъ отношеніяхъ его къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Легко было недоброжелателямъ ея, пользуясь этой обстановкой, возбудить подозрѣніе въ умѣ Павла противъ невѣстки и поселить путемъ клеветы раздоръ въ семьѣ...

Въ дневникѣ графа Ростопчина о словесныхъ повелѣніяхъ императора Павла записано 26-го февраля 1799 года: «кредитивы отъ баденскаго двора взять назадъ. Письма на имя великой княгини Елисаветы Алексѣевны приходящія перлюстровать». Въ томъ же году 19-го іюня графъ Ростопчинъ пишетъ: «Qu'on doit notifier de la part des deux Cours Impériales au Margrave de Bade que s'il ne change point de conduite et ne renonce pas à la paix avec les Français qu'il sera traduit au ban de l'Empire»[338].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Для уясненія политическаго наслѣдія, полученнаго впослѣдствіи Александромъ Павловичемъ отъ своего родителя, необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ о характерѣ внѣшней политики, усвоенной Россіею съ воцареніемъ Павла I-го.

Съ 6-го ноября 1796 года государственный эгоизмъ, составляющій, по справедливому выраженію неподражаемаго политическаго учителя новѣйшаго времени, единственную здоровую основу великаго государства, совершенно исчезаетъ съ послѣдующихъ страницъ русской исторіи[339]. Настаетъ царство романтики! Естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго измѣненія въ политическихъ взглядахъ явилось убѣжденіе, что екатерининскій государственный эгоизмъ составляетъ заблужденіе и тяжкій грѣхъ царствованія великой императрицы[340].

По волѣ преемника Екатерины политическая система имперіи Россійской должна была изъ сообраˍженной на видахъ пріобрѣтеній обратиться въ

удаленную совершенно отъ всякаго желанія завоеванія. На этомъ основаніи казалось, что новый государь намѣренъ со всѣми державами сохранить миръ и доброе согласіе, отказываясь отъ всякихъ военныхъ предпріятій. Дѣйствительно, война съ Персіею была прекращена и рекрутскій наборъ отмѣненъ. Но, при всемъ явномъ миролюбіи, правительство заявило намѣреніе, оставаясь въ твердой связи съ своими союзниками, «противиться всевозможными мѣрами неистовой французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія». Подобная оговорка воспрепятствовала даровать Россіи то пренужное и желаемое отдохновеніе послѣ безпрерывныхъ военныхъ тревогъ, продолжавшихся съ 1756 года сорокъ лѣтъ, о чемъ было заявлено послѣ смерти Екатерины; это обстоятельство открывало широко двери австрійскимъ и англійскимъ проискамъ и дозволило втянуть Россію въ войну противъ французскаго «богомерзкаго правленія». Иностранной дипломатіи удалось наконецъ достигнуть преслѣдуемую тщетно при Екатеринѣ завѣтную цѣль: выманить русскую армію заграницу. Такимъ образомъ, на поляхъ Италіи и среди Альпъ завязалась борьба, которая современемъ привела всю континентальную Европу въ Кремль и нашу армію въ Парижъ. Съ этого времени за русскою арміею надолго упрочивается наименованіе дивизіи: «de la grande armée de la bonne cause»[341].

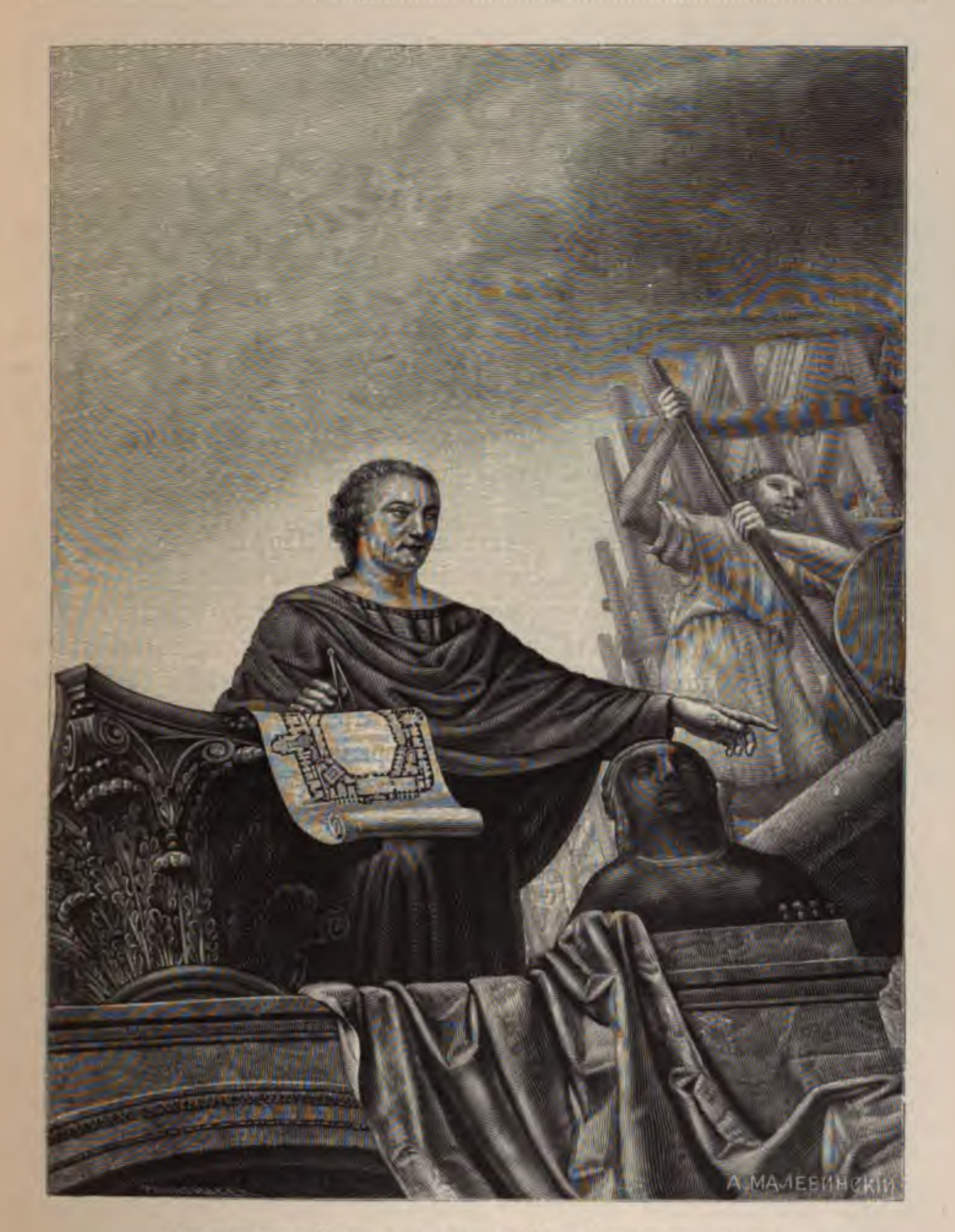
Сторонникъ новой политической программы, установленной въ 1796 году, написалъ по этому поводу слѣдующій диѳирамбъ: «Дотолѣ войны предпринимаемы были правительствами Европы съ цѣлью огражденія своихъ земель отъ сильнаго врага или для распространенія своихъ предѣловъ и владычества. Безразсудно и несправедливо было бы, со стороны русскаго, порицать сіи побудительныя причины къ войнамъ XVIII столѣтія, которымъ мы обязаны могуществомъ нашимъ на сушѣ и на моряхъ Европы, прославленіемъ и возвеличеніемъ Россіи, преобладаніемъ ея на магометанскомъ Востокѣ, покоряющемся одной силѣ матеріальной. Но въ концѣ сего вѣка Россія вознеслась еще выше, сдѣлавшись не покорительницею, а защитницею народовъ, употребивъ грозныя силы свои на великодушное, безкорыстное вспоможеніе слабымъ противъ сильныхъ, утѣсненнымъ противъ утѣснителей, правымъ противъ коварныхъ, вѣрующимъ противъ нечестивцевъ. И эта великая, истинно царская, истинно христіанская мысль возникла въ рыцарской душѣ императора Павла. Исполненіе соотвѣтствовало ея величію: Суворовъ осуществилъ предположенія своего государя, поразилъ врага, изумилъ Европу, воскресилъ въ ней надежду на спасеніе и блескомъ италійскаго похода даровалъ четырехъ-лѣтнему царствованію Павла воинскую славу, которой стало бы и на сорокъ лѣтъ. Великодушныя намѣренія императора Павла не увѣнчались успѣхомъ по винѣ другихъ, но брошенное

Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

Съ гравированнаго портрета Ухтомскаго.

Фототипія А. И. Вильборгъ С.П.Б. Мещ. 16.

Архитекторъ Бреннъ, строитель Михайловскаго дворца.

Съ картины, сохранившейся на одномъ изъ плафоновъ Михайловскаго дворца.

имъ сѣмя добра принесло плоды въ свое время. Черезъ пятнадцать лѣтъ сынъ его, императоръ Александръ, окончилъ со славою брань, подъятую имъ равномѣрно за независимость и благоденствіе Европы, водрузилъ побѣдоносныя русскія знамена среди враждебнаго дотолѣ Парижа». Въ заключеніе авторъ призываетъ потомство воздать дань

признательности памяти императора Павла, давшаго первое направленіе сему неслыханному дотолѣ въ исторіи великодушію и самопожертвованію.

Если съ воцареніемъ Павла измѣнилась европейская политика Россіи, то отношенія ея къ Оттоманской Портѣ установились также на небывалыхъ доселѣ основаніяхъ. 23-го декабря 1798 года, заключенъ былъ съ нею союзный и оборонительный договоръ, вслѣдствіе котораго, къ изумленію правовѣрныхъ, русскій флотъ вступилъ въ Босфоръ и проходилъ подъ стѣнами сераля въ качествѣ союзника падишаха. Такимъ образомъ и Турція присоединилась къ европейской коалиціи противъ республиканской Франціи, въ которой, какъ выразился императоръ Павелъ въ одномъ рескриптѣ, «развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка» попрали законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ.

Отъ участія въ коалиціи уклонилась одна Пруссія; не чувствуя ни малѣйшаго призванія сражаться изъ-за отвлеченнаго принципа съ революціонными идеями, олицетворяемыми французскою республикою, берлинскій кабинетъ только и помышлялъ, какъ бы воспользоваться европейскими усложненіями, чтобы округлить свои владѣнія безъ особыхъ пожертвованій и усилій. Базельскій трактатъ и дополнительное къ нему условіе, подписанные обѣими державами 5-го августа 1795 года, обусловливали нейтралитетъ Пруссіи и обезпечивали за нею въ будущемъ значительное расширеніе територіи. До тѣхъ поръ, пока императоръ Павелъ въ своей политикѣ оставался вѣренъ принципамъ мира и умѣренности, провозглашеннымъ имъ при вступленіи на престолъ, конечно, нельзя было ожидать никакого важнаго столкновенія между Россіею и Пруссіею. Но вскорѣ настойчивыя представленія кабинетовъ лондонскаго и вѣнскаго, ходатайство и убѣжденія французскихъ эмигрантовъ и, наконецъ, личный пылкій и неудержимый характеръ Павла придали его дѣйствіямъ совершенно противоположное направленіе; онъ вообразилъ, что призваніе его состоитъ въ томъ, чтобы возстановить все то, что было разрушено французскою революціею, и возвести низверженныхъ ею вѣнценосцевъ опять на ихъ престолы. При такихъ измѣнившихся взглядахъ императоръ Павелъ употребилъ всевозможныя усилія, чтобы привлечь Пруссію на сторону коалиціи; но тѣмъ не менѣе представители союзныхъ державъ продолжали получать со стороны берлинскаго кабинета самые уклончивые отвѣты и не могли вывести его изъ принятаго нейтральнаго положенія. Пруссія, очевидно, разсчитывала извлечь для себя изъ Базельскаго трактата всѣ желаемыя выгоды безъ объявленія войны французской республикѣ. Подобное упорство Пруссіи тѣмъ болѣе раздражало императора Павла, что въ это время австро-русскія войска уже одерживали въ Италіи побѣду за

побѣдой. Минута была рѣшительная: содѣйствіе Пруссіи на сѣверѣ должно было бы окончательно рѣшить торжество коалиціи. Переговоры въ Берлинѣ кончились однако тѣмъ, что 25-го іюля 1799 года русскій посланникъ графъ Никита Петровичъ Панинъ былъ отозванъ отъ прусскаго двора[342].

Въ это время международныя отношенія Россіи усложнились еще однимъ совершенно новымъ разсчетомъ, который доселѣ не входилъ въ соображенія русскаго правительства. Императору Павлу благоугодно было принять достоинство великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. 29-го ноября 1798 года состоялась по этому случаю въ Зимнемъ дворцѣ торжественная церемонія: была допущена къ аудіенціи депутація капитула ордена, которая провозгласила императора своимъ великимъ магистромъ. Государь и великіе князья Александръ и Константинъ, а также и всѣ кавалеры ордена, въ ознаменованіе присяги, воздѣвали шляпы, обнажали и уклоняли шпаги, а знаменосецъ—орденское знамя. Въ тотъ же день появился манифестъ, въ которомъ объявлялось «новое заведеніе ордена св. Іоанна Іерусалимскаго въ пользу благороднаго дворянства Имперіи Всероссійской», чтобы открыть для нихъ «новый способъ къ поощренію честолюбія на распространеніе подвиговъ ихъ, отечеству полезныхъ и намъ угодныхъ». По остроумному объясненію одного русскаго дипломата, новый великій магистръ смотрѣлъ на это учрежденіе, какъ на послушничество (noviciat), въ которомъ дворянство всѣхъ европейскихъ государствъ должно было почерпать чувства чести и вѣрности, необходимыя ему, чтобы противиться воцаренію идеи равенства, которая уже готова была охватить всѣ слои общества»[343].

Съ этого времени островъ Мальта пріобрѣтаетъ выдающееся значеніе въ русской политикѣ конца XVIII вѣка; это значеніе было настолько велико, что всякая держава, которая осмѣливалась владѣть Мальтою въ ущербъ правамъ великаго магистра, должна была вызвать противъ себя непримиримую вражду императора Павла[344]. Всѣ эти необыкновенныя политическія усложненія усиливались еще неустойчивостью убѣжденій и намѣреній государя. Графъ С. Р. Воронцовъ справедливо замѣтилъ: «Tout se fait chez nous avec une précipitation et une véhémence incroyable: cela fait frémir et je ne vois aucun frein à tout cela»[345]. Датскій посланникъ Розенкранцъ пришелъ къ такому же убѣжденію и жалуется въ своихъ депешахъ, что трудно имѣть успѣхъ при дворѣ, въ которомъ «слѣпой случай, прихоть государя дѣлаютъ невозможнымъ что либо разсчитать, что либо предвидѣть, и подвергаютъ насъ самымъ непріятнымъ случайностямъ». Тѣ же мысли высказываетъ Тугутъ въ своей перепискѣ; въ 1797 году онъ упоминаетъ лишь мимоходомъ о нѣсколько оригинальномъ характерѣ Павла, но въ началѣ 1800 года онъ уже

пишетъ: «du reste on ne peut que mettre bien peu de prix à l'amitié du moment qui le lendemain se trouvera peut-être changée en fureur»[346]. Наконецъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ сознавался, что никакая политическая система не была мыслима при государѣ, «который все хотѣлъ дѣлать самъ, который требовалъ, чтобы повелѣнія его исполнялись немедленно, и не допускалъ никакого противорѣчія своей волѣ. Приходилось наблюдать крайнюю осторожность, ловить благопріятныя мгновенія и пользоваться добрымъ расположеніемъ его духа, чтобы достигнуть отмѣны отданнаго приказанія, разубѣдить его въ чемъ либо и склонить его къ мнѣнію, которое казалось мнѣ тогда лучшимъ»[347].

При такой обстановкѣ неудивительно, что 1800 годъ ознаменованъ былъ необычайными событіями: коалиція распалась, произошелъ полный разрывъ союза Россіи съ Австріею и съ Англіею[348], и, къ довершенію общаго недоумѣнія, замѣчались признаки предстоящаго въ близкомъ будущемъ сближенія Россіи съ Франціею.

Какими взглядами руководствовался въ эту тревожную эпоху императоръ Павелъ, лучше всего видно изъ разговора его съ датскимъ посланникомъ Розенкранцомъ, который пишетъ: «Государь сказалъ, что политика его вотъ уже три года остается неизмѣнною (invariable) и связана съ справедливостью, тамъ, гдѣ его величество полагаетъ ее найти; долгое время онъ былъ того мнѣнія, что справедливость находится на сторонѣ противниковъ Франціи, правительство которой угрожало всѣмъ державамъ; теперь же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ, по существу, что измѣняетъ положеніе дѣла (maintenant nous sommes à la veille de voir un roi établi dans ce pays-là, si non de nom, du moins de fait, ce qui change la thèse); онъ бросилъ сторонниковъ этой партіи, которая и есть австрійская, когда обнаружилось, что справедливость не на ея сторонѣ; то же самое онъ испыталъ относительно англичанъ; онъ склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или другому правительству, къ той или другой націи, и тѣ, которые иначе судятъ о его политикѣ, положительно ошибаются»[349].

Въ то время, съ 25-го сентября 1799 года, пассивную обязанность вице-канцлера занималъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, между тѣмъ какъ первымъ присутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ[350]; послѣдній обставилъ дѣло такимъ образомъ, что вице-канцлеръ личнаго доклада у государя не имѣлъ, а все восходило къ верховной власти черезъ первоприсутствующаго. Такимъ образомъ графъ Панинъ имѣлъ полное основаніе говорить о себѣ какъ о «prétendu vice-chancelier», и нельзя признавать его отвѣтственнымъ за мѣропріятія, принятыя по внѣшнимъ сношеніямъ съ 1800 года. Къ числу такихъ мѣропріятій принадлежитъ амбарго, наложенное во всѣхъ

россійскихъ портахъ на англійскіе суда и товары, которое должно было служить возмездіемъ за занятіе англичанами острова Мальты и за поднятіе во владѣніяхъ великаго магистра британскаго флага. Объ этомъ распоряженіи сообщено было отъ имени императора, 23-го октября 1800 года, въ декларацін ко всѣмъ дворамъ за подписью графа Ростопчина[351]. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно продолжались переговоры, открытые съ Пруссіею, Швеціею и Даніею относительно возобновленія прежняго союза сѣвернаго вооруженнаго нейтралитета.

Еще съ меньшимъ сочувствіемъ графъ Панинъ относился къ сближенію съ Франціею, подготовлявшемуся самымъ ходомъ европейскихъ событій. Между тѣмъ его счастливый и вліятельный соперникъ, графъ Ростопчинъ, смотрѣлъ на дѣло иначе; примѣняясь къ измѣнившемуся настроенію императора Павла, онъ занимался предположеніями о политическомъ переустройствѣ Европы. Планы Ростопчина, конечно, не имѣли уже ничего общаго съ рыцарскимъ, безкорыстнымъ вмѣшательствомъ въ европейскія дѣла, въ истинно мальтійскомъ духѣ, которое привело только къ упроченію чужихъ выгодъ на счетъ Россіи; напротивъ того, въ мысляхъ его замѣчается возвращеніе къ политическимъ преданіямъ екатерининскаго царствованія.

Послѣ наложеннаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ амбарго на англійскія суда, императоръ Павелъ приказалъ графу Ростопчину, вслѣдствіе бывшаго по сему случаю разговора, изложить мысли о политическомъ состояніи Европы. Ростопчинъ немедленно исполнилъ волю государя и представилъ меморіалъ, не полагая ни мало, какъ пишетъ графъ, что онъ произведетъ столь важную перемѣну въ политикѣ и будетъ служить основаніемъ новой системѣ. Продержавъ записку два дня, императоръ возвратилъ ее Ростопчину съ слѣдующею высочайшею конфирмаціей отъ 2-го октября 1800 года: «Апробую планъ вашъ во всемъ, желаю, чтобы вы приступили къ исполненію онаго: дай Богъ, чтобъ по сему было!»[352].

Сущность записки графа Ростопчина заключалась въ предложеніи тѣснаго союза съ представителемъ мятежной, но теперь успокоенной Франціи и связаннаго съ нимъ раздѣла Турціи[353]. Центромъ сего плана долженъ былъ быть Бонапартъ. Онъ увидитъ, какъ сказано въ меморіалѣ, и найдетъ въ предпринимаемомъ раздѣлѣ вѣрнѣйшій способъ къ униженію Великобританіи и утвержденію при общемъ мирѣ всѣхъ завоеваній, Франціей сдѣланныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ростопчинъ полагалъ привлечь къ раздѣлу Оттоманской Порты Австрію и Пруссію. Россіи онъ удѣляетъ «Романію, Булгарію и Молдавію, а по времени греки и сами подойдутъ подъ скипетръ россійскій». Послѣдняя мысль повидимому понравилась Павлу и побудила его написать: «А можно и подвесть». Объ Англіи и Австріи Ростопчинъ отзывается крайне

несочувственно. Объ Англіи сказано между прочимъ, что она «своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи»; по поводу этого разсужденія императоръ начерталъ: «мастерски писано!» Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ростопчинъ жалуется на Англію за то, что она «вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами всѣ державы противъ Франціи», Павелъ прибавилъ «и насъ грѣшныхъ». Объ Австріи сказано, что и она «подала столь справедливыя причины къ негодованію» Павла и «потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики»; государь, съ своей стороны, присовокупилъ: «Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы!» Когда же, входя въ подробности раздѣла Турціи, Ростопчинъ предлагаетъ дать Австріи Боснію, Сербію и Валахію, Павелъ написалъ: «Не много ль?» Пруссію предполагалось вознаградить присоединеніемъ земель въ сѣверной Германіи.

Въ заключеніи меморіала графа Ростопчина сказано: «Если Творецъ міра, съ давнихъ временъ хранящій подъ покровомъ своимъ царство Россійское и славу его, благословитъ и предпріятіе сіе, тогда Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ в. и. в., соединившаго во-едино престолы Петра и Константина, двухъ великихъ государей, основателей знатнѣйшихъ имперій свѣта»[354]. Императоръ Павелъ къ этимъ словамъ приписалъ: «А меня все-таки бранить станутъ».

Между тѣмъ какъ гнѣвъ государя все болѣе возрасталъ противъ его бывшихъ союзниковъ, генералъ Бонапартъ водворилъ послѣ 18-го брюмера свою диктатуру во Франціи, подъ скромнымъ званіемъ перваго консула. Весною 1800 года онъ совершилъ переходъ черезъ Альпы и одержалъ побѣду при Маренго. Австрія, лишенная поддержки Россіи, должна была покориться волѣ побѣдителя и вступила въ Люневилѣ въ переговоры съ Франціею. Тогда первый консулъ, искусно пользуясь измѣнившимся политическимъ положеніемъ Европы, задумалъ искать сближенія съ Россіею, чтобы въ лицѣ императора Павла пріобрѣсти могущественнаго союзника противъ своего главнаго и непримиримаго врага — Англіи; намѣренія Бонапарта совпали какъ нельзя лучше съ тѣми враждебными противъ лондонскаго кабинета чувствами, которыя волновали въ ту пору Павла I-го, и потому встрѣтили съ его стороны полное сочувствіе.

Первый консулъ объявилъ, что освобождаетъ и возвращаетъ императору безъ всякаго размѣна всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи. Государь принялъ это великодушное предложеніе съ живѣйшею радостію и отправилъ въ Парижъ генерала Спренгтпортена для пріема и вывода русскихъ плѣнныхъ[355].

18-го октября 1800 года Спренгтпортенъ прибылъ въ Берлинъ и встрѣтилъ здѣсь французскаго посланника Бёрнонвиля, который сказалъ ему, что въ Парижѣ всѣ затрудненія къ умиротворенію Европы могутъ

быть окончены въ четверть часа времени при личномъ свиданіи съ первымъ консуломъ; относительно Россіи и Франціи онъ, во время разговора, замѣтилъ, что оба государства «en tenant aux deux extrémités du globe, sont faits pour le dominer», или, какъ онъ выразился при другомъ свиданіи: «sont faits pour gouverner l'Europe».

Герцогъ Евгеній Виртембергскій.

Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

10-го декабря Спренгтпортенъ представлялся въ Парижѣ первому консулу, который принялъ его съ особенною благосклонностію. Бонапартъ высказалъ, между прочимъ, русскому посланному, въ самыхъ положительныхъ выраженіяхъ, свое непремѣнное желаніе заключить миръ съ императоромъ, связавъ такимъ образомъ интересы обоихъ

государствъ, созданныхъ по своему географическому положенію (онъ въ особенности оттѣнилъ это выраженіе) для того, чтобы жить въ тѣсной между собою связи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Спренгтпортенъ доносилъ императору Павлу, что Бонапартъ не упустилъ случай высказать «dans les termes les plus expressifs, son estime et sa vénération pour la personne sacrée de V. M. I. et le caractère de grandeur et de loyauté qui la distingue»[356].

Послѣ этой аудіенціи Бонапартъ написалъ императору Павлу письмо, въ которомъ заявляетъ, что какъ скоро государь пришлетъ къ нему довѣренное лицо съ необходимыми полномочіями, то черезъ двадцать четыре часа спокойствіе водворится на материкѣ и на моряхъ. Почти въ то же время, 18-го декабря, Павелъ отправилъ письмо къ первому консулу. Государь писалъ: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается». Въ заключеніе императоръ прибавилъ: «Мой уполномоченный, Колычевъ, отправится вслѣдъ за этимъ письмомъ»[357].

Перейдемъ теперь отъ фактическаго изложенія къ анекдотической сторонѣ сближенія Россіи съ Франціею.

Де-Сангленъ повѣствуетъ въ своихъ запискахъ о томъ, что императоръ Павелъ приказалъ принести карту Европы, разложилъ ее на столѣ, согнулъ надвое, провелъ по лбу рукою и сказалъ: «только такъ мы можемъ быть друзьями»[358]. Анекдотъ ли это или несомнѣнный историческій фактъ — рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ вышеприведенныя слова государя вполнѣ соотвѣтствуютъ духу тѣхъ счастливыхъ проблесковъ, которые, нерѣдко, въ свѣтлыя минуты составляли удѣлъ императора Павла. Но и въ дѣлѣ франко-русскаго соглашенія Павелъ не обошелся безъ обычныхъ фантастическихъ увлеченій: былъ задуманъ походъ въ Индію. Хотя о совмѣстномъ дѣйствіи русскихъ войскъ съ французскими въ этомъ направленіи мечталъ также и первый консулъ, замышляя окончательное пораженіе Англіи, и съ этою цѣлью разработалъ проектъ похода въ Индію, но императоръ Павелъ вознамѣрился рѣшить эту трудную задачу самостоятельно, при одномъ содѣйствіи казаковъ.

12-го января 1801 года, Павелъ отправилъ къ атаману войска Донского, генералу-отъ-кавалеріи Орлову 1-му, два рескрипта[359]. Въ первомъ изъ нихъ государь писалъ:

«Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ—шведовъ и датчанъ. Я и готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ. Заведенія ихъ въ

государствъ, созданныхъ по своему географическому положенію (онъ въ особенности оттѣнилъ это выраженіе) для того, чтобы жить въ тѣсной между собою связи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Спренгтпортенъ доносилъ императору Павлу, что Бонапартъ не упустилъ случай высказать «dans les termes les plus expressifs, son estime et sa vénération pour la personne sacrée de V. M. I. et le caractère de grandeur et de loyauté qui la distingue»[356].

Послѣ этой аудіенціи Бонапартъ написалъ императору Павлу письмо, въ которомъ заявляетъ, что какъ скоро государь пришлетъ къ нему довѣренное лицо съ необходимыми полномочіями, то черезъ двадцать четыре часа спокойствіе водворится на материкѣ и на моряхъ. Почти въ то же время, 18-го декабря, Павелъ отправилъ письмо къ первому консулу. Государь писалъ: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается». Въ заключеніе императоръ прибавилъ: «Мой уполномоченный, Колычевъ, отправится вслѣдъ за этимъ письмомъ»[357].

Перейдемъ теперь отъ фактическаго изложенія къ анекдотической сторонѣ сближенія Россіи съ Франціею.

Де-Сангленъ повѣствуетъ въ своихъ запискахъ о томъ, что императоръ Павелъ приказалъ принести карту Европы, разложилъ ее на столѣ, согнулъ надвое, провелъ по лбу рукою и сказалъ: «только такъ мы можемъ быть друзьями»[358]. Анекдотъ ли это или несомнѣнный историческій фактъ — рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ вышеприведенныя слова государя вполнѣ соотвѣтствуютъ духу тѣхъ счастливыхъ проблесковъ, которые, нерѣдко, въ свѣтлыя минуты составляли удѣлъ императора Павла. Но и въ дѣлѣ франко-русскаго соглашенія Павелъ не обошелся безъ обычныхъ фантастическихъ увлеченій: былъ задуманъ походъ въ Индію. Хотя о совмѣстномъ дѣйствіи русскихъ войскъ съ французскими въ этомъ направленіи мечталъ также и первый консулъ, замышляя окончательное пораженіе Англіи, и съ этою цѣлью разработалъ проектъ похода въ Индію, но императоръ Павелъ вознамѣрился рѣшить эту трудную задачу самостоятельно, при одномъ содѣйствіи казаковъ.

12-го января 1801 года, Павелъ отправилъ къ атаману войска Донского, генералу-отъ-кавалеріи Орлову 1-му, два рескрипта[359]. Въ первомъ изъ нихъ государь писалъ:

«Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ—шведовъ и датчанъ. Я и готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ. Заведенія ихъ въ

Индіи самое лучшее для сего. Отъ насъ ходу до Индіи, отъ Оренбурга, мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, а всего мѣсяца четыре. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему, Василій Петровичъ. Соберитесь вы съ онымъ и вступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдите, и съ артиллеріею, прямо черезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на заведенія англійскія, по ней лежащія. Войска, того края, ихъ таковаго же рода, какъ ваши, и такъ, имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги; все богатство Индіи будетъ намъ за сію экспедицію наградою. Соберите войско къ заднимъ станицамъ, и тогда, увѣдомьте меня, ожидайте повелѣнія итти къ Оренбургу, куда пришедъ, опять ожидайте другаго—итти далѣе. Таковое предпріятіе увѣнчаетъ васъ всѣхъ славою, заслужитъ, по мѣрѣ заслуги, мое особое благоволеніе, пріобрѣтетъ богатство и торговлѣ и поразитъ непріятеля въ его сердцѣ. Здѣсь прилагаю карты, сколько у меня ихъ есть. Богъ васъ благослови. Есмь вашъ благосклонный»

«Павелъ».

«Карты мои идутъ только до Хивы и до Амударьи рѣки, а далѣе ваше уже дѣло достать свѣдѣнія до заведеній англійскихъ и до народовъ индейскихъ имъ подвластныхъ».

«П.»

Въ другомъ рескриптѣ, отъ того же 12-го января, императоръ Павелъ писалъ еще Орлову:

«Индія, куда вы назначаетесь, управляется однимъ главнымъ владѣльцемъ и многими малыми. Англичане имѣютъ у нихъ свои заведенія торговыя, пріобрѣтенныя или деньгами или оружіемъ, то и цѣль все сіе раззорить и угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и ласкою привесть Россіи въ ту же зависимость, въ какой они у англичанъ, и торгъ обратить къ намъ. Сіе вамъ въ исполненіе поручая, пребываю вамъ благосклоннымъ».

«Павелъ».

На другой день, 13-го января, на имя Орлова послѣдовалъ еще третій рескриптъ:

«Василій Петровичъ. Посылаю вамъ подробную и новую карту всей Индіи. Помните, что вамъ дѣло до англичанъ только и миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помогать; и такъ, проходя ихъ, увѣряйте о дружбѣ Россіи и идите отъ Инда до Гангесъ, и такъ на англичанъ. Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобы китайцамъ не досталась. Въ

Хивѣ вы освободите столько то тысячъ нашихъ плѣнныхъ подданныхъ. Если бы нужна была пѣхота, то въ слѣдъ за вами, а не инако, прислать будетъ можно. Но лучше кабы вы то одни собою сдѣлали. Вамъ благосклонный».

«Павелъ».

«Возьмите столько съ собою сколько можно».

Генералъ Орловъ немедленно приступилъ къ исполненію высочайшаго повелѣнія «со всевозможною поспѣшностію»[360]. Въ походъ выступили всего 22,507 человѣкъ при 12 единорогахъ и 12 пушкахъ[361]. Всѣ полки раздѣлены были на четыре эшелона, изъ которыхъ первымъ, въ составѣ 13 полковъ, командовалъ генералъ-маіоръ Платовъ, освобожденный для предстоящаго похода въ Индію императоромъ Павломъ изъ Петропавловской крѣпости. 1-го марта генералъ Орловъ донесъ государю, что полки «со всѣхъ пунктовъ выступили въ походъ минувшаго февраля 27-го и 28-го чиселъ, и продолжать буду марши отъ 30 до 40 верстъ въ сутки». Но еще 28-го февраля генералъ Орловъ, въ отвѣтъ на прежнее донесеніе, получилъ рескриптъ, въ которомъ государь объявилъ войску благоволеніе за готовность и исправность къ выступленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ его величество желалъ «счастливаго похода и успѣха съ Богомъ».

Казаки, по выступленіи съ Дона, въ концѣ февраля, при движеніи по степямъ, испытывали страшныя лишенія. Морозы, мятели и крайне дурное состояніе дорогъ затрудняли движеніе и нарушали правильность слѣдованія эшелоновъ; артиллерія едва двигалась. А по причинѣ ранняго вскрытія рѣкъ приходилось измѣнять маршрутъ, вслѣдствіе чего казаки по нѣсколько дней не получали продовольствія и фуража. Нѣкоторые командиры вынуждены были бросать лошадей. Въ мартѣ мѣсяцѣ р. Волга стала вскрываться, и ледъ не выдерживалъ. Часть полка Денисова провалилась и едва была спасена при помощи 300 человѣкъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на страшныя препятствія, встрѣченныя казаками при слѣдованіи, полкамъ удалось благополучно совершить переправу черезъ Волгу 18-го марта; генералъ Орловъ донесъ въ Петербургъ о переправѣ всѣхъ эшелоновъ и о дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи вверхъ по р. Иргизу, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ и слѣдующее: «Изъ числа войска, въ походѣ слѣдующаго, одни, имѣя деньги, издерживали оныя на продовольствіе; другіе, заимствуя другъ у друга, задолжались; прочіе, не имѣя денегъ и не могши занять, удѣляли продовольствіе подъемнымъ отъ строевыхъ, чѣмъ однихъ привели въ усталь, а другихъ и вовсе лишились упалыми и брошенными. Таковыхъ число не малое»[362].

Изъ приведенныхъ здѣсь краткихъ указаній видно, что экспедиція была задумана сразу, безъ предварительныхъ сношеній съ азіятскими

владѣтелями, безъ собранія необходимыхъ свѣдѣній о средствахъ тѣхъ странъ, чрезъ которыя должны были слѣдовать казаки, безъ заготовленія продовольствія, обоза, лазаретовъ и даже безъ маршрутовъ. Если экспедиціонному отряду пришлось преодолѣть неимовѣрныя трудности при движеніи по собственной землѣ, то легко себѣ представить плачевную участь, ожидавшую несчастныхъ донцовъ при дальнѣйшемъ движеніи ихъ, въ особенности за Оренбургомъ!

При всей очевидной нелѣпости и безвредности для британскаго могущества секретной экспедиціи въ Индію, одно извѣстіе о какихъ-то мѣропріятіяхъ, предписанныхъ съ этою цѣлью русскимъ правительствомъ, произвело въ Англіи весьма сильное впечатлѣніе и усилило, до послѣдней степени, среди англійскихъ государственныхъ людей ненависть къ политической системѣ императора Павла, усвоенной имъ со второй половины 1800 года.

Задумывая походъ въ Индію, императоръ Павелъ не позабылъ также предписать мѣры для обороны Соловецкаго монастыря и 31-го декабря 1800 года писалъ генералу Сухтелену: «Je vous conseille cependant pour repousser les assauts, en cas que les anglais aient la tentation d'en donner, de faire à Solowetz une bonne provision de goudron, dont on se servira bouillant contre les assaillants et de poutres pour les rouler dessus».

Среди этихъ воинственныхъ приготовленій обмѣнъ любезностей между Бонапартомъ и императоромъ Павломъ дѣятельно продолжался[363]. 9-го (21-го) декабря 1800 года первый консулъ писалъ: «Я желаю видѣть скорый и неизмѣнный союзъ двухъ могущественнѣйшихъ націй въ мірѣ... ...ибо, когда Англія, императоръ Германіи и всѣ другія державы убѣдятся, что какъ воля, такъ и руки нашихъ двухъ великихъ націй стремятся къ достиженію одной цѣли, оружіе выпадетъ у нихъ изъ рукъ, и современное поколѣніе будетъ благословлять ваше императорское величество, какъ избавителя отъ ужасовъ войны и раздоровъ партій».—Императоръ Павелъ отвѣчалъ Бонапарту 2-го (14-го) января 1801 года: «Несомнѣнно, что двѣ великія державы, вошедшія въ соглашеніе между собою, повліяютъ на остальную Европу самымъ положительнымъ образомъ, и я готовъ это исполнить». Наконецъ, 15-го (27-го) января 1801 года, опасенія предстоявшихъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Англіи въ Балтійскомъ морѣ побудили Павла сообщить первому консулу слѣдующія наставленія: «Не мнѣ указывать вамъ, что вамъ слѣдуетъ дѣлать, но я не могу не предложить, нельзя ли предпринять или, по крайней мѣрѣ, произвести что нибудь на берегахъ Англіи; подобныя дѣйствія, произведенныя въ то время, когда она видитъ себя изолированною, могли бы заставить ее раскаяться въ своемъ деспотизмѣ и въ своемъ высокомѣріи. Прошу васъ принять въ соображеніе то, что я вамъ предлагаю и указываю»[364].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Трудно сказать, на сколько было прочно установившееся, съ такимъ видимымъ увлеченіемъ, сближеніе съ Франціею. Продолжительность его зависѣла, конечно, отъ такихъ случайностей, предусмотрѣть которыя представлялось невозможнымъ. Достаточно извѣстно, съ какою быстротою императоръ Павелъ мѣнялъ свои симпатіи и антипатіи къ лицамъ и дѣламъ; ему легко было отъ горячаго расположенія и пламенной любви къ человѣку внезапно перейти къ совершенно противоположному чувству и дойти до ожесточенной ненависти къ нему. Въ такомъ случаѣ чувство гнѣва противъ личности распространялось обыкновенно и на дѣло, представителемъ котораго являлась эта личность. Съ подобными случайностями пришлось бы, вѣроятно, познакомиться и Бонапарту при сношеніяхъ съ своимъ новымъ союзникомъ.

Касаясь событій этого времени, нужно отмѣтить еще одинъ первостепенной важности фактъ: усиленіе въ Россіи іезуитской пропаганды. Это обстоятельство до послѣдней степени усилило смуту, господствовавшую среди умовъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и окончательно обострило взаимныя отношенія лицъ, преслѣдовавшихъ самыя противоположныя мысли и намѣренія. Укажемъ здѣсь вкратцѣ, какимъ образомъ состоялось это необычайное явленіе—сближеніе двора съ іезуитами. Одному изъ вліятельныхъ представителей ордена, патеру Груберу, удалось, стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, пріобрѣсти надъ императоромъ Павломъ настолько могущественное вліяніе, что многіе невольно призадумались надъ возможными послѣдствіями этой новой обстановки въ придворной жизни. Одно ничтожное обстоятельство, которымъ воспользовался Груберъ со свойственнымъ ему умѣніемъ, проложило ему путь къ занятому имъ исключительному положенію: онъ вылечилъ императрицу Марію Ѳеодоровну отъ жестокой зубной боли, съ которою не могли справиться медики, и съумѣлъ приготовить императору Павлу іезуитскій шоколадъ, о которомъ съ удовольствіемъ вспоминалъ государь со времени своего заграничнаго путешествія. Съ апрѣля 1799 года Груберу безпрепятственно открыты были двери кабинета императора, и ему дозволено было являться къ великому магистру во всякое время и безъ всякаго доклада. Подобное отличіе, оказанное скромному іезуиту, стало извѣстнымъ Бонапарту, и онъ воспользовался такимъ драгоцѣннымъ посредникомъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей; между первымъ консуломъ и Груберомъ установились тайныя сношенія, которыя отразились на русской политикѣ того времени. Дружба и сближеніе между государемъ и іезуитскимъ патеромъ способствовали также развитію мальтійскихъ фантазій великаго магистра. Императоръ Павелъ воображалъ съ полною искренностью, что онъ при помощи мальтійскаго ордена спасетъ Европу отъ бѣдствій революціи и вольнодумства; умному и пронырливому іезуиту легко было

Насколько это дѣло успѣло созрѣть, ясно видно изъ депеши Лизакевича изъ Рима отъ 24-го января (5-го февраля) 1801 года. Онъ доносилъ изъ Рима, что папа Пій VII, пригласивъ его на аудіенцію, высказалъ при этомъ случаѣ чувства преданности государю и полную готовность служить ему всѣми силами. Папа присовокупилъ, что ему весьма пріятно видѣть императора великимъ магистромъ мальтійскаго ордена, и что онъ самъ готовъ, въ случаѣ гоненія со стороны французовъ, поселиться въ Мальтѣ, когда этотъ островъ будетъ возвращенъ ордену; здѣсь онъ намѣренъ жить спокойно подъ защитою великаго магистра, русскаго императора. Затѣмъ папа не скрылъ своего желанія соединить греческую вѣру съ католическою, и что для такого важнаго предмета онъ самъ готовъ пріѣхать въ Петербургъ и изустно трактовать съ государемъ, коего характеръ основанъ на истинѣ, правосудіи и вѣрности. Папа называлъ во время разговора императора Павла другомъ человѣчества и безкорыстнымъ защитникомъ и покровителемъ гонимыхъ и угнетенныхъ.

Широкимъ планамъ Пія VII не суждено было осуществиться; тщательно воздвигнутое зданіе потерпѣло разомъ полное крушеніе 11-го марта 1801 года.

Если политическая система Россійской имперіи подверглась въ короткое время безпрерывнымъ колебаніямъ, то личный составъ сановниковъ, управлявшихъ внѣшними сношеніями, испыталъ не меньше перемѣнъ. Паденіе вице-канцлера графа Панина со времени сближенія Россіи съ Франціею сдѣлалось неизбѣжнымъ. Императоръ Павелъ выразился о немъ: «Je sais qu'il ne manque pas de talents, mais il a trois défauts capitaux: il est pédant, systématique et méthodique». Къ этой характеристикѣ государь еще прибавилъ: «C'est un Romain»[365]. Послѣ этого неудивительно, что 15-го ноября 1800 года графу Панину повелѣно было присутствовать въ сенатѣ, а тайному совѣтнику Колычеву, пожалованному въ дѣйствительные тайные совѣтники, исправлять должность вице-канцлера[366]. Но немилость, постигшая графа Панина, не ограничилась новымъ назначеніемъ. 17-го декабря 1800 года сенаторъ графъ Панинъ былъ отставленъ отъ службы, и вслѣдъ затѣмъ ему повелѣно оставить немедленно Петербургъ и ѣхать въ деревню. Но такъ какъ Колычеву поручено было вести переговоры въ Парижѣ, то графъ Ростопчинъ остался во главѣ иностранной коллегіи, не имѣя соперниковъ; однако, торжество его было непродолжительно; часъ паденія этого любимца государя уже былъ близокъ, и онъ не избѣгъ участи, одинаково ожидавшей всѣхъ сановниковъ эпохи, которую называли затменіемъ свыше.

Лагарпъ, хотя и пребывалъ съ 1795 года заграницею, также не избѣжалъ печальной участи испытать порывъ гнѣва императора Павла;

находясь во время заграничнаго похода русскихъ войскъ во главѣ швейцарскаго правительства, не трудно было вызвать противъ себя неудовольствіе императора. Оно выразилось указомъ отъ 26-го сентября 1799 года, представленнымъ сенату въ копіи орденскимъ церемоніймейстеромъ сенаторомъ Валуевымъ:

«Е. И. В., принявъ съ благоволеніемъ и одобривъ представленіе его, г. оберъ-церемоніймейстера, касательно Лагарпа, кавалера ордена святого Владиміра, нынѣ президентомъ въ директоріи Швейцарской находящагося, высочайше указать изволилъ, яко недостойнаго уже быть членомъ знаменитаго общества кавалеровъ, исключить его изъ списковъ и повсюду опубликовать о семъ».

15-го октября того же 1799 года послѣдовалъ другой, не менѣе суровый указъ сенату о Лагарпѣ: «Свѣдавъ о продолженіи пенсіона, прежде опредѣленнаго Лагарпу, и который, по неистовому и развратному поведенію его, долженъ былъ быть остановленъ, повелѣваемъ всю оную сумму, считая отъ самаго того времени, когда оный Лагарпъ началъ явно участвовать въ мятежахъ Швейцаріи, взыскать, безъ исключенія, со всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ государственныхъ нашихъ казначействахъ»[367].

Не довольствуясь всѣмъ этимъ, Павелъ повелѣлъ еще генералу Римскому-Корсакову схватить Лагарпа въ Швейцаріи и съ фельдъ-егеремъ прислать въ Петербургъ для отправленія въ Сибирь![368]. Однако, не смотря на всѣ эти грозныя мѣропріятія, императоръ Павелъ за двѣ недѣли до своей кончины спросилъ у цесаревича, не получилъ ли онъ отъ Лагарпа письма. Александръ отвѣтилъ, что, въ виду послѣдовавшаго запрещенія съ нимъ переписываться, онъ сообщилъ объ этомъ Лагарпу, который подчинился волѣ государя. Павелъ возразилъ: «C'est égal; Laharpe est un honnête homme; je n'oublierai jamais ce qu'il m'a dit la veille de son départ»[369].

Лагарпъ, въ свою очередь, не смотря на нанесенныя ему оскорбленія, продолжалъ попрежнему находить въ Павлѣ Петровичѣ много хорошихъ свойствъ и считать его человѣкомъ необыкновенно добрымъ по душѣ — «ce prince infortuné et si méconnu», какъ онъ выражался. Лагарпъ не могъ понять, какимъ образомъ такой государь могъ имѣть столько враговъ!! Въ письмѣ отъ 10-го (22-го) марта 1801 года изъ Плесси-Пике, въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ Лагарпъ поселился, онъ просилъ императора Павла возвратить ему право на пенсію, котораго его лишили. Въ этомъ письмѣ Лагарпъ напомнилъ государю слова, которыя онъ сказалъ ему, разставаясь съ нимъ въ 1795 году въ Гатчинѣ: «Vous méritez toute ma reconnaissance; je n'oublierai point les services que vous avez rendu à nos fils; j'espère vous revoir; mais s'il en était autrement, nous nous retrouverons ailleurs». Вмѣстѣ съ тѣмъ Лагарпъ присовокупилъ, что Павлу тогда не была

извѣстна причина его удаленія изъ Россіи: «victime de ma loyauté, j'étais éloigné pour n'avoir pas voulu me rendre l'instrument d'autrui». Въ заключеніе письма Лагарпъ говоритъ: «каково бы ни было рѣшеніе ваше, государь, я тѣмъ не менѣе буду желать славы вашему царствованію, равно какъ преуспѣянія Россіи и вашего августѣйшаго дома, съ которыми я соединенъ слишкомъ прочными узами, чтобы какія бы то ни было соображенія о личныхъ выгодахъ могли бы когда либо ихъ поколебать».

Письмо Лагарпа не застало Павла въ живыхъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Положеніе внутреннихъ дѣлъ въ Россіи вполнѣ соотвѣтствовала запутанности внѣшнихъ сношеній имперіи въ эту эпоху[370]; непослѣдовательность и страстные порывы неограниченно господствовали и здѣсь, сопровождаемые иногда необъяснимыми распоряженіями. Достаточно привести нѣкоторые изъ высочайшихъ указовъ и приказовъ того времени, чтобы объяснить тревожное состояніе умовъ всѣхъ слоевъ общества. Мы ограничимся тремя выписками:

8-го февраля 1800 года умершему генералу Врангелю, въ примѣръ другимъ, объявлялся строжайшій выговоръ.

18-го апрѣля 1800 года воспослѣдовалъ указъ сенату: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ

оныя не были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку».

12-го мая 1800 года штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ лишенъ чиновъ и дворянства и написанъ вѣчно въ рядовые, съ прогнаніемъ шпицрутенами сквозь тысячу человѣкъ разъ. — За все царствованіе Павла не было болѣе жестокаго приказа; въ немъ права дворянства попирались ногами, и всякій могъ видѣть, какая участь ему предстояла бы, если бы онъ подвергся монаршему гнѣву.

Встрѣча съ императоромъ на улицахъ столицы сопровождалась для обывателей паническимъ страхомъ. «Для означенія общаго расположенія умовъ того времени», П. И. Полетика приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующій случай[371]: «Это было въ 1799 или 1800 году. Въ одинъ день, когда я поднимался вверхъ по Почтовой улицѣ къ Малой Морской, я завидѣлъ издали ѣдущаго мнѣ на встрѣчу верхомъ императора и съ нимъ ненавистнаго Кутайсова. Таковая встрѣча была тогда для всѣхъ предметомъ страха. Желая избѣгнуть опасности, я успѣлъ заблаговременно укрыться за деревяннымъ, обветшалымъ заборомъ, который, какъ и теперь, окружалъ Исаакіевскую церковь. Когда, смотря въ щель забора, я увидѣлъ проѣзжающаго государя, то стоявшій неподалеку отъ меня инвалидъ, одинъ изъ сторожей за матеріалами, сказалъ: «Вотъ нашъ Пугачевъ ѣдетъ!» Я, обратясь къ нему, спросилъ: «Какъ ты смѣешь такъ отзываться о своемъ государѣ?» Онъ, поглядѣвъ на меня, безъ всякаго смущенія отвѣчалъ: «А что, баринъ, ты видно и самъ такъ думаешь, ибо прячешься отъ него». Отвѣчать было нечего. Я вышелъ изъ засады и продолжалъ свой путь, радуясь избавленію отъ опасной встрѣчи».

Если хожденіе по улицамъ Петербурга не было вполнѣ безопасно, то что же сказать объ войсковыхъ упражненіяхъ? Здѣсь надъ каждымъ изъ участниковъ въ экзерциціяхъ висѣлъ въ полномъ значеніи слова Дамокловъ мечъ. Графъ Нессельроде, впослѣдствіи государственный канцлеръ и служившій въ то время въ конной гвардіи, былъ свидѣтелемъ слѣдующаго потрясающаго случая. Однажды императоръ Павелъ дѣлалъ смотръ конно-гвардейскому полку, которымъ командовалъ великій князь Константинъ Павловичъ. При въѣздѣ въ манежъ обыкновенная команда была: дирекція направо; на этотъ разъ государь скомандовалъ: дирекція налѣво. Первый и второй эскадронъ расслышали команду и исполнили волю государя, но офицеръ третьяго эскадрона, бывшій еще на площади при въѣздѣ въ манежъ, приказалъ попрежнему принять дирекцію направо. Императоръ разгнѣвался; раздались грозныя слова: «Непослушаніе? снять его съ лошади, оборвать его, дать ему сто палокъ». Несчастнаго офицера, его звали Милюковъ, тотчасъ же стащили съ лошади и увели. Никто лучше Константина Павловича не умѣлъ уга-

Графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ.
Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета Кюгельхена.

дать, въ какомъ расположеніи духа императоръ, въ гнѣвномъ или милостивомъ; однажды великій князь входитъ въ мраморную залу Зимняго дворца, съ другой стороны показывается императоръ со всѣми признаками благопріятнаго настроенія. Великій князь, дойдя до половины залы, сталъ на колѣни и сказалъ: «Государь и родитель! Дозвольте принесть просьбу». При словѣ «государь», Павелъ остановился и, принявъ вели-

чественную осанку, отвѣтилъ: «Что, сударь, вамъ угодно».—«Государь и родитель! Вы обѣщали мнѣ награду за Итальянскую кампанію, этой награды я еще не получилъ».—«Что вы желаете, ваше высочество?»—«Государь и родитель, удостойте принять вновь на службу того офицера, который навлекъ на себя гнѣвъ вашего величества на смотру конно-гвардейскаго полка».—«Нельзя, сударь! онъ былъ битъ палками».—«Виноватъ, государь, этого приказанія вашего я не исполнилъ».—«Благодарю, ваше высочество. Милюковъ принимается на службу и повышается двумя чинами»[372].

Вскорѣ послѣ воцаренія императора Павла у него зародилась мысль о постройкѣ новаго дворца на мѣстѣ бывшаго Лѣтняго дворца, переименованнаго высочайшимъ приказомъ отъ 20-го ноября 1796 года въ Михайловскій дворецъ.—26-го февраля 1797 года здѣсь происходила уже торжественная закладка Михайловскаго замка, отстроеннаго съ возможною поспѣшностью въ четыре года по проекту В. И. Баженова[373], выполненнаго съ нѣкоторыми измѣненіями архитекторомъ Бренномъ. Новый дворецъ былъ окруженъ рвами и гранитными брустверами, вооруженными орудіями; сообщеніе производилось черезъ рвы по подъемнымъ мостамъ; толщина стѣнъ замка и особенности его архитектуры напоминали собою крѣпость[374]. 8-го ноября 1800 года, въ день св. архистратига Михаила, послѣдовало освященіе замка; въ этотъ день государь въ первый разъ обѣдалъ съ семействомъ въ своемъ новомъ жилищѣ, а вечеромъ былъ данъ большой балъ-маскарадъ, во время котораго дворецъ былъ открытъ для публики, которая могла любоваться роскошью и изяществомъ убранства вновь созданныхъ чертоговъ. Но тѣмъ не менѣе праздникъ не вполнѣ удался вслѣдствіе крайней сырости, господствовавшей въ замкѣ; въ комнатахъ образовался густой туманъ, и, не смотря на тысячи восковыхъ свѣчей, господствовала повсюду темнота. Хотя доктора предупреждали государя объ опасности для здоровья жить въ такомъ сыромъ зданіи, онъ переѣхалъ съ императрицею Маріею Ѳеодоровною изъ Зимняго дворца въ Михайловскій замокъ 1-го февраля 1801 года. Цесаревичъ Александръ Павловичъ съ супругою послѣдовалъ за нимъ черезъ нѣсколько дней и занялъ помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ замка, нынѣ принадлежащемъ Николаевскому инженерному училищу; въ то время это были самые сырые апартаменты въ замкѣ. Императоръ былъ въ восхищеніи отъ своего новаго дворца, но, все-таки, не смотря на всѣ принятыя мѣры, пребываніе въ немъ не было безопасно для здоровья. Вездѣ въ помѣщеніяхъ замѣтны были слѣды ужасающей сырости, которая и съ наступленіемъ 1801 года была еще столь велика, что въ спальняхъ оказалось необходимымъ выложить стѣны сверху до низу деревомъ. Печи не могли нагрѣть и осушить воздухъ. Бархатъ, которымъ обиты были стѣны въ нѣкоторыхъ по-

кояхъ, началъ покрываться плѣсенью; многія фрески совершенно слиняли. Хотя въ большой залѣ замка постоянно поддерживался огонь въ двухъ большихъ каминахъ, но, не смотря на это распоряженіе, во всѣхъ углахъ ея образовался сверху до низу слой льду. Густой туманъ попрежнему наполнялъ всѣ помѣщенія замка, разрушая живопись и портя мебель. Павелъ объявилъ новый дворецъ загороднымъ и затѣмъ учредилъ почту на нѣмецкій образецъ, которая два раза въ день, при звукѣ трубы, привозила письма и рапорты[375].

Въ Михайловскомъ замкѣ цесаревичу Александру Павловичу пришлось испытать не мало новыхъ огорченій и душевныхъ тревогъ.

Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ.

Съ гравированнаго портрета Кука.

Въ 1801 году императору Павлу благоугодно было вызвать изъ заграницы въ Россію тринадцатилѣтняго племянника императрицы Маріи Θеодоровны, принца Евгенія Виртембергскаго, назначеннаго уже въ 1798 году генералъ-маіоромъ и шефомъ драгунскаго полка. Воспитателемъ его былъ генералъ баронъ Дибичъ, отецъ прославившагося впослѣдствіи фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго. Съ перваго же представленія молодого принца Евгенія императору (7-го февраля) онъ завоевалъ себѣ расположеніе государя. «Savez-vous que ce petit drôle a fait ma conquête», сказалъ Павелъ императрицѣ.—Съ этого дня рас-

положеніе къ нему государя съ каждымъ днемъ возростало поражающимъ образомъ; наконецъ, оно дошло до того, что Павелъ Петровичъ объявилъ Дибичу о своемъ намѣреніи усыновить принца Евгенія, прибавивъ, что онъ владыка въ своемъ домѣ и въ государствѣ и потому возведетъ принца на такую высокую ступень, которая приведетъ всѣхъ въ изумленіе[376]. Закону о престолонаслѣдіи, установленному, какъ казалось, незыблемымъ образомъ самимъ императоромъ Павломъ, угрожало вопіющее нарушеніе.

Положеніе Александра Павловича становилось съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ. Не смотря на покорность, вниманіе и предупредительность сына, подозрительность и недовѣріе къ нему грознаго родителя принимали все болѣе рѣзкія формы[377]. Войдя однажды въ комнату наслѣдника, императоръ Павелъ нашелъ на его столѣ трагедію «Брутъ» Вольтера; она оканчивается, какъ извѣстно, словами Брута:

«Rome est libre: il suffit.
...Rendons grâces aux dieux!»

Государь призвалъ сына къ себѣ наверхъ и, показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его: знаетъ ли онъ исторію этого царевича?

Народъ съ надеждою взиралъ на восходящее солнце Россіи, какъ нѣкоторые называли Александра. Уже тогда распространилась молва о благодушіи и кротости цесаревича, такъ что не успѣвалъ онъ показаться на улицѣ, какъ его встрѣчали благословеніями и пожеланіями счастія. Извѣстно было, что Александръ всегда старался по мѣрѣ силъ облегчить участь всѣхъ подпавшихъ подъ гнѣвъ родителя, и потому распространилась увѣренность, что царствованіе его будетъ благословенное, отеческое. Все это не могло оставаться безъизвѣстнымъ Павлу, который уже давно возмущался свободомысліемъ своего старшаго сына и привыкъ видѣть въ немъ врага по политическимъ убѣжденіямъ; обоюдныя отношенія обострялись все болѣе и болѣе, отецъ и сынъ перестали понимать другъ друга...

Воспользовавшись благопріятной минутой, графъ фонъ-деръ-Паленъ выпросилъ у императора Павла прощеніе всѣмъ исключеннымъ изъ службы. 1-го ноября послѣдовалъ указъ сенату: «По сродному намъ отеческому ко всѣмъ вѣрноподданнымъ нашимъ милосердію всемилостивѣйше дозволяемъ всѣмъ выбывшимъ изъ службы воинской въ отставку или исключеннымъ, кромѣ тѣхъ, которые по сентенціямъ военнаго суда выбыли, паки вступить въ оную, съ тѣмъ, чтобъ таковые являлись въ С.-Петербургъ для личнаго представленія намъ. Почему и повелѣваемъ сенату нашему учинить повсемѣстную объ ономъ публикацію». Въ тотъ же день послѣдовало еще дополнительное распоряженіе, по которому ми-

лость государя распространялась и на «выбывшихъ отставкою и выключкою изъ статской службы».

Благодаря этому указу, графъ Паленъ могъ скоро привѣтствовать въ Петербургѣ братьевъ Зубовыхъ и генерала Бенигсена, которыхъ онъ поджидалъ съ нетерпѣніемъ. Затѣмъ нахлынули въ столицу сотни разныхъ лицъ, пострадавшихъ на службѣ, появленіе которыхъ вскорѣ начало раздражать императора, оставлявшаго ихъ безъ вниманія и помощи; послѣ этого увеличилось лишь число недовольныхъ и усилился ропотъ.

«Съ исхода 1800 года настроеніе Павла Петровича дѣлалось все болѣе мрачнымъ; подозрительность усиливалась. Никто не былъ увѣренъ, что будетъ съ нимъ на слѣдующій день. Награда утратила свою прелесть, наказаніе—сопряженный съ нимъ стыдъ», пишетъ Карамзинъ. Знатныхъ сановниковъ ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревню[378]. Тайная канцелярія была завалена дѣлами и подвергала допросамъ съ истязаніями. Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ сталъ инквизиторомъ и вскорѣ «уподобился великому визирю»[379]. Все шло чрезъ него. «Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того, что разсказываютъ», пишетъ Д. Б. Мертваго[380]. Другой очевидецъ въ частномъ письмѣ сообщаетъ: «и погода какая-то темная, нудная, по недѣлямъ солнца не видно; не хочется изъ дому выйти, да и не безопасно... кажется, и Богъ отъ насъ отступился»[381]. Столица приняла небывалый своеобразный видъ; въ 9 часовъ вечера, послѣ пробитія зари, по большимъ улицамъ перекладывались рогатки, и пропускались только врачи и повивальныя бабки[382]. Вызванныя этими мѣрами всеобщее уныніе и безпокойство были всѣми ощущаемы и поселили во всѣхъ убѣжденіе, что такое положеніе продлиться не можетъ. Въ Москвѣ военный губернаторъ, фельдмаршалъ графъ И. П. Салтыковъ, самъ ожидая со дня на день ссылки, высказывалъ въ эти тревожные дни, не стѣсняясь, мнѣніе, что эта кутерьма долго существовать не можетъ.

Въ воскресенье, 10-го марта, былъ въ Михайловскомъ замкѣ французскій концертъ[383]. Среди собравшагося двора господствовало мрачное настроеніе. Императоръ обращалъ мало вниманія на пѣніе госпожи Шевалье. Великая княгиня Елисавета сидѣла молча и печально; Александръ также былъ повидимому озабоченъ. Императрица съ безпокойствомъ оглядывалась и, казалось, задумывалась надъ тѣмъ, какими пагубными мыслями озабоченъ ея супругъ. Государь смотрѣлъ сердито и разстроенно. Передъ выходомъ къ вечернему столу произошло слѣдующее: когда обѣ половины дверей распахнулись, Павелъ подошелъ къ близъ стоявшей императрицѣ, остановился передъ нею, насмѣшливо улыбаясь, скрестивши руки и, по своему обыкновенію, тяжело дыша, что служило

признакомъ сильнаго недовольства; затѣмъ онъ повторилъ тѣ же угрожающіе пріемы передъ обоими великими князьями, Александромъ и Константиномъ. Въ заключеніе онъ подошелъ къ графу Палену, съ зловѣщимъ видомъ шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ и поспѣшилъ къ столу. Всѣ послѣдовали за нимъ молча и съ стѣсненною грудью. Гробовая тишина царила за этой печальной трапезой, и когда, по окончаніи ея, императрица и великіе князья хотѣли поблагодарить императора, онъ отстранилъ ихъ отъ себя съ насмѣшливой улыбкой и быстро удалился, не поклонившись. Императрица заплакала, и вся семья разошлась, глубоко взволнованная.

Наступилъ понедѣльникъ 11-го марта 1801 года. Патеръ Груберъ, пользуясь завоеваннымъ имъ исключительнымъ положеніемъ, явился рано утромъ въ Михайловскій замокъ и направился къ кабинету государя; онъ принесъ съ собою важное дѣло, надъ которымъ долго трудился. Это былъ проектъ соединенія православной церкви съ латинской. На этотъ разъ патеръ встрѣтилъ неожиданное препятствіе въ лицѣ военнаго-губернатора графа фонъ-деръ-Палена, который загородилъ ему дорогу и сказалъ, что императоръ теперь такъ занятъ государственными дѣлами, что не можетъ принять отца-іезуита, и съ этими словами быстро вошелъ въ кабинетъ Павла. Не желая въ этотъ день, по извѣстнымъ ему соображеніямъ, допустить іезуита до объясненій съ императоромъ, военный губернаторъ преднамѣренно буквально завалилъ Павла докладами и не давалъ ему покоя и возможности перевести духъ. Государь примѣтно начиналъ терять терпѣніе, раздражался и, наконецъ, при поднесеніи послѣдняго доклада, обратился къ Палену съ гнѣвнымъ вопросомъ: «нѣтъ ли еще чего нибудь». Паленъ, ловко воспользовавшись такимъ душевнымъ настроеніемъ Павла, отвѣтилъ: «все, ваше величество. Только тамъ за дверьми кабинета, кажется, отецъ Груберъ хочетъ еще утомлять васъ своимъ столь извѣстнымъ проектомъ о соединеніи русской церкви съ латинскою».— Государь, уже приведенный въ раздраженное состояніе, боявшійся опоздать на разводъ, приказалъ Палену сказать патеру Груберу, чтобы онъ убрался со своимъ проектомъ[384].

Послѣ этого эпизода дневныя занятія и установившееся препровожденіе времени продолжались въ обычномъ порядкѣ.

Императоръ присутствовалъ у развода, въ которомъ, однако, противъ обыкновенія и къ общему удивленію, не принимали участія великіе князья Александръ и Константинъ. Затѣмъ государь въ 11 часовъ, въ сопровожденіи графа Кутайсова, совершилъ прогулку верхомъ. Обѣденный столъ ихъ величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8-ми кувертахъ, а къ столу были приглашены: оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ, генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ, оберъ-гофмаршалъ На-

рышкинъ, оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ, адмиралъ графъ Кушелевъ, вице-канцлеръ князь Куракинъ. Послѣ стола императрица Марія Θеодоровна, въ сопровожденіи фрейлины Протасовой 2-й, изволила выѣздъ имѣть въ Новодѣвичій (Смольный) монастырь, откуда возвратилась обратно въ замокъ въ 6 часовъ.

Памятникъ императору Павлу, воздвигнутый императрицей Маріей Θеодоровной въ Павловскѣ.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Очерку исторіи Павловска» 1877 г.

Въ этотъ день, по особому приказанію Константина Павловича, дежурнымъ полковникомъ по Конному полку не въ очередь былъ назначенъ Н. А. Саблуковъ, эскадронъ котораго стоялъ на караулѣ въ замкѣ. Дежурство Саблукова было совершенно противно служебной рутинѣ, ибо полковнику, эскадронъ котораго стоялъ на караулѣ, слѣдовало

осматривать посты, и поэтому на него не возлагалось никакихъ иныхъ обязанностей. Подчиняясь приказанію великаго князя, Саблуковъ повелъ караулъ во дворецъ, разставилъ посты и, напомнивъ офицеру о всѣхъ нужныхъ предосторожностяхъ, возвратился затѣмъ въ казармы, чтобы исполнить должность дежурнаго полковника. Въ 8 часовъ вечера, получивъ рапорты отъ дежурныхъ офицеровъ пяти эскадроновъ, Саблуковъ отправился въ замокъ подать свой рапортъ великому князю Константину, командовавшему Коннымъ полкомъ. Выходя изъ саней у большого подъѣзда, дежурный полковникъ встрѣтилъ камеръ-лакея собственныхъ его величества апартаментовъ, который спросилъ его, куда онъ идетъ; Саблуковъ отвѣтилъ, что идетъ къ великому князю Константину. — «Пожалуйста, не идите», сказалъ камеръ-лакей, «ибо я долженъ тотчасъ же донести о томъ государю. — «Не могу не идти», отвѣтилъ Саблуковъ, «ибо я дежурный полковникъ и долженъ явиться съ рапортомъ къ его высочеству, такъ и скажите государю». Лакей взбѣжалъ по лѣстницѣ на одну сторону замка, а Саблуковъ поднялся на другую. Продолжаемъ разсказъ словами Саблукова:

«Когда я вошелъ въ переднюю Константина, Рудковскій, его довѣренный камердинеръ, спросилъ меня съ удивленнымъ видомъ: «Зачѣмъ вы пришли сюда?»—Я отвѣтилъ, бросая шубу на диванъ: «Вы, кажется, здѣсь всѣ съ ума сошли, я дежурный полковникъ». Тогда онъ отперъ дверь и сказалъ: «Хорошо, войдите». Я засталъ Константина въ трехъ, четырехъ шагахъ отъ двери; онъ имѣлъ видъ очень взволнованный. Я тотчасъ отрапортовалъ ему о состояніи полка. Между тѣмъ какъ я рапортовалъ, Александръ вышелъ изъ двери, прокрадываясь, какъ испуганный заяцъ. Въ эту минуту открылась задняя дверь, и вошелъ Павелъ in prorgia persona, въ сапогахъ и шпорахъ, съ шляпой въ рукѣ и тростью въ другой, и направился къ нашей группѣ церемоніальнымъ шагомъ, словно на парадѣ. Александръ убѣжалъ въ собственный апартаментъ; Константинъ стоялъ пораженный, съ руками, бьющими по карманамъ, словно безоружный человѣкъ, который встрѣтился съ медвѣдемъ. Я же, повернувшись, по уставу, на каблукахъ, представилъ императору рапортъ о состояніи полка. Императоръ сказалъ: «А, ты дежурный!» очень учтиво кивнулъ мнѣ головой, повернулся и пошелъ къ двери. Когда онъ прошелъ эту дверь, Александръ открылъ свою дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно. Когда вторая дверь въ ближайшей комнатѣ громко стукнула, какъ будто ее съ силою захлопнули, доказывая, что императоръ дѣйствительно ушелъ, Александръ осторожно пробрался къ намъ. — Константинъ сказалъ: «Ну, братецъ, что скажете вы о моей идеѣ?» указывая на меня. «Я говорилъ вамъ, что онъ не испугается!» Александръ спросилъ: «Какъ? Вы не боитесь императора?»—«Нѣтъ, ваше высочество,

караулу[387], спросилъ офицера Андреевскаго, все ли обстоитъ благополучно. Онъ отвѣтилъ, что все совершенно благополучно, что императоръ и императрица три раза проходили мимо караула, весьма благосклонно поклонились ему и имѣли видъ очень милостивый. Я сказалъ ему, что за мною послалъ государь и что я не приложу ума, зачѣмъ

Памятникъ, воздвигнутый Павлу I Аракчеевымъ въ Грузинѣ.

Съ гравюры Н. Уткина.

бы это было. Андреевскій также не могъ догадаться, ибо въ теченіе дня все было въ порядкѣ. Въ четверть одиннадцатаго часовой крикнулъ «къ ружью»; караулъ выстроился. Императоръ вышелъ изъ двери кабинета въ башмакахъ и чулкахъ, ибо онъ шелъ съ ужина. Ему предшествовала любимая его собачка «Шпицъ», и слѣдовалъ за нимъ де-

журный генералъ-адъютантъ Уваровъ. Собачка подбѣжала ко мнѣ и стала ласкаться, хотя прежде того никогда меня не видала. Я отстранилъ ее шляпою, но она опять кинулась ко мнѣ съ ласками, и императоръ отогналъ ее ударомъ шляпы, послѣ чего Шпицъ сѣлъ позади Павла на заднія лапки, не переставая пристально глядѣть на меня. Императоръ направился прямо ко мнѣ и сказалъ по-французски: «Vous êtes des Jacobins». Нѣсколько озадаченный этими словами, я, не подумавъ, отвѣтилъ: «Oui, Sire».—Онъ возразилъ: «Pas vous, mais le régiment». Я оправился и отвѣтилъ: «Passe encore pour moi, mais vous vous trompez pour le régiment». — Онъ сказалъ мнѣ тогда по-русски: «А я лучше знаю. Сводить караулъ». — Я скомандовалъ: «Направо кругомъ, маршъ!»—Корнетъ Андреевскій вывелъ караулъ и отправился съ нимъ домой. Собачка Шпицъ не шевелилась, она все время во всѣ глаза смотрѣла на меня. Затѣмъ императоръ продолжалъ говорить по-русски и повторилъ, что мы якобинцы. Я отвергъ подобное обвиненіе, утверждая, что оно не заслуженное. Онъ снова отвѣтилъ, что онъ лучше знаетъ, и прибавилъ, что онъ приказалъ вывести полкъ изъ города и расквартировать его по деревнямъ, причемъ сказалъ мнѣ весьма милостиво: «Вашъ эскадронъ будетъ помѣщенъ въ Царскомъ Селѣ; два бригадъ-маіора будутъ сопровождать полкъ до седьмой версты; распорядитесь, чтобы полкъ былъ готовъ къ выступленію въ четыре часа утра въ походной формѣ и съ поклажею». Затѣмъ, обращаясь къ двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, онъ сказалъ: «Вы оба займите этотъ постъ», указавъ на дверь, ведущую въ кабинетъ. Уваровъ все это время улыбался за спиною императора, а вѣрный Шпицъ продолжалъ серьезно глядѣть на меня. Императоръ затѣмъ поклонился мнѣ съ изысканною вѣжливостью и удалился въ кабинетъ»....

Незадолго до 11-го марта императоръ Павелъ, по чувству недовѣрія къ окружавшей его средѣ, послалъ за графомъ Аракчеевымъ и генераломъ Линденеромъ, на преданность которыхъ онъ могъ безусловно разсчитывать; распоряженіе это было сдѣлано помимо графа Палена, но, конечно, не ускользнуло отъ зоркаго ока всесильнаго военнаго губернатора. Вечеромъ, 11-го марта, графъ Аракчеевъ подъѣхалъ къ Петербургской заставѣ, но былъ задержанъ при въѣздѣ въ столицу по приказанію Палена...

«Сердце чисто и духъ правъ передъ тобою», написалъ впослѣдствіи графъ Аракчеевъ на памятникѣ, воздвигнутомъ своему благодѣтелю, императору Павлу, въ Грузинѣ: «Кто чистъ душею и помышленіемъ моему единственному Отцу и Благодѣтелю, также вѣчно будетъ преданъ и всеавгустѣйшему его семейству», писалъ графъ Аракчеевъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ[388]. Неоспоримое право открыто выражать подобную мысль и гордиться этимъ

правомъ доставило графу Аракчееву нѣкоторое нравственное превосходство надъ многими менѣе счастливыми, но болѣе достойными его современниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, окруживъ Аракчеева ореоломъ новой добродѣтели, оно проложило ему путь къ будущимъ отличіямъ и къ занятію исключительнаго положенія среди дѣятелей наступившей послѣ 11-го марта александровской эпохи.

ганымъ на ватѣ атласнымъ одѣяломъ, сверхъ котораго еще настилали розоваго цвѣта бархатное одѣяло, подбитое лисьимъ мѣхомъ. Послѣ я сама много разъ видала его такимъ образомъ укутаннаго; потъ текъ у него съ лица и по всему тѣлу, въ слѣдствіе чего, когда онъ выросъ, то простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того къ нему приставили множество безтолковыхъ старухъ, которыя своимъ излишнимъ и безсмысленнымъ усердіемъ причиняли ему несравненно больше физическаго и нравственнаго зла, нежели добра». Mémoires de l'impératrice Catherine II. Londres, 1859, p. 221.

12) Въ то время сношенія между императрицею и Густавомъ III были самыя дружескія. Лѣтомъ 1777 года, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія великаго князя Александра Павловича, король шведскій посѣтилъ Петербургъ. Густавъ черезъ годъ послѣ этого сдѣлался отцомъ и въ ожиданіи рожденія наслѣдника обратился къ Екатеринѣ за совѣтами относительно первоначальнаго воспитанія будущаго Густава Адольфа IV. Императрица отвѣчала запискою о великомъ князѣ Александрѣ; какъ видно изъ этой записки, Екатерина отправила Густаву III даже куклу съ тою самою корзиною, въ которой лежалъ нѣкогда малютка Александръ Павловичъ.

13) Кормилицу великаго князя Александра Павловича звали Авдотьей Петровой. Это видно изъ высочайшаго повелѣнія по кабинету ея величества отъ 22-го мая 1795 года слѣдующаго содержанія: «Е. И. В. великаго князя Александра Павловича кормилицѣ Авдотьѣ Петровой на приданое ея дочери пожаловано 1000 рублей». (Приложеніе къ камеръ-фурьерскому журналу 1795 года).

14) Собственоручная записка Екатерины II о великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ и первое время послѣ его рожденія. Государственный архивъ. Разрядъ II, № 114.

15) Сборникъ И.Р.И.О., т. 23-й, стр. 130: Письмо Екатерины отъ 28-го марта 1779 года.

16) Сынъ его Христофоръ Ивановичъ Бенкендорфъ (р. 1749+1823 г.) былъ въ царствованіе императора Павла рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Онъ былъ женатъ на подругѣ дѣтства императрицы Маріи Ѳеодоровны, Аннѣ Юліанѣ Шиллингъ фонъ Канштатъ (извѣстная въ Монбельярскомъ семействѣ подъ именемъ: Тилль). Сынъ ихъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ былъ впослѣдствіи извѣстный шефъ жандармовъ и возведенъ императоромъ Николаемъ въ графское достоинство.

17) Лагарпъ пишетъ: «Иванъ Ѳедоровичъ Гесслеръ, первый камердинеръ великаго князя, былъ человѣкъ благороднаго образа мыслей. Жена его—женщина рѣдкихъ достоинствъ: будучи приставлена въ качествѣ няни, она передавала первыя хорошія привычки и наклонности своему питомцу, который вполнѣ цѣнитъ это и питаетъ къ ней благоговѣйное уваженіе (une vénération), дѣлающее честь имъ обоимъ» (Примѣчаніе Лагарпа къ письму его къ великому князю Александру отъ 28-го апрѣля 1796 года).

М. И. Сухомлиновъ: «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію». С.-Петербургъ, 1889, т. 2-й, стр. 64.

П. И. Гесслеръ можно назвать до нѣкоторой степени предшественницею Лагарпа въ дѣлѣ воспитанія Александра. Она давала великому князю уроки англійскаго языка.

18) Дневникъ А. В. Храповицкаго. С.-Петербургъ, 1874, стр. 434 (Разговоръ 20-го іюля 1793 года).

19) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й: Письмо Екатерины отъ 7-го мая 1779 года, стр. 136. Крестины великаго князя Константина Павловича состоялись въ Царскомъ Селѣ 5-го мая 1779 года.

20) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 312 (Разговоръ 9-го октября 1789 года).

21) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й: Письма императрицы Екатерины отъ 18-го іюня (стр. 145) и отъ 14-го іюля (стр. 152) 1779 года.

22) Въ 1795 году великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ принцессѣ Кобургской: «je ne sais pas si mon frère peut se passer de moi, moi sans Alexandre, je ne pourrais point vivre».

Русскій Архивъ 1869 года, стр. 1094: «Письма германской принцессы о русскомъ дворѣ. 1795 годъ».

23) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. К. Грота. С.-Петербургъ. 1884.

24) Впослѣдствіи Александръ дѣйствительно оправдалъ мнѣніе, высказанное о немъ Екатериною, столь мѣтко подмѣтившей одну изъ выдающихся чертъ характера «буду-

щаго вѣнценосца», еще на второмъ году его жизни. Припомнимъ здѣсь, что сказалъ Сперанскій въ позднѣйшее время объ Александрѣ: «будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ, и тотъ не устоитъ противъ обращенія государя—это сущій прельститель».

25) Заботы Екатерины о воспитаніи Александра не ограничивались однимъ выборомъ воспитателей и наставниковъ: «Normal Schulmeisterin» сама взяла перо въ руки, чтобы создать полезную для внуковъ дѣтскую библіотеку. Такимъ образомъ появилась «Бабушкина азбука», которая вошла въ составъ библіотеки великихъ князей Александра и Константина Павловичей (Государственный архивъ, разрядъ II, № 117).

Этою азбукою воспользовалось вообще подростающее поколѣніе въ Россіи. Она была издана въ Петербургѣ въ 1781 году подъ заглавіемъ: «Россійская азбука для обученія юношества чтенію, напечатанная для общественныхъ школъ по Высочайшему повелѣнію».—Вторая половина ея, названная «Гражданское начальное ученье», состоитъ изъ 117-ти краткихъ наставленій.—Въ 1783 году книжка эта перепечатана была въ Москвѣ.

Гриммъ по поводу «Bibliothèque des deux sieurs marmots d'Auguste origine» писалъ Екатеринѣ: «da ist Urkraft drinnen, et c'est avec quoi il faut remuer l'âme des enfants» (Письмо Гримма отъ 7-го (18-го) іюня 1782 года въ изданной Я. К. Гротомъ перепискѣ его съ императрицею Екатериною, стр. 221—222).

26) Картина Бромптона (Richard Brompton) находится въ Эрмитажѣ въ Романовской галереѣ.

27) Русскій Архивъ 1869 года, стр. 1599.

28) Екатерина не любила Райналя и 4-го апрѣля пишетъ: «Мы всетаки законодательствуемъ, не смотря на то, что аббатъ Райналь противъ насъ квакаетъ и лжетъ. Среди всей этой лжи онъ говоритъ, что мнѣ ничего не удавалось изъ всего, что я предпринимала. Вѣдь это же очень грубая ложь, противъ которой доказательства у цѣлаго свѣта передъ глазами».

29) «Je suis accablée de travail et de la maladie de gens que j'aime et que j'estime»—пишетъ Екатерина. Дѣйствительно въ скоромъ времени одинъ за другимъ умерли: генералъ Ѳ. В. Бауэръ 14-го февраля 1783 года, графъ Н. И. Панинъ 31-го марта 1783 г. и князь Г. Г. Орловъ 13-апрѣля 1783 года.

30) Ваньеръ (Wagnière) былъ секретаремъ Вольтера, послѣ смерти котораго былъ вызванъ въ Россію Екатериною для устройства библіотеки Фернейскаго философа.

31) Нѣсколькими днями ранѣе Екатерина писала по поводу своихъ Записокъ касательно Россійской исторіи: «Dieu donne une heureuse digestion aux marmots qui auront à digérer cela».

32) Очевидно, что Екатерина подразумѣвала здѣсь младшаго брата, т. е. великаго князя Константина Павловича. Такого мнѣнія и Я. К. Гротъ, издавшій переписку Екатерины съ Гриммомъ. Едва ли можно согласиться съ Д. Кобеко, который въ историческомъ изслѣдованіи: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ» (С.-Петербургъ, 3-е изданіе) переводитъ выраженіе: «la secondaterie» слѣдующимъ образомъ: «лишь бы родители не задержали его успѣховъ». Есть письма, въ которыхъ Екатерина говоритъ о цесаревичѣ и его супругѣ, но тогда она употребляетъ выраженіе: «M-r et Mad. de Secondat».

33) Русскій Архивъ 1863 года, стр. 940 (1-е изданіе). Записка эта найдена С. Соболевскимъ.

34) Въ архивѣ князя Воронцова, т. 29-й стр. 242, письмо Лафермьера графу С. Р. Воронцову (отъ 8-го сентября 1783 года): «Nous avons perdu à Zarsko madame la générale de Benkendorff, qui a eu une attaque d'apoplexie dans la chambre même de l'Impératrice et en sa présence, d'où on l'a emportée mourante, et elle est morte en effet le lendemain après avoir été presque pendant tout ce temps sans connaissance».

35) Еще до смерти С. И. Бенкендорфъ, а именно 1-го апрѣля 1783 года, Екатерина сообщила Н. И. Салтыкову намѣреніе свое ввѣрить ему наблюденіе за воспитаніемъ великихъ князей и подтвердила его 22-го апрѣля въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вы сами знаете, что лѣта ихъ требуютъ уже неотлагательнаго о томъ распоряженія».

5-го апрѣля цесаревичъ Павелъ Петровичъ писалъ о томъ же Салтыкову: «Будучи поутру у государыни, съ большою похвалою о тебѣ, любезный другъ, сказала мнѣ о намѣреніи своемъ васъ приставить къ дѣтямъ».

36) Masson: Mémoires secrets sur la Russie. Londres, 1802, t. 2, p. 158: «Sa principale occupation auprès d'eux fut de les préserver des vents coulis, et de leur entretenir le ventre libre».

Отзывъ о Салтыковѣ саксонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, сдѣланный въ 1789 году, еще болѣе рѣзкій. Онъ говоритъ, что признаетъ его самымъ неподходящимъ воспитателемъ царственныхъ дѣтей въ Европѣ (der ungeschickteste Prinzenerzieher in Europa). Hermann: Geschichte des russischen Staates. Ergänzungs-Band.—Gotha, 1866, p. 656.

37) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 326: Письмо Екатерины отъ 5-го марта 1785 года.

38) Д. П. Руничъ при свойственномъ ему одностороннемъ взглядѣ на событія и лица отозвался въ своихъ запискахъ о наставленіи въ слѣдующихъ ѣдкихъ выраженіяхъ: «C'était un ramas de lieux communs concernant l'éducation physique ainsi que la morale dans un sens tout philosophique, en mauvais russe».

39) Впервые наставленіе о воспитаніи великихъ князей напечатано въ книгѣ: «Записки о жизни генералъ-фельдмаршала князя Н. И. Салтыкова, издалъ Павелъ Свиньинъ».— С.-Петербургъ, 1818 (стр. 23—100). Оно было перепечатано въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины II, изданіе Смирдина 1849 года (т. I-й, стр. 199—248). Затѣмъ наставленіе явилось также въ приложеніяхъ къ «Исторіи Александра I» генерала Богдановича (но безъ рескрипта Н. И. Салтыкову). Окончательное изданіе наставленія и рескрипта послѣдовало только въ 1880 году и принадлежитъ И. Р. И. О. (Сборникъ т. 27-й, стр. 301—330). Они напечатаны съ собственноручной рукописи Екатерины II, хранящейся въ Государственномъ архивѣ (разрядъ II, № 115). Собственноручная черновая рукопись императрицы тщательно ею просмотрѣна и испещрена поправками и вставками.

40) Музыка и «вирши», на основаніи наставленія, вовсе не должны были входить въ курсъ воспитанія Александра. Императрица пишетъ: «Виршамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства». Гримму же Екатерина пишетъ по этому поводу: «Point de clavecin. Messieurs Alexandre et Constantin n'apprendront point de musique, ils racleront ou joueront s'ils veulent sans apprentissage». (Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 334: Письмо отъ 25-го апрѣля 1785 года).

41) Письмо отъ 28-го марта 1784 года—Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 297.

42) «Записки касательно Россійской исторіи» впервые напечатаны въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова» (1783 — 1784). Затѣмъ «Записки» были изданы отдѣльно въ шести частяхъ (1785—1797), исправленныя и дополненныя, съ именемъ императрицы Екатерины II. Въ 1801 году было третье ихъ изданіе. Въ «Собесѣдникѣ» исторія доведена до 1224 года, а въ отдѣльномъ изданіи продолжена до 1276 года.

43) Сочиненія Н. А. Добролюбова—С.-Петербургъ. 1862, т. I-й: Статьи о литературѣ Екатерининскаго времени. Обозрѣвая содержаніе: «Собесѣдника любителей Россійскаго слова», Добролюбовъ подробно разбираетъ «Записки касательно Россійской исторіи» (стр. 17—32).

8-го мая 1784 года Екатерина писала Гримму: «Je crois qu'il est impossible de se délasser plus utilement pour l'empire qu'en débrouillant et arrangeant son histoire.—Nous employons à cela nos heures de loisir». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 305.

44) Яковъ Дмитріевичъ Ланской.

45) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 229: Письмо Екатерины отъ 25-го февраля 1782 года. Съ этого времени императрица въ перепискѣ своей отзывается о Лагарпѣ самымъ лестнымъ образомъ, называя его «l'ami Laharpe», и, сравнивая его съ извѣстнымъ французскимъ писателемъ и критикомъ, отдаетъ предпочтеніе спутнику Ланского, замѣчая: «Ce monsieur Laharpe, qui n'est pas l'autre, a bonne tête» (Письмо отъ 1-го апрѣля 1782 года, стр. 232).

46) Для упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ приглашенъ былъ къ великому князю Александру сынъ пастора лютеранской Екатерининской церкви Грота, обратившаго на себя вниманіе императрицы проповѣдями въ защиту оспопрививанія. «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ» Я. К. Грота, стр. 107.

47) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 297.

61) Письмо Лагарпа къ своему отцу изъ С.-Петербурга отъ 30-го октября (10-го ноября) 1786 года (Notice biographique sur le général F. C. de la Harpe p. Monnard. Lausanne, Genève, 1838, p. 95). Приводя разговоръ съ императрицею, Лагарпъ прибавляетъ: «Je vous avouerai que ces sortes de témoignages me font oublier bien des choses, et je n'hésiterais pas entre eux et un ruban».

62) «L'ami le plus sûr d'un homme public c'est sa judiciaire, s'il l'a exercée de bonne heure; et l'unique ami peut-être d'un prince est cette même judiciaire, à l'aide de laquelle il pèse les raisons de ses ministres, les représentations de ses serviteurs, les conseils de ses amis et les éloges de ses courtisans» (Рукопись Лагарпа въ Лозанской кантональной библіотекѣ № II).

63) Михайловскій-Данилевскій: Рукописный журналъ 1815 года.

64) Въ примѣчаніи къ запискѣ отъ 10-го іюля 1784 года Лагарпъ пишетъ: «Il serait injuste de ne pas reconnaître aussi un caractère de bonhomie dans les nationaux: j'en ai fait l'épreuve à diverses reprises. Elle méritait bien qu'on s'occupa d'assurer sa prospérité par des institutions durables, cette bonne nation russe».

65) Письмо Лагарпа Андрею Яковлевичу Дашкову отъ 3-го (15-го) февраля 1810 г. изъ Парижа.

66) Mémoires de F.-C. Laharpe, p. 75.

67) По поводу женитьбы Лагарпа, въ біографическомъ очеркѣ Моннара (Notice biographique sur le général de la Harpe, par Monnard) сказано слѣдующее: «Pendant son séjour à la cour de Russie, M. de la Harpe épousa une très jeune personne, mademoiselle Dorothée Boethlingk, fille d'un riche négociant de S.-Pétersbourg, aimable compagne, qui dès-lors le comprit et se montra digne de partager les pensées de sa vie, et de s'associer à toutes ses destinées» (p. 22).

68) Записки Филипа Филиповича Вигеля (изданіе Русскаго Архива). Москва, 1891, ч. 2-я, стр. 7.

69) Басня Воспитаніе Льва была впервые напечатана въ 1811 году. Но, какъ замѣчаетъ Кеневичъ (Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова— С.-Петербургъ, 1868), это обстоятельство не можетъ служить доказательствомъ, что она не была написана ранѣе.

70) «Ce qu'il sut lui inspirer et graver profondément dans son coeur, ce fut un respect religieux pour la dignité de l'homme, qualité précieuse dans un souverain, inappréciable dans un autocrate». A. de Stourdza: Oeuvres posthumes.—Paris. 1859.

71) Изъ письма Самборскаго къ женѣ отъ 20-го марта 1784 года, тотчасъ по назначеніи его въ должность законоучителя, видно, какъ хорошо онъ понималъ возлагавшуюся на него отвѣтственность. «Такъ какъ настоящая моя должность», писалъ онъ, «имѣетъ важнѣйшее значеніе для нашего отечества и, можно сказать, для человѣчества вообще, то я обязанъ пройти черезъ самое строгое самоиспытаніе, чтобы узнать: достоинъ ли я столь высокой довѣренности отъ такой великой, такой мудрой и предусмотрительной монархини. Всякія мелкія испытанія я переносилъ съ твердостью и благодарностію—теперь со всевозможнымъ усердіемъ и бдительностію я долженъ начать мою священную обязанность».

О жизни протоіерея А. А. Самборскаго (матеріалы для біографіи)—С.-Петербургъ, 1888, стр. 28.

72) Е. П. Ковалевскій: «Графъ Блудовъ и его время».—С.-Петербургъ. 1866, стр. 59. Авторъ утверждаетъ, что о нравственномъ воспитаніи Александра мало заботились (?!).

М. Морошкинъ: «Іезуиты въ Россіи».—С.-Петербургъ. 1870, ч. 2-я, стр. 20.

В. К. Надлеръ: «Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза».—С.-Петербургъ. 1886. т. I-й, стр. 12.

73) Я. К. Гротъ: «А. А. Самборскій, законоучитель императора Александра I» (Русскій Вѣстникъ 1889 года).

74) А. А. Самборскій (р. 1732 + 1815) окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи. Императрица Екатерина возымѣла мысль, чтобы сельскіе священники, изучивъ раціональное земледѣліе, распространили свои познанія между народомъ; для этой цѣли она предписала выбрать лучшихъ учениковъ изъ Кіевской духовной академіи и послать

Потемкинъ отвѣчалъ цесаревичу: «воля в. в. дошла до меня такъ поздно, что уже и просьба моя будетъ неумѣстна. Прибывъ въ Кіевъ, я не оставлю употребить все, что въ моей возможности будетъ, съ крайней осторожностью, чтобы не прогнѣвать и тѣмъ бы не нанести в. в. непріятности».

90) «Mémoires ou souvenirs et anecdotes» p. le comte de Ségur.—Paris, 1842. T. 3-me, p. 4.

91) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 400: Письмо отъ 7-го апрѣля 1787 года.

92) Письмо Екатерины генералу Салтыкову отъ 5-го января 1787 года изъ Царскаго Села. Русскій Архивъ 1864 года, стр. 504 (Изданіе 2-е).

93) Письма Н. И. Салтыкова императрицѣ Екатеринѣ. Государственный архивъ. Разрядъ II, № 120.

Отвѣты императрицы. Русскій Архивъ 1864 года.

Письма графа Я. А. Брюса императрицѣ Екатеринѣ, во время ея путешествія 1787 года. Государственный архивъ Разрядъ II, № 118.

Отвѣты императрицы напечатаны въ приложеніи къ камеръ-фурьерскому журналу.

Письма великихъ князей Александра и Константина императрицѣ Екатеринѣ во время ихъ малолѣтства. Государственный архивъ. Разрядъ IV, № 120.

Письма императрицы Екатерины великимъ князьямъ Александру и Константину. Государственный архивъ. Разрядъ IV, № 119.

94) См. въ приложеніяхъ дѣтскую переписку великаго князя Александра Павловича съ императрицею Екатериною. Государственный архивъ. Разрядъ IV, № 120. Для сравненія мы помѣстили здѣсь также дѣтскія письма великаго князя Константина Павловича.

95) 14-го января 1787 года изъ Смоленска Екатерина писала цесаревичу: «L'éruption dont Constantin se trouve incommodé me paraît être ce qu'on appelle золотуха». Сборникъ И. Р. И. О., т. 27-й, стр. 403.

96) Сборникъ И. Р. И. О., т. 15-й, стр. 1—174: Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ (1783—1790).

97) Государственный архивъ. Разрядъ II, № 120.

98) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 40.

99) 9-го сентября 1787 года обнародованъ былъ манифестъ о второй турецкой войнѣ.

100) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 432: Письмо отъ 1-го декабря 1787 года.

101) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 497: Письмо отъ 18-го сентября 1790 года Въ слѣдующемъ 1791 году 13-го сентября, Екатерина, упоминая о внукахъ, пишетъ: «C'est bien d'eux qu'on peut dire: Jean danse mieux que Pierre, Pierre danse mieux que Jean; ils dansent bien tous deux, et il est difficile de dire lequel danse mieux» (стр. 502). «Онъ переросъ отца и бабушку», прибавляетъ императрица.

102) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 520: Письмо отъ 30-го апрѣля 1791 года.

103) «Il lui trouve la figure d'Apollon jointe à une grande modestie, à beaucoup d'esprit». Сборникъ, стр. 520. И. Р. И. О., т. 23-й.

104) «Записки о жизни князя Н. И. Салтыкова», изданныя П. Свиньинымъ. С.-Петербургъ. 1818. Стр. 105.

105) «Дневныя записки А. Я. Протасова».

Вообще нарисованная Протасовымъ картина нисколько не противорѣчитъ всему написанному объ Александрѣ его царственной бабкой, но скорѣе дополняетъ сдѣланныя ею сообщенія.

106) Еще ранѣе, когда великому князю минуло 12 лѣтъ (въ 1789 году), Протасовъ замѣтилъ о немъ, что «при всѣхъ естественныхъ знакахъ мужества началъ имѣть сонныя грезы, сохраняя однако всю нравственную непорочность. Ростомъ 2 аршина 6 вершковъ; въ сей годъ выросъ 2 вершка $^{3}/_{4}$».

107) То есть шутовство, поддразниваніе.

108) То есть, чувствительнаго.

109) С. Н. Шубинскій: «Историческіе очерки и разсказы». — С.-Петербургъ. 1893. (Изданіе 3-е).

«Павловскъ. Очеркъ и описаніе 1777—1877».—С.-Петербургъ 1877.

123) Дневникъ, стр. 414.

Гримму императрица писала 31-го октября: «Сегодня вечеромъ ожидаемъ мы обѣихъ принцессъ Баденскихъ: одной 13 лѣтъ, другой 11. Вы, конечно, не думаете, что у насъ женятъ и отдаютъ замужъ такъ рано: это не для настоящей минуты, а про запасъ, на будущее время, а покамѣсть онѣ привыкнутъ и сживутся съ нашими нравами и обычаями. Что касается нашего молодца, онъ объ этомъ и не думаетъ въ своей невинности сердечной. C'est un tour diabolique que je lui joue, car je l'induis en tentation».

1-го ноября: «Принцессы Баденскія прибыли вчера между 8-ю и 9-ю вечеромъ, и я нашла ихъ таковыми, какими мнѣ ихъ описывали, прелестными. Господинъ Александръ уже слишкомъ былъ бы разборчивъ, еслибъ старшая отъ него ускользнула. Прощайте, souffre-douleur, будьте здоровы, если то возможно въ нашемъ желѣзномъ вѣкѣ, въ которомъ однако есть и прекрасныя принцессы».

124) Статсъ-дама графиня Александра Васильевна Браницкая.

125) «Je crois que dans peu je ne serai plus du tout embarassée par elle.—Elle a l'air si bonne et je ne peux pas dire comment, mais elle me plait». (Письмо принцессы Луизы—матери, наслѣдной принцессѣ Амаліи, отъ 1-го (12-го) ноября 1792 года).

126) L'ainée m'a paru charmante: je la trouve non seulement jolie, mais elle a un attrait dans toute sa figure, qui engagerait l'être le plus indifférent à l'aimer; elle vous captive par son aménité et par cette candeur, qui est répandue sur toute sa figure».

127) Русская Старина 1874 года, т. 9-й, стр. 37—42: Историческіе матеріалы, хранящіеся въ библіотекѣ дворца г. Павловска.

128) Дневникъ, стр. 415.

Читая это мѣсто дневника Храповицкаго въ рукописи, 28 лѣтъ спустя, и вспоминая императрицу Екатерину, бывшая принцесса Луиза, сдѣлавшаяся императрицей Елисаветой Алексѣевной, высказала слѣдующее мнѣніе по поводу великой государыни: «Elle avait bien des faiblesses, elle avait des défauts probablement, mais personne comme elle n'a connu l'art de régner» (8-го декабря 1820 года).

129) Que de jour en jour l'aimable princesse Louise lui plaisait davantage; qu'elle avait une certaine douceur, une certaine modestie qui enchantaient et qu'il faudrait être de pierre pour ne pas l'aimer.

130) Русская Старина 1874 года, т. 9-й.

131) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 579.

132) Въ письмѣ Екатерины наслѣдной принцессѣ Баденской между прочимъ сказано: «Jamais noeuds assortis par les plus heureux rapports de qualités respectives et d'inclination mutuelle n'ont présenté une perspective plus assurée de bonheur et de prospérité que celle qui se rencontre dans l'union de ce couple vraiment intéressant». Государственный архивъ. Разрядъ II, № 124.

133) Въ депешѣ прусскаго посла графа Гольца отъ 21-го декабря 1792 года (1-го января 1793 года) сказано: «d'après ce que S. M. I. a daigné me faire entendre, je dois croire, que les noces ne seront retardées que jusqu'au mois de septembre».

Берлинскій архивъ. Rep. XI. vol. I. 1793. № 1.

134) Въ Дневникѣ Храповицкаго отъ 13-го января 1793 года записано (стр. 419): «Подписали отвѣтъ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву въ Римъ, чтобъ не покупалъ и не заказывалъ мозаичныхъ вещей, за тѣмъ что берегутъ деньги для будущаго бракосочетанія в. к. Александра Павловича, и собственноручно приписали: «notre princesse est aussi jolie qu'elle est aimable et elle nous plait beaucoup. Adieu». Сегодня ея рожденіе».

135) Принцесса Луиза родилась 13-го января 1779 года.

136) Изъ записокъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго: Осмнадцатый вѣкъ. Москва. 1868. Книга 1-я, стр. 341.

137) Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre, p. la comtesse de Choiseul-Gouffier.—Paris. 1829.

138) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 583. «Elle a une voix qui va droit au coeur». Письмо отъ 7-го апрѣля 1795 года.

139) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 574: Письмо отъ 14-го августа 1792 года.

140) Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 65.

«Le grand duc Alexandre, on peut le dire hardiment, n'a pas son pareil dans le monde. Son âme est encore plus belle que son corps; jamais le moral et le physique n'ont été plus achevé dans un individu» (Ѳ. В. Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову 14-го (25-го) апрѣля 1793 года).

141) Законоучителемъ принцессы Луизы назначенъ Новгородскаго Антоніева монастыря архимандритъ Иннокентій.

Тотчасъ послѣ пріѣзда принцессы Луизы, а именно съ 9-го ноября, начались только уроки у танцмейстера Пика.

142) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 583.

«Tout le monde disait que c'étaient deux anges qu'on fiançait; on ne saurait voir rien de plus beau que ce promis de 15 ans et cette promise de 14; outre cela ils ne s'aiment pas mal. Dès que la princesse a été fiancée, elle a reçu le titre de Grande Duchesse». Письмо отъ 14-го мая 1793 года изъ Царскаго Села.

Прусскій посланникъ графъ Гольцъ пишетъ 17-го (28-го) мая 1793 года:

«Depuis mon séjour à Pétersbourg je n'ai jamais vu manifester à l'impératrice une aussi grande satisfaction, que le jour des fiançailles de son petit-fils; aussi disait-elle jouir d'un rare bonheur. Il est vrai que les jeunes promis méritent à tous égards l'admiration générale qu'ils inspirent, car ils joignent à la beauté une douceur qui doit leur gagner tous les coeurs.—Malgré la grande jeunesse et timidité de cette princesse, elle à parfaitement représenté et les personnes, qui l'approchent de près, assurent qu'elle ne manque pas de caractère. Sa soeur plus vive plait et amuse, mais repartira à ce que l'on dit avant les noces». Берлинскій архивъ (Rep. XI, vol. II, 1793, № 40).

19-го (30-го) августа 1793:

«Tout le monde loue la conduite de la promise et l'on prétend qu'avec les dehors de la plus grande douceur, elle a beaucoup de caractère» (Id. № 63).

143) См. въ приложеніяхъ четыре указа императрицы Екатерины придворной конторѣ отъ 10-го мая 1793 года относительно двора великаго князя Александра Павловича. Въ числѣ этихъ указовъ находится также повелѣніе о назначеніи трехъ княженъ Голицыныхъ фрейлинами къ великой княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

144) Авторомъ ея былъ придворный музыкантъ Пашкевичъ.

145) Объ этомъ происшествіи упоминаетъ также Ѳ. В. Ростопчинъ: «Недавно одинъ каменьщикъ упалъ съ крыши дворца и переломилъ себѣ ногу; великій князь прислалъ ему своего хирурга, денегъ и, собственноручно снявъ собственный матрасъ, послалъ его больному». Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 75.

146) Въ письмѣ къ В. П. Кочубею отъ 15-го ноября 1795 года, великій князь выразился слѣдующимъ образомъ относительно графини Шуваловой: «C'est un diable incarné avec ses éternelles intrigues».

147) Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 75: Письмо отъ 6-го іюля 1793 года изъ С.-Петербурга.

148) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Въ царствованіе Александра I ему разрѣшено было прибавить къ своей фамиліи имя Апостолъ. Это былъ отецъ извѣстныхъ декабристовъ.

149) Комедія «Школа злословія» въ первый разъ представлена на театрѣ Эрмитажа 27-го февраля 1793 года.

150) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 583: Письмо отъ 14-го мая 1793 года изъ Царскаго Села.

151) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 586: Письмо отъ 5-го августа 1793 года.

152) Пріемная аудіенція чрезвычайнаго и полномочнаго посла Порты Оттоманской Россіихъ Мустафы-паши состоялась 13-го октября 1793 года.

153) На этотъ разъ Лагарпъ не былъ обойденъ наградою. 22-го сентября 1793 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе Василію Степановичу Попову по кабинету ея величества: «Находившемуся при любезныхъ внукахъ нашихъ великихъ князьяхъ подполковнику Фридриху де Лагарпу пожалованные при отпускѣ его десять тысячъ рублей прикажите выдать изъ кабинета».

Графу Салтыкову назначена пенсія въ 25,000 рублей въ годъ, сверхъ получаемаго имъ жалованья и столовыхъ денегъ.

Генералъ-поручику Протасову пожалованы орденъ св. Александра Невскаго, деревня и пенсія въ 3,000 рублей, сверхъ жалованья.

Екатерина не позабыла также бывшую няню великаго князя Прасковью Гесслеръ. 17-го января 1794 года она была пожалована въ камеръ-фрау къ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. — Мужу ея, камердинеру при великомъ князѣ, Ивану Гесслеру, 17-го ноября 1795 года, повелѣно производить изъ кабинета пенсію по 300 рублей въ годъ.

154) Журналъ торжества бракосочетанія государя великаго князя Александра Павловича, сентября съ 28-го и октября по 12-е число 1793 года (Приложеніе къ камеръ-фурьерскому журналу 1793 года).

155) Сборникъ И. Р. И. О., т. 42-й, стр. 233.

156) Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 80.

Во время брачныхъ торжествъ стало замѣтно, по свидѣтельству того же очевидца, что отношенія между императрицею и ея сыномъ окончательно разстроились. Несогласія дошли до того, что цесаревичъ намѣревался даже не присутствовать на бракосочетаніи Александра Павловича и располагалъ провести это время въ загородныхъ своихъ дворцахъ. Великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ удалось однако уговорить Павла измѣнить свое рѣшеніе и своевременнымъ вмѣшательствомъ въ это дѣло отстранить полный семейный разрывъ.

157) Графиня Варвара Николаевна Головина, рожденная княжна Голицына, супруга графа Николая Николаевича, пожалованнаго гофмаршаломъ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, 10-го мая 1793 года.

158) Въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову отъ 8-го ноября 1793 года, А. Я. Протасовъ пишетъ:

«Le général (т. е. графъ Н. И. Салтыковъ) politique comme de coutume, n'ayant rien plus au coeur que de donner pleine liberté à notre jeune homme, et si celui-ci aurait agi avec un peu plus de fermeté, je ne doute nullement que le général ne lui fut aussi soumis qu'au père... Par le bel arrangement du chef ils ne s'occupent presque pas. L'impératrice cependant a arrangé avec m. de La Harpe la façon de leurs occupations». Архивъ князя Воронцова, книга 15-я, стр. 13.

159) П. Сумароковъ: «Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія».—С.-Петербургъ, 1832, часть 2-я, стр. 89.

160) Д. П. Руничъ въ своихъ запискахъ пишетъ:

«Les armes, l'uniforme et le tambour détournent même les enfants de leurs jeux et quand ils peuvent singer le soldat ou l'officier, ils le singent volontiers. Les jeunes Grands Ducs prirent facilement du goût pour le soldatesque—et ce goût leur est resté pour toute leur vie.—L'impératrice les tenait éloignés du militaire et leur faisait porter l'habit français. A Pétersbourg et Zarskoe Sélo les Grands Ducs étaient traités en princes enfants—à Gatchina et Pavlovskoie ils étaient traités en princes—mais militairement. Tout ce qui est interdit—plait! C'est la loi universelle de l'amour propre».

161) Eckermann: Gespräche mit Göthe.—Leipzig. 1876, t. 2. p. 96. «Der Mensch kann seine Jugendeindrücke nicht los werden».

Бисмаркъ ту же мысль выразилъ еще лучше: «Mir scheint dass Niemand den Stempel wieder verliert, den ihm die Zeit der Jugendeindrücke einprägt».

162) Будучи уже императоромъ, Александръ сказалъ однажды одной особѣ: «On m'accuse de méfiance, mais sait-on que depuis l'époque où j'ai commencé à réfléchir, je n'ai vu autour de moi que des malheurs, tout ce que j'ai entrepis a tourné en malheur contre moi». Михайловскій-Данилевскій: рукописный журналъ 1829 года.

163) Никто не заподозритъ Константина Павловича въ равнодушіи къ спеціальности, излюбленной имъ уже съ дѣтства. Между тѣмъ въ 1817 году онъ писалъ генералъ-адъютанту Сипягину: «Нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дашь... Я болѣе двадцати лѣтъ служу и могу правду сказать, даже во время покойнаго государя былъ изъ первыхъ офицеровъ, а нынѣ такъ премудрено, что и не найдешься». (Военно-ученый архивъ, отд. секр., № 11).

Князь Адамъ Чарторижскій въ своихъ запискахъ замѣчаетъ слѣдующее по поводу гатчинскихъ войскъ: «Les minuties du service militaire et l'habitude d'y attacher une extrême importance faussèrent l'esprit du Grand Duc Alexandre: il y prit un goût dont il ne put se guérir.—Il fut atteint pendant tout son règne de la paradomanie, maladie épidémique des princes, qui fit perdre à Alexandre un temps précieux lorsqu'il fut sur le trône, et l'empêcha pendant sa jeunesse de travailler utilement et d'acquérir des connaissances indispensables». Mémoires du prince Adam Czartoryski, t. 1, p. 108.

164) Гатчина поступила въ 1783 году во владѣніе цесаревича Павла Петровича и съ тѣхъ поръ сдѣлалась его любимою резиденціею.

165) Русскій Архивъ 1865 года, стр. 624: «Распоряженіе Екатерины II» (вѣроятно Н. И. Салтыкову).

166) Манифестъ императрицы Екатерины отъ 7-го іюля 1762 года.

167) Сверхъ полевой артиллеріи имѣлась еще помѣстная артиллерія: въ Гатчинѣ 26 орудій, въ Павловскѣ 20 орудій. Къ этому артиллерійскому богатству нужно еще присоединить одну двухъ-пудовую мортиру.

168) Свѣдѣнія о гатчинскихъ войскахъ — С.-Петербургъ. 1835 (въ военной типографіи).

Замѣтимъ здѣсь, что вообще свѣдѣнія о гатчинскихъ войскахъ, имѣющіяся въ архивахъ, весьма скудны.

169) Русская Старина 1876 года, т. 16-й, стр. 7: Записки Михаила Грановскаго.

170) Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 76.

171) Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная, 1784—1805. Москва, 1885, стр. 215.

172) См. въ приложеніяхъ записку по поводу гатчинскихъ войскъ, подъ заглавіемъ: «Особенныя моего благотворителя отношенія къ императрицѣ Екатеринѣ и къ ея наслѣднику великому князю Павлу Петровичу» (1794 года).

173) Записки Ф. Ф. Вигеля, часть I-я, стр. 90.

Въ запискахъ А. С. Пишчевича встрѣчается такой же неблагопріятный отзывъ о личномъ составѣ корпуса офицеровъ гатчинскихъ войскъ: «Гатчинскіе офицеры были бродяги, выгнанные за разныя гнусности изъ арміи, которые, не имѣя пристанища, рады были все переносить изъ куска хлѣба. Гатчинская армія не помѣщала ни одного офицера, который бы помышлялъ о чести—имъ нерѣдко придаютъ охоту къ службѣ палкой» (стр. 216).

174) «Le grand Duc est à Pawlovsky continuellement de mauvaise humeur, la tête pleine de visions, entouré par des gens, dont le plus honnête peut être roné sans être jugé». Архивъ князя Воронцова. Книга 8-я, стр. 92 — 94: Письмо Ѳ. В. Ростопчина графу С. Р. Воронцову отъ 28-го мая 1794 года.

Въ 1795 году принцесса Кобургская слѣдующимъ образомъ описала гатчинскій дворъ: «Здѣсь я очутилась въ атмосферѣ совсѣмъ не похожей на петербургскую. Вмѣсто непринужденности, царствующей при императорскомъ дворѣ, здѣсь все связано, формально и безмолвно. Великій князь уменъ и можетъ быть пріятенъ, когда захочетъ; но у него много непонятныхъ странностей, и между прочимъ та, что около него все устроено на прусскій ладъ и еще по стариннымъ образцамъ прусскимъ: какъ только въѣзжаешь въ его владѣнія, такъ появляются трехцвѣтные (черные, красные и бѣлые) шлагбаумы, съ часовыми, которые на прусскій манеръ окликаютъ проѣзжающихъ. Всего хуже то, что эти солдаты—русскіе, обращенные въ пруссаковъ, и одѣты по старинной формѣ Фридриха Вильгельма Перваго».

Русскій Архивъ 1869 года, стр. 1102.

175) Свѣдѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ, собранныя Василіемъ Ратчемъ. (Они доведены только до 1798 года): Военный Сборникъ 1861 и 1864 годовъ.

176) Государственный архивъ. Разрядъ V, № 190.

177) Михайловскій-Данилевскій. Журналъ 1818 года (рукопись).

178) Протасовъ, въ своей перепискѣ, упоминаетъ впервые о глухотѣ Александра Павловича въ письмѣ отъ 18-го мая 1794 года и замѣчаетъ, что онъ упорно отказывается отъ совѣтовъ докторовъ Рожерсона и Бека и вообще уклоняется отъ всякаго

пользованія лекарствами. Графъ Н. И. Салтыковъ утверждалъ, что причиною этого поведенія лѣность, и пока дѣло на этомъ остановилось. 28-го ноября того же года Протасовъ пишетъ: «La dureté d'oreille de mon élève lui fait un tort considérable, et on aura recours à quelques remèdes». Архивъ князя Воронцова, книга 15-я, стр. 22 и 35.

Графъ Гольцъ писалъ 2-го (13-го) мая 1794 года: «L'impératrice outre les chagrins que la mauvaise administration intérieure et extérieure de ses affaires lui donnent, a encore celui de voir que son enfant chéri le Grand Duc Alexandre devient journellement plus sourd et que robuste comme il est d'ailleurs, il y a peu d'apparence jusqu'à présent que son mariage remplisse ses voeux ardents de voir des arrière-petits enfants». Берлинскій архивъ, Rep. XI, vol. I. 1794. № 31.

Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ 28-го мая 1794 года: «Ce qui rend le Grand Duc désagréable dans la société, c'est sa sourdité, et il faut crier bien haut, car il n'entend rien d'une oreille». Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 95.

17-го сентября 1795 года Екатерина писала Гримму: «Господинъ Александръ поѣдетъ, можетъ быть, лечиться отъ глухоты въ Карлсбадъ, но никакъ не въ Англію; это черезчуръ далеко». Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 648.

Въ перепискѣ съ Лагарпомъ, Александръ Павловичъ упоминаетъ о своей глухотѣ только одинъ разъ въ письмѣ отъ 12-го марта 1796 года: «Mon ouie va mieux; l'électricité que j'emploie pour me délivrer de ma sourdité me fait grand bien».

179) Masson: Mémoires, t. 2, pp. 165 et 192.

180) См. въ приложеніяхъ разсказъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Женэ (1792 года) о великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ.

181) «Monsieur, soyez jacobin, républicain, tout ce que vous voudrez: je vous crois honnête homme; cela me suffit. Restez auprès de mes petits-fils, conservez toute ma confiance et donnez leur vos soins avec votre zèle accoutumé». Masson: Memoires, t. 2, p. 149.

182) Hermann: Geschichte des Russischen Staates—Gotha, 1860. 6 B., p. 451.

F. v. Raumer: Europa vom Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges.—Leipzig. 1839. 3 B., p. 476.

183) Сборникъ И. Р. И. О., т. 17-й, стр. 84. Письмо Екатерины II Фальконету отъ 17-го сентября 1769 года: «Vainquez tous les obstacles et moquez vous du reste; les obstacles dans ce monde sont faits pour être écartés par les gens de mérite, ils augmentent leur réputation; voilà le lot des obstacles».

Еще въ 1762 году Екатерина выразилась, что только слабоумные нерѣшительны. Объ этомъ пишетъ Брётель (Breteuil) 28-го октября 1762 года: «Je sais depuis longtemps, èt on me l'a confirmé depuis mon retour, que ses maximes sont, qu'il faut être ferme dans ses résolutions, qu'il vaut mieux mal faire que de changer d'avis, et surtout qu'il n'y a que les sots qui soient indécis». La cour de Russie il y a cent ans.—Berlin. 1860, p. 219.

Конечно, время свое взяло и должно было отразиться неблагопріятно на мѣропріятіяхъ Екатерины по дѣлу о престолонаслѣдіи. Невольно припоминаются слова, сказанныя императрицею Храповицкому 22-го мая 1789 года: «Старѣе ли я стала, что не могу найти ресурсовъ, или другая причина нынѣшнимъ затрудненіямъ?» Дневникъ, стр. 284.

184) Дневникъ, стр. 46 и 47.

185) Государственный архивъ. Разрядъ VI, № 557.

Рукою Сперанскаго на обложкѣ написано: «Выписки изъ бумагъ Екатерины II».

186) Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 67, 77 и 93. Письма 1793 и 1794 годовъ. Въ оправданіе цесаревича Ростопчинъ приводитъ слѣдующій аргументъ: «Quand on est Grand Duc de Russie, que l'on a 41 ans et que l'on est traité en polisson par ses sujets futurs, il est permis de sécher sur pied, et c'est ce qui lui arrive» (стр. 105).

Французскій повѣренный въ дѣлахъ Женэ писалъ въ 1791 году, что цесаревичъ будетъ «le plus inquiet de tous les tyrans».

187) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 555. «Si la révolution française prend en Europe, il viendra un autre Gengis ou Tamerlan la mettre à la raison: voilà son sort, mais ce ne sera pas de mon temps, ni j'espère de celui de m. Alexandre».

188) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 574.

По поводу этого письма Я. К. Гротъ (Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, стр. 649) пишетъ: Нѣтъ сомнѣнія, что угодники нашептывали ей мысль короновать Александра помимо отца, но изъ письма отъ 14-го августа мы видимъ, что Екатерина отвергла эту мысль.—Едва ли можно согласиться съ подобнымъ толкованіемъ; императрица отвергаетъ только коронацію до свадьбы внука, нисколько не касаясь отца его.

189) Состоялъ съ 1783 года при цесаревичѣ, смѣнивъ генерала Н. И. Салтыкова; занималъ мѣсто вице-президента военной коллегіи. Павелъ I по воцареніи возвелъ его въ достоинство генералъ-фельдмаршала. † 1804.

190) Григорій Григорьевичъ Кушелевъ, впослѣдствіи адмиралъ и графъ, родился 1754, † 1833. Въ 1794 году Кушелевъ въ чинѣ капитана 1-го ранга управлялъ маленькими судами, находившимися на гатчинскомъ озерѣ. Осенью 1796 года цесаревичъ поручилъ ему управленіе военнымъ департаментомъ, которымъ до того завѣдывалъ Аракчеевъ.

191) Въ Рождественской части, открытое пустое мѣсто между частнымъ рынкомъ, мытнымъ дворомъ и желѣзными лавками. Описаніе города С.-Петербурга Георги.— Съ нѣмецкаго переводъ П. Безака—С.-Петербургъ. 1794 (стр. 127). На нѣмецкомъ языкѣ (Versuch einer Beschreibung der Russisch-Kaiserlichen Residenzstadt St. Petersburg, von I. G. Georgi) сочиненіе это появилось въ 1790 году.

192) Письмо это получено нами отъ автора «Исторіи Екатерины Второй» В. А. Бильбасова.

193) Ея императорскаго величества совѣтъ состоялъ тогда изъ слѣдующихъ сановниковъ: графъ К. Г. Разумовскій, графъ П. А. Румянцовъ-Задунайской, графъ И. Г. Чернышовъ, графъ Н. И. Салтыковъ, графъ И. А. Остерманъ, графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ, графъ А. Р. Воронцовъ, графъ А. А. Безбородко, С. Ѳ. Стрекаловъ, А. Н. Самойловъ, П. В. Завадовскій.

194) Изъ рукописи Д. П. Рунича подъ заглавіемъ: Жалобы къ современнымъ запискамъ. Свѣдѣніе это сообщено было Руничу Иваномъ Андреевичемъ Вейдемейеромъ, который въ 1794 году по росписи чиновныхъ особъ значится: при совѣтѣ у исправленія дѣлъ (Умеръ въ 1820 году, членомъ государственнаго совѣта).

Въ запискахъ А. С. Пишчевича встрѣчается объ этомъ засѣданіи совѣта разсказъ въ нѣсколько иной формѣ: «Въ совѣтѣ, въ которомъ сія мудрая монархиня удостоила изъяснить свою мысль, всѣ взяли ея сторону, кромѣ графа Александра Безбородки, осмѣливавшагося предложить вопреки ея намѣренію всѣ худыя слѣдствія таковаго предпріятія для отечества, привыкшаго почитать наслѣдникомъ съ столь давнихъ лѣтъ ея сына.—Екатерина уважила сіе его правдивое мнѣніе и оставила безъ выполненія свое намѣреніе. Безбородкѣ впослѣдствіи за сіе было очень хорошо, а царство русское извѣдало желѣзную лозу» (стр. 216).

195) Ѳ. В. Ростопчинъ вполнѣ подтверждаетъ отзывъ Лагарпа по поводу вреднаго вліянія эмигрантовъ на цесаревича и по этому поводу пишетъ:

«Вы увидите въ послѣдствіи, сколько пребываніе графа Эстергази надѣлало вреда; онъ такъ усердно проповѣдывалъ въ пользу деспотизма и необходимости править желѣзною лозою, что великій князь (наслѣдникъ) усвоилъ себѣ эту систему и уже поступаетъ согласно съ нею». Архивъ князя Воронцова, книга, 8-я, стр. 67.

196) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1793 года имя Лагарпа встрѣчается только два раза: 1-го марта, въ числѣ приглашенныхъ въ Эрмитажъ, и 23-го августа значится «кавалеръ великаго князя Лагарпъ», какъ находившійся за обѣдомъ въ большой галереѣ Зимняго дворца на 40 кувертахъ.

197) Ф. Ц. Лагарпъ, М. И. Сухомлинова, стр. 51.

198) Въ примѣчаніи (Note) на черновомъ отпускѣ или копіи письма Лагарпа къ графу Салтыкову отъ 16-го сентября 1794 года, по поводу занятій великаго князя Константина Павловича, сказано: «Enfin le 23 octobre suivant, m-r le comte me déclara que S. M. I. jugeait désormais mes leçons inutiles et m'accordait un congé».

199) Государственный архивъ. Разрядъ V, № 190.

200) Лагарпу была пожалована пенсія въ 2000 рублей.

201) Вслѣдствіе рескрипта графу Салтыкову, состоялось еще слѣдующее высочайшее повелѣніе отъ 7-го февраля 1795 года:

«Ея императорское величество высочайше повелѣть соизволила всемилостивѣйше пожалованному генваря 31 дня сего 1795 года въ полковники и уволенному отъ службы Фридриху де-Лагарпу, производить изъ кабинета полное по чину жалованье, составляющее 925 руб. 93 коп. на годъ, выдавъ притомъ на дорогу единовременно тысячу червонныхъ».

«Василій Поповъ».

Сверху бумаги рукою императрицы написано: «производить».

За занятія съ Константиномъ Павловичемъ Лагарпъ получилъ особое вознагражденіе, какъ видно изъ высочайшаго повелѣнія по кабинету, отъ 21-го ноября 1794 года:

«Высочайше повелѣно находившемуся при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ подполковнику Фридриху де-Лагарпъ выдать изъ кабинета пожалованные ему ея величествомъ десять тысячъ рублей».

202) День рожденія великаго князя Константина Павловича.

203) Въ настоящее время эти перчатки хранятся въ Государственномъ архивѣ (Разрядъ V, № 251). Къ нимъ приложена собственноручная записка Лагарпа подъ заглавіемъ: «Gants de S. A. I. le Grand Duc Paul Petrowitsch (l'Empereur Paul I), donnés à F.-C. de la Harpe, instituteur de ses deux fils ainés en mai 1795».—Записка эта помѣщена въ приложеніяхъ къ нашему историческому очерку.

Перчатки и письма членовъ императорской фамиліи къ Лагарпу были принесены въ даръ цесаревичу Александру Александровичу г. Монодъ (живущимъ въ Лозаннѣ), въ рукахъ котораго хранятся бумаги Лагарпа.

204) Государственный архивъ. Разрядъ V, № 190.

205) Протасовъ по поводу увольненія Лагарпа выражаетъ въ письмѣ графу А. Р. Воронцову отъ 30-го ноября 1794 года мнѣніе, что великій князь: «a cependant fait quelques démonstrations pour le retenir»,—но что ему, Протасову, казалось, что въ сущности Александръ былъ доволенъ удаленіемъ Лагарпа (mais à la manière dont il m'a redit la chose, il m'a paru que dans le font de l'âme il n'en était pas fâché). Архивъ князя Воронцова, книга 15-я, стр. 36.

Всѣ эти разсужденія Протасова не выдерживаютъ критики. Великій князь не располагалъ возможностью удержать Лагарпа въ Россіи противъ воли Екатерины; а затѣмъ антагонистъ Лагарпа приписываетъ еще свои собственныя къ нему чувства Александру, который, не подлежитъ сомнѣнію, былъ искренно опечаленъ въ то время отъѣздомъ Лагарпа.

206) Въ приложеніяхъ помѣщена инструкція Лагарпа: «Instructions remises à S. M. I. le Grand Duc Alexandre le 6 avril 1795». Къ этой запискѣ была еще приложена другая, въ которой Лагарпъ представилъ списокъ книгъ, съ которыми онъ совѣтовалъ Александру ознакомиться; къ сожалѣнію, старанія наши отыскать этотъ списокъ не увѣнчались успѣхомъ.

Инструкція Лагарпа до сихъ поръ не появлялась въ печати, между тѣмъ она представляетъ драгоцѣнный историческій матеріалъ, чтобы прослѣдить вліяніе совѣтовъ Лагарпа на послѣдующую дѣятельность его воспитанника.

«Сохраните эту записку», пишетъ Лагарпъ, «какъ память о человѣкѣ, который питаетъ къ вамъ нѣжнѣйшую привязанность и желаетъ быть вамъ полезнымъ еще послѣ своего удаленія.—Прочитывайте иногда эти послѣдніе совѣты. Это прощаніе человѣка, который въ теченіе одиннадцати лѣтъ имѣлъ честь находиться при васъ по роду своихъ обязанностей и самыя искреннія пожеланія котораго направлены къ вашему счастію».

Въ письмахъ, написанныхъ Александромъ своему наставнику послѣ его отъѣзда, великій князь говоритъ: «Je me conforme à votre mémoire.—Je suis constamment votre plan».

207) Великая княгиня Анна Ѳеодоровна, рожденная принцесса Юліана Саксенъ-Кобургская. Бракосочетаніе ея съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ совершилось 15-го февраля 1796 года.

208) Въ виду рѣшительной склонности Константина Павловича къ военному ремеслу, ему дали въ 1794 году 15 человѣкъ гренадеровъ, которыхъ онъ обучалъ фронту и въ пылу увлеченія мучилъ цѣлый день. Тогда же Константинъ Павловичъ утверждалъ, что офицеръ есть ничто иное какъ машина (pure machine) и что всякое приказаніе начальника своему подчиненному должно быть исполнено, хотя бы то была жестокость (atro-

cité). Лагарпъ возмутился подобными взглядами своего воспитанника и по этому поводу пишетъ: «J'ai essayé vainement de lui présenter quelques réflexions sur l'inconvenance d'énoncer avec aussi peu de retenue des maximes qui feraient mal juger de son coeur, et l'ai prié du moins de m'en épargner à l'avenir la répétition».

209) Государственный архивъ. Разрядъ V, № 190. Сборникъ И. Р. И. О., т. 5-й, стр. 22.

210) См. въ приложеніяхъ письмо великаго князя Александра къ В. П. Кочубею въ французскомъ подлинникѣ.

Это письмо было впервые напечатано барономъ М. А. Корфомъ въ его сочинении: Восшествіе на престолъ императора Николая I».С.-Петербургъ, 1857, стр. 3.

Мы воспроизводимъ его по другому списку, съ возстановленіемъ фамилій лицъ, упоминаемыхъ въ письмѣ Александромъ.

211) 22-го февраля 1795 года Екатерина писала князю Репнину о дѣтяхъ князя Чарторижскаго:

«Князь Николай Васильевичъ, вслѣдствіе донесенія вашего о явившихся у васъ двухъ молодыхъ Чарторижскихъ, повелѣваемъ принять отъ нихъ присягу на вѣрное намъ подданство, предварительно испытавъ и удостовѣрясь, что оная чистосердечна и не противна совѣсти ихъ; въ такомъ случаѣ ко всѣмъ имѣніямъ, имъ принадлежащимъ въ предѣлахъ княжества Литовскаго, не оставьте опредѣлить опеку, на основаніи, какъ учинено съ имѣніями князя Сапѣги, и притомъ дозволить имъ сюда пріѣхать. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонны. Екатерина».

Молодые князья Чарторижскіе представились императрицѣ въ Царскомъ Селѣ 24-го іюня 1795 года. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1795 года).

212) Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 155.

Ростопчинъ обвиняетъ князя Адама въ томъ, что онъ поощряетъ слабости великаго князя, по отношенію къ женскому полу, чтобы имѣть къ нему болѣе доступа (?).

213) Mémoires du prince Adam Czartoryski. Paris. 1887. T. 1, p. 96.

214) Доводы князя Чарторижскаго не произвели повидимому большого впечатлѣнія на его собесѣдника, потому что много лѣтъ спустя, а именно въ 1807 году, въ Тильзитѣ, Наполеону пришлось выдержать подобный же споръ съ императоромъ Александромъ. Вспоминая объ этомъ на островѣ св. Елены, Наполеонъ разсказывалъ въ 1816 г. слѣдующее: «Croira-t-on jamais ce que j'ai eu à débattre avec lui? Il me soutenait que l'hérédité était un abus dans la souveraineté et j'ai du passer plus d'une heure et user toute mon éloquence et ma logique à lui prouver que cette hérédité était le repos et le bonheur des peuples»

215) «Такимъ же образомъ», прибавляетъ Чарторижскій «императрица Елисавета, находясь въ Петергофѣ, относилась къ Петру III, жившему въ Ораніенбаумѣ, окруженному корпусомъ преданныхъ голштинцевъ».

216) Къ этому замѣчанію относительно Константина Павловича Чарторижскій еще присовокупляетъ: «Je l'ai entendu plus d'une fois s'exprimer sur le compte de sa grand'mère et plus tard sur sa mémoire, avec une rudesse sans mesure et dans les termes les plus inconvenables». (Mémoires du prince Adam Czartoryski. T. 1, p. 111).

217) Екатерина въ разговорѣ съ Фаукнеромъ (W. Fawkner) въ 1791 году распространилась въ похвалахъ своему старшему внуку, котораго она страстно любила: «Sie nannte ihn einen Engel in menschlicher Gestalt», и выражала убѣжденіе, что онъ вполнѣ заслуживаетъ эти похвалы. Hermann: Geschichte des Russischen Staates. — Ergänzungs-Band. Gotha. 1866, p. 112.

218) Нерасположеніе Александра къ императрицѣ Екатеринѣ подтверждается и позднѣйшими свидѣтельствами. Михайловскій-Данилевскій, сопровождавшій много лѣтъ сряду императора Александра во время путешествій по Россіи, замѣчаетъ въ своемъ журналѣ, что, встрѣчая на пути лицъ, служившихъ при бабкѣ его, государь обходился съ ними сухо и почти не обращалъ на нихъ вниманія. Вообще онъ не любилъ, когда вспоминали при немъ о царствованіи Екатерины.

«Вотъ слова», пишетъ Данилевскій, слышанныя мною однажды изъ устъ государя «Мнѣ говорятъ, зачѣмъ я не воздвигаю памятника императрицѣ Екатеринѣ, я отвѣчаю: что въ такомъ случаѣ я долженъ бы былъ соорудить монументъ и моему отцу; какъ внукъ и сынъ, я не могу быть судьею ихъ дѣяній». (Журналъ 1817 года. Рукопись).

Эйнаръ справедливо замѣчаетъ по поводу отношеній Александра къ Екатеринѣ: «Trop jeune, trop inexpérimenté pour comprendre le génie extraordinaire de Catherine II qui l'aimait avec idolâterie, il ne lui rendait point alors la justice qui lui dicta plus tard ce jugement: Catherine était pleine de prudence et d'esprit. C'était une grande femme dont la mémoire vit à jamais dans l'histoire de Russie». (Eynard: Vie de madame de Krüdener. Paris. 1849. T. 1, p. 324).

Но если Александръ, по словамъ Эйнара, относился въ 1815 году съ большею справедливостью къ дѣламъ своей бабки, за то онъ открылъ въ ней и новые недостатки, прибавивъ: «Quant au développement moral, elle était au même point que son siècle. Nous étions philosophes et la divine essence du christianisme se dérobait à nos regards. Je sentais le vide dans mon âme et un vague pressentiment me suivait partout».

219) Еще въ 1786 году Лафаетъ писалъ Гримму объ императрицѣ Екатеринѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: L'impératrice de Russie, qui est celle de l'univers dans tout ce qui tient aux sciences, aux découvertes, aux lettres, à la philosophie et à la gloire».

220) Graf Thürheim: Von den Sevennen bis zur Newa (1740—1805). Wien. 1879.

Въ собственноручныхъ набросках Екатерины встрѣчается слѣдующая замѣтка: «Колико можно вѣнскій, прусскій и шведскій дворы вводить во французскія дѣла».

221) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 585: Письмо Екатерины отъ 28-го іюня 1793 года.

222) Въ 1794 году, когда дѣла коалиціи совершенно разстроились, Бюргель (гессенъ-кассельскій министръ) писалъ Эдельсгейму въ Баденъ: «Suchen Sie sich fest an Russland anzuschliessen und sich in die Armee der immer grossen Katharine zu werfen». Но уже въ 1795 году Бюргель писалъ: «es seie der grossen Katharine nicht recht ernst und suche sich nur mit schönen Versicherungen abzufinden».—Politische Correspondenz Karl Friedrichs von Baden. B. 2, pp. 232 und 304.

223) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 669.

224) Императрица Екатерина любила лично присутствовать при рожденіи своихъ внуковъ и внучекъ. Когда ей доносили, что время родовъ приближается, она немедленно прибывала на половину ея высочества, гдѣ и оставалась до появленія на свѣтъ младенца. При рожденіи послѣдняго внука императрица не присутствовала, вѣроятно отъ увеличившейся преклонности ея лѣтъ; на этотъ разъ она прибыла къ великой княгинѣ уже по рожденіи внука.

225) Въ собственноручной замѣткѣ великой княгини Маріи Павловны о рожденіи Николая Павловича читаемъ слѣдующее: «A la naissance du Grand Duc Nicolas Pavlovitch, plus tard l'empereur Nicolas, la princesse Lieven nous a dit que l'impératrice Catherine fut frappée de le trouver si grand et si beau et le bénit.—Lors de son baptême l'impératrice était souffrante et n'assista qu'à une partie de la cérémonie dans la partie supérieure de la chapelle de la Cour à Zarsco Selo qui avoisinait les appartements de nos parents, et avait chargé ma soeur Alexandrine de la remplacer à la cérémonie».

226) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 679.

227) Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 681.

228) «Je suis peut-être bonne, je suis ordinairement douce, mais par état je suis obligée de vouloir terriblement ce que je veux, et voilà à peu près ce que je vaux et pas plus». Письмо Гримму отъ 3-го августа 1774 года. Сборникъ И. Р. И. О., т. 23-й, стр. 6.

229) Malgré ma flexibilité naturelle j'ai su être opiniâtre ou ferme, comme on voudra, quand il m'a paru que cela a été nécessaire». Письмо Екатерины къ Сенаку де Мельяну съ описаніемъ ея личныхъ свойствъ и характера. Сборникъ И. Р. И. О., т. 42-й, стр. 166.

230) Послѣ кончины императрицы Екатерины, Павелъ Петровичъ нашелъ однако этотъ документъ въ ея бумагахъ и былъ крайне недоволенъ, что великая княгиня могла быть спрошена въ подобномъ дѣлѣ.—См. въ приложеніяхъ разсказъ объ этомъ эпизодѣ, собственноручно написанный королевой Нидерландской Анною Павловною.

231) Записка Ѳ. В. Ростопчина о несостоявшемся обрученіи великой княжны Александры Павловны съ королемъ шведскимъ. Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 146.

Императрица вспомнила ночь, проведенную въ Петергофѣ передъ восшествіемъ на престолъ въ 1762 году.

244) Передъ обѣдомъ, цесаревичъ и великая княгиня разсказывали Плещееву, Кушелеву и другимъ лицамъ случившееся съ ними тою ночью. Павелъ Петровичъ чувствовалъ во снѣ, что нѣкая невидимая и сверхъестественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, потомъ засыпалъ и опять былъ разбужаемъ повтореніемъ того же самаго сновидѣнія; наконецъ, примѣтивъ, что великая княгиня не спала, сообщилъ ей о своемъ сновидѣніи и узналъ, къ взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла во снѣ и тѣмъ же самымъ нѣсколько разъ была разбужена.

245) Еще до прибытія цесаревича, въ двѣнадцатомъ часу, какъ сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, ея величество отъ духовника исповѣдалась, а потомъ пріобщена святыхъ таинъ, и послѣ преосвященнымъ Гавріиломъ, митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ со членами синода и прочимъ знатнымъ духовенствомъ особорована святымъ елеемъ.

Ростопчинъ разсказываетъ это иначе: утромъ 6-го ноября цесаревичъ «приказалъ позвать преосвященнаго Гавріила съ духовенствомъ читать глухую исповѣдь и причастить императрицу святыхъ таинъ, что и было исполнено».

246) Записки Александра Михайловича Тургенева.

247) Впослѣдствіи эта рубашка хранилась графомъ Аракчеевымъ въ Грузинѣ какъ святыня въ сафьянномъ футлярѣ, и въ ней, согласно завѣщанію Алексѣя Андреевича, черезъ 38 лѣтъ по полученіи этого дара, онъ былъ похороненъ.

248) Въ 1826 году графъ Аракчеевъ разсказывалъ въ Кіевѣ Ив. Ром. Мартосу, что императоръ Павелъ поручилъ ему имѣть надъ наслѣдникомъ наблюденіе, какъ за бабушкинымъ баловнемъ, дабы доносить ему обо всемъ. Но графъ увѣрялъ, что онъ при семъ случаѣ докладывалъ государю, чтобы его величество избралъ для этого дѣла кого нибудь другого, онъ же для такого дѣла неспособенъ и не можетъ быть орудіемъ несогласія между отцомъ и сыномъ. Тѣмъ это порученіе, по словамъ графа Аракчеева, и кончилось. (Историческій Вѣстникъ 1894 года: разсказы графа А. А. Аракчеева И. Р. Мартосу).

249) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлинъ. 1870. Томъ 1-й, стр. 9.

250) Камеръ-фурьерскій журналъ 1796 года.

251) Разсказы свѣтлѣйшаго князя П. М. Волконскаго, записанные съ его словъ А. В. Висковатовымъ. Русская Старина 1876 года, т. 16-й, стр. 179.

252) Письмо великаго князя Александра Павловича—Лагарпу изъ Гатчины, отъ 27-го сентября 1797 года. Государственный архивъ. Разрядъ V, № 190.

253) Щедрыми милостями ознаменовалъ императоръ Павелъ свое восшествіе на престолъ.

Пожалованы фельдмаршалами: графъ Н. И. Салтыковъ, князь Н. В. Репнинъ и графъ И. Г. Чернышевъ по флоту, «съ тѣмъ однакожъ, чтобы онъ не былъ генералъ-адмираломъ».

Орденъ св. Андрея Первозваннаго получили: графъ Н. А. Зубовъ (посланный въ Гатчину 5-го ноября), адмиралъ И. Л. Кутузовъ и князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (онъ же пожалованъ вице-канцлеромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ). Многіе генералы, лично извѣстные государю, были повышены чинами, въ томъ числѣ Мелиссино, покровитель Аракчеева, произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи. Ѳ. В. Ростопчинъ произведенъ въ генералъ-маіоры, назначенъ генералъ-адъютантомъ и награжденъ анненскою лентою.

Графъ Безбородко произведенъ въ первый классъ.

Вице-канцлеръ графъ Остерманъ пожалованъ въ канцлеры.

254) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ это событіе изложено слѣдующимъ образомъ:

«По утру въ половинѣ восьмого часа е. и. в. съ государемъ наслѣдникомъ и прочими свиты его величества генералъ-адъютантами изъ внутреннихъ своихъ комнатъ по малой лѣстницѣ изволилъ выдти за вороты и отъ оныхъ имѣть верховой выѣздъ на встрѣчу идущихъ изъ Гатчины пѣшихъ и конныхъ баталіоновъ и артиллеріи, въ которое время за его величествомъ послѣдовалъ верхомъ же великій князь Константинъ Павловичъ; потомъ, какъ уже съ тѣми войсками встрѣтясь за Обуховымъ мостомъ, изволилъ съ оными прибыть предъ дворецъ, гдѣ по построеніи всего прибывшаго войска въ строй, сойдя съ

лошади, изволилъ войти внутрь двора, съ котораго потомъ по учиненіи въ покои его величества знаменъ, привезенныя съ артиллеріею пушки ввезены были въ присутствіи его величества и ихъ высочествъ подъ вороты, гдѣ оныя и оставя, съ ихъ высочествами и съ свитою по малой лѣстницѣ возвратился во внутреннія свои покои, въ коихъ пребывая не долго съ ихъ же высочествами и съ свитою генералитета благоволилъ выдти къ разводу, и потомъ послѣ онаго паки проходить въ свои жъ внутреннія апартаменты».

255) М. И. Муравьевъ-Апостолъ приводитъ слѣдующій примѣръ невѣжества гатчинскаго офицера, испытаннаго отцомъ его въ бытность министромъ-резидентомъ въ Гамбургѣ. Одинъ изъ этихъ героевъ, отправлявшихся въ 1799 году въ голландскую экспедицію, просилъ Муравьева, чтобъ онъ его представилъ гамбургскому королю, и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобъ дано было знать на съѣзжей, что крѣпостной человѣкъ его, котораго онъ прибилъ, бѣжалъ. Когда Муравьевъ сказалъ, что въ Гамбургѣ нѣтъ ни короля, ни съѣзжей, гатчинецъ воскликнулъ: «хорошъ городъ, въ которомъ нѣтъ ни короля, ни съѣзжей!» (Изъ разсказовъ М. И. Муравьева-Апостола).

Гатчинцы, эти опричники въ царствованіе Павла I, какъ ихъ называетъ Муравьевъ, отличались еще однимъ качествомъ: по глубоко вкоренившемуся въ арміи мнѣнію, они не были большими любителями порохового дыма. Изъ нихъ впослѣдствіи только одинъ Капцевичъ заслужилъ извѣстность храбраго генерала. Лучшимъ и неподражаемымъ представителемъ этого нарождавшагося тогда своеобразнаго офицерскаго типа является конечно А. А. Аракчеевъ.

256) Записки Евграфа Өедотовича (впослѣдствіи графа) Комаровскаго (Рукопись). Записки эти напечатаны съ большими пропусками въ Русскомъ Архивѣ 1867 года.

257) Записки Державина (1753—1812) въ собраніи его сочиненій, т. 6-й, стр. 701.

258) Записки А. С. Шишкова, т. 1-й, стр. 9.

259) Записки князя Өедора Николаевича Голицына: Русскій Архивъ 1874 года, стр. 1306.—Императоръ Павелъ назначилъ его кураторомъ московскаго университета (р. 1751 г., † 1827 г.).

260) И. М. Муравьевъ-Апостолъ (бывшій кавалеръ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ и отецъ декабристовъ Матвѣя и Сергѣя) утверждалъ, обращаясь къ сыновьямъ, что они никогда не поймутъ громаднаго переворота, совершившагося у насъ въ Россіи со вступленіемъ императора Павла на престолъ — переворота столь рѣзкаго, что его не поймутъ и потомки.

261) Воспоминанія Өедора Петровича Лубяновскаго. 1772—1834.—Москва. 1872, стр. 91.

262) Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я, стр. 460: Записка графа А. Р. Воронцова о Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка, представленная императору Александру I, въ ноябрѣ 1801 года.

263) На круглыя шляпы было такое гоненіе, что полиція у всякаго идущаго на улицѣ срывала ихъ съ головы и предавала истребленію. «Необыкновенность сія», пишетъ Шишковъ, «производила вмѣстѣ и смѣхъ, и роптаніе».

264) Офицеръ современникъ, описывая послѣдовавшее съ нимъ «несчастное и уродливое преобразованіе», говоритъ: «прекрасные наши мундиры, украшающіе и открывающіе человѣка во всей природной его стройности, замѣнили какимъ-то нескладнымъ мѣшкомъ, [illegible]ающимъ и самаго прекраснаго мужчину безобразнымъ привидѣніемъ... Въ такомъ карикатурномъ нарядѣ я не могъ равнодушно видѣть себя въ зеркалѣ и отъ добраго сердца захохоталъ, не смотря на головную боль, происходящую отъ стянутія волосъ, вонючаго сала и отъ крѣпко стянутой галстухомъ шеи». Записки Грязева, сподвижника Суворова въ 1799 году (Русскій Вѣстникъ 1890 года, II).

И. И. Дмитріевъ пишетъ: «Въ войскахъ введены были новый уставъ, новые чины, новый образъ ученія, даже новыя командныя слова, составленныя изъ французскихъ значеній съ русскимъ склоненіемъ (вмѣсто къ ружью: вонъ! вмѣсто ступай: маршъ; вмѣсто заряжай: шаржируй), и новые, наконецъ мундиры и обувь по образцу старинному, еще временъ голстинскихъ герцоговъ». Взглядъ на мою жизнь.—Москва. 1866, ч. 2-я, стр. 148.

265) Записки А. С. Шишкова, т. 1-й, стр. 12.

266) Ег. Ковалевскій: графъ Блудовъ и его время.—С.-Петербургъ. 1866, стр. 17.

267) Однажды, по разсказу Алексѣя Ѳедоровича Львова (автора гимна Боже Царя храни), возражали императору Павлу, по поводу принятаго имъ рѣшенія, и упомянули о законѣ. «Здѣсь вашъ законъ!» крикнулъ государь, ударивъ себя въ грудь. Въ этихъ немногихъ словахъ выражается весь смыслъ государственной мудрости преемника Екатерины II.

268) 15-го ноября тѣло императрицы Екатерины было перенесено въ тронную залу и 25-го ноября, во время коронованія Петра III-го въ Невской Лаврѣ, положено въ гробъ и перенесено въ большую галерею.

Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ «печальное мѣсто, называемое castrum doloris», описано слѣдующимъ образомъ: на возвышенномъ семью ступенями мѣстѣ, огражденномъ колонами, устроено подобіе ротонды, въ срединѣ которой сдѣланъ павильонъ; черный бархатъ съ серебряною бахрамою и съ кистями спущенъ съ самаго потолка на подобіе круглаго шатра.

269) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ 8-й, стр. 23 (старая записная книжка).

270) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 1-я, стр. 75: «Явно преслѣдуя память матери своей, новый императоръ съ особенною торжественностью поклонялся праху отца. Извлекая его изъ могилы, вѣнчая во гробѣ,онъ только воскресилъ неуваженіе къ сему давно забытому государю. Какъ святой Реми завоевателю Клодвигу, казалось, онъ говорилъ русскому народу: жги, что ты боготворилъ, и боготвори, что ты жогъ».

По словамъ Вигеля, смерть Екатерины прервала плѣнительный сонъ, въ который погружена была вся Россія.

271) Записки Ф. Ф. Вигеля. Часть 1-я, стр. 77.

272) Дворецъ, служившій пребываніемъ Костюшкѣ, въ нѣкоторыхъ разсказахъ обратился въ темницу. Нѣмцевичъ, котораго никто не станетъ подозрѣвать въ симпатіи къ Россіи, называетъ въ своихъ запискахъ мѣсто заключенія Костюшки «palais d'Orlow». Между тѣмъ на нѣкоторыхъ гравюрахъ, увѣковѣчившихъ посѣщеніе императоромъ Павломъ польскаго узника, изображена мрачная темница, не имѣющая ничего общаго съ бывшимъ дворцомъ князя Г. Г. Орлова.

273) Въ такомъ видѣ изложено освобожденіе Костюшки въ запискахъ Нѣмцевича (Julien Ursin Niemcewicz: Notes sur ma captivité à St.-Pétersbourg en 1794, 1795 et 1796—Paris. 1843, p. 180). По другимъ свѣдѣніямъ Павелъ сказалъ еще польскому герою: «Такому храброму воину неприлично быть безъ шпаги, возьмите мою». Государь вынулъ ее изъ портупеи и подалъ глубоко тронутому Костюшкѣ... «Призываю Бога въ свидѣтели, что пожалованной мнѣ шпаги русскаго царя я никогда не обнажу противъ русскихъ», произнесъ Костюшко, преклоняясь предъ Павломъ.

Костюшко честно сдержалъ данный имъ обѣтъ и по воцареніи Александра I; даже въ 1812 году онъ не послѣдовалъ за Наполеономъ въ Польшу.

274) Niemcewicz: Notes sur ma captivité, p. 183.

275) Радищевъ поселился въ с. Нѣмцово, въ двухъ верстахъ отъ Малоярославца.

276) Архивъ князя Воронцова, книга 12-я, стр. 242. (Письмо графа Завадовскаго графу А. Р. Воронцову).

277) Четыре мѣсяца послѣ восшествія Петра III на престолъ, Фридрихъ Великій приказывалъ своему послу барону Гольцу обратить вниманіе императора на импонирующее на народъ значеніе коронаціи («chose qui cependant impose extrêmement à ses nouveaux sujets». 1-го мая 1762 года). Не довольствуясь этимъ внушеніемъ, король еще лично писалъ своему другу о необходимости поспѣшить священнымъ вѣнчаніемъ. Когда совершились событія 1762 года, Фридрихъ Великій сказалъ, что Петръ III допустилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать.

278) «Когда наслѣдство дойдетъ до такого поколѣнія женскаго», сказано въ актѣ, «которое царствуетъ уже на другомъ какомъ престолѣ, тогда предоставлено наслѣдующему лицу избрать вѣру и престолъ и отрещись вмѣстѣ съ наслѣдникомъ отъ другой вѣры и престола, есть ли таковой престолъ связанъ съ закономъ для того что государи Россійскіе суть главою церкви».

290) Во время этихъ маневровъ фельдмаршалъ Каменскій, будущій герой войны 1806 года, былъ контуженъ пыжемъ изъ пушки.

291) Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго, стр. 127.

292) Записки Льва Николаевича Энгельгардта 1766—1836.—Москва. 1867. Стр. 207.

Въ разговорѣ съ государемъ, Энгельгардтъ упомянулъ, что былъ прежде адъютантомъ у князя Потемкина. Павелъ сказалъ: «Тьфу, въ какіе ты попалъ знатные люди; да какъ ты не сдѣлался негодяемъ, какъ всѣ при немъ бывшіе? Видно много въ тебѣ добраго, что ты уцѣлѣлъ и сдѣлался мнѣ хорошимъ слугою».

293) См. въ приложеніяхъ французскій подлинникъ этого замѣчательнаго письма, который доселѣ еще не появлялся въ печати (Государственный Архивъ. Разрядъ V, № 190).

Русскій переводъ этого письма былъ нами впервые напечатанъ въ біографическомъ очеркѣ императора Александра I, помѣщенномъ въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ». С.-Петербургъ. 1896, т. I-й, стр. 159.

294) Императоръ Павелъ повелѣлъ, чтобы придворные чины находились на дѣйствительной службѣ: военной или гражданской. На этомъ основаніи камеръ-юнкеры братья Чарторижскіе были переименованы въ бригадиры и назначены адъютантами къ великимъ князьямъ: князь Адамъ къ наслѣднику, а князь Константинъ—къ Константину Павловичу. Въ этомъ званіи Чарторижскіе сопровождали ихъ высочества на торжество коронаціи въ Москву.

4-го іюня 1797 года князья Чарторижскіе были произведены въ генералъ-маіоры изъ бригадировъ по пѣхотѣ, сохранивъ свои адъютантскія званія при великихъ князьяхъ.

295) А. Н. Пыпинъ, замѣчая, что царствованіе Павла окончательно стѣснило правильное развитіе лучшихъ задатковъ Александра, пишетъ: «при необходимости скрывать любимыя мысли и при недостаткѣ реальныхъ свѣдѣній, либеральное настроеніе Александра должно было еще больше получить тотъ характеръ неопредѣленной, смутной сантиментальности, которая осталась потомъ навсегда недостаткомъ его политическихъ мнѣній». Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изданіе второе. С.-Петербургъ. 1885, стр. 37.

296) «Mémoires du prince Adam Czartoryski, t. 1, p. 150.

297) Графъ П. А. Строгановъ родился въ 1774 году въ Парижѣ; пяти лѣтъ онъ былъ зачисленъ корнетомъ въ л.-гв. Конный полкъ, четырнадцати лѣтъ переведенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ поручикомъ, причемъ считался адъютантомъ при князѣ Потемкинѣ.

298) Marc de Vissac: «Un conventionnel du Puy de Dome. Romme le Montagnard».—Clermont-Ferrand, 1883.

299) Графиня Екатерина Петровна (рожденная княжна Трубецкая, дочь генералъ-прокурора елисаветинскихъ временъ) давно уже разъѣхалась съ мужемъ. Она пережила мужа, сына и внука.

300) Mémoires du prince Adam Czartoryski», t. 1, p. 155.

301) Кочубей былъ еще при жизни императрицы Екатерины назначенъ дѣйствительнымъ камергеромъ, затѣмъ 13-го января 1797 года пожалованъ въ тайные совѣтники, 23-го октября 1798 года вице-канцлеромъ съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и 4-го апрѣля 1799 года возведенъ въ графское достоинство. Вскорѣ однако графъ Кочубей сошелъ съ служебнаго поприща. 8-го августа 1799 года послѣдовалъ указъ сенату: «Вице-канцлера нашего графа Кочубея по желанію его всемилостивѣйше увольняя отъ службы, повелѣваемъ остаться ему при исправленіи должности до пріѣзда тайнаго совѣтника графа Панина».

302) Н. Григоровичъ: «Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени», т. 2-й, стр. 401 (Сборникъ И. Р. И. О., т. 29-й).

В. П. Кочубей еще до назначенія вице-канцлеромъ вступилъ въ управленіе коллегіею иностранныхъ дѣлъ и состоялъ вообще сотрудникомъ и помощникомъ канцлера, начинавшаго уже изнемогать подъ бременемъ болѣзни, которая свела его вскорѣ въ могилу.

303) «Résultat d'une conversation avec le comte Kotchoubey le 23 avril 1801» (изъ записокъ графа П. А. Строганова).

311) «Mémoires du prince Adam Czartoryski», t. 1-er, p. 189.

312) Должность второго С.-Петербургскаго военнаго губернатора въ царствованіе Павла послѣдовательно занимали: генералъ-отъ-инфантеріи **Архаровъ**, генералъ-лейтенантъ **графъ Буксгевденъ** и генералъ-отъ-кавалеріи **графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ**.

313) Въ высочайшемъ приказѣ отъ 1-го января 1798 года сказано: «Е. И. В. наслѣднику Всероссійскому предсѣдательствовать въ военномъ департаментѣ. Сіе дѣлается за труды его въ благодарность».

См. въ приложеніяхъ два документа, относящіеся къ служебной дѣятельности наслѣдника.

314) «Воспоминанія о дворѣ и временахъ императора Павла Перваго до эпохи его кончины».—Изъ бумагъ умершаго русскаго генерала (Николая Александровича Саблукова). «Русскій Архивъ» 1869 года, переводъ съ англійскаго («Frazer's Magazine, 1865). Французскій переводъ этихъ замѣчательныхъ записокъ появился также въ «Revue Moderne» 1865» подъ заглавіемъ: «La mort de Paul 1-er.—Catastrophes et tragédies de Cour».

315) Ивановъ: «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи».—С.-Петербургъ, 1863, стр. 71.

316) Даневскій: «Исторія образованія государственнаго совѣта». — С.-Петербургъ, 1859, стр. 43.

Въ царствованіе императора Павла вступавшія въ совѣтъ дѣла не отличались ни важностію, ни количествомъ; а съ 4-го іюля 1797 года дѣятельность совѣта была обращена главнымъ образомъ на окончательное разсмотрѣніе рукописей и книгъ, запрещаемыхъ цензурою.

317) Masson: «Mémoires secrets sur la Russie»—Londres, 1802, t. 2, p. 263.

«Il est d'un caractère heureux, mais passif. Il manque de hardiesse et de confiance pour rechercher l'homme de mérite, toujours modeste et retenu: il est à craindre, que le plus importun ou le plus effronté, qui est ordinairement le plus ignare ou le plus méchant, ne parvienne à l'obséder».

По поводу дружескаго расположенія Александра Павловича къ Аракчееву, Михайловскій-Данилевскій внесъ въ свой журналъ слѣдующее замѣчаніе: «Безъ блистательныхъ подвиговъ, безъ особенныхъ дарованій отъ природы, не учившись ничему кромѣ русскаго языка и математики, даже безъ тѣхъ наружныхъ пріятностей, которыя иногда невольно привлекаютъ къ человѣку, Аракчеевъ умѣлъ однако же одинъ изъ пятидесяти милліоновъ подданныхъ пріобрѣсти неограниченное довѣріе такого государя, который имѣлъ умъ образованнѣйшій, обращеніе очаровательное и котораго свойства состояли преимущественно въ скрытности и проницательности».

318) Въ приложеніяхъ помѣщено письмо цесаревича Александра Павловича къ Аракчееву (безъ числа и года), которое даетъ понятіе, какими дѣлами былъ обремененъ въ то время наслѣдникъ и въ какихъ совѣтахъ онъ нуждался. — Письмо это очевидно относится къ началу царствованія императора Павла.

319) Засвидѣтельствовано графомъ Толемъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ.

Вигель идетъ еще далѣе и утверждаетъ, что Аракчеевъ укусилъ у одного гренадера носъ и вообще съ нижними чинами поступалъ совершенно по-собачьи, какъ разъяренный бульдогъ.

Д. Б. Мертваго въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ приложеніи къ Русскому Архиву 1867 года, оставилъ намъ слѣдующую характеристику Аракчеева: «За обученіе его россійской грамотѣ и ариѳметикѣ заплочено, какъ самъ онъ сказывалъ, одна четверть ржи и двѣ четверти овса.—Неусыпное прилежаніе къ должности сего человѣка, исправное исполненіе всѣхъ приказаній, а наипаче строгихъ, было способомъ къ полученію всѣхъ отличій и личныхъ милостей.—Главнѣйшая же бѣда въ томъ, что онъ познавалъ науку правительствовать отъ бывшаго наслѣдника, ожесточеннаго и всю силу свою и достоинство власти основывавшаго единственно на чистомъ самовластіи».

Мертваго отмѣтилъ еще одну черту въ дѣятельности Алексѣя Андреевича, а именно: «Судя по воспитанію и ходу фортуны графа Аракчеева, слѣдуетъ заключить, что имѣетъ онъ умъ нравиться тому, кому слѣдуетъ».

320) Какая была причина неудовольствія императора Павла, обрушившаяся на цесаревича Александра Павловича и заставившая послѣдняго желать «идти въ отставку», намъ пока не удалось выяснить. Можетъ быть въ связи съ этимъ эпизодомъ жизни Александра Павловича находятся слѣдующіе письменные документы.

Въ бумагахъ императрицы Маріи Ѳеодоровны сохранились два проекта писемъ, составленные ею собственноручно для наслѣдника и для великаго князя Константина Павловича, слѣдующаго содержанія:

Проектъ письма отъ имени цесаревича Александра Павловича къ императору Павлу:

Le reproche que vous m'avez fait, mon cher père, me perce l'âme. Dans toute mon éducation on ne m'a inculqué qu'un sentiment... du respect, de la tendresse, de la soumission pour l'auteur chéri de mes jours. Tant que je vivrai telle sera ma profession de foi que mon coeur renouvellera sans cesse, que je signerai de mon sang. Innocent devant Dieu des reproches que vous m'avez fait, mon cher père, je dépose à vos pieds ma peine et ma vive douleur et vous supplie de me rendre vos bontés qui font le bonheur de celui qui est pour la vie, avec le plus profond respect.

Alexandre.

Проектъ письма отъ имени великаго князя Константина Павловича къ императору Павлу.

Constantin (j'ai taché d'imiter votre style). J'ose vous protester devant notre Dieu, mon cher père, que je ne me suis pas rendu hier soir après souper dans votre antichambre, j'ai cru qu'ayant été congédié par vous et ayant fait de même dimanche passé, ce serait contrevenir à l'ordre que d'y venir. Le reproche que vous m'avez fait ensemble avec mon frère nous rend tous deux bien malheureux. Nous ne l'avons pas mérité et au dépens de notre sang nous vous prouverons, mon cher père, que toute notre éducation a été basée sur nos devoirs sacrés vis-à-vis de vous. Daignez recevoir à vos pieds votre fils qui est avec le plus profond respect.

Оба эти письма сопровождались слѣдующими строками императрицы-матери къ своимъ сыновьямъ:

Chers enfants. Papa a passé chez moi toute l'après-dinée jusqu'à ce moment. Il me parait très radouci. Je vous conseillerai de tâcher le joindre tous deux au jardin, de vous approcher de lui et de lui dire de bouche ce que vous avez voulu lui écrire. Il est de votre devoir, mes enfants, de tenter tous les moyens pour recouvrer ses bontés, et il vaut mieux que vous soyez refusé vingt fois que de pouvoir vous reprocher de n'avoir pas tout fait de votre côté. Dieu bénira vos démarches, et ayant tous deux le coeur pur, papa daignera voir que les méchants seuls peuvent vouloir lui inspirer de la défiance aux enfants qui doivent être et sont animés de respect et d'amour pour lui.

321) Письмо императора Александра графу Аракчееву изъ Липецка, отъ 23-го іюля 1820 года.

322) «Свѣдѣнія о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ Аракчеевѣ», Василія Ратча. «Военный Сборникъ» 1861 и 1864 годовъ. Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія доведены только до 1-го февраля 1798 года, т. е. до первой опалы Аракчеева.

323) Записки Н. А. Саблукова. Русскій Архивъ 1869 года, 1897.

324) Девизъ на гербѣ графа Аракчеева вызвалъ множество эпиграммъ, которыя сохранились въ рукописныхъ сборникахъ этой эпохи. Приведемъ изъ нихъ слѣдующую:

Девизъ твой говоритъ,
Что преданъ ты безъ лести.
Повѣрю.—Но чему?
Коварству, злобѣ, мести.

325) Предвѣстникомъ близкой бури можно считать приказъ отъ 10-го сентября 1799 года, въ которомъ графу Аракчееву дѣлался выговоръ: «за несмотрѣніе за тѣмъ, что служители гарнизонныхъ артиллерійскихъ Роченсальмскихъ ротъ не были удовлетворены слѣдующимъ имъ».

326) 15-го ноября 1796 года братъ Аракчеева, служившій подпоручикомъ въ полевой артиллеріи, былъ переведенъ въ гвардейскую капитаномъ.

327) Высочайшій приказъ отъ 29-го сентября 1799 года.

328) Въ приказѣ 1-го октября сказано: «генералъ-лейтенанту Амбразанцеву быть инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардіи артиллерійскаго баталіона».

329) Мнѣніе великаго князя Александра Павловича объ Аракчеевѣ въ 1799 году. Русская Старина 1799 года, часть 3-я, стр. 241.

330) Въ это время высочайшіе приказы не подписывались болѣе цесаревичемъ Александромъ и Аракчеевымъ, какъ это имѣло мѣсто въ началѣ царствованія императора Павла, но генералъ-адъютантомъ графомъ Христофоромъ Андреевичемъ Ливеномъ; онъ былъ произведенъ 27-го іюня 1798 года въ генералъ-маіоры и назначенъ генералъ-адъютантомъ. Послѣдній высочайшій приказъ передъ коронаціею подписанъ Александромъ 28-го февраля 1797 года. Въ концѣ 1797 года на приказахъ снова является на нѣкоторое время подпись Александра и скрѣпа Аракчеева (свѣрялъ баронъ Аракчеевъ).

331) Въ томъ же приказѣ отъ 1-го октября 1797 года, по которому графъ Аракчеевъ отставленъ отъ службы, читаемъ еще: «адъютантъ его императорскаго высочества Александра Павловича, генералъ-маіоръ Апрѣлевъ по дѣлу по которому генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ отставленъ, отставляется отъ службы».

П. С. Апрѣлевъ назначенъ былъ въ 1797 году, въ чинѣ полковника, адъютантомъ къ цесаревичу. Апрѣлевъ пользовался покровительствомъ Аракчеева и по его выбору поступилъ въ 1793 году въ гатчинскую артиллерію.

332) Военно-ученый Архивъ, отд. 1, № 412.

333) Цесаревичъ Александръ Павловичъ не замедлилъ извѣстить объ этомъ счастливомъ событіи графа Аракчеева дружескими строчками:

«Другъ мой Алексѣй Андреевичъ. Богъ мнѣ даровалъ дочь и очень счастливо».

334) «Politische Correspondenz Karl Friedrichs von Baden». B. 2. p. 640.

335) Императрица писала 28-го февраля 1797 года маркграфу баденскому:

«Je l'aime de la tendresse la plus vive et elle contribue bien immédiatement au bonheur de mes jours par celui qu'elle répand sur ceux de mon fils». («Politische Correspondenz» B. 2. p. 634).

336) «Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut».—Wien. 1872. B. 2. p. 35.

337) Въ высочайшемъ приказѣ отъ 20-го іюня 1799 года читаемъ: «По случаю заключеннаго три года тому уже назадъ секретнаго трактата маркграфомъ баденскимъ съ французскою республикою генералы-отъ-инфантеріи принцъ баденскій наслѣдникъ и принцъ баденскій Карлъ отставляются отъ службы».

338) Государственный Архивъ. Разрядъ X, № 498.

339) «Единственная здоровая основа великаго государства, и ею единственно отличается оно отъ государства малаго, есть государственный эгоизмъ, а не романтика, и недостойно великой державы бороться за дѣло, не касающееся ея собственнаго интереса». Бисмаркъ въ 1850 году.

340) Баронъ Брунновъ въ 1838 году въ сочиненіи: «Aperçu des transactions politiques du cabinet de Russie», написанномъ для цесаревича Александра Николаевича, говоритъ: «les moyens choisis par l'impératrice Catherine pour l'exécution de ses plans, sont loin de s'accorder avec ce caractère de droiture et de loyauté qui fait aujourd'hui la règle invariable de notre politique».

341) Выраженіе это принадлежитъ императору Александру и сообщено по высочайшему повелѣнію въ письмѣ князя А. С. Меншикова графу Головкину въ Вѣну въ 1821 году. Военно-ученый Архивъ. Отд. I, № 541.

342) Императоръ Павелъ писалъ 25-го іюля 1799 года графу Панину: «Мы будемъ дѣйствовать силою оружія, а его прусское величество можетъ смотрѣть на все происходящее въ Европѣ, и увѣрять себя часъ-отъ-часу болѣе, что вездѣ и во всемъ я безъ него могу обойтиться». Архивъ князя Воронцова. Книга 11-я, стр. 283.

Государь разрѣшилъ графу Панину пользоваться минеральными водами, а затѣмъ онъ долженъ былъ прибыть въ Петербургъ.

343) Баронъ Брунновъ: «Aperçu des transactions politiques du cabinet de Russie».— Прочитавъ это объясненіе, императоръ Николай написалъ на рукописи: «C'est la première fois que j'ai compris l'idée de mon pere».

344) Дипломаты не сразу оцѣнили послѣдствія, связанныя съ принятіемъ императоромъ Павломъ великаго магистерства; даже такой опытный дѣлецъ, какъ Витвортъ, не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія. Онъ нисколько не предусмотрѣлъ, къ какимъ политическимъ усложненіямъ можетъ привести этотъ новый элементъ, призванный играть столь рѣшительную роль въ русской политикѣ. Витвортъ въ 1797 году видѣлъ въ этомъ явленіи: «un bien réel et une vertu de plus dans l'empereur, celle de maintenir et faire honneur aux anciennes institutions». Даже въ 1799 году Витвортъ пишетъ еще графу С. Р. Воронцову не безъ восторга и удовольствія: «C'est à lui, à Paul Premier que les deux extrémités de l'Europe devront leur salut». (Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я).

Бернгарди называетъ страннымъ, причудливымъ планомъ это стремленіе Павла пересадить мальтійскій орденъ на русскую почву, чуждую культурной жизни среднихъ вѣковъ, чуждую рыцарства и рыцарскихъ идей. «Стоитъ только подумать о грубой жестокости (bis zur Bestialität rohen) такого кавалера мальтійскаго ордена, какъ Аракчеевъ», пишетъ Бернгарди, «только недоставало, чтобы его произвели въ трубадуры».—Th. v. Bernhardi: «Geschichte Russlands»—Leipzig. 1875. T. 2, Abtheilung 2, p. 391.

А. Брикнеръ: Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина, (1770—1837), т. 4-й. С.-Петербургъ. 1890, стр. 301 (Письмо графа С. Р. Воронцова къ графу Н. П. Панину отъ 22-го апрѣля 1799 года).

345) Примѣромъ этой «véhemence», о которой печалится графъ С. Р. Воронцовъ, можетъ служить объявленіе императоромъ Павломъ войны Испаніи. Приведемъ здѣсь послѣдовавшій по этому случаю 15-го іюля 1799 года манифестъ, который можетъ служить характеристикой дипломатическихъ сношеній того времени:

«Воспріявъ съ союзниками нашими намѣреніе искоренить беззаконное правленіе, во Франціи существующее, востали на оное всѣми силами. Богъ censoрослалъ благодать свою на ополченіе наше ознаменуя до самаго сего дня всѣ подвиги наши успѣхами и побѣдами. Въ маломъ числѣ державъ европейскихъ наружно приверженныхъ, но въ самой истинѣ опасающихся послѣдствій мщеній сего издыхающаго нынѣ богомерзкаго правленія, Гишпанія обнаружила болѣе прочихъ страхъ и преданность ея ко Франціи, не содѣйствіемъ съ нею, но пріуготовленіями къ оному. Употребя тщетно всѣ способы къ открытію и показанію сей державѣ истиннаго пути къ чести и ко славѣ совокупно съ нами, но видя ея упорно пребывающею въ пагубныхъ для ея самой правилахъ и заблужденіи, изъявили мы наконецъ ей негодованіе наше, отославъ пребывающаго при дворѣ нашемъ гишпанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Ониса. — Теперь же узнавъ, что и нашъ повѣренный въ дѣлахъ совѣтникъ Бицовъ въ положенный срокъ принужденъ былъ выѣхать изъ владѣній короля гишпанскаго, принимая сіе за оскорбленіе величества нашего, объявляемъ ему войну; повелѣвая, во всѣхъ портахъ имперіи нашей наложить секвестръ и конфисковать всѣ купеческія гишпанскія суда въ оныхъ находящіяся, и послать всѣмъ начальникамъ сухопутныхъ и морскихъ силъ нашихъ повелѣніе поступать непріязненно вездѣ и со всѣми подданными короля гишпанскаго».

346) «Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut». Band 2.—Wien. 1872. P. 290.

347) Архивъ князя Воронцова. Книга 8-я, стр. 287. (Письмо графа Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову отъ 30-го іюля 1801 года).

348) 13-го мая 1800 года императоръ Павелъ приказалъ графу Ростопчину объявить англійскому посланнику Витворту, что «его величество позволяетъ ему ѣхать», а 24-го мая государь повелѣлъ «дабы и повѣренный въ дѣлахъ англійскій здѣсь не оставался». Витвортъ пробылъ въ Петербургѣ 12 лѣтъ, а именно съ 1788 по 1800 года.

349) Разговоръ происходилъ въ Гатчинѣ 3-го сентября 1800.

350) Ѳ. В. Ростопчинъ былъ переименованъ изъ генералъ-лейтенантовъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 24-го октября 1798 года, и повелѣно ему присутствовать въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. 22-го февраля 1799 года Ростопчинъ возведенъ въ графское достоинство; 31-го мая 1799 года назначенъ главнымъ директоромъ почтоваго департамента, а 25-го сентября того же года первымъ присутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

351) Кромѣ того 22-го ноября 1800 года послѣдовалъ указъ коммерцъ-коллегіи: «Состоящіе на Россійскихъ купцахъ долги англичанъ, повелѣваемъ впредь до разсчета

платежемъ остановить; а имѣющіеся въ лавкахъ и магазейнахъ англійскіе товары въ продажѣ запретить и описать; о исполненіи чего коммерцъ-коллегіи учинить немедленное распоряженіе обще съ президентомъ Санктпетербургскаго ратгауза».

352) Записка графа Ростопчина напечатана въ сборникѣ: «Памятники новой русской исторіи», изданномъ В. Кашпиревымъ—С.-Петербургъ. 1871. Т. 1-й, стр. 102, подъ заглавіемъ: «Картина Европы въ началѣ XIX столѣтія и отношеніе къ ней Россіи».

Вторично меморіалъ графа Ростопчина былъ напечатанъ (по другому списку) въ Русскомъ Архивѣ 1878 года, книга 1-я, стр. 103, подъ заглавіемъ: «Записка графа Ѳ. В. Ростопчина о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія».

353) Относительно положенія Оттоманской Порты графъ Ростопчинъ пишетъ: «Всѣ мѣры, ею нынѣ предпринимаемыя, не что иное, какъ лекарство, даваемое безнадежному больному, коему медики не хотять объявить объ его опасности».

354) Меморіалъ графа Ростопчина нѣсколько разнится отъ другой его записки, найденной французами въ Москвѣ въ 1812 году и относящейся къ той же эпохѣ. Она помѣщена нами въ приложеніяхъ. Въ этой запискѣ, также предназначенной для императора Павла, рѣчь идетъ уже не о раздѣлѣ Турціи, но о совокупныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Франціи противъ Пруссіи.

355) Въ запискахъ I. А. Эренстрема, выборъ, сдѣланный императоромъ Павломъ въ лицѣ генерала Спренгтпортена для поѣздки въ Парижъ, объясняется слѣдующимъ образомъ: Государь предложилъ графу Н. П. Панину угадать, кого изъ генераловъ онъ намѣренъ послать въ Парижъ. Графъ называлъ многихъ; но при каждомъ имени Павелъ качалъ головой и говорилъ: «Vous n'y êtes pas». Наконецъ государь сказалъ: «Вамъ не угадать, поэтому лучше я скажу вамъ: я избралъ генерала Спренгтпортена». Услыша это имя, графъ попятился, и на лицѣ его выразилось крайнее изумленіе. Императоръ засмѣялся и сказалъ: «Vous êtes étonné. N'est-il pas vrai que vous ne l'aurez jamais deviné? Vous trouvez mon choix singulier, mais moi je trouve que je suis dans la règle, lorsque j'envoie un traitre à un usurpateur». Statsrådet I. A. Ehrenströms efterlemnade historiska anteckningar ut gifna af Boëthius—Upsala 1883, v. II.

Извлеченіе изъ записокъ Эренстрема было помѣщено въ Русской Старинѣ 1893 г.

356) Донесеніе Спренгтпортена императору Павлу съ 1800 по 1801 годъ: Военно-ученый Архивъ. Отд. 1, № 231.

357) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.—Собственноручное письмо императора Павла къ первому консулу.

358) Русская Старина 1882 года, т. 36-й, ст. 495. (Записки Якова Ивановича де-Санглена. 1776—1831).

359) Военно-ученый Архивъ. Отд. 1, № 982: пять собственноручныхъ повелѣній императора Павла къ генералу-отъ-кавалеріи Орлову 1, о походѣ въ Индію, 1801 года.

360) Императоръ Павелъ продолжалъ торопить генерала Орлова и 6-го февраля 1801 года писалъ:

«При семъ прилагаю къ вамъ маршрутъ, какой могъ для васъ достать; онъ дополнитъ вамъ карту и объяснитъ; экспедиція весьма нужна и чѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣрнѣе и лучше. Вамъ благосклонный».

«Павелъ».

«Симъ маршрутомъ, я вамъ рукъ не связываю однако же».

361) 41 полкъ, двѣ роты конной артиллеріи, 500 человѣкъ калмыкъ и команда на укомплектованіе. Вообще въ походъ двинулись 41,424 лошадей.

362) Изъ общей суммы 41,424 лошадей, въ походѣ бывшихъ, выбыло изъ строя 886 лошадей, изъ коихъ 564 усталыми и 322 бракованными за негодностью.

«Проектъ экспедицій въ Индію, предложенныхъ Наполеономъ императорамъ и Александру I въ 1800 и въ 1807—1808 гг. Баторскаго». (23-й выпускъ сборника матеріаловъ по Азіи—С.-Петербургъ. 1886).

363) Сближеніе Россіи съ Франціею имѣло послѣдствіемъ высылку Лудовика XVII изъ Митавы среди зимы (10-го января 1801 года) и прекращеніе назначенной ему пенсіи

въ 200,000 рублей. Король, по приглашенію императора Павла, поселился въ герцогскомъ замкѣ въ Митавѣ въ мартѣ 1798 года.

364) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.—Собственноручное письмо императора Павла къ первому консулу.

365) Архивъ князя Воронцова. Книга 11-я, стр. 161: Письмо И. М. Муравьева-Апостола къ графу С. Р. Воронцову отъ 16-го февраля 1801 года.

366) Указомъ 8-го января 1801 года Колычевъ былъ пожалованъ вице-канцлеромъ.

367) 5-го (16-го) іюля 1799 года Лагарпъ написалъ императору Павлу письмо изъ Берна, въ которомъ старался побудить государя принять участіе въ судьбѣ Швейцаріи, убѣждая его признать самостоятельность Гельветической республики. Въ этомъ же письмѣ Лагарпъ говоритъ Павлу, что онъ весьма вѣроятно обязанъ своимъ существованіемъ (existence), подвергавшемся большой опасности въ 1793 и 1794 годахъ, его (т. е. Лагарпа) неподкупности и осторожности.

368) По поводу этого предстоявшаго ему невольнаго путешествія, Лагарпъ пишетъ «Le coeur essentiellement bon de Paul I m'était assez connu pour que l'exécution de cet ordre, eut-elle eu lieu, m'eût effrayée». Оптимизмъ Лагарпа можетъ дѣйствительно возбудить удивленіе.

369) Когда Лагарпъ пріѣхалъ въ 1801 году въ Петербургъ, послѣ воцаренія его воспитанника, Александръ спросилъ его: «Qu'avez vous donc dit à mon père la veille de votre départ? Votre conversation l'a souvent préoccupé, et quinze jours avant sa mort elle lui revint à la mémoire». Monnard: «Notice biographique sur le général F. C. de La Harpe», p. 21.

370) В. П. Кочубей въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову отъ 19-го апрѣля 1799 года представилъ слѣдующую правдивую характеристику положенія дѣлъ во время этой эпохи: «L'administration intérieure va au plus mal. L'égoisme le plus parfait s'est emparé de tout le monde. Chacun ne songe qu'à faire ses choux gras. On entre en place avec l'idée que l'on sera peut-être renvoyé dans trois ou quatre jours et l'on se dit: il faut que demain je me fasse donner des paysans. C'est un petit manège qui se pratique tous les jours». Архивъ князя Воронцова. Книга 18-я, стр. 203.

371) «Воспоминанія Петра Ивановича Полетики». Русскій Архивъ 1885 года, книга 3-я, стр. 319.

372) «Воспоминанія о графѣ Нессельроде, сообщенныя Алексѣемъ Петровичемъ Евреиновымъ» († 1881). Государственный Архивъ. Разрядъ XI, № 1152.

Графъ Нессельроде былъ въ одномъ эскадронѣ съ Милюковымъ и послѣ этого печальнаго случая почувствовалъ желаніе перейти въ дипломатическую службу. Вскорѣ онъ былъ назначенъ камергеромъ.

Случай съ Милюковымъ разсказанъ также въ запискахъ А. С. Шишкова (т. 1-й, стр. 76) съ нѣкоторыми варіантами. Такъ, напримѣръ, здѣсь говорится, что государь приказалъ дать офицеру пятьсотъ ударовъ палками.

373) Василій Ивановичъ Баженовъ, вице-призидентъ императорской академіи художествъ, р. 1737 г., † 1799 г.

374) На главномъ фронтонѣ Михайловскаго замка красовалась надпись, избранная самимъ императоромъ Павломъ: «Дому твоему подобаетъ Святыня Господня въ долготу дней». Въ этой надписи, какъ это впослѣдствіи замѣтили, скрывается таинственный пророческой смыслъ: число буквъ ея равняется числу лѣтъ, прожитыхъ императоромъ Павломъ.

375) Августъ Коцебу въ воспоминаніяхъ своихъ (Das merkwürdigste Jahr meines Lebens—Berlin, 1802) помѣстилъ краткое описаніе Михайловскаго замка. Императоръ Павелъ поручилъ ему составить подробное описаніе своего новаго дворца, которымъ онъ искренно восхищался; но вслѣдствіе кончины государя Коцебу довольствовался краткимъ очеркомъ всѣхъ этихъ чудесъ.

Свѣдѣнія о Михайловскомъ замкѣ собралъ также Реймерсъ: St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts». 2-ter Theil.—St.-Petersburg. 1805.

376) Helldorff: «Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg» Theil 1.—Berlin. 1861.

377) Аббатъ Жоржель пишетъ, что Александръ жилъ съ женою очень уединенно; ему служили только преданныя императору лица. Чтобы не навлечь на себя и тѣни подозрѣнія, онъ не принималъ никого и съ иностранными министрами и вельможами не разговаривалъ иначе, какъ въ присутствіи отца. Онъ избѣгалъ входить въ сношеніе съ лицами, стоявшими у дѣлъ.

Abbé Georgel: «Voyage à St.-Pétersbourg en 1799—1800 fait avec l'ambassade des chevaliers de l'ordre de St. Jean de Jérusalem allant offrir à l'empereur Paul la grande Maîtrise de l'ordre. Paris. 1818.

378) Даже графъ Ростопчинъ не избѣгъ общей участи; онъ также впалъ въ немилость. 20-го февраля 1801 года графъ Ростопчинъ всемилостивѣйше уволенъ по прошенію отъ всѣхъ дѣлъ. Въ тотъ же день графу фонъ-деръ-Палену повелѣно присутствовать въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Почтовый департаментъ также перешелъ въ завѣдываніе графа Палена уже съ 18-го февраля 1801 года. Князю Александру Борисовичу повелѣно 20-го февраля вторично вступить въ должность вице-канцлера (9-го сентября 1798 года вице-канцлеръ князь Куракинъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ). Графъ Ростопчинъ немедленно уѣхалъ въ деревню Вороново около Москвы.

379) «Записки Дмитрія Борисовича Мертваго» (1760—1824). Русскій Архивъ 1867 года (Приложеніе), стр. 112.

380) «Время это было самое ужасное. Государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни. Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основаніе ихъ секты, многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли въ поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ, все шло чрезъ него. Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того, что разсказываютъ». «Записки Д. Б. Мертваго», стр. 118.

При назначеніи П. Х. Обольянинова генералъ-прокуроромъ, онъ продолжалъ также занимать должность генералъ-провіантмейстера. Д. Б. Мертваго служилъ въ провіантскомъ вѣдомствѣ.

381) Рукопись Е. П. Ковалевскаго: «Послѣ смерти Павла 1-го».

382) «Хроника недавней старины». Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. С.-Петербургъ. 1876 («Воспоминанія князя А. П. Оболенскаго», стр. 90).

383) Камеръ-фурьерскій журналъ 1801 года (Въ высочайшее присутствіе въ Михайловскомъ замкѣ, съ 1-го февраля по 12-е марта).

384) М. Морошкинъ: «Іезуиты въ Россіи».—С.-Петербургъ. 1870. Ч. 2-я, стр. 3.

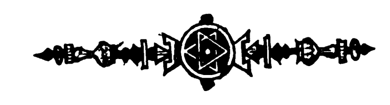
385) Воспоминанія Н. А. Саблукова.—Русскій Архивъ 1869 года. стр. 1934.

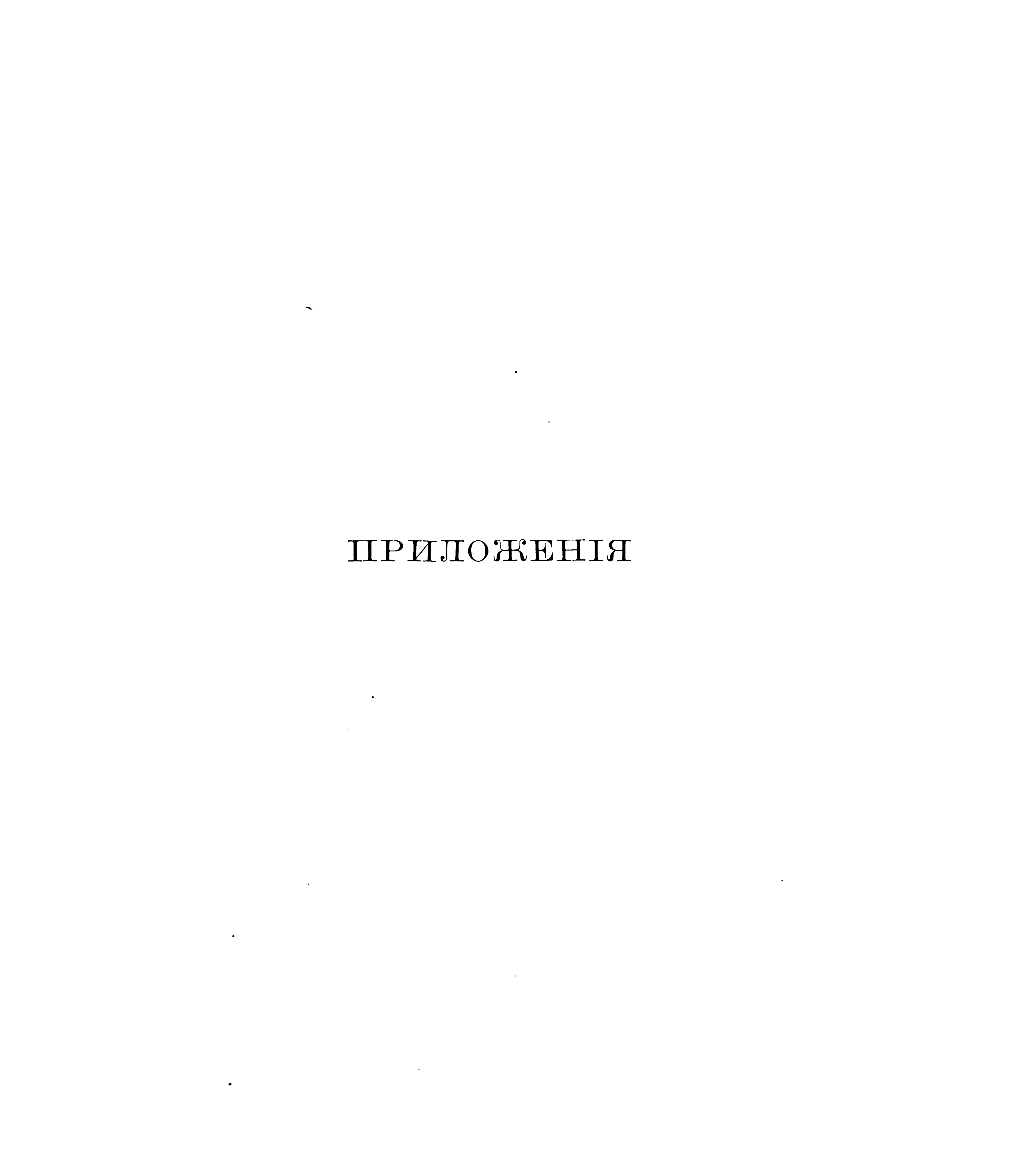
386) Камеръ-фурьерскій журналъ 1801 года.

Объ этомъ ужинѣ въ воспоминаніяхъ П. И. Полетики сообщаются слѣдующія свѣдѣнія, которыя имъ были получены отъ его брата, бывшаго тогда камеръ-пажемъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и служившаго по званію своему у вечерняго стола государя: «Возвратясь домой въ 11-мъ часу, онъ разсказывалъ, что за ужиномъ употребленъ былъ въ первый разъ новый фарфоровый приборъ, украшенный разными видами Михайловскаго замка. Государь былъ въ чрезвычайномъ восхищеніи, многократно цѣловалъ рисунки на фарфорѣ и говорилъ, что это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней въ его жизни» (Русскій Архивъ 1885 года).

387) Внутренній караулъ передъ кабинетомъ государя занимали 11-го марта конногвардейцы въ составѣ 24-хъ рядовыхъ, 3-хъ унтеръ-офицеровъ и одного трубача, подъ командою корнета Андреевскаго.

388) Парижъ. Апрѣль 1814 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Манифестъ о рожденіи великаго князя Александра Павловича.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА
ВСЕРОССІЙСКАЯ,
и прочая, и прочая, и прочая,
объявляемъ всенародно.

При должномъ благодареніи Господу Богу за благополучное разрѣшеніе отъ бремени нашей любезной невѣстки Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини, и дарованіе Ихъ Императорскимъ Высочествамъ перворoднаго сына, а намъ внука Александра Павловича, что учинилося во 12 день сего декабря, опредѣляемъ писать во всѣхъ дѣлахъ въ Государствѣ Нашемъ по приличеству до сего касающихся: Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ; и сіе наше опредѣленіе повелѣваемъ публиковать во всемъ нашемъ Государствѣ, дабы вездѣ по оному исполняемо было.

подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ Декабря 20 дня 1777 года.

(мѣсто печати).

печатанъ при Сенатѣ Декабря 20 дня 1777 года.

II.

Оды по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича

(Петрова, Майкова, Державина).

Рожденіе великаго князя вызвало не мало торжественныхъ одъ. Лирикъ Петровъ привѣтствовалъ рожденіе Александра громкою одою:

Возникла нова въ міръ планета!
Знать были созданы не всѣ?
Отнынѣ совершенство свѣта;
Днесь, днесь въ полной онъ красѣ...
Ему поклонятся языки,
Его почтутъ земны владыки...
Днесь станутъ ранѣ цвѣсть древа,
Волковъ уже не будетъ болѣ...

Въ одѣ В. И. Майкова предсказывались побѣды надъ мусульманами и водвореніе правосудія; это пророчество основывалось на томъ, что великій князь Александръ Павловичъ родился тогда, когда луна проходила черезъ знакъ Вѣсовъ.

...Когда младенецъ въ свѣтѣ рождался,
Луна текла черезъ Вѣсы
Во знакъ, что росскіе герои
Низложатъ луноносны строи;
Что правосудія законы
Не будутъ колебимы въ вѣкъ;
Что счастливъ будетъ человѣкъ...

Нѣсколько позже, въ 1779 году, появилась ода Державина: «На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока». Всего замѣчательнѣе въ одѣ стихъ:

«Будь на тронѣ человѣкъ!»

Впослѣдствіи Державинъ гордился тѣмъ, что онъ предугадалъ будущее. При жизни императора Александра не разъ указывали на пророческій смыслъ этого стихотворенія. Такъ напр., въ «Сынѣ Отечества» 1813 года (№ 51), въ статьѣ: «Письмо къ друзьямъ о Бонапартѣ и о нашемъ времени», авторъ пишетъ, что можно было предвидѣть исходъ борьбы съ Наполеономъ: «Я подкрѣплю сію мысль устами нашихъ прорицателей, которые предсказали громкую его (т. е. Александра) судьбу при самомъ рожденіи». Затѣмъ приведены девять стиховъ изъ оды Державина.

Въ другой статьѣ, также помѣщенной въ «Сынѣ Отечества» 1814 года (№ 32) подъ заглавіемъ: «Предвѣщанія о славѣ императора Александра», авторъ замѣчаетъ, что въ нашемъ сѣверномъ бардѣ можно найти болѣе двадцати мѣстъ, гдѣ онъ величественно предсказалъ славу императора.

Около 20-го Декабря начнутъ отправляться тѣ, коимъ впередъ ѣхать приказано. Къ числу сихъ послѣднихъ прибавлены камергеры Валуевъ [1]) и Салтыковъ [2]), да камеръ-юнкеры графъ Головкинъ [3]) и Бибиковъ [4]).

Пребываю и проч.

Реестръ свиты ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича.

Господинъ генералъ-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.
Господинъ тайный совѣтникъ Карлъ Ивановичъ Сакенъ.
Господинъ генералъ-маіоръ Александръ Яковлевичъ Протасовъ.
Духовникъ и учитель Закона Божія протоіерей Г. Самборскій.

Кавалеры:

Полковники: 1. Г. Будбергъ.
2. Г. Кушелевъ.
3. Г. Кошелевъ.
4. Г. Ламздорфъ.

Подполковники: 5. Г. Хрущовъ.
6. Г. Балдани.
7. Лейбъ-гвардіи Поручикъ Г. Муравьевъ.
8. Г. Лагарпъ, Подполковникъ.

Медицинскіе чины: Лейбъ-медикъ г. статскій совѣтникъ Иванъ Филипьевичъ Бене.
Лекарь Эберлингъ.
Аптекарь.
При экипажахъ два офицера.
Танцмейстеръ Пикъ.
Рисовальный мастеръ Берхъ.

(Изъ приложеній къ камеръ-фурьерскому журналу 1787 года).

---

[1]) Петръ Степановичъ.
[2]) Василій Петровичъ.
[3]) Юрій Александровичъ.
[4]) Александръ Александровичъ.

IV.

Дѣтскія письма великаго князя Александра Павловича императрицѣ Екатеринѣ II [1]).

Любезная Бабушка я очень жалѣю что васъ не могу видѣть цалую ваши ручки, и очень объ васъ много думаю, и я хотѣлъ севодня пріити к вамъ на лугъ и забылъ что васъ негъ

Іюня 16

Александръ [2]).

Любезная Бабушка. Благодарю васъ за то что вы меня вылечили

Александръ.

Любезная Бабушка я васъ благодарю за письмо и очень желаю чтобъ вы скорѣе пріѣхали и каково вамъ ѣхать, мы кушали вчѣрась у васъ на площадкѣ цалую ваши ручки и васъ поминалъ оченъ

вашъ внучикъ Алексаша [3]).

Любезная Бабушка. Я васъ благодарю за письмо и очень радуюсь что вы скоро назадъ будете; благодарствуйте тоже Бабушка и за то, что вы насъ помните, я васъ люблю всемъ сердцемъ. Цалую ваши ручки

внучикъ вашъ Сашинька [4]).

Любезная Бабушка государыня благодарствуите за всѣ письмы которые вы мнѣ писали, и желаю чтобъ скорѣе приѣхали к намъ мы здоровы, желаемъ чтобъ вы здоровы были. Цалую ваши ручки и ношки и маленькои пальчикъ

внучикъ вашъ Александръ [5]).

Ma chere Grand Maman

Comme Maman vous ecrit je veux vous ecrir aussi et dire que je vous aime de tous mon coeur

Alexandre.

Le 11 d'Avril.

Любезная Бабушка!

Очень благодарю за письма и очень радуюсь что вы убавили четыре дни ѣзды. Я ожидаю васъ всякой день. Целую ваши ручки и ножки

Александръ [6]).

Сарское Село
Іюня 13 дня 1785 г.

[1]) Государственный архивъ, разрядъ IV, № 120.

[2]) Безъ означенія года. Вѣроятно одно изъ первыхъ писемъ руки Александра; оно написано на разлинованной бумагѣ, между двумя линейками.

[3]) На этомъ письмѣ помѣта: «Іюня 19».

[4]) На этомъ письмѣ помѣта: «Іюня 20».

[5]) На этомъ письмѣ помѣта: «Іюня 21».

[6]) Первое письмо великаго князя, написанное безъ линеекъ. Въ это время императрица Екатерина предприняла путешествіе для осмотра водяныхъ путей, по которымъ доставляютъ въ Петербургъ съѣстные припасы.

Любезная Бабушка!

Я очень васъ благодарю за пуговицы и за поклонъ. Они мне очень приятны, еще больше потому что я получилъ отъ васъ, мнѣ очень хочется васъ скорѣе увидеть, я целую ваши ручки и ношки

вашъ нижайшей внукъ

Александръ [1]).

С-тъ П: Б:
6-го Генваря 1787.

Любезная Бабушка!

Я чувствую скуку васъ невидать, и люблю я васъ всехъ больше, я виделъ ваше письмо къ графу Брюсу, въ которомъ было написано, чтобъ показать любопытнымъ, и я изъ етова числа былъ. Желаю вамъ благополучнаго пути, целую ваши ручки и ношки.

вашъ нижайшей внукъ

Александръ.

Городъ Св. Петра
12 Генваря 1787.

Ma tres chere Grande Mere

Je sens jusqu à quel point vous m'aimés et je vous aime au-tant que vous m'aimés, je vous remercie que vous etes souvenu de moi. Je regarde pour un grand honneur que vous m'appellez ami. Aujourd'hui j'ai eu sur un petit Theatre le barbier de Seville en russe joué par les grands acteurs qui m'a beaucoup amusé.—Je baise vos mains et vos pieds.

Votre tres humble et tres obeissant petit fils

Alexandre.

La ville de S-t Pierre
Le 19 Janvier 1787.

Любѣзная Бабушка!

Я васъ очень благодарю за ваше письмо, я васъ люблю всемъ сердцемъ и душею, и буду всегда старатся во всемъ вамъ быть угоднымъ, желею очень что я васъ самолично не могъ поздравить съ днемъ вашего рожденія, желаю васъ увидеть какъ можно скорѣе. Мы въ Сарское Село пріехали 17 Апреля. Прощайте любезная Бабушка целую ваши ручьки и ношки

вашъ нижайшей внукъ

Александръ.

Сарское Село
25 Апрѣля.

Любѣзная бабушка

Я васъ очень благодарю за милостивые ваши письмы отъ: 14: и : 18 чиселъ Апреля. и я самъ очень желею что не могъ исполнить ваше приказаніе чтобъ осмотреть эрмитажъ.

[1]) На всѣхъ послѣдующихъ затѣмъ письмахъ великаго князя Александра Павловича поставлены числа и годъ. Всѣ они относятся ко времени поѣздки императрицы Екатерины на югъ Россіи, т. е. къ 1787 году.

V.

Дѣтскія письма великаго князя Константина Павловича императрицѣ Екатеринѣ II [1]).

Любезная Бабушка!

Жалѣю что не могу съ вами видѣться. Люблю васъ всемъ сердцемъ, цѣлую ручки и кланяюсь

Костя малютка [2]).

Милостивая и любезная Государыня Бабушка.

въ первой разъ писменно имѣю случай благодарить васъ за присланныя мнѣ сего дня подарки, и съ чемъ навсегда останусь

внучикъ Костя

Ma très chere Grande Mere,

Je m'ennuie extremement sans Vous et je voudrais être toujours avec Vous. Je Vous souhaite un heureux voyage et je suis avec respect, Ma très chere Grande Mere

Votre tres obeissant petit fils

Constantin

le 18 Janvier 1787

Любезная Бабушка!

Я Бабушка криво писалъ для того что спешилъ, ето не вина кори, а ето вина моя, и для того я васъ прошу прощеніе. Братецъ и я вышли гулять въ садъ, мы были сожены отъ солнца. Я думаю что у Васъ гораздо жарче, для того что климатъ тамъ со всѣмъ другой. Я вамъ желаю преблагополучнои путь и я пребываю на всегда,

Любезная Бабушка

Вашъ всепокорный внукъ Константинъ.

изъ Сарскаго Села
24 Апрѣля 1787.

Любезная бабушка!

Я Васъ благодарю изъ всего серца для Вашего подарка что Вы изъ волили мне послать на мой ден рожденія. Я удивляюсь что вы вашемъ походе где Вы имеете много думать и делать не забываете меня и я прибиваю вашъ

Бабушка

покорнейшій внукъ

Константинъ

28 Апреля 1787 года

Любезная бабушка!

Я очень былъ радъ услышать что вы намъ велели ѣхать въ Москву. Я очень нетерпѣливо ожидаю день въ которой мы должны выѣхать. Я держу диетъ чтобы не

[1]) Государственный архивъ, разрядъ IV, № 120.

[2]) Писано между двумя линейками.

занемочь. Покорно Васъ благодарю Бабушка что вы меня изволили поздравить съ моимъ празникомъ, и назвать меня добрымъ. Я радъ бы быть всегда добрымъ чтобъ Вы меня любили.

Вашъ покорнѣйшей внукъ

Константинъ

8 Мая 1787 года.

Любезная Бабушка!

Благодарю Васъ за подарокъ на мои именины. Мы приѣхали въ Новгородъ, и мы ево очень любимъ. Я живу въ китайской комнатѣ и очень радъ приближаться къ Москвѣ гдѣ раскажу Вамъ все что я видѣлъ. Я буду въ тотъ день очень веселъ когда честъ иметъ буду васъ видѣть, я пребываю вашъ покорнейшій внукъ

Константинъ.

26 Маія 1787 года

Любезная Бабушка,

Я очень радъ что вы благополучно, приехали изъ вашего длинаго путешесъ твия. Бабушка я хотелъ бы васъ увидитъ скоряѣ. Мы бабушка приехали нониче въ волдай мы все сдаровы. Пожалуйте бабушка поклонидесъ дружпне моего Александру Матвеевичу. Бабушка бытти милостивы мне всегда. И я прыбываю вашъ покорнейшей внукъ

Константинъ [1])

волдай 13 Іюля 1787 года.

VI.

Четыре указа придворной конторѣ 1793 года, относительно двора великаго князя Александра Павловича.

10-го мая
1793 года.

Всемилостивѣйше пожаловали Мы при нашемъ любезномъ внукѣ великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ и обрученной его невѣстѣ великой княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ гофмаршаломъ ранга генералъ-маіорскаго полковника графа Николая Головина, повелѣвая производить ему жалованья по тысячу пятьсотъ рублей на годъ.

Екатерина.

10-го мая
1793 года.

Всемилостивѣйше пожаловали Мы камеръ-юнкерами ранга полковничья: при нашемъ любезномъ внукѣ великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ: гвардіи Семеновскаго полка адъютанта князя Петра Тюфякина, Коннаго полка подпоручика графа Павла Шувалова и корнета князя Петра Шаховскаго; при обрученной невѣстѣ ея Императорскомъ высочествѣ великой княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ: гвардіи Кон-

[1]) Написано криво и косо, очевидно совершенно самостоятельно, безо всякаго надзора.

наго полка корнета графа Григорія Орлова, прапорщика Преображенскаго полка князя Андрея Горчакова и Семеновскаго полка князя Андрея Хованскаго—повелѣвая производить имъ жалованье каждому по восьми сотъ рублей на годъ.

Екатерина.

10-го мая
1793 года.

Всемилостивѣйше пожаловали Мы камергерами ранга бригадирскаго при нашемъ любезномъ внукѣ великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ: гвардіи капитановъ полковъ: Семеновскаго графа Николая Толстаго, Измайловскаго графа Феликса Потоцкаго и Семеновскаго капитана-поручика графа Василія Мусина-Пушкина. При обрученной невѣстѣ ея императорскомъ высочествѣ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ: гвардіи капитановъ-поручиковъ полковъ: Измайловскаго Алексѣя Ададурова, Преображенскаго Ивана Тутолмина и Семеновскаго поручика князя Егора Голицына, повелѣвая производить имъ жалованье каждому по тысячи рублей на годъ.

Екатерина.

23-го мая
1793 года.

Всемилостивѣйше пожаловали Мы фрейлинами при обрученной невѣстѣ любезнаго внука нашего великаго князя Александра Павловича, великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ: дѣвицъ княженъ: Марью, Софью и Елисавету Голицыныхъ и повелѣваемъ придворной нашей конторѣ производить имъ жалованье по четыреста рублей каждой на годъ.

Екатерина [1]).

VII.

Записка по поводу гатчинскихъ войскъ, 1794 года [2]).

Особенныя моего благотворителя отношенія къ императрицѣ Екатеринѣ и къ ея наслѣднику великому князю Павлу Петровичу.

Въ царствованіе императрицы Екатерины, для содержанія карауловъ во время зимы и для исполненія должности солдатъ на судахъ, посылаемыхъ въ море, при флотѣ были 8 баталіоновъ, называемыхъ морскими. При отправленіи эскадръ въ большомъ числѣ судовъ, сихъ баталіоновъ было недостаточно, и назначали нужное число изъ

[1]) Въ дополненіе къ приведеннымъ выше четыремъ указамъ, помѣщаемъ еще слѣдующее распоряженіе по придворной конторѣ, относящееся къ 23-му мая 1793 года:

Ея императорское величество всевысочайше указать соизволила находящемуся при ея императорскомъ высочествѣ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ учителю закона Антоніева монастыря архимандриту Иннокентію, во время высочайшаго въ Царскомъ Селѣ присутствія жить въ городѣ Софіи у Соборнаго священника Григорія и для довольствія его отпускать отъ двора ея величества на столъ припасы, питье и все для него потребное. О чемъ для исполненія придворной конторѣ и объявляю.

Григорій Орловъ.

[2]) Эта записка получена мною отъ покойнаго генерала Ѳ. Ѳ. Веселаго.

армейскихъ полковъ близъ Петербурга находящихся, большею частію изъ Кексгольмскаго и Тингинскаго. Благотворитель мой, управлявшій Адмиралтейскою Коллегіею, относился о семъ къ управлявшему Военною Коллегіею графу Николаю Ивановичу Салтыкову, который всегда отвѣчалъ, что требуемое число солдатъ въ надлежащее время прислано будетъ; а въ 1794 году увѣдомилъ, что императрица приказала взять на флотъ часть баталіоновъ, состоящихъ въ Гатчинѣ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Въ полученіи о семъ увѣдомленія великій князь отвѣчалъ, что онъ баталіоновъ отпустить никакъ не можетъ, потому что они ему необходимо нужны. Благотворитель мой послалъ меня къ графу Салтыкову просить его, чтобы доложилъ о семъ императрицѣ. Графъ мнѣ сказалъ: «я желаю сдѣлать угодное его высочеству и доложу государынѣ, но не думаю, чтобы она согласилась». На другой день сообщилъ, что изъ полковъ солдаты не будутъ присланы и повелѣно взять изъ гатчинскихъ баталіоновъ. На донесеніе о семъ отвѣтѣ, великій князь прислалъ собственноручную здѣсь приложенную записку, наполненную изъявленіемъ жалобъ, крайней досады, укоризнами и объясненіемъ его оскорбительнаго положенія отъ разныхъ притѣсненій. Въ запискѣ присовокуплено, отъ состоявшаго при великомъ князѣ капитана 2-го ранга Кушелева письмо, въ которомъ сказано: Вы можете сдѣлать изъ сей записки какое хотите употребленіе.

Благотворитель мой былъ въ затруднительномъ и въ весьма непріятномъ положеніи; надлежало донести императрицѣ, что великій князь пишетъ о необходимой потребности имѣть сіи баталіоны; императрица могла спросить, что онъ именно пишетъ, а записки по ея содержанію и изрѣченію невозможно было показать. По полученіи отвѣта великаго князя, благотворитель мой на другой день съ нѣсколькими представленіями, на которыя нужно было имѣть рѣшеніе императрицы и съ запискою великаго князя, рано поѣхалъ во дворецъ, взявъ меня съ собою. Камердинеръ императрицы З. К. Зотовъ доложилъ, что пріѣхалъ адмиралъ Кутузовъ и она тотчасъ его приняла, я по обыкновенію остался въ секретарской и ждалъ почти два часа; благотворитель мой, вышедъ отъ императрицы, сказалъ мнѣ: дѣло кончено, я имѣю рескриптъ. По возвращеніи домой о томъ, что происходило при докладѣ, надиктовалъ мнѣ въ слѣдующихъ словахъ:

«Императрица приняла меня весьма благосклонно, спросила, что ты мнѣ привезъ. — Я доложилъ представленіе о назначеніи командиромъ надъ корабельною эскадрою—адмирала Круза, надъ гребною—вице-адмирала Ханыкова, доложилъ о судахъ, которыя будутъ спущены у города Архангельска и придутъ въ слѣдующемъ лѣтѣ, и потомъ донесъ, что великій князь повторяетъ, что ему необходимо нужно имѣть баталіоны въ Гатчинѣ.—Императрица прервала рѣчь и сказала: ненужны; развѣ только для того, чтобы ни свѣтъ ни заря производить экзерцицію и продолжать почти во весь день,—разстучалъ мнѣ голову своею пальбою. Ты привыкъ, Иванъ Логиновичъ, его тѣшить, исполнять его прихоти, а баталіоны ему ненужны.—Позвольте доложить вашему величеству.—Изволь говори; ты знаешь, что я люблю слушать правду и люблю слушать, какимъ образомъ ты говоришь о дѣлахъ—говори.—Съ самыхъ, можно сказать, младенческихъ лѣтъ великаго князя, я привыкъ имѣть въ немъ начальника; по высочайшей волѣ вашей, всегда находился въ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ, почитаю удовольствіемъ дѣлать ему угодное, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко противорѣчу, и онъ иногда на меня гнѣвается. Ваше величество имѣли сему

доказательство въ прошедшемъ годѣ, когда его высочество прислалъ ко мнѣ для напечатанія въ морской типографіи какой-то военный уставъ; такъ какъ типографіямъ не позволено печатать устава безъ высочайшаго повелѣнія,—я отвѣчалъ, что не могу исполнить его воли, и онъ на меня прогнѣвался.—Знаю, знаю, онъ на тебя мнѣ жаловался и писалъ къ князю Зубову, а баталіоны ему ненужны.—Однакоже позвольте еще доложить вашему величеству, что для содержанія карауловъ въ трехъ дворцахъ и садахъ: гатчинскомъ, павловскомъ и каменоостровскомъ, ему необходимо нужно имѣть на три смѣны солдатъ болѣе 400 человѣкъ.—Пусть такъ, но всѣхъ прочихъ взять на флотъ.—Ваше величество, пожалуйте о семъ повелѣніе.—Тотчасъ, сказала императрица, подожди немного.—Я вышелъ, государыня позвонила, приказала камердинеру позвать пришедшаго между тѣмъ графа Безбородко, который, вышедъ изъ кабинета, сказалъ мнѣ: императрица повелѣла написать вамъ рескриптъ о гатчинскихъ баталіонахъ; чрезъ нѣсколько времени онъ пошелъ къ императрицѣ, и вскорѣ, вышедъ отъ нея, сказалъ, что она меня зоветъ; лишь только я вошелъ ,она со свойственною ей милостивою улыбкою спросила меня: Иванъ Логиновичъ, очки твои съ тобою?—Со мною, отвѣчалъ я. Тогда подала мнѣ рескриптъ.—Вотъ мое повелѣніе, прочитай, я исполнила, что ты мнѣ говорилъ. Великій князь мною и тобою будетъ недоволенъ,—посердится,—быть такъ. Послѣ сего говорила со мною о гребномъ флотѣ, объ устроеніи Роченсальма, о сдѣланномъ выпускѣ изъ морского кадетскаго корпуса и весьма милостиво пожаловала мнѣ руку».

При написаніи сказаннаго мнѣ благотворителемъ, я спросилъ его: Вы изволите послать рескриптъ къ великому князю?—Никакъ нѣтъ. По безмѣрной своей пылкости и раздраженію, которое такъ сердито изъявлено въ его запискѣ, онъ можетъ быть мнѣ возвратитъ рескриптъ разорванный или надорванный. Спиши копію, а я подпишу съ подлиннымъ вѣрно и тотчасъ пошлю.

Л. Голенищевъ-Кутузовъ.

Собственноручная записка великаго князя Павла Петровича.

«Дѣло о которомъ вы пишете ко мнѣ меня не удивляетъ поелику я привыкъ къ шиканамъ. Нарядъ о флотѣ и о числѣ онаго мнѣ неизвѣстенъ, и еще менѣе намѣреніе. Удивляетъ меня, что въ прошломъ году, гдѣ весь флотъ почти изготовлялся такихъ затрудненій не было. Не угодно ли послать перечесть у меня замки и печати. Когда получилъ я здѣшнее мѣсто, то нашелъ въ немъ полтораста человѣкъ сухопутныхъ артиллерискихъ, живущихъ при покойномъ князѣ, которыхъ я уже отпустилъ; у него ни Павловскаго, ни острова не было. Здѣсь люди смѣняются на двѣ смѣны, въ Павловскомъ стоятъ безъсмѣнно, а на острову крестьяне съ палками. Удивительно мнѣ и въ мои лѣты о семъ переписываться. Не могу я думать, чтобъ въ намѣреніи могло быть, чтобъ меня, тамъ или сямъ, обокрали или ограбили равномѣрно и самому мнѣ остаться при сторожѣ, которыхъ я долженъ нанимать буду; а денегъ у меня лишнихъ нѣтъ. Все сіе лехко повѣрить или щесть».

Записка руки Кушелева.

Милостивый Государь
Иванъ Логиновичъ.

Вашъ рапортъ представленъ сегодня по утру и на которой собственноручно отвѣтствовано запискою и я получилъ повелѣніе объяснить что вы съ оною можете сдѣлать какое хотите употребленіе.

Пребываю съ совершеннымъ почитаніемъ вашего высокопревосходительства покорный слуга

Григорій Кушелевъ.

Гатчино.
1794 года апрѣля 17 дня.

Иванъ Логиновичъ! Изъ перваго флотскаго баталіона, для содержанія караула въ четырехъ дворцахъ, оставя на три смѣны, полагая каждую смѣну по сороку человѣкъ, остальныхъ того баталіона людей, отрядить на вооружаемый для нынѣшней компаніи флотъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

VIII.

Разсказъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Женэ о великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ 1792 года.

«Les personnes attachées à l'éducation des jeunes Grands-Ducs, imbus, comme toute la cour, de l'idée que l'Impératrice détestait notre constitution, avaient évité soigneusement d'en parler à leurs augustes élèves et s'étaient même refusés à satisfaire leur curiosité sur les affaires de France. Mais quelle fut leur surprise lorsqu'ils entendirent, il y a quelques jours, le Grand Duc Alexandre entamer une discussion sur les Droits de l'homme et sur d'autres parties de notre pacte national. Ils se demandèrent l'un et l'autre qui pouvait avoir si bien instruit ce prince, et tous ayant juré qu'ils n'avaient point traité cette matière devant lui, ils convinrent de le sonder pour découvrir ce mystère. L'aimable Alexandre alla au devant de leur curiosité et leur avoua avec toute la candeur de son âge que c'était sa bonne maman qui lui avait fait lire la Constitution française, qu'elle lui en avait expliqué tous les articles, qu'elle lui avait appris les causes de la révolution de France de 1789 et qu'il avait reçu d'elle à ce sujet des conseils; qu'elle lui avait recommandé de les graver dans sa mémoire et de ne les communiquer à personne» [1]).

---

[1]) Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France, Russie. par A. Rambaud. Paris. 1890, t. 2, p. 529: M. Genet augénéral Dumouriez. St.-Pétersbourg. 8 Juin 1792.

Относительно отношеній императрицы Екатерины II къ французской революціи Женэ пишетъ (p. 530): «que cette princesse approuve dans le fond de son coeur, comme homme de lettres, comme philosophe, nos nouvelles lois, et qu'elle s'est fait un plan comme souveraine, comme despote, comme politique, de s'en déclarer l'ennemie».

Женэ остался въ Петербургѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ послѣ отъѣзда графа Сегюра.

IX.

Замѣтка Лагарпа по поводу перчатокъ, подаренныхъ ему цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ въ Гатчинѣ 27 апрѣля (8 мая) 1795 года.

Gants de S. A. I. le Grand-Duc Paul Petrovitsch

(l'Empereur Paul 1-r)

donnés à F. C. de la Harpe, instituteur de ses deux fils ainés en Mai 1795 [1]).

Ces gants me furent donnés à Gatchina en Mai 1795, par S. A. I. Monseigneur le Grand-Duc Paul Petrovitsch, le jour de la fête de son fils Monseigneur le Grand-Duc Constantin, peu de jours avant mon départ de St.-Pétersbourg.

Il y avait bal à Gatschina et S. A. I. Madame la Grande-Duchesse Maria Fedorovna m'ayant fait l'honneur de m'inviter à faire une promenade polonaise, je me trouvais très embarassé de n'avoir pas de gants, lorsque Monseigneur le Grand-Duc avec lequel je causais dans ce moment, m'offrit les siens.

Je les ai conservé, comme souvenir des heures de bonheur que me procurèrent son accueil bienveillant, surtout comme celui d'un jour dans lequel je remplis un grand devoir.

Pendant quelques années ce prince m'avait témoigné un refroidissement qui m'avait beaucoup peiné; mais j'étais bien décidé à ne pas quitter la Russie, sans en connaître la cause. Mon départ m'en fournit l'occasion. J'eus avec ce prince infortuné et si méconnu un entretien de deux heures dans son cabinet, pendant lequel je déchargeai mon coeur. Il en fut profondement touché et me le témoigna d'une manière si cordiale que j'en conserverai un souvenir ineffaçable. Il apprécia surtout les avertissements que je mettais tant de prix à lui soumettre.

Lorsqu'il monta sur le trône je me trouvais mêlé aux mouvements qui donnèrent à la Suisse une nouvelle organisation, et il ne fut pas difficile de les interpréter en mal; je fus donc privé de ma croix et de ma pension; mais j'étais sûr que tout cela serait réparé. Je ne me trompais pas puisque l'Empereur Paul 1-r se rappelant de moi peu de semaines avant sa mort, témoigna à son fils Alexandre qu'il était encore touché de la manière dont j'avais jadis pris congé de lui, et lui demanda avec le plus grand intérêt de mes nouvelles, que cet excellent prince ne pouvait lui donner, toute correspondance entre nous ayant cessé après la défense qui lui avait été faite. Lorsqu'en 1801 je retournai à St.-Pétersbourg l'Empereur s'empressa de me répéter ce qui lui avait été dit par son père, et me pria de lui donner des explications à cet égard. Ces explications l'étonnèrent beaucoup; jamais je ne lui avais fait part des tribulations auxquelles j'avais été en butte.

Ces gants valent à mes yeux toutes les récompenses; ils m'attestent que celui envers lequel je remplis courageusement un grand devoir l'avait apprécié.—Le sort des souverains est d'avoir des flatteurs, il leur est rarement accordé d'avoir dans leur entourage des hommes décidés avant tout à remplir leurs devoirs, quelque péril qu'il y ait souvent à s'en acquitter loyalement.

---

[1]) Государственный архивъ. Разрядъ V. № 251.

X.

Инструкція Лагарпа великому князю Александру Павловичу 6 апрѣля 1795 года.

Instructions remises à S. A. I. Monseigneur le Grand-Duc Alexandre.
Le 6 Avril 1795.

Monseigneur,

Votre Altesse Impériale désire qu'avant de la quitter je lui laisse par écrit mon opinion sur des objets qui l'intéressent; je la prie en conséquence de vouloir garder ce papier comme un souvenir d'un homme qui lui est tendrement attaché et désirerait encore lui être utile après son éloignement.

1.

La matinée étant la portion la plus utile de la journée, il importe de l'allonger en se levant de bonne heure; mais pour cet effet il ne faut pas se coucher trop tard. Rien de plus funeste à votre âge, Monseigneur, que les veilles prolongées. Sans compter qu'elles altéreraient votre santé, songez qu'elles fatiguent inutilement vos domestiques et que déjà sous ce point de vue il vaut la peine de les abréger. Etablissez sur cet objet une règle invariable respectée de vous tout le premier; ne permettez à personne de s'en écarter par caprice, puisque nul n'a ce droit chez vous, et avec un peu de persévérance cet article sera décidement gagné.

2.

Ordonnez que suivant les diverses saisons on vous réveille à une heure fixe. Pour empêcher qu'on ne se relâche, récompensez le zèle et la bonne volonté de ceux auxquels vous aurez commis ce soin et comptez sur leur exactitude; mais n'approuvez jamais qu'on cherche à vous faire la cour en se relâchant sur ce point; car sans compter qu'on vous rendrait par là un très mauvais service, vous ne devez point accoutumer vos alentours à interpréter vos pensées, ou permettre qu'ils agissent comme devinant vos faibles.

3.

La toilette ne doit absorber que peu de moments. Réglez invariablement cet objet afin d'abréger et de ménager vos domestiques. Je vous ai plaint bien souvent d'être servi tout à la fois par tant de monde; serait-il donc impossible de simplifier tout cela? Vos domestiques vous sauraient gré, je crois, de les épargner, et vous éviteriez vous même la destinée ordinaire des grands dont les opinions et la conduite sont le plus souvent, sinon dictées, du moins grandement influencées par ceux que la nature de leurs fonctions approche le plus de leur personne et fait jouir de leur familiarité.

4.

Après avoir établi cet ordre dans votre intérieur, il suffira de votre persévérance pour le maintenir. Passez avec indulgence sur les oublis, écoutez avec bonté les représentations

mais ne permettez pas que de propos délibère on transgresse l'ordre une fois connu. Sur toutes choses, Monseigneur, point de faiblesse.

Pour conserver intacte l'autorité dont vous jouissez dans votre maison, il est aussi indispensable d'éviter des décisions ou des démarches trop promptes, qu'il l'est de persuader chacun que votre intention sérieuse est de la maintenir. Cette intention manifestée une fois d'une manière bien précise, mais sans humeur, vous épargnera le désagrément de reprimander et la douleur de punir.

5.

Quelques puissent être les manquements de vos subordonnés qu'il ne vous échape jamais contre eux des interjections dures ou piquantes qui puissent les rendre ridicules ou les avilir. Vous, Monseigneur! qui êtes convaincu que le seul hasard vous a fait naître dans un si haut rang; vous qui ne croyez pas que le pouvoir, les richesses, l'esprit ou la supériorité des connaissances donnent le droit de maltraiter ceux qui en sont dépourvus; vous qui savez que la seule distinction réelle et permanente repose sur les bases du vrai mérite, vous devez aussi reconnaître que tout homme a droit à des égards de la part d'un autre. Elevé comme vous l'êtes, vous ne devez, vous ne pouvez pas supposer que des inférieurs aient le dessein de vous manquer, et d'ailleurs rien ne sied autant à un jeune homme que d'avoir pour autrui la même indulgence dont il a besoin pour soi. L'affabilité des personnes de votre rang gagne les coeurs, tandis que des procédés durs, offensants, ou simplement peu ménagés, laissent des impressions ineffaçables qui se manifestent quelquefois par de terribles représailles. — La fable dit qu'une mouche imperceptible mit en fureur le lion, et vous savez, Monseigneur, comment Eugène et Heinsius se vengèrent des injures de Louis XIV.

6.

Observez-vous dans vos gestes et dans vos discours en présence de vos inférieurs et des personnes qui forment votre société, si vous voulez conserver l'ascendant dont vous avez besoin pour n'être pas dominé.

Si vous vous oubliez le premier, les imitateurs ne vous manqueront pas, et de propos en propos, vous serez compromis sans savoir comment vous tirer d'affaire. Que cette étiquette ne vous effraye pourtant pas; elle n'introduira dans votre cercle d'autre gêne que celle que tout homme sensé approuve de bonne grâce, et sans laquelle les rassemblements d'hommes dégénèrent en cohues. C'est à vous, Monseigneur! qu'il appartient de régler le ton de votre cercle, non par des lois pédantesques qui en banniraient la gayeté et qu'on n'observerait peut-être pas, mais par votre exemple, en ne vous écartant jamais du ton décent qui caractérise l'homme bien né, dont les sentiments et les procédés doivent répondre à la fortune. S'il arrivait à quelqu'un de s'oublier, faites le lui remarquer d'abord avec délicatesse. S'il persévère ou récidive témoignez lui en votre mécontentement sans humeur, et s'il n'en tient pas compte excluez le de votre cercle. Dans les circonstances pareilles, que votre discernement tout seul dicte vos procédés. Si vous consultiez autrui ou cédiez à des impressions étrangères au lieu de juger par vous même, vous subiriez bientôt le joug honteux de l'influence, et comme vous êtes destiné à vivre au milieu des cabales de cour, vous finiriez par devenir le jouet des courtisans qui se culbutent les uns les autres.

aux prises avec la fortune. Comparez ensuite votre position avec la leur, leurs actions avec les vôtres, et j'ose vous répondre que vous reprendrez courage: j'ai éprouvé sur moi l'efficacité de ce remède.

Que la perspective qui s'ouvre devant vous attire principalement votre attention. De légers contre-temps ou des privations momentanées ne sont rien pour celui qui doit influer un jour sur le bonheur de 35 millions de ses semblables. C'est de ceux-ci, Monseigneur, que vous devez vous occuper dès à présent: c'est eux seuls que vous devez voir: c'est pour l'amour d'eux que vous dédaignerez les misères qui distrairerout désagréablement votre attention. Elevez votre âme par des contemplations de cette espèce et rendez la inaccessible aux impressions capables d'affaiblir le courage dont vous avez besoin pour réussir. La période dans laquelle vous vivez fournit des exemples à jamais mémorables; méditez les avec le désir d'en profiter. Plus vous aurez fait d'efforts pour ne pas vous laisser abattre, plus votre âme aura acquis d'énergie, et plus aussi vous approcherez des grands modèles que vous devez vous proposer.

9.

Soyez sur vos gardes pour tout ce qui tient aux plaisirs de la table, tant pour conserver une bonne santé et ne pas user votre goût de trop bonne heure, que pour ne pas contracter l'habitude de donner aux jouissances de cette espèce plus de temps qu'elles n'en méritent. Rappelez-vous les contes que vous me dites avoir été faits l'été dernier, parcequ'en passant vous aviez gouté d'une liqueur. Si vous n'y veillez pas on en fera d'autres qui courront les provinces dont les habitants s'occupent plus de votre intérieur que vous ne pensez. Les heures de vos repas devraient être fixes, soit pour l'expédition des affaires, soit pour le soulagement de vos domestiques et le bon ordre de votre maison.

10.

Les premières heures de votre journée devraient être consacrées aux occupations qui éxigeant de la contention demandent un travail suivi. Vos leçons réglées ayant fini au moment où vous entriez dans l'âge le plus favorable pour acquérir des connaissances, il vous reste, Monseigneur, de grandes lacunes à remplir et beaucoup de choses à réfaire. J'eusse bien désiré pouvoir vous aider dans l'une et l'autre entreprise, mais puisque la fortune en a disposé autrement, je tâcherai d'y suppléer par le petit mémoire ci-joint (a) que je vous prie de combiner à celui que S. A. I. Madame la Grande Duchesse m'a fait l'honneur de me demander. Ne croyez pas au reste, Monseigneur, qu'il soit si difficile de travailler seul: on s'y accoutûme avec un peu de courage, et il faut bien s'y résoudre pour apprendre à penser et pour acquérir de vrayes connaissances. Loin de vous défier de vos propres forces essayez les hardiment, le moment en est venu et ne vous laissez point effrayer par les obstacles, il n'y a rien dont on ne vienne à bout avec un sens droit et de la persévérance.

11.

Pour exécuter ce que je vous propose, il est à supposer au reste que l'appartement dans lequel vous travaillerez ne sera pas ouvert à tous venants. Ceux qui travaillent savent que la tranquillité et le recueillement sont indispensables; or comment jouiriez-vous de la

première, ou pourriez-vous livrer à celui-ci si chacun venait vous interrompre? L'entrée de votre cabinet n'appartient il me semble qu'aux 2 ou 3 personnes auxquelles S. M. I. l'a accordée, et à l'exception de celui-ci personne ne peut y prétendre, ou se faire de votre complaisance un droit pour se rendre indiscret. Quant à vos domestiques, Monseigneur, il vous sera aisé de leur donner des instructions précises auxquelles ils se conformeront sans peine, et vous pourrez ainsi passer chaque matin quelques heures avec vous même.

12.

Comme vous appartenez à la Russie entière où vous devez jouer un jour le premier rôle en qualité d'homme public, il est essentiel que vous preniez l'habitude de converser avec vos compatriotes, et que vous manifestiez, par votre accueil prévenant, ainsi que par vos discours, des sentiments de bienveillance qui vous assurent leur amour. Les provinciaux qui arrivent à St.-Pétersbourg méritent d'autant plus que vous leur temoigniez des égards et vous occupiez d'eux, qu'ils se chargent de transmettre à leurs concitoyens les impressions qu'ils ont reçues de vous.

Désignez soit dans la matinée, soit dans l'après diner une heure à laquelle vous soyez constamment visible pour tout le monde; mais loin de faire morfondre personne dans votre antichambre, ce qui serait un abus de pouvoir aussi déraisonnable, que cruel; prouvez par votre ponctualité à paraitre que vous aimez l'ordre et désapprouvez la funeste coutume de tourmenter ses inférieurs, en leur faisant perdre un temps précieux, qu'ils pourraient employer d'une manière plus utile. Dès que l'heure aura sonnée admettez tous ceux qui se présenteront jusque à l'heure suivante, faites-vous informer du sujet de leur venue afin de n'être pas pris au dépourvu et tâchez, en adressant autant que possible la parole à chacun, de satisfaire tout le monde. Une aussi grande diversité d'hommes peut, si vous les questionnez, vous fournir une multitude de données dont vous feriez bien de tenir un registre. Plus le nombre de ces données sera grand et plus vous aurez de facilité à en acquérir d'autres, ou à rectifier les precédentes: vous apprendrez à connaître le pays, les hommes, leurs usages, leurs préjugés, et ces connaissances de détail vous seront infiniment utiles dans la suite. Croyez, Monseigneur, que le plus souvent elles l'emportent sur celles que procurent les livres, et il ne tiendra qu'à vous de les compléter, car chacun se fera un plaisir de vous répondre d'une manière satisfaisante. Je ne saurais vous le répéter assez, Monseigneur, établissez pour vos audiences un ordre fixe, destinez leur une ou deux heures, et tâchez malgré l'étiquette de vous les rendre utiles.

13.

Il serait instant que vous eussiez à votre service un homme de confiance chargé chaque semaine de vous faire part des nouvelles littéraires et des annonces relatives aux progrès des sciences et des arts, aux manufactures, au commerce, ainsi qu'aux découvertes en tout genre, et vous devriez éxiger qu'il consignait dans un dépôt les articles dignes de remarque pour les consulter au besoin, en même temps qu'il vous en remettrait régulièrement un extrait, soit chaque semaine, soit tous les 15 jours.

14.

Il serait très convenable que vous puissiez voir les établissements publics tant de S-t Pétersbourg que des environs, ainsi que les ateliers et en général tout ce qui tient aux métiers et au commerce, afin d'avoir de tout cela des idées justes; mais il ne faudrait ni vous y rendre en grand cortège, ni vous faire annoncer. Il va sans dire au reste que vous aurez demandé et obtenu pour ces courses le consentement sans lequel vous ne pouvez les entreprendre. Ne perdez pas ces objets de vue, si vous désirez réellement vous instruire et comptez que vous aurez de plus beaucoup de plaisir à être le témoin de l'industrie humaine. Je vous conseille aussi de noter ce que vous aurez vu et de le consigner par écrit aussitôt après être rentré chez vous, tandis que le souvenir en sera encore récent: cela vous accoutumera à observer, vous familiarisera avec des objets d'espèces très différentes et contribuera puissamment à développer vos facultés. En relisant vos notes après quelque temps, vous trouverez certainement beaucoup à corriger; que cela ne vous décourage pas, Monseigneur! c'est en écartant les erreurs qu'on approche de la vérité: faites donc main basse sur les vôtres, usez de votre judiciaire dans toute sa plénitude, c'est le vrai moyen de la perfectionner et de lui procurer la plus grande activité possible. Je vous l'ai dit souvent jadis et je terminerai par là. Le seul ami qui ne flatte jamais est une bonne judiciaire, et ce n'est qu'à la lueur d'un tel flambeau que vous distinguerez les oeuvres et le mérite réel de ceux que vous employerez un jour. Puissiez-vous par son moyen être rendu invulnérable, et puisse votre coeur généreux et humain, conduit par un esprit juste et éclairé, vous rendre digne du poste éminent auquel vous serez appelé pour le service d'un grand Peuple.

Relisez quelquefois ces derniers avis, Monseigneur; ce sont les adieux d'un homme qui eut onze ans l'honneur de vous être attaché par ses fonctions, et dont les voeux les plus ardents sont pour votre bonheur.

Lorsqu'en parcourant la carte de l'Europe vous distinguerez la Suisse, arrêtez un moment vos regards sur le lac de Genève, et daignez vous rappeler que sur ses rives, à Genthod, habite un cultivateur dont les yeux se tournent fréquemment vers la Russie, et qui vous porte dans son coeur. Accueillez, je vous prie, l'expression vraye des sentimens de mon dévouement éternel et du respect avec lequel j'ai l'honneur d'être Fr. César De la Harpe.

Note (a). Le mémoire en question était un supplément à celui que j'avais fourni et dans lequel j'indiquais un choix de livres à lire.

XI.

Письмо великаго князя Александра Павловича къ князю Виктору Павловичу Кочубею, отъ 10-го мая 1796 года.

Cette lettre, mon cher ami, vous sera remise par m-r Garrick, duquel je vous ai parlé dans une de mes lettres précédentes; ainsi je peux vous parler librement sur quantité de choses.

Savez-vous, mon cher ami, que réellement cela n'est pas bien que vous ne m'instruisiez sur rien de ce qui vous regarde, car je viens d'apprendre que vous avez demandé votre congé pour aller faire une cure en Italie et que de là vous irez en Angleterre pour quelque temps. D'où vient que vous ne m'en dites rien? Je commence à croire que vous doutez de mon amitié pour vous, ou que vous n'avez pas assez de confiance en moi, car j'ose le dire, je la mérite réellement par l'amitié sans bornes que je vous porte.

Ainsi, je vous en conjure, instruisez moi de tout ce qui vous regarde et croyez que vous ne pourrez me faire un plus grand plaisir.—Au reste, je vous avoue, que je suis bien charmé de vous savoir quitte de cette place, qui ne pouvait que vous procurer des désagréments sans être compensée par aucune jouissance quelconque.

Ce monsieur Garrick est un très joli garçon; il a passé quelque temps ici et dans ce moment il va en Crimée, d'où il s'embarquera pour Constantinople. Je le trouve bien heureux, parcequ'il aura l'occasion de vous voir et je lui envie en quelque façon son sort d'autant plus que je ne suis nullement content du mien. Je suis enchanté que la matière se soit engagée d'elle même, car j'aurais été embarassé de commencer ce sujet.—Oui, mon cher ami, je le répète, je ne suis nullement satisfait de ma position, elle est beaucoup trop brillante pour mon caractère qui n'aime que la tranquillité et la paix. La cour n'est pas une habitation faite pour moi; je souffre chaque fois que je dois être en représentation et je me fais du mauvais sang en voyant ces bassesses qu'on fait à chaque instant pour acquérir une distinction, pour laquelle je n'aurais pas donné trois sols. Je me sens malheureux d'être obligé d'être en société avec des gens que je ne voudrais pas avoir pour domestiques, et qui jouissent ici des premières places, tels que le P. Souboff, m-r Passeck, le P. Bariatinsky, les deux Soltikoff, Miatleff et un tas d'autres, qui ne méritent pas même d'être nommés, qui—bas avec leurs inférieurs, rampent devant celui qu'ils craignent. Enfin, mon cher ami, je ne me sens pas du tout fait pour la place que j'occupe dans ce moment et encore moins pour celle qui m'est destinée un jour et à laquelle je me suis juré de renoncer, soit d'une manière, soit d'une autre.

Voilà, mon cher ami, le grand secret, qu'il me tardait depuis si longtemps de vous communiquer et dont je n'ai pas besoin de vous recommander le silence, car vous sentez que c'est une chose qui peut me casser la tête.

J'ai prié m-r Garrick qu'en cas qu'il ne puisse vous remettre cette lettre, qu'il la brûle et qu'il n'en charge personne pour vous. J'ai beaucoup pesé et combattu cette matière, car il faut que je vous dise, que ce projet m'est entré en idée avant même que je vous aie connu, et je n'ai pas tardé à me décider au parti que j'ai pris. Nos affaires sont dans un désordre incroyable, on pille de tous côtés; tous les départements sont mal administrés;—l'ordre semble être banni de partout, et l'Empire ne fait qu'accroître ses domaines; aussi comment se peut-il qu'un seul homme puisse parvenir à le gouverner et encore plus à y corriger les abus; c'est absolument impossible non seulement à un homme de capacités ordinaires comme moi, mais même à un génie, et j'ai eu toujours pour principe qu'il valait mieux ne pas se charger d'une besogne, que de la remplir mal; c'est d'après ce principe que j'ai pris la résolution, dont je vous ai parlé ci-dessus.—Mon plan est, qu'ayant une fois renoncé à cette place scabreuse (je ne peux pas fixer l'époque d'une telle renonciation), j'irai m'établir avec ma femme aux bords du Rhin, où je vivrai tranquille en simple particulier, faisant consister mon bonheur dans la société de mes amis et l'étude de la nature.

Vous vous moquerez de moi; vous direz que c'est un projet chimérique: vous en êtes le maître; mais attendez l'événement et après cela je vous permets de juger. Je sais que vous me blâmerez, mais je ne peux pas faire autrement, car le repos de ma conscience est ma première règle, et elle ne pourrait jamais rester en repos, si j'entreprenais une chose au-dessus de mes forces.—Voilà, mon cher, ce qu'il me tardait tant de vous dire; à présent que cela est fait, il ne me reste qu'à vous assurer, qu'où que je serai, heureux ou malheureux, dans le faste ou dans la misère,—une de mes plus grandes consolations sera votre amitié pour moi et croyez que la mienne ne finira qu'avec ma vie. Adieu, mon cher et vrai ami, ce qui pourrait m'arriver en attendant de plus heureux, cela serait de vous revoir.

Ma femme vous dit mille choses; elle a des idées toutes conformes aux miennes.

XII.

Замѣтка королевы нидерландской Анны Павловны, относящаяся къ событіямъ 1796 года [1]).

Je me rappelle avoir souvent entendu dire à ma mère que l'Impératrice Catherine l'avait traitée très froidement à ses relevailles après ses couches de mon frère Nicolas, et qu'en la revoyant l'Impératrice s'était bornée à lui demander: «comment vous portez-vous, madame la Grande Duchesse?»—ce qui fit une pénible impression à ma mère.

J'ai appris depuis de la bouche de mon mari [2]), qu'après le decès de mon frère l'Empereur Alexandre, époque à laquelle il s'était empressé d'aller en Russie partager la douleur de ma famille, ma mère était revenue sur ce passé éloigné. Dans un de ces moments d'effusion de confiance, elle lui raconta que pendant qu'elle était en couches de mon frère Nicolas, l'Impératrice Catherine lui avait fait communiquer un papier dans lequel il était question d'exiger de mon père une renonciation de se droits à la couronne en faveur de mon frère Alexandre, insistant que ma mère signât ce papier en guise d'adhésion à l'acte que l'Impératrice voulait obtenir. Ma mère en ressentit une juste indignation et se refusa à le signer.

L'Impératrice Catherine en fut très irritée et la froideur qu'elle lui montra était la conséquence d'avoir vu son projet déjoué.

Plus tard mon père eut connaissance de ce papier retrouvé parmi ceux de l'Impératrice à sa mort. L'impression qu'il eut de ce que ma mère eut même pu être consultée sur un acte pareil fut si fâcheuse, qu'elle influa sur ses rapports avec elle et prépara bien des épreuves à maman.

---

[1]) Изъ матеріаловъ, собранныхъ барономъ М. А. Корфомъ для жизнеописанія императора Николая.

[2]) Принцъ Оранскій, впослѣдствіи король нидерландскій Вильгельмъ II.

«Это не такъ легко, какъ ты думаешь», изволила она сказать. «Во первыхъ повелѣнія мои конечно не исполнялись бы съ точностію, есть ли бы не были удобны къ исполненію; ты самъ знаешь съ какою осмотрительностію, съ какою осторожностію поступаю я въ изданіи моихъ узаконеній. Я разбираю обстоятельства, совѣтуюсь, увѣдываю мысли просвѣщенной части народа и потому заключаю какое дѣйствіе указъ мой произвесть долженъ. И когда ужъ напередъ я увѣрена о общемъ одобреніи, тогда выпускаю я мое повелѣніе и имѣю удовольствіе то, что ты называешь слѣпымъ повиновеніемъ. И вотъ основаніе власти неограниченной. Но будь увѣренъ, что слѣпо не повинуются, когда приказаніе не принаровлено къ обычаямъ, ко мнѣнію народному и когда въ ономъ послѣдовала бы я одной моей волѣ, не размышляя о слѣдствіяхъ. Во вторыхъ ты обманываешься, когда думаешь, что вокругъ меня все дѣлается только мнѣ угодное. Напротивъ того, это я, которая, принуждая себя, стараюсь угождать каждому, сообразно съ заслугами, съ достоинствами, съ склонностями и съ привычками и, повѣрь мнѣ, что гораздо легче дѣлать пріятное для всѣхъ, нежели чтобъ всѣ тебѣ угодили. Напрасно будешь сего ожидать и будешь огорчаться, но я себѣ сего огорченія не имѣю, ибо не ожидаю, чтобы все безъ изъятія по моему дѣлалось. Можетъ быть съ начала и трудно было себя къ тому пріучать, но теперь съ удовольствіемъ я чувствую, что не имѣя прихотей, капризовъ и вспыльчивости, не могу я быть въ тягость и бесѣда моя всѣмъ нравится. Перенимай у меня, поступай такъ дома и скажешь мнѣ послѣ спасибо».

Императрица Екатерина Великая, начертывая вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, мудрыя свои правила, рѣкла: «Я оставляю Россіи даръ безцѣнный и Россія будетъ счастлива подъ Александромъ».

XV.

Письмо цесаревича Александра Павловича Лагарпу [1]).

Gatschina. Le 27 Septembre, 8 Octobre, 1797.

Enfin je puis jouir à mon aise de la satisfaction de vous entretenir, mon cher ami. Il y a longtemps que je n'ai pas joui de ce bonheur! C'est m-r Novossiltzow qui vous remettra cette lettre, il fait le voyage exprès pour vous voir et pour vous demander vos conseils et votre direction sur une affaire de la plus grande importance; c'est celle de faire le bonheur de la Russie en y établissant un constitution libre.

Ne vous effrayez pas des dangers auxquels une pareille entreprise peut exposer: le moyen avec lequel nous voulons l'exécuter semble en diminuer excessivement le nombre. Pour vous faire comprendre ce que je dis, il faut que je prenne de plus haut.

Vous connaissiez les différents abus qui régnaient du temps de l'Impératrice défunte; ils n'ont fait qu'augmenter à mesure que sa santé et ses forces morales et cor-

[1]) Государственный Архивъ. Разрядъ V. № 190.

porelles faiblissaient. Enfin au mois de Novembre dernier elle a fini sa carrière. Je ne vous ferai ni les détails de l'affliction et de la désolation générale que sa mort a causé à tout le monde, et qui n'a fait malheureusement que d'augmenter journellement jusqu'ici. Mon père en montant sur le trône a voulu tout réformer. Son commencement, est vrai, était assez brillant, mais la suite n'y a pas répondu. Tout a été mis sens dessus dessous à la fois, ce qui n'a fait qu'augmenter la confusion déjà trop grande qui régnait déjà dans les affaires.

Le militaire perd presque tout son temps et cela en parades. Dans le reste il n'y a aucun plan suivi. On ordonne aujourd'hui ce qu'un mois après on contremande. On ne souffre jamais aucune représentation que quand le mal est déjà tout fait. Enfin pour trancher le terme, le bonheur de l'État n'entre pour rien dans le régissement des affaires: il n'y a qu'un pouvoir absolu qui fait tout à tort et à travers. Il serait impossible de vous énumérer toutes les démences qui ont été faites, joignez à cela une sévérité sans nulle justice, beaucoup de partialité et la plus grande inexpérience dans toutes les affaires. Le choix des employés n'est que par faveur; le mérite n'y entre pour rien. Enfin ma pauvre patrie est dans un état indéfinissable. Le cultivateur vexé, le commerce gêné, la liberté et le bien-être personnel anéantis. Voilà le tableau de la Russie, jugez ce que mon coeur doit souffrir. Moi-même employé à des minuties militaires, perdant tout mon temps à des devoirs de bas officiers, n'ayant pas même un instant à donner à mes études, qui étaient mon occupation favorite avant le changement, je suis devenu l'être le plus malheureux.

Vous connaissiez toujours mes idées qui tendaient à m'expatrier. Dans ce moment je ne vois plus de moyen de les exécuter, et puis la position malheureuse de ma patrie m'a fait tourner mes idées d'un autre côté. J'ai pensé que si jamais le tour venait à moi de régner, au lieu de m'expatrier, je ferai beaucoup mieux de travailler à rendre mon pays libre et à le prévenir par là dans l'avenir de servir de jouet à des insensés. Cela m'a fait faire mille réflexions qui m'ont démontré que cela serait le meilleur genre de révolution étant opéré par un pouvoir légal qui cesserait de l'être aussitôt que la constitution serait achevée et que la nation aura de représentants. Voici quelle est mon idée.

Je l'ai communiquée à des personnes éclairées et qui de leur côté pensaient depuis longtemps à la même chose. En tout nous ne sommes que quatre, c'est à dire M. Novossiltzow, le comte Strogonoff, le jeune prince Czartorisky, mon aide de camp, jeune homme rare et moi.

Notre idée est que pendant le règne présent nous ferons traduire en langue russe autant de livres utiles qu'il est possible, dont nous ne ferons paraître que ceux dont l'impression pourra être permise, et les autres nous les réserverons pour le temps futur, pour commencer par là à répandre des lumières à éclairer les esprits autant qu'il est possible. Une fois par contre que mon tour viendra, alors il faudra travailler, peu à peu s'entend, à faire une représentation de la nation, qui dirigée—fasse une constitution libre, après laquelle mon pouvoir cessera absolument, et si la Providence seconde notre travail, je me retirerai dans quelque coin et je vivrai content et heureux en voyant le bonheur de ma patrie et en jouissant. Voilà quelle est mon idée, mon cher ami. A présent nous vous envoyons exprès M. Novossiltzow pour recueillir votre suffrage sur tout cela et demander votre direction. Ah! que j'aurais été heureux si je pouvais vous avoir

dans ce temps à mes côtés. Que de services vous pourriez nous rendre! mais c'est une idée à laquelle je n'ose pas me livrer. Nous serons déjà assez heureux si vous voudriez bien nous donner vos conseils par M. Novossiltzow qui pourra par contre vous donner mille renseignements de bouche. C'est un excellent jeune homme et très instruit, surtout en ce qui regarde son pays: je vous le recommande, mon cher ami.

Il est chargé de notre part de vous faire mille questions, surtout sur le genre d'instruction que vous croyez le plus facile à germer et à se répandre, et qui puisse éclairer les esprits en moins de temps. C'est un point bien important et sans lequel on ne peut pas commencer l'ouvrage.

Dans ce moment nous sommes bien occupés à faire traduire en russe autant de livres utiles qu'il est possible, mais cela ne peut pas aller aussi vite que nous le souhaitons; le plus difficille est de trouver des gens qui fussent en état de le faire.

J'espère, mon cher ami, que vous approuverez nos projets et que vous nous seconderez de vos conseils qui nous seront bien salutaires. Je laisse à M. Novossiltzow le soin de vous donner bien d'autres détails de bouche. Fasse le ciel que nous puissions une fois venir à bout de rendre la Russie libre et de la garantir des atteintes du despotisme et de la tyrannie. Voilà mon unique souhait et je sacrifie volontiers toutes mes peines et ma vie à ce but si cher pour moi.

Adieu, mon cher et vrai ami; je serais au comble de mes voeux, si je vous revoyais. En attendant comptez sur l'attachement et le dévouement les plus sincères que vous a voués votre fidèle ami.

Ma femme me charge de vous dire mille choses.

XVI.

Два распоряженія цесаревича Александра Павловича по военному вѣдомству.

I. Повелѣніе наслѣдника цесаревича Александра Павловича, какимъ образомъ обращаться съ медицинскими чинами.

Августа 24-го дня 1798 года.

Господину отъ артиллеріи генералъ-лейтенанту, главному всей артиллеріи инспектору Челищеву.

Государственная медицинская коллегія доноситъ мнѣ, что нѣкоторые изъ господъ шефовъ и полковыхъ командировъ съ опредѣленными въ полки, ихъ начальству всемилостивѣйше препорученные, медицинскими чинами обходятся съ крайней суровостью и въ наказаніяхъ поступаютъ съ такою жестокостью, что подлекарей бьютъ палками, такъ что опасаться должно, что распространяющійся о семъ слухъ, устрашая молодыхъ людей, обучающихся въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, можетъ отвратить ихъ отъ вступленія во врачебныя училища, изъ коихъ всѣ мѣста врачами, а равномѣрно и воинскими медицинскими чинами, снабжаются; а

XVII.

Письмо цесаревича Александра Павловича А. А. Аракчееву

Другъ мой Алексѣй Андреевичъ! я къ тебѣ не письмо пишу, а цѣлую грамоту, и надѣюсь, что ты простишь по дружбѣ твоей, что я тебя безпокою въ недоумѣніи своемъ и снабдишь меня совѣтомъ. Я получилъ бездну дѣлъ, изъ которыхъ тѣ, на которыя я не знаю какія дѣлать рѣшенія, къ тебѣ посылаю, почитая лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору. № 1, отъ Мордвина, который прописываетъ, что по неимѣнію аудитора нельзя послать другого офицера для пріема жалованья. Я думаю за лучшее предписать ему, чтобы онъ выбралъ изъ унтеръ-офицеровъ способнаго къ сей должности, представилъ бы объ немъ ко мнѣ, а покамѣсть отправилъ бы его для пріема.—№ 2, о разныхъ раскомандированныхъ у него людяхъ, о которыхъ я совсѣмъ не знаю какое дать рѣшеніе и испрашиваю твоего совѣта. — № 3, глупые формулярные списки и наконецъ ихъ ротное еще глупѣе росписаніе, которое я думаю можно ему назадъ отослать съ приложеніемъ нашей формы. — № 4, о старшинствѣ одного маіора передъ другимъ отъ него же, о которомъ я думаю надлежитъ и государю доложить: буду ждать твоего совѣта.—№ 5, о маіорѣ отворотъ, о которомъ я не помню въ уставѣ ничего, а помнится положенъ капитанъ. Я думаю и о семъ же надобно доложить государю. — № 6, о образцѣ мундира его полка. Я удивляюсь, какъ ему не выданъ образецъ вмѣстѣ съ прочими отъ князя Долгорукаго, кексгольмскаго полковника. Я не знаю также, можно ли отъ докладу отпустить его офицеровъ для обмундированія въ Петербургъ; и что по этому рѣшить, прошу тебя снабдить меня совѣтомъ.—№ 7 и 8, отъ Колюбякина изъ Шлиссельбурга, о неимѣніи совсѣмъ своего полка; о чемъ такъ же не знаю, какъ рѣшить, и спрашиваю твоего мнѣнія.—№ 9, отъ Кабанова.—№ 10, списокъ по старшинству, въ которомъ онъ показываетъ штабсъ-капитановъ выше капитановъ, и они у него выбраны въ самомъ дѣлѣ изъ старшихъ повидимому капитановъ, въ чемъ я думаю надобно ему растолковать надлежащій порядокъ.—№ 11, глупое ротное росписаніе, въ которомъ показываетъ много не явившихся офицеровъ. — № 12, дневной рапортъ по формѣ. — № 13, вѣдомость о унтеръ-штабѣ отъ Ламберта, въ которой онъ показываетъ одного подпоручика при мнѣ, я совсѣмъ не помню, кого онъ разумѣетъ.—№ 14, его же ротное росписаніе, въ которомъ показано въ подполковничей ротѣ пустое мѣсто подпоручика, повидимому того же, котораго онъ числитъ при мнѣ.—№ 15, отъ Бѣлозерскаго полка о причисленіи поповичей въ полкъ безъ позволенія моего, котораго кажется онъ могъ ожидать, какъ ты думаешь? — № 16, изъ Нарвы отъ Тизенгаузена ротное глупое росписаніе.—№ 17, списокъ, по старшинству офицеровъ по формѣ.— № 18, его же рапортъ. — № 19, отъ Военной Коллегіи о лекарѣ Набоковѣ. Спрашиваю твоего совѣта. — № 20, отъ Буксгевдена о обозѣ его полка. Что ты объ этомъ думаешь?—№ 21, отъ Салтыкова объ полотнѣ фламскомъ.—№ 22, указъ о спискахъ; я думаю сіе излишнее и посылать, потому что я подаю мѣсячный ра-

[1]) Это письмо относится къ 1797 году.

портъ, и такъ я могу и списки вмѣстѣ подать, какъ ты думаешь? По счастію мы рано пріѣхали на ночлегъ, и я всѣ успѣлъ кончить. Прочія бумаги я самъ разрѣшилъ, которыхъ конечно было вдвое столько же, если не болѣе. Прости мнѣ, другъ мой, что я тебя безпокою, но я молодъ и мнѣ нужны весьма еще совѣты, и такъ я надѣюсь, что ты ими меня не оставишь? Прощай, другъ мой, не забудь меня и будь здоровъ.

Александръ.

XVIII.

Записка графа Ростопчина 1800 года, найденная французами въ Москвѣ въ 1812 году.

Note présentée à l'Empereur Paul en 1800, après l'époque de la signature de la paix de Lunéville.

Résumé de la Note:

La Russie acquerera une telle prépondérence en Europe, qu'elle sera l'arbitre des destinées des autres puissances.

Note pour l'Empereur Napoléon[1]).

Je remets à Sa Majesté la copie d'une note intéressante trouvée dans les papiers du comte Rostopschine écrite en français et minutée de sa main. Cette note parait avoir été remise à l'Empereur Paul par le comte Rostopshine, alors ministre des affaires étrangères, après la paix de Lunéville, à l'époque où il y a eu quelque rapprochement entre la Russie et la France.

Dans cette note on voit à découvert toute la politique de ce ministre et peut-être le motif de la haine qu'il porte à la France, parce que cette puissance a pris en Europe le rang que le comte Rostopschine voulait donner à la Russie qui, d'après son système, doit acquérir une prépondérence qui l'eut rendu l'arbitre des destinées des autres puissances.

Copie d'un projet de note trouvé dans les papiers du comte Rostopschine et minuté de sa main.

Bonaparte, après avoir paralysé dans sa position actuelle la maison d'Autriche, doit tout de suite tourner ses armes contre l'Angleterre.

Deux motifs impérieux lui en imposent la loi: la destruction de la puissance Anglaise et celle de ses propres armées toujours à craindre, soit qu'il reste comme chef du gouvernement français, soit qu'il parvienne à se faire Roi.

[1]) Представлено Наполеону секретаремъ его Лелорнь Дидевилемъ (Lelorgne Dideville) въ Москвѣ въ 1812 году (Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ: Papiers interceptés).

L'Autriche mise hors de combat et l'Angleterre entièrement occupée de sa défense, l'Empereur et la France peuvent disposer de l'Europe à leur gré. Bonaparte fera tout et consentira à tout pourvu qu'il anéantisse la puissance de l'Angleterre. S'il emploie contre elle 100,000 hommes, il lui en restera encore deux fois autant pour la coopération avec l'Empereur, surtout si on lui promet de faire durer en Russie l'état actuel des choses avec l'Angleterre et de favoriser la France dans son commerce, en lui accordant l'exportation des produits nécessaires pour sa marine et que les Français viendraient chercher eux-mêmes dans les ports de la Russie.

Après s'être entendu avec Bonaparte, il faut proposer au Roi de Prusse l'échange suivant: l'Empereur prendait pour lui toute la Prusse occidentale avec tout le pays au délà, jusqu'à la Vistule qui servirait de limite aux deux États.

On laisserait au Roi de Prusse pour équivalent le choix ou de l'Electorat d'Hanovre ou du Duché de Branswick avec la principauté d'Hildesheim et les mines du Hartz. Dans ce dernier cas le Duc de Brunswick aurait en échange le reste du pays d'Hanovre aves le titre d'Electeur. On ajouterait à ces possessions l'évêché de Bamberg pour la Prusse et celui de Würzbourg érigé en Electorat pour la maison d'Orange.

Cette proposition soutenue par des armées russes et françaises, prêtes à marcher, mettrait la cour de Berlin dans la nécessité d'y consentir sans balancer. Se trouvant isolé et sans appui, voyant l'Autriche écrasée par la France, son armée désorganisée, l'or des Anglais sans effet, le Roi de Prusse, par son consentement à l'échange, deviendrait l'ennemi juré de l'Angleterre, et la Russie, au bout de quelques années, se verrait la Puissance prepondérante sur mer et sur terre. Maîtresse des plus belles côtes de la Baltique, des ports de Dantzig, de Königsberg, de Memel, avec l'avantage de transporter tout le bois de la Pologne par la Vistule à Dantzig, où il faudrait établir un chantier, la Russie dominerait la Prusse, le Danemarc et la Suède; l'Autriche n'oserait pas remuer; l'Italie s'occuperait de jouir du calme qu'elle devrait à l'Empereur, et Lui, spectateur de la guerre à mort entre la France et l'Angleterre, réglerait seul les destinées de toutes les puissances de l'Europe.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Императоръ Павелъ одна изъ загадочныхъ личностей нашей исторіи. Свѣдѣнія, которыя до сихъ поръ имѣются о немъ въ печати, отрывочны, неполны и невѣрны. Правда, довольно часто приходится слышать и читать разсказы о его царствованіи; но большею частью они оказываются или преувеличенными, или даже лишенными всякаго историческаго основанія. Къ сожалѣнію, чѣмъ менѣе они вѣроподобны, тѣмъ большую находятъ вѣру, и такимъ образомъ составляется, можно даже сказать, составилась какая-то легенда, сквозь которую историку не легко различить истину.

Помѣщаемые здѣсь весьма важные историческіе матеріалы, относящіеся къ царствованію Павла I, освѣщаютъ и разъясняютъ многія явленія этой эпохи. Они заключаются въ письмахъ и рескриптахъ императора Павла къ разнымъ государственнымъ дѣятелямъ того времени: графу фонъ-деръ-Палену, графу Ивану Петровичу Салтыкову, графу Кушелеву, генералу Бенкендорфу и др.[1]), въ перепискѣ генерала Спренгпортена во время поѣздки его въ Парижъ, въ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ изъ Петербурга и въ журналѣ пребыванія императора Павла въ Михайловскомъ замкѣ съ 1-го февраля по 12-е марта 1801 года.

[1]) Считаемъ не лишнимъ оговорить, что подъ нѣсколькими изъ печатаемыхъ документовъ не имѣется подписи императора Павла, такъ какъ документы эти списаны не съ подлинниковъ, а съ копій, находящихся въ архивахъ.

I.

Рескрипты императора Павла графу П. А. Палену.

1.

26-го февраля 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Паленъ. Съ удивленіемъ увѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздъ князя Зубова черезъ Ригу; изъ сего и дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коему и поведеніе мое противъ васъ соразмѣрно будетъ.

Сіе письмо можете показать генералъ-лейтенанту Бенкендорфу.

(Подп.) Павелъ[1]).

[1]) По приказанію государя, приготовлена была въ Ригѣ торжественная встрѣча для короля Станислава-Августа Понятовскаго при проѣздѣ его въ С.-Петербургъ въ 1797 году. Въ назначенный день расставлена была на улицахъ стража изъ городскихъ жителей (Bürger Companien) и приготовленъ былъ большой обѣдъ въ домѣ Черныхъ головъ (auf dem Hause der Schwarzen Häupter). Король въ этотъ день не пріѣхалъ, а вмѣсто него пріѣхалъ князь Зубовъ. Стража отдала ему честь какъ русскому генералу, а часть обѣда, приготовленнаго для короля, послужила къ обѣду Зубова. Обо всемъ этомъ посланъ былъ доносъ къ государю. (Seume: Zwey Briefe über die neuesten Veränderungen in Russland—Zürich, 1797, p. 74). 26-го февраля 1797 года генералъ Паленъ, занимавшій постъ курляндскаго губернатора, «за почести и встрѣчи, дѣлаемыя партикулярнымъ людямъ, какъ-то при проѣздѣ князя Зубова», былъ выключенъ изъ службы. 20-го сентября 1797 года Паленъ приказомъ, объявленнымъ при паролѣ, былъ вновь принятъ на службу съ прежнимъ чиномъ, т. е. генералъ-лейтенантомъ. По этому случаю генералъ Паленъ писалъ императору Павлу 1-го октября и просилъ «удостоить принять подобострастное приношеніе живѣйшей благодарности и купно всеподданнѣйшія увѣренія, что онъ жизнь свою по гробъ посвящаетъ съ радостію высочайшей службѣ и для того предъ лицомъ его, государя, повергаетъ себя къ освященнымъ стопамъ его величества». Въ отвѣтъ на это письмо государь «съ удовольствіемъ» разрѣшилъ фонъ-деръ-Палену пріѣхать въ Петербургъ.

2.

4-го іюня 1798 года.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи баронъ фонъ деръ Паленъ[1]). Получа рапортъ отъ генералъ-маіора Смородина, усмотрѣлъ я, что по выступленіи Псковскаго драгунскаго полка изъ Кексгольма, много осталось больныхъ онаго полка нижнихъ чиновъ. По сему случаю я желаю отъ васъ узнать—не другая ли еще какая болѣзнь, сверхъ уже вами доносимой, заразила такое множество?

Собственноручная приписка: «Удивительно—число больныхъ; равномѣрно и то, что триста человѣкъ только идетъ; поѣзжайте сами къ полку и узнайте о причинахъ; я васъ тамъ и найду».

(Подп.) Павелъ.

3.

Гатчина, 20-го августа 1798 года.

Нашему генералу отъ кавалеріи и Санктпетербургскому военному губернатору барону фонъ деръ Палену.

Всемилостивѣйше пожаловавъ въ вѣчное и потомственное владѣніе нашему тайному совѣтнику и генералъ-прокурору Лопухину[2]) купленный въ казну нашу домъ вицъ-адмирала Рибаса[3]), состоящій въ С.-Петербургѣ въ первой адмиралтейской части однимъ фасомъ въ Милліонную, а другимъ на набережную, повелѣваемъ предписать куда слѣдуетъ объ отдачѣ ему онаго.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонный.

(Подп.) Павелъ.

[1]) 1-го декабря 1797 года генералъ фонъ-деръ-Паленъ назначенъ былъ инспекторомъ по кавалеріи с.-петербургской и финляндской инспекцій; затѣмъ 31-го марта 1798 года пожалованъ въ генералы отъ кавалеріи, 28-го іюля 1798 года назначенъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ (на мѣсто генералъ-лейтенанта графа Буксгевдена), а 22-го февраля 1799 года ему пожаловано графское достоинство.

[2]) Сенаторъ тайный совѣтникъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ назначенъ генералъ-прокуроромъ 8-го августа 1798 года. Съ этого времени на него посыпались царскія милости, которыя быстро слѣдовали одна за другою и заслуживаютъ даже быть отмѣченными въ эпоху, столь богатую неимовѣрно быстрыми возвышеніями. Въ томъ же году Лопухинъ назначенъ былъ членомъ тогдашняго государственнаго совѣта, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, кавалеромъ орденовъ св. Андрея Первозваннаго, св. Анны и св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста, алмазами украшеннаго. Затѣмъ въ слѣдующемъ 1799 году онъ получилъ: портретъ государя, староство Корсунь (въ Кіевской губерніи) въ потомственное владѣніе, брилліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, княжеское достоинство (19-го января) и титулъ свѣтлости (22-го февраля). Кромѣ того позволено ему употреблять для ливреи цвѣта, составляющіе придворную ливрею. Въ 1799 году, 7-го іюля, князь Лопухинъ испросилъ себѣ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ и переселился въ Москву, гдѣ прожилъ до воцаренія императора Александра I. Переѣздъ князя Лопухина въ Москву состоялся послѣ свадьбы дочери его Анны Петровны съ генералъ-адъютантомъ княземъ Гагаринымъ, отпразднованной при дворѣ со всевозможною пышностью 8-го февраля 1800 года; Лопухинъ отдалъ дочери въ приданое свой домъ на дворцовой набережной.

[3]) Вице-адмиралу Рибасу принадлежалъ еще другой домъ, бывшій Бецкаго, нынѣ принца Ольденбургскаго.

въ мѣстѣ моего пребыванія нужно мнѣ имѣть нѣсколько конной гвардіи соразмѣрно числу баталіоновъ, которые при мнѣ находиться будутъ, то я не оставлю и снабдить васъ повелѣніемъ объономъ, когда оно потребно будетъ. Пребываю вамъ благосклонный.

(Подп.) Павелъ.

8.

27-го октября 1799 года.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ деръ Паленъ. Получилъ я донесеніе ваше отъ 27-го октября о сдѣланной покражѣ на Монетномъ дворѣ рядовымъ гарнизоннаго князя Долгорукова 2-го полка. Вслѣдствіе котораго повелѣваю вамъ начать слѣдствіе надъ военными въ генералъ-аудиторіатѣ, а надъ прочими — гражданскимъ судомъ; найденныя же остальныя деньги изъ покраденныхъ возвратить въ Монетный дворъ, куда онѣ принадлежатъ. Гарнизоннаго же князя Долгорукова 2-го полка маіору Сенъ-Николя и штабсъ-капитану Подушкину объявите мое благоволеніе за сдѣланное ими открытіе онаго воровства, и если по слѣдствію дѣла найдутся они достойны награжденія, то оное и получатъ.

9.

Гатчина, 24-го ноября 1799 года.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи и Санктпетербургскій военный губернаторъ графъ фонъ деръ Паленъ. Состоящій въ первой адмиралтейской части перваго квартала подъ номеромъ семьдесятъ четвертымъ казенный, почтоваго правленія, бывшій статскаго совѣтника Либрехта домъ всемилостивѣйше жалуемъ въ вѣчное и потомственное владѣніе полковницѣ Аннѣ Левшиной [1]); пребываемъ вамъ благосклонны.

(Подп.) Павелъ.

10.

Санктпетербургъ, 18-го апрѣля 1800 года.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ деръ Паленъ. Состоящее въ казенномъ вѣдомствѣ мѣсто подъ названіемъ Екатерингофъ всемилостивѣйше пожаловали Мы статсъ-дамѣ княгинѣ Гагариной въ вѣчное и потомственное владѣніе, повелѣвая вамъ оное мѣсто изъ казеннаго вѣдомства исключить и какъ слѣдуетъ отдать во владѣніе ей, княгинѣ Гагариной; сообразуясь во всемъ съ планомъ онаго намъ поднесеннымъ, на коемъ рукою нашею означили мы все, что мы изъ онаго мѣста исключили, оставивъ оную часть въ казенномъ вѣдомствѣ, а все прочее ей, княгинѣ Гагариной, всемилостивѣйше пожаловали. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

(Подп.) Павелъ.

[1]) Анна Петровна Левшина, рожд. княжна Львова, была матерью первой жены князя Петра Васильевича Лопухина, Прасковьи Ивановны. Съ появленіемъ при дворѣ ея внучки, княгини Анны Петровны Гагариной (рожд. Лопухиной), замѣтно было и къ ней особенное расположеніе императора. Она вездѣ была извѣстна подъ названіемъ бабушки Анны Ивановны, и самъ государь въ шутку называлъ ее этимъ именемъ. Левшина пользовалась большимъ уваженіемъ въ обществѣ и была всѣми любима за то, что умѣла пользоваться благосклонностью императора, чтобы дѣлать много добра; часто люди, ей вовсе незнакомые, были ею облагодѣтельствованы.

Домъ, подаренный Левшиной императоромъ Павломъ, находился на Невскомъ проспектѣ, напротивъ Малой Морской.

11.

15-го мая 1800 года.

Herr General der Kawallerie von der Pahlen! Aus einem Berichte eines Beamten in Krasno-Selo an die Kaiserin, habe ich folgende Begebenheiten vernommen. Auf einer Fläche daselbst hat sich der Boden geöffnet und bald darauf diese Öffnung mit Wasser gefüllt, dieses hat eine Menge Menschen an sich gezogen, nicht allein aus dem Orte selbst, sondern auch aus Gatschina und Petersburg, die am Abend auseinander gingen, den folgenden Tag sich abermals versammelten und auf diesem Gewässer ein schwimmendes Bild fanden, welches sie nach die Kirche in Krasno-Selo trugen. Zufolge dieses befehle Ich Ihnen umständliche Kenntniss hiervon zu nehmen und die gehörigen Maasregeln mit Klugheit und ohne Zeitverlust zu ergreifen und Mir Allein zu berichten.

Ihr gnädiger Kaiser.

(Изъ донесенія одного чиновника изъ Краснаго Села къ императрицѣ узналъ я о слѣдующемъ происшествіи: тамъ на одной равнинѣ, въ почвѣ, образовалось отверстіе и вскорѣ послѣ того оно наполнилось водой; это явленіе привлекло множество людей не только изъ того мѣста, но даже и жителей Гатчины и Петербурга, которые только вечеромъ разошлись. На слѣдующій день опять народъ собрался, и на этой водѣ нашли плавающій образъ, который отнесли въ церковь Краснаго Села. Вслѣдствіе этого повелѣваю вамъ собрать объ этомъ подробныя свѣдѣнія и разумно и безъ замедленія принять надлежащія мѣры и меня одного обо всемъ увѣдомить).

12.

31-го мая 1800 года.

Herr General der Kawallerie von der Pahlen! Zur Schande der Ziewil Verwaltung des St.-Peterburgischen Gouvernements hat sich in der Gegend des Dorfes Sablin eine bewaffnete Räuberbande gezeigt. Zufolge dieses befehle Ich Ihnen gleich nach Empfang dieses einen Escadron Leib-Husaren aus Petersburg längst dem grossen Wege nach dem Orte, wo dieses vorgefallen ist, ausrücken lassen.

(Къ стыду гражданскаго управленія С.-Петербургской губерніи, въ окрестностяхъ деревни Саблино показалась вооруженная шайка разбойниковъ. Посему повелѣваю я немедленно по полученіи сего выслать изъ Петербурга лейбъ-гусарскій эскадронъ по направленію большой дороги въ то мѣсто, гдѣ это случилось).

13.

10-го іюля 1800 года.

Herr General der Kawallerie von der Pahlen! Ich ersehe aus ihrem heutigen Raporte, dass die Tochter des Schneiders Klockenberg sich Liebe wegen mit dem Registrator Maksimoff ersaufen wollte und da Ich gegen ihrer Heirath nichts widriges sehe, überlasse Ich es Ihnen in Erfüllung zu bringen,

Ihr wohlaffectionirter.

(Въ сегодняшнемъ вашемъ рапортѣ сказано, что дочь портного Клокенбергъ отъ любви къ регистратору Максимову хотѣла утопиться; но такъ какъ я ничего не имѣю противъ этого брака, то препоручаю вамъ ихъ желаніе исполнить [1]).

14.

Гатчина, 3-го августа 1800 года.

Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ деръ Паленъ. Объявите мою благодарность городской Думѣ за способствованіе купцовъ и мѣщанъ при спускѣ корабля «Благодати» [2]) и для объявленія сего сберите въ Думу всѣхъ тѣхъ купцовъ и мѣщанъ, которые въ семъ способствовали. Пребываю вамъ благосклонный.

(Подп.) Павелъ.

15.

24-го октября 1800 года.

Herr General der Kawallerie von der Pahlen! Ich habe dem Architekten Kameron aufgetragen einen Project und Plan zum neuen Aufbau der Kasanischen Kirche in Petersburg zu machen und thue Ihnen selbiges hiemit zu Kunde, damit Sie ihm die nöthigen Leute und alle Hülfe derer er bedarf leisten.

Ihr gnädiger Kaiser.

(Я поручилъ архитектору Камерону, чтобы онъ составилъ проектъ и планъ постройки Казанской церкви въ Петербургѣ, а васъ извѣщаю о томъ, чтобы вы дали ему нужныхъ людей и оказали помощь, которая ему необходима).

---

[1]) Синодскій регистраторъ Максимовъ былъ дѣйствительно обвѣнчанъ съ Катериною Клокенбергъ въ Казанскомъ соборѣ 10-го іюля 1800 года, въ началѣ девятаго часа поутру, до обѣдни, въ присутствіи оберъ-полиціймейстера Рачинскаго. О дальнѣйшей судьбѣ Максимова и его жены см. «Іезуиты въ Россіи». Морошкина: Ч. 2, стр. 9.

[2]) 130-ти пушечный корабль «Благодать» заложенъ былъ въ С.-Петербургѣ 25-го февраля 1797 года и долженъ былъ быть спущенъ 3-го мая 1800 года вмѣстѣ съ кораблями, 74-хъ пушечнымъ, «Зачатіе Св. Анны», и 72-хъ пушечнымъ, «Архистратигъ Михаилъ». Но за исключеніемъ «Зачатія Св. Анны» спускъ остальныхъ двухъ кораблей не удался.

30-го іюля 1800 года императоръ Павелъ, находясь въ Царскомъ Селѣ, внезапно призвалъ къ себѣ адмирала графа Кушелева и приказалъ ему, чтобы 1-го августа былъ въ адмиралтействѣ торжественный спускъ «Благодати». Кушелевъ боязливо замѣтилъ, что корабль еще не совсѣмъ готовъ; но императоръ ничего не хотѣлъ принимать во вниманіе и остался при своемъ повелѣніи. 31-го іюля вся императорская фамилія прибыла въ Петербургъ для присутствованія при погребеніи дочери наслѣдника цесаревича Александра Павловича, великой княжны Маріи Александровны. Послѣ похоронъ императрица Марія Ѳеодоровна въ тотъ же день отправилась въ Гатчину, а императоръ остался въ городѣ. На слѣдующій день, 1-го августа, согласно отданному повелѣнію, происходилъ спускъ «Благодати», которая на этотъ разъ сошла благополучно въ воду. Княгиня Анна Петровна Гагарина, вмѣстѣ со всѣми придворными, присутствовала при этомъ торжествѣ. Государь пробылъ въ городѣ еще до слѣдующаго дня, 2-го августа.

6.

9-го мая 1799 года.

Государь Императоръ, вслѣдствіе ежедневнаго рапорта вашего сіятельства, указать соизволилъ: 1-е) изслѣдовать, какимъ образомъ убиты въ новостроящихся казармахъ два крестьянина? не найдете ли, кто смерти ихъ виновники, и буде найдутся, то оныхъ отдать подъ судъ; 2-е) замѣтить пріѣхавшихъ изъ Витебска бывшей польской службы генералъ-адъютанта и отставнаго поручика Цехановецкихъ 1 и 2-го, чтобъ они въ городѣ праздно не проживали, и 3-е) о вновь заболѣвшихъ штабъ-и оберъ-офицерахъ къ рапортамъ прилагать маленькія особыя записочки, которая сегодня была забыта.

7.

14-го мая 1799 года.

Государь Императоръ, усмотря изъ ежедневнаго рапорта вашего, что 12 числа сего мѣсяца выпровожденъ изъ С.-Петербурга за городъ, въ Псковъ, французской націи учитель Дюмурье по повелѣнію вашего сіятельства, указать соизволилъ: спросить у васъ, кто сей Дюмурье и за что высланъ, а притомъ сдѣлать вашему сіятельству замѣчаніе, что много въ городѣ мрутъ, въ каковомъ случаѣ и нужно вамъ съ своей (стороны) взять нужныя предосторожности.

8.

26-го іюня 1799 года.

Государь Императоръ указать соизволилъ: сообщить вашему сіятельству, что, коли заболѣвшій Преображенскаго полка подпоручикъ Арбузовъ 2-й, баталіона Федорова, то, не смотря на его болѣзнь, непремѣнно велѣть ему слѣдовать съ баталіономъ въ Петергофъ, а лейбъ-гусарскаго полка штабъ-ротмистра Линденбаума, который былъ у пастьбы лошадей въ Софіѣ и по болѣзни пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, отправить обратно въ Софію, арестовавъ его за сіе и саблю прислать къ Его Императорскому Величеству, и впредь, коли баталіоны или эскадроны назначены въ походъ, то офицеровъ, одержимыхъ болѣзнію, отправлять съ ихъ командами безъ всякой отговорки.— Пріѣхавшаго въ С.-Петербургъ отставнаго генералъ-маіора Тучкова выслать изъ города въ его деревни.

9.

7-го іюля 1799 года.

Государь Императоръ соизволилъ указать: препровождаемаго при семъ отставнаго подполковника Аленина, за дерзость и сумасшествіе, посадить въ С.-Петербургѣ въ домъ сумасшедшихъ.

10.

20-го іюля 1799 года.

Государь Императоръ, по рапорту вашего сіятельства о приключившемся въ С.-Петербургѣ несчастіи, что ѣхавшая карета дѣйствительнаго камергера князя Щербатова задавила семилѣтняго сына придворнаго лакея Котельникова до смерти, указать соизволилъ: бывшихъ въ то время кучера и лакея и форейтера взять и судить уголовнымъ судомъ, яко смерто-убійцъ и, по наказаніи кнутомъ, сослать на каторгу.

III.

Предписанія графа П. А. Палена петербургскому оберъ-полицій-мейстеру Лисаневичу [1]).

1.

26 апрѣля 1799 года.

Примѣчено здѣсь въ городѣ, что не соблюдается между обитающими довлѣемая благопристойность, даже до того, что, повстрѣчаясь младшій со старшимъ, не снимаетъ шляпъ. И для того, ваше превосходительство извольте въ городѣ находящимся съ подписками объявить, дабы всѣ безъ изъятія младшій передъ старшимъ повстрѣчаясь гдѣ бы то ни было снималъ шляпу, подтвердя строго сіе наблюдать полицейскимъ чинамъ, и въ противномъ тому случаѣ не соблюдающій таковой благопристойности, чему примѣръ сего дня оказалъ коллежскій ассесоръ Шишкинъ, брать подъ караулъ, и о всякомъ тогда же мнѣ доносить для поступленія какъ съ неисполняющими повелѣній; ваше же превосходительство и съ своей стороны неупустительно за тѣмъ извольте имѣть надзоръ.

Графъ фонъ деръ Паленъ.

2.

6 мая 1799 года.

Усмотрѣно здѣсь въ городѣ, что многія дамы носятъ чрезъ плечо разноцвѣтныя ленты на подобіе кавалерскихъ; а какъ сіе ни мало имъ несвойственно, то ваше превосходительство прикажите обвѣстить съ подписками, что таковое ношеніе лентъ воспрещается, и имѣя за тѣмъ наблюденіе, естли окажется кто ослушникомъ, о таковыхъ немедленно доносить мнѣ.

Графъ фонъ деръ Паленъ.

IV.

Письма и рескрипты императора Павла фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову.

1.

С.-Петербургъ, 10-го декабря 1796 года.

Графъ Иванъ Петровичъ. Давъ уже повелѣніе наше о немедленномъ собраніи къ своимъ полкамъ и командамъ тѣхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, кои по злоупотребленіямъ, до сего вкравшимся, находились въ приватныхъ услугахъ по деревнямъ,

[1]) 17-го августа 1798 года л.-гв. Коннаго полка полковнику Лисаневичу повелѣно было быть с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ. 12-го сентября того же года Лисаневичъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ оставленіемъ при прежней должности.

дачамъ и домамъ, такъ какъ и излишнихъ сверхъ положеннаго числа денщиковъ, нужнымъ почитаю чрезъ сіе подтвердить всѣмъ инспекторамъ, въ томъ числѣ и вамъ, дабы въ дивизіи, вами командуемой, выше изложенное повелѣніе наше въ самой точности и безъ малѣйшаго замедленія исполнено было: что мы возлагаемъ на особливое ваше наблюденіе и взысканіе, пребывая впрочемъ вамъ благосклонны

(Подп.) Павелъ [1]).

2.

(Собственноручно).

С.-Петербургъ, февраля 26-го 1797 года.

Желаю знать, графъ Иванъ Петровичъ, кто изъ бывшихъ кругъ покойнаго фельдмаршала [2]) генераловъ къ своимъ полкамъ еще не поѣхали и кто въ Кіевѣ изъ нихъ, того ожидая отъ васъ есмь вашимъ благосклоннымъ.

Павелъ.

3.

(Собственноручно).

Лида, маія 16 1797.

Совѣтникъ Николевъ привѣзетъ къ вамъ свиту оставшуюся послѣ Суворова, которую изволите для препровожденія времени помѣстить въ Печерскую крѣпость, отъ куда ее до повелѣнія не трогать, приставя къ ней должную услугу къ особамъ содержащимся по крѣпостямъ. Вы меня разумѣете. Вамъ благосклонной

Павелъ.

4.

(Собственноручно).

Павловскъ, іюня 6-го 1797 года.

Сейчасъ, получа письма ваши, графъ Иванъ Петровичъ, отъ 31-го и 1-го іюня отвѣтствую, что полковника Борщева и будущихъ подобныхъ ему у себя задерживали въ крѣпости подъ арестомъ, ибо отъ меня былъ уже посланъ нарочный для учиненія того уже на мѣсто что теперь и исполняется. На сей разъ не имѣю ничего особаго вамъ сказать кромѣ увѣренія о расположеніи съ каковымъ есмь вашимъ благосклоннымъ.

Павелъ.

[1]) При воцареніи императора Павла графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ находился въ отставкѣ, имѣя съ 1773 года чинъ генералъ-аншефа. Павелъ I принялъ его снова въ службу, переименовавъ генераломъ отъ кавалеріи, и назначилъ шефомъ кирасирскаго полка, кіевскимъ военнымъ-губернаторомъ и инспекторомъ по кавалеріи. 15-го декабря 1796 года графъ И. П. Салтыковъ былъ назначенъ генералъ-фельдмаршаломъ.

[2]) Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, скончавшійся 8-го декабря 1796 года. Императоръ Павелъ, въ память великихъ его отечеству заслугъ, повелѣлъ наложить военный трауръ на три дня.

5.

(Собственноручно).

Павловскъ, іюня 7 1797.

Г. Николевъ пріѣхалъ сегодня ко мнѣ съ письмомъ отъ васъ и реестромъ къ вамъ, графъ Иванъ Петровичъ, привѣзеннымъ. Теперь вамъ предоставляю сортировать ихъ по обстоятельству, оставить ли ихъ вамъ задержавъ, или разослать по полкамъ, а кто въ отставкѣ, то домой. Ожидая о сѣмъ отъ васъ увѣдомленія, есмь вамъ благосклонный.

Павелъ.

Помѣта:
(Получ. 11-го іюня 1797 г. съ фельдъегеремъ Глаголевымъ въ Кіевѣ).

6.

(Собственноручно).

С.-Петербургъ, ноября 28 1797.

Обстоятельства требуютъ, чтобъ вы пожаловали сюда, графъ Иванъ Петровичъ; и такъ, поруча городъ, а не дивизію, старшему то есть коменданту по себѣ, сами сюда ѣхали. Вашъ благосклонный

Павелъ [1]).

Помѣта:
(Получено 6 декабря 1797).

7.

(Собственноручно).

С.-Петербургъ, генваря 12 1798.

Сынъ мой къ вамъ пишетъ о недостаткѣ въ кавалеріи лошадей и о томъ что по сѣму вамъ графъ Иванъ Петровичъ учинить надлежитъ, равномѣрно получите вы цыркуляръ о полковникѣ Козенсѣ, также получите къ себѣ и полковника Карабьина, по сличенію его дѣла съ Г. Зубовымъ, о чемъ васъ извѣстя есмь вашимъ доброжелательнымъ

Павелъ.

8.

С.-Петербургъ, 28-го января 1798 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2 Узнавъ, что нѣкоторые шефы полковъ гарнизону Московскаго увольняютъ сами себя отъ разводовъ, совѣтую всякому таковому помышлять болѣе объ исполненіи долга службы, и иногда вспоминать во время нехотѣнія быть у развода, что я и самъ вседневно у оныхъ бываю.

(Подп.) Павелъ.

[1]) Графъ Салтыковъ назначенъ былъ 29-го ноября 1792 года военнымъ губернаторомъ въ Москвѣ.

13.

(Собственноручно).

Гатчина, сентября 16 1798.

Прошу, графъ Иванъ Петровичъ, поближе примѣчать за повѣденіемъ и связями Валеріана Зубова и извѣщать меня партикулярно, ибо дѣло Дехтерева подаетъ мнѣ сумнѣніе, не было его наущеніе въ ономъ. Надѣясь на ваше ко мнѣ расположеніе, есмь вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

Помѣта:
(Получено 19 сентября 1798).

14.

(Собственноручно).

Гатчина, сентября 22 1798.

Нужно, графъ Иванъ Петровичъ, вамъ поглядѣть нѣтъ ли злоупотребленій въ построеніи въ Москвѣ казармъ. Что узнаете, напишите ко мнѣ, вашъ

Павелъ.

15.

(Собственноручно).

Гатчина, сентября 23 1798.

Имѣю я доводъ думать, графъ Иванъ Петровичъ, что Бенигсенъ у насъ не весьма усерденъ и особенно лично мнѣ, о чемъ прося приватно меня увѣдомить есмь истинно вашимъ вѣрнымъ

Павелъ.

16.

С.-Петербургъ, 21-го октября 1798 года.

Графъ Иванъ Петровичъ, посылаю при семъ къ свѣдѣнію вашему полученную сего числа депешу отъ совѣтника Лизакевича. Постарайтесь, по даннымъ отъ него извѣстіямъ, открыть, кто въ Москвѣ можетъ быть въ перепискѣ въ чужихъ краяхъ съ подозрительными людьми. Пребываю вамъ благосклонный.

(Подп.) Павелъ.

17.

С.-Петербургъ, 9-го мая 1799 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. Представленіе ваше о возвращеніи чина и кавалерскихъ знаковъ бывшему генералъ-лейтенанту Бражникову, я получилъ и удивляюсь, что вы могли сдѣлать такое представленіе, ибо слѣдуетъ вамъ знать, что лишенные чиновъ по сентенціи военнаго суда требовать сего не могутъ. Приложенное же при семъ письмо Бражникова, надорванное, какъ недѣльное, возвратить ему.

(Подп.) Павелъ.

18.

Павловскъ, 29-го мая 1799 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ и Московскій военный губернаторъ графъ Салтыковъ 2. Входя въ гоненія, кои претерпѣваетъ уже съ нѣкотораго времени отъ матери своей мой генералъ-адъютантъ князь Щербатовъ и желая прекратить оныя, какъ отъ качествъ непохвальныхъ нраву ея происходящія, захотѣлъ я для обоюднаго ихъ спокойствія отъ имени моего написать къ матери увѣщательное письмо, и въ слѣдъ за онымъ послалъ къ ней сына нарочно для сихъ причинъ. Она же, не взирая на все, что я отъ моего благоволенія располагалъ къ ея пользѣ и чести, вмѣсто ожидаемаго мною миролюбія, въ другой разъ еще проклятіе свое на него князя Щербатова наложила. Видя въ таковыхъ поступкахъ ея совершенное забвеніе всего того, что она обязана не особѣ уже моей, но моему сану, повелѣваю вамъ тотчасъ по полученіи сего ѣхать къ ней, и, ежели она въ то же самое время не проститъ своего сына, къ нему о томъ написавъ, то взять ее и отдать подъ начало въ монастырь, оглася по городу и по губерніи ея продерзостный противу сына ея поступокъ, и о всемъ безъ замедленія меня увѣдомить. Пребываю къ вамъ благосклонный.

(Пдп.) Павелъ.

Помѣта:
(Получ. 1 іюня 1799 года).

19.

Петергофъ, 18-го іюля 1799 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. Очень дурно сдѣлали, что велѣли судить штабсъ-капитана Шишкина въ ордонансъ-гаузѣ въ то время, что уже дѣло его производилось при полку, и повелѣваю вамъ, не продолжая дѣла въ ордонансъ-гаузѣ, нарядить при полку комиссію для его сужденія.

(Подп.) Павелъ.

20.

(Собственноручно).

Петергофъ, августа 2-го дня 1799.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. По притчинѣ ослушанія и продерзостей учиненныхъ въ Рязанской губерніи отъ крестьянъ генералъ-маіора Давыдова, имѣете вы здѣлать сношеніе съ рязанскимъ губернаторомъ Коваленскимъ и пошлите еще туда сколько обстоятельствами потребуется изъ полку же генерала Архарова, по тому, что полкъ сей полкъ старый и паки удобнѣе протчихъ командъ въ Москвѣ находящихся. При томъ дайте также и пристойный отрядъ артиллеріи, поруча начальство надъ всемъ ему генералу Архарову. Впрочемъ пребываю къ вамъ благосклонный.

Павелъ.

21.

Гатчина, 22-го августа 1799 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. Драгунскаго Глазенапа полку драгуна Скрипниченко и жену его Евдокію, за признаніе ими сами, что содержатъ духоборческую ересь, повелѣваю ихъ наказать кнутомъ и вырвавъ ноздри сослать на каторгу въ Екатеринбургъ. Пребываю вамъ благосклонный.

(Подп.) Павелъ.

22.

(Собственноручно).

Павловскъ, августа 18 1799.

Господину генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову 2. Въ мѣсячномъ рапортѣ Мушкатерскаго Маркловскаго 1-го полку, показывается больнымъ 9-ть Оберъ Офицеровъ и 296 нижнихъ чиновъ, то повелѣваю вамъ, узнавъ причины сего неумѣреннаго количества больныхъ, мнѣ донести. Касательно же отставнаго секретаря Тодорскаго, участвующаго въ печатаніи мнительно пожалованной звѣзды Князю Италійскому, то повелѣваю онаго содержать мѣсяцъ на гауптвахтѣ на хлѣбѣ и на водѣ. Пребываю вамъ благосклонный

Павелъ.

Помѣта:
(Получ. 25 августа 1799).

23.

Гатчина, 26-го сентября 1799 г.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. Повелѣваю вамъ по полученіи сего предписать полкамъ ввѣренной вамъ арміи, кирасирскому Каменева и Цорна, драгунскому Глазенапа и гусарскому Иванова, чтобъ они были въ готовности къ выступленію въ корпусъ генерала Лассія, какъ скоро о томъ получатъ отъ меня повелѣніе. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

24.

Гатчина, 9-го ноября 1799 года.

Господину генералъ-фельдмаршалу и Московскому военному губернатору графу Салтыкову 2. Получа сіе повелѣваю вамъ немедля живущаго въ Москвѣ отставнаго д. т. с. князя Барятинскаго изъ Москвы выслать въ тѣ самыя деревни его, въ которыхъ ему жить прежде повелѣно было. Пребываю къ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

Помѣта:
(Получ. 15 ноября 1799).

25.

Гатчина, 18-го ноября 1799 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. Отставному отъ службы сенатору князю Долгорукову дозволяя жить съ женою его и дѣтьми въ Москвѣ, повелѣваю вамъ дать ему о семъ знать. А вамъ рекомендую имѣть надъ образомъ жизни ихъ прилежный надзоръ, дабы они себѣ подобныхъ прежнимъ ихъ нескромнымъ пострѣкамъ имѣть не дозволяли. Пребываю къ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

Помѣта:
(Получ. 23 ноября 1799 г.).

26.

(Собственноручно).

Гатчина, декабря 8-го дня 1799.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ и Московскій военный губернаторъ графъ Салтыковъ 2. Все казенныя взысканія простирающіяся до тысячи рублей, тѣмъ кто онымъ подвергнутъ до наступающаго 1800 года и кои содержанные за то въ Москвѣ въ тюрьмахъ, Всемилостивѣйше прощаемъ, повелѣвая оныя съ нихъ не взыскивать и ихъ изъ подъ караула освободить. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

27.

С.-Петербургъ, 3-го февраля 1800 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. Съ удивленіемъ усматриваю я изъ донесеніевъ вашихъ, что вы въ исправленіи своей должности держитесь еще старымъ обрядамъ, которые болѣе трехъ лѣтъ стараюсь я искоренить, сіе меня тѣмъ болѣе въ васъ удивляетъ, что вы по чину вашему должны служить примѣромъ другимъ и точнымъ исполненіемъ моихъ приказаній заслуживать довѣренность, которую я вамъ оказываю.

(Подп.) Павелъ.

28.

С.-Петербургъ, 24-го февраля 1800 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. Въ донесеніи вашемъ отъ 20 февраля упоминаете вы про какую-то пожарную команду, совсѣмъ мнѣ неизвѣстную, потому что въ установленномъ мною уставѣ такого названія никакой команды тамъ не существуетъ; а можетъ быть употребляете сіе по старому обряду службы, который болѣе трехъ лѣтъ стараюсь искоренить, и съ удивленіемъ даже вижу, что вы оному держитесь, не взирая на многократные дѣлаемые мною вамъ выговоры за оное; то заключаю изъ сего, что вамъ уставъ совсѣмъ неизвѣстенъ, хотя бы онъ долженъ васъ руководствовать во всемъ до службы касающемся. Дѣлаю вамъ за сіе выговоръ и подтверждаю въ послѣдній разъ, чтобы вы исполняли ввѣренную вамъ должность сообразно моимъ установленіямъ. Неисправность же вашу примѣчаю и въ

присланномъ вами эскадронномъ росписаніи, гдѣ ротмистръ назначенъ вами ротнымъ командиромъ, а маіоръ находится въ вашей ротѣ не имѣвъ свою; то за сіе незнаніе службы сдѣланъ вамъ нонечь выговоръ при паролѣ.

(Подп.) Павелъ.

Помѣта:
(Получ. 28 февраля 1800 г.).

29.

Петергофъ, 4-го іюня 1800 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. Вслѣдствіе рапорта ко мнѣ вашего прошедшаго іюня отъ 26-го числа въ разсужденіи изобрѣтенія въ Москвѣ аптекаремъ Биндгеймомъ дѣланія сахару изъ бѣлой свеклы, и соображая важную пользу, отъ онаго произойти могущую, повелѣваю вамъ узнать отъ него Биндгейма, какое количество пудовъ сахару можетъ онъ въ годъ такимъ образомъ сдѣлать? на какомъ положеніи производить сіе согласится? Отъ себя ли вести продажу онаго, или же способъ сей открыть захочетъ, и за какую цѣну? О чемъ о всемъ обстоятельно отъ него узнайте. Важнѣйшимъ же предметомъ въ семъ изобрѣтеніи есть то, что, есть ли оное къ употребленію найдется удобнымъ, то, симъ способомъ довольствуяся, можно будетъ обойтися безъ покупки сахару отъ иностранныхъ, и вывозъ онаго изъ чужихъ край тогда прекратится. Что̀, какъ сами судить можете, принесетъ важную выгоду и прибыль. О чемъ прошу не разглашать. Пребываю къ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

Помѣта:
(Получ. 9 іюня 1800 г.).

30.

Гатчина, 14-го августа 1800 г.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. Съ удивленіемъ узналъ я, что, вопреки моимъ постановленіямъ, строевыя лошади полка вамъ ввѣреннаго были на пастьбѣ на подножномъ корму, и вмѣсто того, что по должности, на васъ возложенной инспектора всей кавалеріи слѣдовало вамъ имѣть смотрѣніе, чтобы нигдѣ не дѣлали ничего противу установленнаго, вы сами заводили таковые безпорядки противу службы въ полку вашемъ, то, не приписывая сіе иному, какъ старому обычаю не исполнять ничего предписаннаго, дѣлаю вамъ за оное выговоръ съ подтвержденіемъ, чтобы впредь подобнаго случая не случалось.

(Подп.) Павелъ.

31.

С.-Петербургъ, 30-го декабря 1800 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2. Назначивъ будущаго мая 16 числа въ Москвѣ ревю полкамъ инспекціи вамъ ввѣренной, повелѣваю вамъ предписать имъ, чтобы начали они шестинедѣльное свое ученіе за шесть недѣль до выступленія въ походъ, а тѣ, которые въ Москвѣ, до назначеннаго времени для ревю. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

Помѣта:
(Получ. 3 генваря 1801 г.).

35.

(Собственноручно).

С.-Петербургъ, генваря 22 1801.

Обѣщанные мною планы, графъ Иванъ Петровичъ, воротъ при семъ къ [redacted] посылаю. Хотя и писалъ, что думаю ихъ поставить гдѣ Тверскія Ямскія ворота, [redacted] желалъ бы отъ васъ знать мнѣніе, тутъ ли или у заставы (гдѣ бы и слѣдовало [redacted] военному порядку), или у гулянія, гдѣ были Тверскія ворота, какъ мѣсто на [redacted] и высокое. Pesé et choisissé. Есмь вашимъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Помѣта:

(Получ. 25 января 1801 г.).

36.

(Собственноручно).

Спб., генваря 29 1801.

Открылъ я, графъ Иванъ Петровичъ, переписку Г. Гр: Панина, въ которой титулуетъ онъ кн: Репнина Цинцинатусомъ, пишетъ о нѣкоторой мнимой теткѣ своей (которой у него однакоже здѣсь никакой нѣтъ), которая одна только изъ всѣхъ насъ н1 свѣтѣ душу и сердцѣ только и имѣетъ, и тому подобныя глупости. А, какъ изъ сего я вижу, что онъ все тотъ же, то и прошу мнѣ его сократить, отославъ подалѣ, да отвѣчать чтобъ онъ въ передъ ни языкомъ ни перомъ не вралъ. Прочтите ему сіе и исполните все. Есьмь вашимъ благосклоннымъ.

Павелъ [1]).

37.

(Собственноручно).

Мих: Зам: февр: 7 1801.

Въ улику того и тому о чемъ и кемъ дѣло было, посылаю къ вамъ копію съ перлустрированныхъ Панина писемъ, которыми извольте его уличить. И, какъ я уже далъ вамъ и бѣзъ того надъ нимъ волю, то и поступите уже по заслугѣ и такъ какъ со лжецомъ и обманщикомъ. Вы можете для прочтенія его къ себѣ съ надежнымъ провожатымъ на то только время привѣсти. Въ про: сіе все уже ваше дѣло, и вамъ за сіе и за него отвѣчать. Вамъ благосклонный.

Павелъ [2]).

Помѣта.

(Получ. 9-го февраля 1801 года).

[1]) Письмо это напечатано Брикнеромъ въ матеріалахъ для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (т. 5-й, стр. 650) въ совершенно искаженномъ видѣ. Второе же письмо императора Павла, отъ 7-го февраля 1801 года, по этому же поводу, совсѣмъ не напечатано.

[2]) Графъ Никита Петровичъ Панинъ, жертва ненависти графа Ростопчина, сосланъ былъ въ декабрѣ въ свое имѣніе, и затѣмъ ему было разрѣшено жить въ подмосковной (Петрово-Разумовское). Но это показалось еще недостаточнымъ его въ то время могущественному врагу. Перехвачено было письмо изъ Москвы; оно было писано однимъ путешествовавшимъ чиновникомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Петромъ Ивановичемъ

V.

Письма и рескрипты великаго князя Александра Павловича графу И. П. Салтыкову.

1.

(Собственноручно).

С.-Петербургъ, 12-го января 1798 года.

Милостивый Государь мой графъ Иванъ Петровичъ!

Государь Императоръ Высочайше указать мнѣ соизволилъ вамъ писать, что по случаю недостатку 500 съ лишкомъ лошадей въ Черниговскомъ Кирасирскомъ полку, онъ приказалъ взыскать со всѣхъ полковыхъ командировъ при командованіи которыхъ недостатки оказались, о чемъ для должнаго исполненія дано знать Военной Коллегіи и Генералъ-Прокурору; а вашего сіятельства, какъ Генеральнаго инспектора всей кавалеріи черезъ сіе увѣдомляю въ протчемъ пребываю на вѣкъ съ искреннимъ уваженіемъ

вашъ усердный

Александръ.

2.

(Собственноручно).

С.-Петербургъ, 29-го января 1798 года.

Милостивый Государь мой графъ Иванъ Петровичъ.

Дошло сведеніе до Государя что служба въ Москвѣ не стою точностію отправляется съ которой ей бы надлежало, и препоручилъ мнѣ объ ономъ съ вами отписатся.

Исполнивъ его волю за дружескій долгъ себѣ поставляю васъ остеречь что бы вы на оное взяли надлежащія мѣры съ своей стороны. Пребываю въ протчемъ на вѣкъ вамъ

доброжелательный

Александръ.

3.

(Собственноручно).

Казань, 29-го мая 1798 года.

Милостивый Государь мой графъ Иванъ Петровичъ.

При семъ прилагаю рапортъ отъ войсковаго атамана Орлова въ которомъ онъ проситъ уведомленія о числѣ лошадей нужныхъ въ драгунскіе полки, что и прошу ему доставить. Пребываю въ протчемъ на вѣкъ съ искреннимъ почтеніемъ

вашъ доброжелательный

Александръ.

4.

Гатчина, 24-го августа 1798 года.

Господину генералъ-фельдмаршалу и кавалеру графу Салтыкову 2-му.

Пойманнаго изъ бѣговъ и судимаго при санктъ-петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ Староингерманландскаго мушкетерскаго полка рядоваго Григорія Фреймана предпи-

VI.

Письма и рескрипты императора Павла графу Г. Г. Кушелеву.

1.

С.-Петербургъ, 23-го января 1799 году.

Господинъ адмиралъ и вице-президентъ Кушелевъ, съ удовольствіемъ видя пользу введеннаго вами вновь образа построенія кораблей, фрегатовъ и прочихъ судовъ, равно съ особенною прочностію, чистотою и скоростію нынѣ производимыхъ работъ, и отдавая всякую справедливость неусыпному вашему попеченію, дѣятельности и хозяйственнымъ для пользы службы распоряженіямъ, что доказывается ясно приготовляемыми нынѣ къ лѣту сего года при адмиралтействахъ: здѣшнемъ тремя кораблями, однимъ фрегатомъ и не малаго количества гребныхъ и прочихъ разнаго рода судовъ, при Архангелогородскомъ: тремя же кораблями и двумя фрегатами и при черноморскихъ: тремя кораблями, которые въ семъ же лѣтѣ и имѣютъ быть спущены на воду, за все оное изъявляемъ какъ вамъ, такъ и всей нашей адмиралтействъ коллегіи, за успѣшное со стороны ея въ семъ содѣйствіе, монаршее наше благоволеніе, а также и оберъ-сарваеру и корабельнымъ мастерамъ, при томъ построеніи находящимся и всѣмъ участвующимъ въ важномъ и полезномъ семъ дѣлѣ; надѣемся мы притомъ, что расположенные по волѣ нашей къ построенію и въ будущемъ 1800 году здѣсь и въ другихъ портахъ корабли, фрегаты и прочія суда, не оставитъ адмиралтействъ коллегія къ предположенному времени построить и спустить на воду. Пребываемъ впрочемъ императорскою нашею милостію всегда къ вамъ благосклонны.

(Подп.) Павелъ.

2.

С.-Петербургъ, 1-го января 1800 года.

Господинъ адмиралъ и адмиралтействъ коллегіи вице-президентъ Кушелевъ, видя, съ каковымъ похвальнымъ усердіемъ и съ каковою точностью по всей части дѣлъ, довѣрностію нашею вамъ порученныхъ, исправляете вы должности ваши, съ удовольствіемъ признавая чрезъ сіе издавна испытанныя преданность и вѣрность, которыя вы всегда къ особѣ нашей являли, взамѣну и награду трудовъ вашихъ, изъявляемъ мы здѣсь полное наше къ вамъ благоволеніе и увѣряя васъ въ монаршей нашей милости, пребываемъ къ вамъ благосклонны.

(Подп.) Павелъ.

3.

Павловскъ, 1-го іюня 1800 года.

Господинъ адмиралъ графъ Кушелевъ, видя, съ каковою рачительностію и успѣхомъ исправлены и содержатся дороги Царскосельская и прочія большія, близъ ея лежащія по сей части, вашему надзиранію ввѣренной, за таковой похвальный порядокъ вамъ и всѣмъ, подъ начальствомъ вашимъ по оной употребляемымъ, объявляю мое полное благоволеніе, пребывая къ вамъ благосклонный.

(Подп.) Павелъ.

изъ коихъ при всѣхъ потребныхъ издержкахъ вы не выходили, изъявляю вамъ за все оное мое совершенное благоволеніе и благодарность, пребывая въ протчемъ къ вамъ благосклонны.

(Подп.) Павелъ.

8.

(Собственноручно).

Людей я попужалъ а жаль ихъ ониже просются, было велелъ воротить и такъ не пишитѣ къ Синявину и возвратитѣ курьера.

П.

9.

(Собственноручно).

Нельзя ли употребить поболше изъ аглицкихъ кораблей на брандеры и постаратся ими флотъ ихъ встретить.

VII.

Письма и рескрипты императора Павла генералу Бенкендорфу.

1.

С.-Петербургъ, 31-го января 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ [1]).

Неспособныхъ къ службѣ военныхъ людей за старостію, или за болѣзнями, когда пожелаютъ, опредѣлять въ инвалиды на содержаніе того мѣста, въ которое они поступятъ.

(Подп.) Павелъ.

2.

С.-Петербургъ, 1-го февраля 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Донесенія ваши отъ 26-го января получа, апробуемъ предлагаемыя вами мѣры для скораго изысканія дезертировъ; сдѣлайте исчисленіе, во что станетъ построить новый экзерциръ-гаузъ, и, ежели будетъ свыше той цѣны, за которую можно купить тотъ домъ, коего планъ вы сюда прислали, то сей домъ купите. Пребываю вамъ благосклонный.

(Подп.) Павелъ.

[1]) Христофоръ Ивановичъ Бенкендорфъ занималъ мѣсто военнаго губернатора въ Ригѣ (р. 1749, † 1823). Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Аннѣ-Юліанѣ Шиллингъ фонъ-Канштатъ, подругѣ дѣтства императрицы Маріи Θеодоровны. Сынъ его, Александръ Христофоровичъ, былъ въ царствованіе императора Николая I шефомъ жандармовъ и ему было пожаловано графское достоинство.

Отецъ Христофора Ивановича, Иванъ Ивановичъ Бенкендорфъ, былъ оберъ-комендантомъ († 1762) и генералъ-поручикомъ. Жена его, Софья Ивановна, была воспитательницею великаго князя Александра Павловича.

8.

Петровской дворецъ, 16-го марта 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Изъ присланнаго отъ васъ списку проѣзжающихъ усмотрѣлъ я, что изъ полковъ, находящихся въ Ригѣ и въ Митавѣ, офицеры изъ мѣста въ мѣсто переѣзжаютъ, то вамъ за симъ имѣть крѣпкое усмотрѣніе и безъ моего позволенія ни кого неотпускать. Пребываю вамъ благосклонный.

(Подп.) Павелъ.

9.

Петровской дворецъ, 25-го марта 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Донесеніе ваше отъ 14 марта получилъ. Строеніе экзерциръ-гауза, казармъ и конюшенъ за дороговизною отмѣняю и плановъ вашихъ не апробую. Присланнаго для пріему аптеки Старооскольскаго мушкетерскаго полку фельдфебеля Елина тотъ часъ отправить обратно въ полкъ, а деньги за проѣздъ его взыскать съ генералъ-маіора Заса.

(Подп.) Павелъ.

10.

Москва, 11-го апрѣля 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Донесеніе ваше получа, жалѣю, что слабость здоровья вашего не позволяетъ вамъ пріѣхать сюда по позыву моему. Съ дѣтьми вашими ѣхать проститься вы можете, когда и насколько заблагоразсудите. Для обученія же и постановленія обряду службы полковъ, въ Ригѣ находящихся, посылается къ вамъ полковникъ Роттофъ, коему и остатся у васъ впредь до повелѣнія. Пребываю вамъ благосклонный.

(Подп.) Павелъ.

11.

Въ Яншикахъ, 20-го мая 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Есть ли бы называющая себя леди Даръ, находящаяся нынѣ въ Берлинѣ и намѣревающаяся пріѣхать въ Россію, показалася на границахъ губерніи, управленію вашему ввѣренной, вы имѣете сіе запретить въѣздъ въ оную именемъ нашимъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.

(Подп.) Павелъ.

12.

Павловскъ, 2-го іюня 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и рижскій военный губернаторъ Бенкендорфъ.

Бывшаго вольмарскаго уѣзднаго стряпчаго Гейденриха за недѣльную его къ намъ просьбу повелѣваемъ посадить на ближней гаубвахтѣ подъ арестъ на недѣлю. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

(Подп.) Павелъ.

13.

Pawlovsky, du 21 Juin 1797.

Monsieur le lieutenant général de Benkendorf.

J'ai reçu votre lettre du 15 de ce mois et c'est avec plaisir que j'approuve votre projet le trouvant conforme à mes intentions. Je destine la ville de Derpt pour l'étalissement du chapitre. Les marques distinctives des dames qui y seront admises, doivent être un ruban couleur d'orange, avec une lisière noire. La croix sera comme celle de Malthe à huit pointes, mais de couleur bleu clair. Vous m'enverrez votre projet redigé en statuts pour etre confirmé de mon seing, et vous me ferez savoir quelle doit être la somme pour les fonds de cet établissement, ou s'il ne serait pas plus avantageux d'assigner une des terres de la couronne en Livonie pour l'entretien du chapitre. Sur cela je prie Dieu qu'il vous ait en sa sainte et digne garde.

(Подп.) Paul.

14.

Павловскъ, 28-го іюня 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Препровождается къ вамъ просьба на ригскаго коменданта Толя, по коей сдѣлавъ изысканіе и собравъ точныя свѣденія, доставьте ко мнѣ. Пребываю вамъ благосклонный.

(Подп.) Павелъ.

Но какъ сія просьба подписана многими, то и возвращается яко недѣльная съ надодраніемъ.

(Подп.) П.

Приложеніе.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь и отецъ,

Федоръ Васильичъ.

Мы находимся принужденными утруждать васъ нижайшею прозьбою, аки приносящіе молитвы святому Петру, держащему ключей небесныхъ, мы продолжали службу Его Императорскаго Величества вѣрою и правдою въ армейскихъ полкахъ 25 лѣтъ и болѣе, и не токмо продолжать оную не всилахъ были за старостію, но многіе изъ насъ получили раны въ сраженіяхъ противъ турокъ и поляковъ, и для того отосланы въ Рижской гарнизонъ, дабы воспользоваться милостію нашего Великаго Государя, для полученія отставку, но ваше высокопревосходительство не повѣрите, что вмѣсто оной находимся въ каторгу, ибо господинъ комендантъ Егоръ Федоровичъ тожъ употребляетъ насъ въ профосовъ, заставляетъ чистить улицы, въ садахъ землю копать, и окончивъ оную работу послалъ насъ 155 человѣкъ сѣно косить, обѣщая намъ по пяти копѣекъ на день, гдѣ мы понынѣ находимся, а еще къ нещастію нашему отобралъ у насъ артельныхъ денегъ, которые при выключеніи изъ полковъ даны офицерамъ, которые насъ доставляли въ Ригу, и понынѣ намъ не отдаетъ, заставляя насъ питаться однимъ провіантомъ; войдите, милостивый отецъ, въ наше бѣдное состояніе и доложите о нещастіи нашемъ Всемилостивѣйшему Великому Государю Павлу Петровичу, ибо мы Его

подданные, а не комендантскіе; естли-же, батюшка, не доложите, то мы пропадать должны въ тяжелой работѣ; еще, ваше превосходительство, батюшка, осмѣливаемся донести, что провіантъ изъ магазейновъ должны мы возить на своихъ денегъ и въ гошпитали больныхъ, ибо лошадей недаетъ.

Мы просили графа фельдмаршала Эллента, который три раза коменданта призывалъ и приказывалъ насъ отправить, но онъ не слушаетъ и велѣлъ доискиваться, кто просилъ, дабы сквозь строй прогнать. Воззрите, ваше высокопревосходительство, на страдающихъ бѣдныхъ инвалидовъ, которые молить будутъ за васъ Бога и пребудемъ по смерть, Всемилостивѣйшаго Государя, вѣрные рабы, а вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшіе слуги.

За неумѣніемъ грамотѣ подписуемъ кресты.

Іюня 20 дня 1797 года
Комендантскіе луга.

Помѣта:
(Получено 5 іюля).

15.

Péterhof, 20 Juillet 1797.

Monsieur le lieutenant général de Benkendorff.

J'ai reçu votre lettre du 14 de ce mois; en approuvant sans aucune exception tout ce qui est relatif à l'Institut du Chapitre des dames en Livonie, j'ai ordonné de faire une croix qui vous sera envoyée avec le ruban, comme marques distinctives. En attendant vous n'avez qu'à prendre les arrangements necéssaires pour entrer en possession de la maison et la rendre propre à l'usage distiné. Sur cela je pris Dieu qu'il vous ait en sa sainte et digne garde.

(Подп.) Paul.

16.

Павловскъ, 26-го іюля 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и рижскій военный губернаторъ Бенкендорфъ.

Свѣдавъ, что опредѣленный изъ бывшаго украинскаго легконнаго въ Стародубовскій кирасирскій полкъ полковникъ Говенъ по нынѣ еще къ полку не явился, и считая, что онъ находится въ Ригѣ, повелѣваю вамъ тотъ-часъ его къ своей командѣ выслать, съ людьми и лошадьми, какіе съ нимъ отъ прежняго полку остаются. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

17.

Gatschina, 1 Septembre 1797.

Monsieur le lieutenant général de Benkendorff.

Je reçois avec sensibilité et bienveillance l'hommage du corps de la noblesse de Livonie que vous venez de me faire parvenir d'après le désir de tous les membres et je vous charge de leur déclarer en même temps que je souhaite que l'établissement du chapitre des demoiselles nobles nouvellement institué soit connu à l'avenir sous ce seul nom Chapitre de la noblesse Livonienne et non sous aucun autre. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait, monsieur le lieutenant général de Benkendorff, en sa sainte garde.

(Подп.) Paul.

18.

Павловскъ, 8-го августа 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Полагая всѣмъ полкамъ дивизіи Лифляндской построить казармы, препоручаю вамъ сдѣлать исчисленіе, каковая сумма на сіе потребна будетъ, полагая во оную смѣту и построеніе казармъ для двухъ гренадерскихъ полковъ и двухъ артиллерійскихъ баталіоновъ въ Ригѣ на непремѣнныхъ квартирахъ расположенныхъ, выводя изъ города гребной флотиліи команду въ селенія, внизъ и вверхъ по Двинѣ рѣкѣ лежащія. Казармы сіи полагается строить каменныя, мазанныя или деревянныя, разложивъ потребную сумму на души Лифляндской губерніи, коя чрезъ сіе избавится постою войскъ въ ней расположенныхъ. Пребывая вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

19.

Гатчина, 12-го сентября 1797 года.

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Бенкендорфъ.

Удостовѣрясь опытомъ, что нерѣдко иностранные въѣзжаютъ въ предѣлы имперіи нашей безъ пашпортовъ, предписываю вамъ накстрожайше смотрѣть, дабы впредь сего отнюдь не случалось, и для сего не иначе иностранныхъ, какого бы происхожденія они ни были, пропускать изъ за границы какъ по предъявленіи пашпорта, о выдачѣ коего вы извѣщены будете, или по особенному повелѣнію нашему. Пребывая вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

Помѣта.

(Получено 16-го сентября, рапортовано 17-го сентября).

20.

Гатчина, 29-го сентября 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и Рижскій военный губернаторъ Бенкендорфъ.

Препровождаю при семъ прошеніе рижскаго мѣщанина Пахомова съ жалобою на генерала отъ кавалеріи Нумсена о неотдачѣ должныхъ имъ просителю трехъ сотъ семидесяти шести рублей, съ тѣмъ, чтобы вы по сей жалобѣ надлежащій разборъ учинили и мнѣ объ ономъ донесли; а до полученія отъ васъ о семъ рапорта, приказано военной коллегіи остановить изъ жалованья его Нумсена въ нынѣшней трети то число денегъ, на сколько жалоба простирается. Пребывая впрочемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

Помѣта.

(Получено 5-го октября).

Приложеніе.

Его Императорскому Величеству,

Всемилостивѣйшему Государю

Павлу Петровичу.

Прошлаго 1792 года Маія 1-го дня по заключенному со мною отъ г-на генерала аншефа Федора Михайловича Нумсена контракту, при его Нейгофъ мызѣ, отъ Риги въ

7 верстахъ, вычищено мною было для сѣнокосовъ пожни 19,706 семи-футовыхъ саженей по 3 копѣйки отъ сажня, приводилось 591 рубль 18 копѣекъ, и съ котораго числа денегъ получилъ я 215 рублей, а послѣднихъ 376 рублей 18 копѣекъ по неоднократному моему требованію упрямствомъ своимъ не отдаетъ. Просилъ на него 1793 года генваря 10-го, іюля 1 и 30 его сіятельству генералъ-фельдмаршалу князю Николаю Васильевичу Репнину. Сей резолюціею приказалъ мнѣ чрезъ поданное доношеніе въ Рижскую Казенную Палату 1794 года генваря 7 дня изъ его жалованья удовольствовать; но сего не выполнено. Потомъ доносилъ на оную господамъ губернаторамъ: 1. Петру Алексѣевичу Палену 1795 года марта 14 дня; 2, Казиміру Ивановичу Мейендорфу октября 16 дня. Отъ нихъ ничего къ защищенію моему не послѣдовало рѣшенія, отъ чего я нынѣ разорюсь; по симъ обстоятельствамъ и осмѣливаюсь:

Къ Престолу Вашего Императорскаго Величества прибѣгнуть и всенижайше просить: благоволите Высочайше повелѣть ему г-ну Нумсену слѣдующіе мнѣ 376 рублей 18 копѣекъ заплатить и тѣмъ доставить мнѣ, неимущему и молящему за Престолъ Вашего Императорскаго Величества, счастія и пропитанія съ семейством моимъ.

Всемилостивѣйшій Государь,

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданнѣйшій

Вмѣсто рижскаго мѣщанина Емельяна Пахомова по его прошенію подписалъ брянской мѣщанинъ Егоръ Пахомовъ.

Сентября 5 дня 1797 года.
Г. Рига.

21.

Гатчина, 4-го октября 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Вамъ извѣстно, что я даровалъ прощеніе впавшему въ проступокъ кригсъ-цалмейстеру Ландсбергу. Предоставляю самому ему избрать способы заслужить оное. Въ слѣдствіе чего и требую отъ васъ, чтобы вы по знанію вашему состоянія сего молодого человѣка сказали мнѣ откровенно, куда его употребить можно. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

22.

По секрету.

Гатчина, 8-го октября 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

По дошедшимъ извѣстіямъ о опасной болѣзни въ Копенгагенѣ, взять вамъ нужныя мѣры съ приходящими судами къ рижскому порту. Пребываемъ къ вамъ благосклонны

Павелъ.

Приложеніе.

По секрету.

Копенгагенъ, 19 (30) сентября 1797 года.

Сейчасъ узналъ я, что на фрегатѣ, пришедшемъ недавно изъ Сентъ-Круа въ Елзенеръ, оказалась сильная заразительная болѣзнь, такъ что изъ 400 человѣкъ, составляющихъ экипажъ, около 200 уже умерло, правленіе содержитъ сіе въ тайнѣ, взявъ всѣ возможныя предосторожности для пресѣченія сего зла.

23.

Гатчина, 20-го октября 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Инженернаго поручика цесарской службы Энгельмана, пріѣхавшаго изъ Брюселіи, выпроводить съ нарочнымъ заграницу, а за поручикомъ шведской службы Цедерфелдомъ, особливо за его перепискою, имѣть строгое наблюденіе. Пребывая вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

24.

Въ Гатчинѣ, 24-го октября 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и Рижскій военный губернаторъ Бенкендорфъ.

Коль скоро прибудетъ въ Ригу графъ д'Антрагъ съ письмомъ къ вамъ отъ посла нашего въ Вѣнѣ графа Разумовскаго, повелѣваемъ вамъ отправить его въ Кострому при нашемъ письмѣ, здѣсь прилагаемомъ къ тамошнему губернатору, придавъ ему надежнаго провожатаго. Пребываемъ вамъ благосклонны

Павелъ [1]).

Приложеніе.

Гатчина, 24-го октября 1797 года.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и костромской губернаторъ Островской.

Вручитель сего, графъ д'Антрагъ, препровождается къ вамъ для пребыванія въ Костромѣ впредь до указа нашего; поступая съ нимъ вѣжливо, имѣйте наблюденіе за всѣми его поступками и, естьли что откроется заслуживающее вниманія нашего, не оставьте о томъ намъ доносить. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

(Подп.) Павелъ.

25.

С.-Петербургъ, 7-го ноября 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Донесеніе ваше отъ 31-го октября я получилъ. Аппробуя планъ казармъ, имѣете приступить къ построенію оныхъ, расположивъ поборъ денежный съ Лифляндской губерніи въ разные сроки. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

[1]) См. Pingaud: Un agent secret sous la révolution et l'empire. Le comte d'Antraigues.— Paris. 1893. p.p. 195 et 216.

26.

С.-Петербургъ, 30-го ноября 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и Рижскій военный губернаторъ Бенкендорфъ.

По случаю донесеннаго вами приключенія съ курляндскими дворянами Клопманомъ и Вигантомъ, кои, переправляясь чрезъ Двину, утонули, нужнымъ почитаю предписать вамъ, чтобъ въ то время, когда переправа черезъ сію рѣку еще опасна, въ предупрежденіе несчастій, недопускаемы были переѣзжать чрезъ оную, и что тѣ, кои берутся провожать и переправлять, отвѣтствовали за безопасность, и въ противномъ случаѣ взыскивать на нихъ, если что приключится переѣзжающимъ. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

27.

С.-Петербургъ, 10-го декабря 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Когда присланъ будетъ — или сами его найдете — къ вамъ отъ фельдмаршала князя Репнина полякъ Броніецъ, то вы отправьте его къ полковнику Шиллингу для посаженія въ Динаминдскую крѣпость. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

28.

С.-Петербургъ, 23-го декабря 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Находящагося у васъ подъ карауломъ Казанскаго кирасирскаго полку ротмистра Унковскаго отдать подъ военный судъ за похищеніе принятыхъ имъ на полкъ изъ провіантской коммисіи въ Гроднѣ денегъ 9,259 руб. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

29.

С.-Петербургъ, 23-го декабря 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Увидя изъ донесенія вашего о проѣздѣ чрезъ Ригу Сѣвскаго мушкетерскаго полку шефа, генералъ-маіора Тучкова, увѣдомьте меня, почему онъ былъ въ Ригѣ и не отлучался ли отъ своего полку. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

30.

С.-Петербургъ, 23-го генваря 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Доставьте къ свѣдѣнію моему, зачѣмъ требованъ былъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Эльмптомъ изъ Либавы въ Ригу Черниговскаго мушкетерскаго полку шефъ генералъ-маіоръ Эссенъ. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

35.

С.-Петербургъ, 11-го апрѣля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и Рижскій военный губернаторъ Бенкендорфъ.

Я поручаю вамъ имѣть особое наблюденіе за прибытіемъ въ предѣлы Россійскіе изъ-за границы называющагѳ себя слѣдующими именами: Pernaud, Duaurep и Rebours, имѣющаго злодѣйскія намѣренія, коль скоро таковой покажется, взявъ подъ караулъ, немедленно отправить къ дѣйствительному тайному совѣтнику и генералу-прокурору Куракину. Сверхъ сего повелѣваю вамъ вообще проѣзжающихъ французовъ не впускать въ предѣлы наши, не испрося предварительно на то моего соизволенія, донося колико возможно подробнѣе о состояніи того, объ комъ вы мнѣ рапортовать будете; означая точно, за чьимъ подписаніемъ пашпортъ данъ, и развѣдавъ гдѣ предъявляющій оный находился со дня полученія того пашпорта до времени прибытія его на границу нашу. Изъ сего числа исключаю тѣхъ только, кои по точному дозволенію моему отправились въ Россію, а таковые всегда въ состояніи предъявить письменный видъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

36.

Павловскъ, 25-го апрѣля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и Рижскій военный губернаторъ Бенкендорфъ.

Препровождая у сего къ вамъ копію циркулярнаго указа нашего ко всѣмъ министрамъ нашимъ, при иностранныхъ дворахъ находящимся, поручаемъ вамъ взять надлежащія мѣры осторожности, соображаясь съ содержаніемъ того указа, и пребываемъ вамъ благосклонны

(Подп.) Павелъ.

Приложеніе.

Копія циркулярнаго указа Его Императорскаго Величества ко всѣмъ посламъ и министрамъ отъ 24-го апрѣля 1798 года.

Господинъ N. N. Желающимъ пріѣхать въ нашу Имперію всякаго роду иностранцамъ повелѣваемъ отъ нынѣ впредь не давать пашпортовъ для свободнаго въѣзда въ предѣлы наши не получивъ на то предварительнаго Нашего дозволенія, которое вы при донесеніяхъ своихъ можете у Насъ испрашивать. Изъ сего числа исключаются тѣ: 1-е) кои имѣютъ какую либо коммиссію отъ своихъ Государей; 2-е) курьеры и 3-е) люди весьма извѣстные, знатной породы или же въ большихъ чинахъ состоящіе. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною Его Императорскаго Величества рукою тако

Павелъ.

Въ Павловскѣ
Апрѣля 24-го 1798 г.

37.

Павловскъ, 26-го апрѣля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Въ слѣдствіе донесенія вашего отъ 20-го апрѣля желаю знать, по какимъ пашпортамъ пріѣхали изъ Кенигсберга въ Ригу католицкіе попы Функъ и Фирниовичъ. Указъ же мой отъ 25-го сего мѣсяца служить долженъ правиломъ вамъ на случай прибытія вообще иностранцевъ въ предѣлы наши. Пребываю вамъ благосклонный

Павелъ.

38.

Павловскъ, 29-го апрѣля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Въ слѣдствіе донесенія вашего отъ 22-го апрѣля, дозволяя вамъ осмотрѣть полки порученной вамъ теперь инспекціи, соглашаюсь и на время, кое вы для онаго избрали. Притомъ же повелѣваемъ вамъ сообщить гражданскому губернатору, дабы за поведеніемъ проѣхавшаго изъ Митавы чрезъ Ригу въ Фелинъ бранденбургскаго уроженца табашнаго фабриканта Фридриха Виде имѣть смотрѣніе. Пребывая вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

39.

Павловскъ, 29-го апрѣля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

По дошедшему ко мнѣ рапорту отъ Перновскаго коменданта Зубкова, извѣстился я, что перновскій купецъ Мельцеръ, ѣхавъ очень скоро по улицѣ на дрожкахъ, раздавилъ полугодоваго мальчика. За каковую его неосторожность повелѣваю вышеписаннаго купца Мельцера посадить въ Динаминдскую крѣпость на шесть недѣль на хлѣбъ и на воду. Пребываемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

40.

Москва, 14-го маія 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

По донесенію вашему отъ 1-го маія пріѣхавшаго изъ Берлина въ Ригу француза Дебонуаръ, нанявшагося къ дѣйствительному статскому совѣтнику Каверину, пропустить въ Москву я позволяю. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

41.

Ярославль, 4-го іюня 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Препоручаю вамъ имѣть надзираніе за поведеніемъ принца Бирона, который переведенъ подпоручичьимъ же чиномъ изъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку въ гарнизонный генералъ-маіора Булгакова полкъ. Пребывая вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

42.

Городъ Весьегонскъ, 6-го іюня 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Въ слѣдствіе донесенія вашего отъ 29 маія пріѣхавшаго изъ Берлина французской націи королевскаго прусскаго каммергера графа Луи Шарль Валмалитъ-де-Маргзона повелѣваю вамъ выслать заграницу. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

43.

Павловскъ, 11-го іюня 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Съ пашпортомъ, даннымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Панинымъ, прибудетъ въ Ригу маркизъ де-Сентъ-Мексанъ; вы ему объявите по пріѣздѣ его, что онъ можетъ жить въ Ригѣ до тѣхъ поръ, доколѣ скромнымъ поведеніемъ и образомъ своихъ мыслей сохранитъ онъ то доброе мнѣніе, которое я объ немъ имѣю. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

44.

Павловскъ, 13-го іюня 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Агличанина, называемаго Ramsay, прибывшаго недавно изъ Англіи и нынѣ находящагося въ Ригѣ по причинѣ болѣзненныхъ припадковъ, повелѣваемъ не высылать заграницу, а напротивъ объявить ему, что онъ, будучи здѣсь весьма извѣстенъ добрымъ своимъ поведеніемъ, можетъ ѣхать куда заблагоразсудитъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

(Подп.) Павелъ.

45.

Павловскъ, 28-го іюня 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и Рижскій военный губернаторъ Бенкендорфъ.

Развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка, поправшія законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ, разсѣянныя въ нѣкоторой части Европы, обратили вниманіе наше, устремленное всегда и во всѣхъ случаяхъ на благоденствіе вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, которые желая сохранить во всегдашней тишинѣ и спокойствіи, приняли мы всѣ мѣры къ отраженію зла отъ предѣловъ Имперіи нашей строгими предписаніями пограничнымъ нашимъ губернаторамъ о наблюденіи за всѣми тѣми, кои въ Имперію нашу пріѣзжать пожелаютъ; а дабы при всемъ томъ споспѣшествовать торговлѣ, коей цвѣтущее состояніе и всевозможное распространеніе есть изъ первыхъ нашихъ попеченій, признали мы за нужное, не нарушая ни единаго изъ средствъ, прямые торговые обороты составляющихъ, установить въ разсужденіи пріѣзда въ Россію иностранныхъ особое еще наблюденіе, поставляя оное въ томъ—первое: чтобы всѣ отправляющіеся въ Имперію нашу чужестранцы, какимъ въѣздъ дозволяется для пристани или долговременнаго по торгамъ пребыванія, всенепремѣнно имѣли у себя рекомендательныя или поручительныя письма отъ

48.

Петергофъ, 9-го іюля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Прибывшей недавно въ Ригу швейцарской націи называющейся Simonin дозволяя имѣть пребываніе въ Россіи, повелѣваю пропустить въ С.-Петербургъ. Пребывая въ прочемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

49.

Петергофъ, 13-го іюля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

По пріѣздѣ Дюка де-Бери въ Ригу соблюдите все то, что уставомъ предписано касательно его званія; но между тѣмъ внушите ему, что желаніе мое есть, чтобы онъ ѣхалъ въ Митаву. Впредь же о всемъ доносите прямо мнѣ, какъ и въ этомъ случаѣ вы должны были это сдѣлать. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

50.

Петергофъ, 14-го іюля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ, Ригскій военный губернаторъ Бенкендорфъ!

Прибывшей къ ригскому гражданскому губернатору статскому совѣтнику Рихтеру изъ Прусской Швейцаріи дѣвицѣ Дюпонъ повелѣваемъ дозволить въѣхать въ предѣлы имперіи нашей и снабдить ее должнымъ паспортомъ. Пребываемъ вамъ благосклонны

(Подп.) Павелъ.

51.

Петергофъ, 21 іюля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ, Ригскій военный губернаторъ Бенкендорфъ.

Пріѣхавшаго въ Палангенъ изъ Вѣны актера Бернарта, приглашеннаго директоромъ Ригскаго театра Мейеромъ, повелѣваемъ вамъ снабдить надлежащимъ пропускомъ въ предѣлы имперіи нашей. Пребываемъ вамъ благосклонны

(Подп.) Павелъ.

52.

Петербургъ, 29-го іюля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Узнавъ изъ донесенія тайнаго совѣтника графа Панина, что наслѣдный принцъ Гессенъ-Рейнфельтскій съ находящимися при немъ камергеромъ барономъ Вурмсеромъ и служителями отправился въ Россію, я поручаю вамъ объявить тому принцу, что хотя графъ Панинъ и далъ ему пашпортъ въ уваженіе знатной его породы, но что я конечно съ удивленіемъ узнаю, что онъ предпринялъ путь сей, не испросивъ предварительно согласія моего, ибо въ семъ случаѣ вы бы имѣли мои по-

55.

Гатчина, 22-го сентября 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бенкендорфъ.

Коль скоро прибудетъ въ Ригу шведскій уроженецъ Захрисонъ, ѣдущій изъ Стокгольма по пашпорту статскаго совѣтника Васильева, объявите ему, чтобы выѣхалъ немедля немало изъ имперіи моей. и тогда же о томъ сообщите канцлеру моему князю Безбородку. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

56.

Павловскъ, 30-го мая 1799 года.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Бенкендорфъ.

Въ полученномъ мною отъ генералъ-лейтенанта Булгакова рапортѣ о проѣзжающихъ показанъ пріѣзжимъ въ Ригу изъ Аренсбурга провинціальный секретарь Габріельсъ, по моему повелѣнію и по его подорожней тамошняго коменданта генералъ-маіора Тарбѣева; но какъ я подобнаго повелѣнія никогда не давалъ, то повелѣваю вамъ изслѣдовать сіе, и что найдено будетъ меня увѣдомить. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

P. S. Узнайте, что за человѣкъ Вильгельмъ Мокевскій, пріѣхавшій изъ Сентъ-Піольтена, и какой пашпортъ у него за подписаніемъ генерала Розенберга, и до послѣдованія сего содержите подъ карауломъ.

(Подп.) Павелъ.

57.

Павловскъ, 7-го августа 1799 года.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Бенкендорфъ.

Присланнаго къ вамъ генераломъ Ласіемъ отставленнаго отъ службы генералъ-лейтенанта Домбровскаго повелѣваю вамъ посадить въ ригскую цитадель и содержать его тамъ впредь до моего повелѣнія. А датской службы отставной корнетъ Дау остаться можетъ въ Ригѣ, но въ С.-Петербургъ его не пропускать. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

58.

Гатчина, 24-го августа 1799 года.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Бенкендорфъ.

Снисходя на прошеніе генерала-маіора Эмме о назначеніи оставшейся въ Ригѣ больной его женѣ съ дѣтьми квартиры съ дровами, повелѣваю вамъ, буде нѣтъ въ семъ городѣ или предмѣстіяхъ онаго свободнаго казеннаго дома, въ коемъ помѣстить бы ее можно было, нанять таковую квартиру на счетъ мой, и о платежѣ за оную относиться къ управляющему кабинетомъ дѣйствительному тайному совѣтнику Донаурову. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

4.

С.-Петербургъ, 23-го февраля 1797 года.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи графъ Эльмптъ.

Вслѣдствіе донесенія вашего о похищеніи казны надъ кригсъ-цалмейстерами Ландсбергомъ и Окуловымъ нарядить и производить строжайше военной судъ, имѣнія ихъ отданы въ секвестръ, а и находящееся у нихъ все описать, дабы могло служить въ замѣну. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

5.

Москва, 30-го апрѣля 1797 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Эльмптъ.

Въ подтвержденіе прежде даннаго повелѣнія всѣхъ воинскихъ чиновъ, опредѣляющихся въ службу или удостоенныхъ повышенія по оной, какого бы чина и званія не были, приводить къ присягѣ всякой разъ не иначе какъ подъ знаменами, наблюдая притомъ, чтобъ приводимый къ присягѣ, имѣя распростертую вверхъ руку, другою держался бы за знамя. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

6.

Павловскъ, 6-го іюня 1797 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Эльмптъ.

По дошедшему ко мнѣ свѣдѣнію, что отъ полковъ представляются къ отставкѣ нижніе чины такіе, кои еще могутъ и должны продолжать военную службу, нужнымъ нахожу предписать всѣмъ инспекторамъ, дабы они, по долгу и званію своему, въ отвращеніе всякаго злоупотребленія и чтобъ люди годные къ службѣ не выходили изъ оной преждевременно, представляемыхъ въ отставку самолично свидѣтельствовали, и о послѣдствіяхъ въ томъ меня рапортовали; о чемъ къ непремѣнному исполненію и вамъ предписываю. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

7.

Павловскъ, 8-го іюня 1797 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Эльмптъ.

Получа отъ васъ рапортъ отъ 3-го сего мѣсяца, я долженъ вамъ сказать, что генералъ-маіоръ Толь имѣлъ право арестовать маіора Липинскаго, какъ офицера своего полку. Происшествіе сіе совсѣмъ до васъ не касалось, и вы напрасно объ ономъ меня рапортовали, почему и рекомендую впредь въ чужія дѣла не мѣшаться. Вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

8.

Петергофъ, 23-го іюня 1797 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Эльмптъ.

По несоглашенію дворянъ Курляндской губерніи построить по примѣру прочихъ россійскихъ городовъ казармы повелѣваю находящіяся на квартирахъ въ той губерніи войска расположить по всѣмъ генерально мызамъ, наблюдая только то правило, чтобъ роты не были разбиты, и по исполненіи сего доставить мнѣ роспись, гдѣ именно какія войска расположатся. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

9.

Петергофъ, 18-го іюля 1797 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Эльмптъ.

Имѣете вы предписать всѣмъ шефамъ полковъ, подъ инспекціею вашею находящихся, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ позволяется дѣлать отпуски по уставу, то есть, отпуская по такому числу рядовыхъ изъ роты, чтобъ изъ каждой могло ходить по двадцати человѣкъ въ сутки на караулъ, раздѣляя ихъ на четыре смѣны, дабы каждый человѣкъ имѣлъ двѣ или три ночи свободныхъ, причисляя къ тому обыкновенный недостатокъ больныхъ. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

10.

Павловскъ, 25-го іюля 1797 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Эльмптъ.

Прилагая при семъ копію съ указа, даннаго отъ меня генералу-лейтенанту и рижскому военному губернатору Бенкендорфу о немедленной высылкѣ изъ Риги полковника Говена къ его полку, повелѣваю и вамъ то же исполнить и меня рапортовать. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

11.

Павловскъ, 3-го августа 1797 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Эльмптъ.

Солдатъ, во время своего отпуску не будучи на службѣ, не долженъ получать жалованья и провіантъ. Слѣдственно, слѣдующее отпускнымъ жалованье равномѣрно и провіантъ оставлять въ полкахъ и записывать въ книгу. Пребываю вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

12.

Гатчина, 1-го октября 1797 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Эльмптъ.

Свѣдавъ чрезъ донесеніе лифляндскаго губернатора, что во время бывшей на мызѣ Аудернъ ярмонки произошла драка между крестьянами и Сѣвскаго мушкетерскаго полку солдатами, изъ коихъ одинъ убитъ до смерти, и что со стороны гражданской

производится о семъ происшествіи на мѣстѣ изслѣдованіе, и уже изъ крестьянъ шесть человѣкъ взяты подъ стражу,— повелѣваю вамъ и со стороны воинской немедленно произвесть строгое и точное слѣдствіе для изысканія, не подали ли сами полковые служители причины къ такой дракѣ; и ежели кто изъ нихъ виновнымъ найдется, таковыхъ предать суду по законамъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

13.

Гатчина, 4-го октября 1797 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Эльмптъ.

По случившемуся безпорядку въ мызѣ Аудернъ, гдѣ расположена одна рота Сѣвскаго мушкетерскаго полку, повелѣваю вамъ произвести слѣдствіе и стараться непремѣнно открыть, кто виновникъ оному: военно-служащіе ли или же жители той мызы и окольныхъ мѣстъ, на ярмонкѣ тогда бывшіе, дабы съ виновными поступлено было по всей строгости законовъ. Приписывая же по большей части таковые безпорядки извѣстному мнѣ поведенію шефа того полку, я опредѣлилъ въ оный генералъ-маіора Тучкова, которому и повелѣніе мое отправилъ о скорѣйшемъ прибытіи въ Перновъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

14.

С.-Петербургъ, 31-го декабря 1797 года.

Господинъ генералъ-фельдмаршамъ графъ Эльмптъ.

Удивляясь представленію вашему объ отставкѣ капитана Омана, бывшаго адъютантомъ при генералѣ-отъ-инфантеріи графѣ Зубовѣ, желаю знать, почему вы его представили, коего вмѣсто отставки велѣлъ я исключить.

(Подп.) Павелъ.

IX.

Рескриптъ императора Павла графу Буксгевдену.

Павловскъ, 27-го апрѣля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и санктпетербургскій военный губернаторъ графъ Буксгевденъ. Содержащагося въ полиціи за долги престарѣлаго закройщика Мейера прикажите тотчасъ освободить, хотя на мою поруку, объявя ему, что дѣло его о домѣ, отданномъ несравненно въ меньшей суммѣ, нежели въ какую онъ оцѣненъ, и то одному только кредитору, когда двадцать два человѣка другихъ заимодавцевъ оставлены безъ удовлетворенія, я повелѣлъ Сенату разсмотрѣть безъ очереди. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

(Подп.) Павелъ.

2.

St.-Pétersbourg. Ce 17 Janvier 1801.

Mon cher marquis. Occupé actuellement des moyens de défense contre les anglais, vous m'êtes absolument nécessaire avec votre flotille pour laquelle vous prendrez uniquement ce qui est marine et je vous en enverrai ce qui me restera de la défense de Cronstadt. Je compte que vous pourrez monter les deux tiers de tout, que vous armerez le plus tôt que la saison vous le permettra et vous attendrez tant la débâcle que l'arrivée des anglais; dès que vous en serez instruit vous vous posterez de manière à les recevoir chez vous, mais de manière à n'en être point bloqué et en vous ménageant une sortie couverte pour les suivre dans leur mouvement contre les côtes, que vous suivrez en les inquiétant et attaquant continuellement jusqu'à Susterbecq s'ils s'y portaient, où vous rencontrerez déjà une position qui y commence sur terre par un corps de trois bataillons et autant d'escadrons et sur mer par une ligne de la flotille en position dans le сѣверной фарватеръ, soutenue d'une autre derrière composée de vaisseaux embossés avec une reserve de la flotille en colonne mobile à pouvoir se rencontrer avec vous. Je ne vous parle point du reste des dispositions faites pour l'autre côté, mais elles sont dans le même genre, ayant la côte de l'autre côté comme le фарватеръ garni dans le même genre. J'ai pris Cronstadt pour centre du système, l'aile gauche est appuyée contre la campagne de Greigh et l'aile droite va de Cronstadt contre la pointe de Дубки à Susterbecq où commandera le général des cosaques Orlof. Je vous enverrai dans peu le denombrement de ce que je pourrais vous détacher pour vous renforcer. Je compte sur votre zèle et vos talents et vous sur mon affection.

Paul.

XIII.

Письма и рескрипты императора Павла 1800 года по шведскимъ дѣламъ.

1.

St.-Pétersbourg. 22 Janvier 1800.

A Sa Majesté le Roi de Suède.

Monsieur Mon Frère et Cousin. Mon ambassadeur auprès de Votre Majesté m'ayant fait le rapport de la communication qu'elle a bien voulu lui faire de la nécessité de convoquer les états dans la ville de Norköping, et de la confiance que Votre Majesté place dans l'attachement que je lui porte, je crois nécessaire en répétant les mêmes assurances que je lui ai données par ma lettre du 8 Décembre, de lui offrir les 14,000 hommes de mes trouppes actuellement en quartier d'hiver dans les îles de Jersey et de Guernsey, et qui doivent retourner aussitot que la navigation sera ouverte dans les ports russes de la Baltique. Si vers cette époque les circonstances ou les événements auxquels la tenue des états pourrait donner lieu, fussent telles que Votre Majesté se trouvât dans le cas d'avoir besoin d'une force armée à sa disposition, alors

4.

С.-Петербургъ, 22-го января 1800 года.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. Съ полученія сего извольте, забравъ на эскадры, подъ начальствомъ вашимъ состоящія, войска наши, находящіяся на островахъ Гернзеѣ и Жерзеѣ, слѣдовать къ берегамъ шведскимъ и быть въ точномъ повелѣніи короля шведскаго, доколѣ надобность въ томъ настоять будетъ. О чемъ и къ генералу-отъ-кавалеріи графу де Віоменилю повелѣніе дано. Пребываемъ вамъ благосклонны.

(Подп.) Павелъ.

5.

St.-Pétersbourg. 22 Janvier 1800.

Monsieur le conseiller privé baron de Budberg. J'ai reçu vos dépêches en date du 6 de ce mois. Le courier arrêté par les glaçons à Aland est porteur des ordres que vous aurez probablement exécutés déjà, et pour répondre encore davantage à la confiance que le Roi de Suède me témoigne, je mets à sa disposition le corps de 14,000 hommes de mes troupes actuellement en quartier d'hiver à Jersey et Guernsey, et qui doivent retourner au printemps dans mes ports de la Baltique. Je fais passer dans ma lettre à Sa Majesté Suédoise trois rescrits, au comte Worontzow, au comte de Viomesnil et au vice-amiral Makarow. Ils ont ordre d'exécuter ceux que le Roi de Suède leur donnera, en embarquant les trouppes pour les transporter dans tel port ou lieu qu'il lui plaira d'indiquer dans ses États. Il faudra seulement qu'en cas de nécessité on envoyât d'avance ces rescrits avec les instructions de Sa Majesté Suédoise en Angleterre et que vous m'en donniez connaissance dans le temps. Je ne vous donne aucune instruction relativement à votre conduite pendant la tenue des Etats à Norköping; ne perdez pas de vue les intérêts du Roi et prouvez lui la sincérité de mes sentiments par la vigilance que vous devez mettre à ce qu'il ne soit porté aucune atteinte ni à sa dignité, ni à ses droits. J'ai donné ordre au département des affaires étrangères de vous faire passer la somme destinée pour votre traitement extraordinaire, en se reglant sur ce qui a été assigné antérieurement dans de pareils cas. Sur ce je prie Dieu etc.

(Signé) Paul.

J'ai obtenu aujourd'hui ma première entrevue avec le ministre français de Beurnonville, après avoir fait ensemble avec M-r de Krüdener ma première visite de civilité à son excellence le comte de Haugwitz, lequel instruit de ma commission nous donna les assurances les plus fortes des bonnes dispositions du Roi, son maître, pour coopérer à tout ce qui peut être agréable aux désirs de Votre Majesté.

Je ne cache point à Votre Majesté que je n'ai vu qu'avec beaucoup de satisfaction cette fierté républicaine, jadis si farouche, s'adoucir et prendre sur la physionomie de ce ministre ce ton de politesse, qui caractérisait les vieux français, et cet accueil me mettant à mon aise, j'ai cru pouvoir me permettre de lui dire, que je venais pour le remercier du beau cadeau que lui et ses compatriotes avaient bien voulu faire à Sa Majesté l'Empereur, mon maître, en lui restituant des braves gens, dont ils connaissaient si bien eux-mêmes la valeur; que la meilleure preuve que Sa Majesté pouvait leur donner de sa satisfaction à cet égard, c'était d'avoir choisi un vieux militaire, jadis républicain lui-même, pour être l'organe de sa reconnaissance.

Il m'assura alors combien il était pénétré, pour sa personne, de satisfaction d'avoir enfin trouvé une porte ouverte au rapprochement plus intime de deux puissances que leur local éloigné, leur puissance et leur intérêt réciproque, avaient destiné pour s'estimer et s'unir l'un l'autre. Que le gouvernement et le Premier Consul partageaient ces sentiments avec lui; sautant ensuite rapidement sur les événements passés qui avaient désolé sa patrie, dégoûté les honnêtes gens tout bon français comme lui, et effarouché l'Europe entière, il en fit un tableau qui paraissait prouver qu'il était bien loin de partager les sentiments de l'ancien jacobinisme; appuyant ensuite beaucoup, et avec aigreur, sur la perfidie anglaise et la mauvaise foi des autrichiens, qui n'avaient jamais cessé de fomenter et d'alimenter le désordre, dont ils cherchaient avec un acharnement continuel à tirer parti pour écraser la France, il attribua à leurs menées la source de tous les malheurs arrivés à la maison de Bourbon, comme aussi le dernier complot, qui vient d'éclater pour assassiner le Consul Bonaparte, et finissant par avouer que dans cet état de combustion intérieure où flottaient les reines d'un gouvernement, incertain et peu stable, il devait être difficile aux gouvernemens étrangers de prendre confiance aux négociations; mais qu'actuellement que le régime du gouvernement français était solide, purifié des principes de propagande, et la régie entre les mains d'un seul homme, d'un caractère grand et loyal, il espérait qu'on pouvait s'y fier pour s'acheminer à une paix, qui seule peut faire le bonheur de l'humanité à cette époque.

Je saisis cet instant pour lui dire que certainement c'était cette rage de jacobinisme, de déclarer la guerre à tout les souverains de l'Europe, non seulement à leurs puissances, mais à leurs personnes, qui avait armé contre eux un prince trop loyal et généreux pour souffrir tranquillement de voir ses voisins et alliés exposés à être ravagés par de pareils principes, aussi dangereux pour la sureté de l'Europe entière; mais aussi qu'il a du s'apercevoir, qu'aussitôt que Sa Majesté Impériale s'étant aperçu que les vues de ses alliés n'étaient pas si pures que les siennes propres, il n'avait pas hésité de retirer ses troupes d'une coalition, que les principes de sa modération ne permetteront jamais de devenir nuisible à personne, et me servant ici des termes propres que la dernière instruction de Sa Majesté Impériale m'autorisait à mettre en avant, sans cependant me permettre d'avouer encore que j'en avais le pouvoir, je lui fis sentir comme par réflexion que, les choses étant arrivées à ce terme, Sa Majesté dégoûté d'un côté de la mauvaise

rien pour moi à faire ici, je m'empresserai de partir pour Bruxelles aussitôt que les lettres de change, dont la dernière lettre de son excellence le comte de Rostopschin fait mention, seront arrivées au baron de Krüdener, qui me mettront à même de prendre les arrangements nécessaires avec lui pour l'exécution de cette commission.

2.

Берлинъ, 1-го ноября 1800 года.

Sire,

Nous entrâmes d'abord en matière sur cet article [1]) sur lequel il me donna toutes les facilités que je pouvais désirer pour leur organisation selon l'intention de Votre Majesté, insistant cependant comme il l'avait fait la première fois, que s'il pouvait exister quelques objections, qu'à mon arrivée à Paris, qu'il avait déjà annoncée au Premier Consul, j'arrangerai tout cela dans un quart d'heure avec lui; tombant ensuite sur l'objet d'un rapprochement plus intime entre les deux puissances (qui, en touchant aux deux extrémités du globe, dit-il, sont faites pour le dominer), il avança en termes exprès: «qu'il n'était pas venu à Berlin pour autre chose; que rassuré sur la bonne harmonie d'une cour dont les intérêts se trouveraient en ce moment si liés avec le sort de la France, sa mission n'avait eu essentiellement pour objet que de se procurer parlà un rapprochement également solide avec la Russie».

Il me communiqua là-dessus confidentiellement ses pleinpouvoirs du Premier Consul, conçus en termes amples et précis pour traiter sur tous ces points.

Ici je crus le moment propre de lui faire confidence pour confidence, en prenant sur moi de lui faire part de la dernière instruction de Votre Majesté Impériale qui m'autorise à déclarer ses intentions pour entretenir une bonne harmonie stable et permanente, ajoutant que dans des dispositions aussi favorables Sa Majesté ne se refuserait sûrement pas de coopérer conjointement avec la Prusse à déterminer une paix solide et générale au bonheur de tous, aussitôt que ses désirs annoncés seraient remplis.

Cependant, ajoutai-je: «permettez, général, de vous observer en toute amitié, qu'on ne peut pas trop se fier, me semble, à vos vraies intentions; l'invasion nouvelle en Toscane, par exemple, au moment même ou vous traitez de la paix, n'est pas trop rassurante". M-r de Beurnonville s'empressa ici de justifier cette action, en rejettant la faute de cet événement sur l'insurrection des habitants, qui menaçait la tranquillité de l'armée, ajoutant qu'il venait par ordre de son gouvernement de faire la même déclaration à M-de Haugwitz, qu'il avait chargé de la communiquer à m-r de Krüdener, ce qui a été fait hier, et que cela n'altérerait en aucune manière la bonne harmonie établie.

J'observais encore «que le séjour de m-r de Cobenzl à Paris, ses complaisances, ses insinuations et les sacrifices déjà faits de l'intégrité de l'Empire, d'une Cour qui ne respecte aucune considération pour bien faire ses propres affaires, pourrait peut-être bien faire changer de ton à son gouvernement, assez disposé à hausser les voiles selon le vent».

[1]) Второе свиданіе Спренгпортена съ Бернонвилемъ началось обсужденіемъ различныхъ вопросовъ, касавшихся сосредоточенія въ Брюсселѣ русскихъ войскъ.

«Non», dit-il, «croyez que depuis que nous sommes heureusement purgés de cette malheureuse propagande, qui voulait la guerre à toute la terre, nous ne désirons rien si ardemment que la paix!»—«Même avec l'Angleterre?» «Oui, monsieur, si nous pouvons l'obtenir sous des conditions acceptables.—Et quant à m-r de Conbenzl», dit-il, «instrument de Thügut, je suis persuadé, qu'il n'est venu que pour nous amuser; mais il ne trouvera point des dupes».

La conversation prenant ici un ton d'intimité plus prononcée, je crûs devoir hazarder une discussion plus droite à la chose.

«Vous voulez donc la paix avec l'Angleterre, lui dis-je, mais comment l'obtiendrez-vous? Votre marine est presque détruite, vos ressources doivent être gênées».

«Ne le croyez pas, monsieur, nous espérons encore, conjointement avec l'Espagne, d'activer une flotte respectable; nous mettrons avec cela une armée en Irlande. C'est à Vous puissances du Nord, si Vous entendez bien vos intérêts, de faire le reste, et nous mettrons ces arrogants despotes de toutes les mers à la raison».

Il s'étendit ici avec beaucoup de force et même avec une suite qui me fit croire que les principes de ce raisonnement étaient prevenus et arrangés d'avance, sur le danger de laisser aux anglais le moindre pied dans la Méditerranée; que Malte entre leurs mains rendrait nuls tous les avantages que l'Empire de Russie réuni avec la France pourrait espérer de retirer de la liberté des Dardanelles et de la possession de l'Egypte. Et se pressant de nous faire connaitre l'avantage que pourrait nous procurer un traité de commerce par la mer Noire, il prononça distinctement son voeu de pouvoir traiter sur tous ces objets réunis avec m-r de Krüdener, ou enfin avec celui que Votre Majesté Impériale choisirait pour être l'interprête de ses intentions.

«Pour vous, général, me dit-il, vous irez à Paris. Vous verrez Bonaparte, les démarches de Cobenzl, vous profiterez de tout et vous leverez sur les lieux toutes les difficultés qui pourront empêcher une paix qui doit enfin donner le bonheur et le repos à l'Europe.

Je lui répondis «que mes instructions n'allaient pas plus loin que d'être le porteur des bonnes intentions de Sa Majesté Impériale, mon Maitre, pour s'entendre avec la République; que mon voyage jusqu' à Paris, s'il devenait nécessaire, ne pouvait être qu'une suite de mesures à prendre ou à négocier pour la formation de nos prissonniers et leur destination ultérieure, réunis avec les autres troupes de Sa Majesté en Italie, mais que je ne manquerai pas dès ce soir d'en rendre compte par exprès à Sa Majesté Impériale de tout ce qui s'est passé entre nous, l'assurant de ma satisfaction particulière d'avoir trouvé tant de bonne foi et de franchise dans les procédés d'un ministre, qui selon toute apparence serait l'instrument de la fin de cette négociation, comme il en avait été le commencement».

Ayant ainsi rempli mon devoir à cet égard, je soumets le reste, Sire, aux ordres suprêmes de Votre Majesté Impériale.

Croyant qu'il ne me reste plus rien à faire ici, ni de meilleur parti à prendre pour répondre aux intentions de Votre Majesté que de me rendre à Bruxelles, où la plus grande partie de nos troupes doivent déjà se trouver sur le lieu, pour y prendre les dispositions préalables à leur organisation, je compte, sans attendre plus longtemps l'argent destiné à cet objet, de partir lundi prochain avec la petite ressource qui me reste encore dans ma bourse, en indiquant à son excellence le baron de Krudener ma route, pour que le courrier qui en sera le porteur puisse m'y atteindre.

3.

Берлинъ, 6-го ноября 1800 года.

Sire,

Comme j'ai le bonheur de lui adresser cette lettre directement et en mains propres, j'écrirai, Sire, dans l'effusion de mon coeur, disant avec franchise tout ce que je sais, aussi bien que tout ce que j'ai pensé moi-même sur l'ordre des choses actuelles; il n'y a personne ici, Sire, qui compatisse pour le sort de l'Autriche comme de raison, et qui ne soit indigné de sa conduite, tour à tour faible et menaçante, perfide et relachée! On est encore moins anglais: l'arrogance du cabinet de St.-James rebute tout le monde, et la nouvelle démarche ferme et décisive du Roi, en s'emparant de Couxhaven, jusqu'à ce qu'on lui rendra justice sur la piraterie exercée sur son pavillon (comme V. M. doit déjà le savoir) est la marque certaine qu'on n'est nullement disposé ici à se soumettre aux vexations de cette nation. M-r Haugwitz s'est expliqué là-dessus dans une conversation qu'il eut avec moi confidentiellement, d'une manière la plus expresse le desir du Roi de nouer un contrepoid efficace en liant la France et l'Espagne aux intérêts du Nord. Les dispositions du Premier Consul se montrent actuellement les plus favorables pour saisir cet instant. M-r de Beurnonville m'a donné là-dessus les assurances repetées les plus positives.

M. de Beurnonville sort de chez moi, Sire, après être lui-même venu m'apporter passeports accordés à moi et à mon état-major.

Il nous a répété les mêmes expressions précisement, dont j'ai déjà rendu compte à Votre Majeste Impériale dans mes précédentes dépêches. Il nous témoigne son désir de conclure un rapprochement si naturel entre deux puissances, lesquelles, pour me servir de ses propres expressions, sont faits pour gouverner l'Europe, ajoutant ensuite qu'il croyait cette cour-ci comme le pivot central, l'endroit le plus propre pour terminer les negociations: qu'en conséquence on serait charmé si je voulais aller jusqu'à Paris. «Vous y verrez, dit-il, nos moeurs, notre gouvernement, vous apprendrez à apprécier notre Premier Consul, vous entendrez de sa propre bouche les principes dont il est penetré et son désir de se rapprocher d'un souverain, qu'on révère infiniment chez nous; vous en rendrez compte à lui-même de ce que vous aurez vu de vos propres yeux, et je suis persuadé d'avance que le rapport que vous serez dans le cas de faire ne pourra que nous être avantageux, en inspirant à votre Maître la bonne opinion, que j'espère, vous aurez de nous après nous avoir examiné de près.

Voilà, Sire, les paroles les plus marquantes de cette entrevue que j'ai cru devoir passer à Votre Majeste.

4.

Берлинъ, 8-го ноября 1800 года.

Sire,

A quelque chose malheur est bon. C'est un proverbe, Sire, qui le dit, dont j'éprouve aujourd'hui la verité, lorsque fâché de me voir arrêté ici, pour des arrangements pécuniers, que m-r le baron de Krudener [illegible], n'y étant pas encore autorisé, il nous arriva [illegible] Kravchapkin les ordres suprêmes de Votre Majesté [illegible] les difficultés à cet égard; je puis donc

de pouvoir de là marquer plus positivement à Votre Majesté Impériale sur ce qui me restera encore à dire sur ce sujet quand tout sera prêt pour commencer le transport.

Après ce premier entretien nous fûmes ensemble, le général Clarke et moi, rendre notre première visite chez le préfet de la ville qui représente ici la première personne du gouvernement. Je reçus ensuite chez moi les compliments encore d'abord de tous les généraux et de leur état-major qui me furent présentés par le général de division de Bonnard, puis après du préfet lui-même [1]) suivi des autorités constituées, du maire et des principaux officiers de la magistrature, et l'on tira le canon de la ville à l'honneur de Votre Majesté Impériale pendant que durait cette cérémonie. Nous dinâmes le même jour chez un des généraux et hier le préfet nous donna une fête charmante où le dîner fut suivi d'un concert, d'un spectacle et d'un bal, où se trouvait réuni tant en hommes qu'en femmes tout ce qu'il y a de plus distingué ici, des anciennes familles du pays, entre autres mesdames de Dalambert, de Rohan, de Lannoy, la duchesse de Chatillon, la princesse de Hohenzollern, née Salmsalm, le duc d'Ursé, le comte d'Avril et d'autres que j'ai connus tant ici qu'en France dans mes premiers voyages. Je ne finirais pas, Sire, de Vous répéter tous les propos agréables et flatteurs qui à cette occasion se disaient à la louange de Votre Majesté Impériale et de ses braves troupes. Il me suffira de Vous transmettre le voeu général et prononcé qui se faisait rémarquer partout pour la paix et l'union inaltérable avec Paul Premier et sa valeureuse nation. Dans tout cela on remarque avec plaisir, combien un nouveau régime a changé les esprits, établi la concorde et la confiance: plus de traces, Sire, des anciennes horreurs que des champs dégradés et quelques fortunes par-ci par-là détruites, que les guerres ont ruinées, que la paix seule peut remettre et qui ne peut être l'ouvrage que d'un génie juste, loyal et bienfaisant, tel, Sire, que le Ciel Vous l'a accordé en partage et sur quoi se reposent ici tous les esprits qui en sont profondement pénétrés.

Je suis etc.

6.

Брюссель, 30 ноября 1800 г.

Sire,

L'entretien suivant, Sire, a eu lieu ce matin entre le général Clarke et moi, auquel le caractère public de cet officier, ses liaisons avec le Premier Consul dont il est l'ami, devait me rendre essentiellement attentif. Après s'être montré instruit de tout ce qui s'est passé jusqu'ici par l'entremise de la cour de Berlin, il déclara avec franchise que le Premier Consul pénétré du caractère magnanime et loyal de Votre Majesté Impériale et des avantages qui pouvaient résulter d'une union plus intime avec elle et son empire, ne ferait non seulement aucune difficulté de consolider tous les articles exprimés par la note envoyée à M. de Talleyrand, tellement que Sa Majesté le désirerait, mais qu'il consentirait aussi de mettre les objets en Italie sur le pied où ils ont été ne voulant conserver en ce pays d'autres avantages, la Savoie exceptée, que celui d'y empêcher la domination autrichienne. Et quant aux intérêts du duc de Wurtemberg qu'il supposait devoir avec la raison tenir le plus à coeur à Votre

[1]) Qui est un ci-devant marquis de Pontécoulant, homme instruit et aimable qui l'année 1783 a fait un voyage en Russie dont il est enthousiasmé.

7.

Парижъ, 10 декабря 1800 г.

Sire,

Je mets à vos pieds, Sire, le résultat de mon arrivée en cette ville, qui eut lieu avant-hier au soir. Le lendemain j'eus une invitation de dîner chez le ministre des relations extérieures et aujourd'hui un entretien particulier et présentation chez le Premier Consul.

Ne pouvant développer d'autres objets pour ma commission que celui qui regarde l'extradition des prisonniers, pour laquelle je me suis pressé de venir arranger tout ce qui manque encore, je n'ai cependant pas négligé de recueillir avec soin tout ce qui m'a été confidentiellement communiqué en considération de la déclaration franche et loyale de Votre Majesté Impériale pour entretenir la bonne harmonie avec la République Française. Singulièrement frappé de ce trait de loyauté et de désintéressement dans les sentiments de Votre Majesté Impériale M. de Talleyrand n'a pas hésité de me déclarer:

1°. Que partout où il y aura des pleinpouvoirs de Paul Premier pour conclure paix, amitié et bonne harmonie entre les deux puissances, Votre Majesté Impériale trouvera aussi des pouvoirs français correspondant en tout à ses volontés.

2°. Que cela pourra se faire partout où le voudra Sa Majesté Impériale, soit à Berlin, ici, où à St.-Pétersbourg même; la voie la plus courte, la plus directe, celle enfin qui convient le mieux à Votre Majesté Impériale sera aussi celle qui admetterait par préférence un gouvernement, qui sait apprécier la grandeur d'âme et le noble désintéressement de Paul Premier.

3°. Le roi de Sardaigne sera rétabli dans toute son intégrité dans ses états au delà des Alpes, de même que le Roi de Naples. Il serait cependant nécessaire que cette dernière puissance ne ce melasse pas de la guerre actuelle, car si les forces neapolitaines attaqueront l'armée française, ils pourraient s'en suivre des événements qui ne seront point à calculer.

4°. Mais le gouvernement français désire que les deux puissances s'engagent de concert à ce que l'Autriche s'entende aux limites de l'Adige sans vouloir d'étendre davantage en Italie et qu'il sera formé à Milan une république intérmédiaire pour tenir lieu dans la balance de l'Europe de ce qui était la République de Venise.

5°. A cet égard le Premier Consul et son ministre ne pouvaient donner une plus grande preuve de l'estime qu'avait le gouvernement français pour Sa Majesté l'Empereur et du désir de vouloir marcher d'accord avec lui qu'en organisant la dite République de Milan de concert avec un commissaire russe de Sa Majesté Impériale.

6°. Que si Sa Majesté l'Empereur désirait encore de donner des indemnisations en Allemagne pour l'électeur de Bavière et le duc de Wurtemberg, la République Française marcherait également de concert avec lui pour arriver à ce but en prenant des arrangements sur tous ces objets analogues aux intentions de Sa Majesté Impériale qui conjointement avec la Prusse en seront les garants.

7°. On fera tout ce qui cera nécessaire pour que Malte soit rendu à l'ordre et à son auguste Grand Maître quand les circonstances exigeront le concours de la République à ce sujet, et dans la nouvelle république qui serait érigée en Italie, comme dans les états du roi de Sardaigne, on pourra réorganiser une partie des commanderies de Malte, le gouvernement n'ayant d'autre désir que de terminer la guerre ce qui aurait déjà été fait sans les prétentions exorbitantes de la maison d'Autriche.

je puisse fixer le moment de leur départ, je préviendrai la cour de Berlin pour recevoir son assistance dans la réquisition des étappes que je serais obligé de faire jusqu'à la frontière.

Quoique cet article, Sire, est un pur effet de l'estime du Premier Consul pour Votre Majesté Impériale et pour la valeur de ses braves troupes, il m'a cependant déclaré de soumettre au bon plaisir de Votre Majesté Impériale et aux principes de son humanité de faire agir son influence sur la Porte Ottomane pour l'échange des prisonniers français encore à Constantinople dans le plus triste état contre ceux que la République possède en Egypte en bien plus grand nombre, laquelle échange, grade pour grade, homme pour homme, le Premier Consul verrait avec plasir qu'il en devrait sa reconnaissance à Votre Majesté Impériale, les anglais s'étant refusés à ce trait d'humanité.

Prévoyant que tout ce que j'ai eu l'honneur de dire ici, serait dans la crise actuelle des affaires de la plus grande importance de faire parvenir le plutôt possible à la connaissance de Votre Majesté Impériale, afin qu'elle puisse partir de là pour établir les combinaisons qui répondent à ses hauts dessins, je n'ai pas hésité de faire partir cette dépêche par la voie de courrier. J'ai choisi pour cela le comte de Tiesenhausen qui pourra verbalement rendre compte à Votre Majesté Impériale de tout ce qui nous est arrivé d'agréable et de distingué dans la route jusqu'ici, ce qui nous a convaincu avec une joie bien sentie combien votre auguste personne est en vénération dans ce pays, autrefois le foyer de tous les crimes, de toutes les passions, aujourd'hui le séjour d'un calme au moins apparent et réuni dans un seul et même voeu pour la paix qu'on attend unanimement de Paul Premier et de ses généreux efforts.

S'il est permis de tirer une horoscope pour l'avenir des données du présent, il parait certain qu'on peut s'assurer avec raison de la stabilité du gouvernement actuel. L'esprit du jacobinisme a été entièrement écarté, étouffé, et les mauvaises têtes à cet égard surveillées avec le plus grand soin. Les autorités sont farcies de personnes habiles, d'une probité reconnue, la plupart des militaires est d'anciens nobles, d'un esprit modéré, dans les provinces comme dans les villes. Plus de traces de l'ancienne animosité, plus de haine, plus de persécution. La conduite du Premier Consul est sage, modérée, ferme et conciliante; il cherche à s'entourer de tout ce qu'il y a de mieux dans la nation; le pouvoir militaire, si nécessaire au soutien de l'autorité d'un seul, s'affermit visiblement; les plus fougueux républicains mêmes s'y accoutument peu à peu, las de leurs cabales, et tout le monde vit en bonne intelligence. Il n'est pas douteux que les intérêts personnels du Premier Consul pour se maintenir dans le régime établi ne reposent autant que le bonheur de la République que sur une alliance qu'il est visible qu'il cherche avec toute l'ardeur possible de consolider.

Je ne resterai pas plus longtemps ici, Sire, que le temps qu'il me faut pour régler tout ce qui se rapporte encore à ma commission. J'irai aussitôt à Lille où j'ai laissé Stawrakoff pour inspecter les troupes, les organiser pour la marche et les disposer de manière qu'elles puissent tomber par Bruxelles sur un même point de la frontière, et aussitôt je prendrai les devants pour régler toute chose sur l'autre côté.

Je ferai parvenir un apperçu des dépenses dès que je parviendrai à connaître les étappes; mais à vu du pays, Sire, ce transport coutera beaucoup d'argent, je crains même beaucoup trop pour un si petit objet, tant à cause de la chereté excessive des denrées actuellement, qu'à cause de la mauvaise saison dans laquelle il faut les faire

cette chute. Le comte Ostermann a eu ordre de se rendre dans la maison du comte Morkow et de mettre le scellé sur ses papiers. Le grand maréchal Bariatinsky qui a joué un rôle infâme . . . . . est traité en conséquence. Le comte Scheremetew, puissamment riche et d'ailleurs d'une bonne réputation, en remplit les fonctions ad interim. Au reste, il est chargé d'annoncer la mort de Sa Majesté Impériale à Moscou, tout comme le chambellan Tiesenhausen à Riga et le chambellan comte Wielgorsky dans les provinces nouvellement acquises. Deux courriers sont partis, l'un pour appeler le maréchal Roumianzow de ses terres près de Kiew, et l'autre le prince Alexandre Kourakin de Moscou. On nomme ce dernier procureur général à la place du comte Samoilow [1]). Etant très lié avec celui-ci, j'ai eu l'occasion de connaître sa façon de penser qui est entièrement en faveur de ma Cour. Tout ce que je vois et entends peut tourner très favorablement pour la Prusse, et il se pourrait que l'ancien système du feu comte Panin reprit le dessus. Jusqu'ici tout va sous d'heureux auspices; mais je tremble quelquefois, quand je pense que ce Prince, doué de grandes qualités d'ailleurs, se laissera emporter par sa fougue et voudra à la fois faire des changements et rétablir l'ordre en forçant les moyens et en brusquant les individus gâtés par la douceur d'un régime de 34 ans.

Il est indubitable que le militaire va être à la prussienne. Je me suis aperçu qu'on ne connait guère la tactique, mais qu'on a effleuré superficiellement le service prussien et qu'on s'arrête aux minuties. Le Grand Duc Constantin, chéri de Sa Majesté l'Empereur, a la passion du militaire et il est au moins aussi engoué de notre tenue que son auguste père.

Ce 7 (18), à 11 heures du matin.

Dans ce moment le maître des cérémonies, le s-r de Gouriew, vient de m'annoncer la mort de Catherine II.

Ce Lundi 10 (21), à 2 heures.

Une nouvelle très curieuse et qui mérite de la réflexion, c'est que l'Empereur vient d'ordonner que le corps de son auguste père, déposé à Newsky, soit transféré dans l'église de la forteresse, où sont enterrés les souverains de la Russie, et que le cercueil y sera exposé à côté de celui de Sa Majesté l'Impératrice sur le grand catafalque qu'on y élève, après que cette dernière aura été pendant six semaines sur le lit de parade au Palais d'Eté [2]). C'est un coup terrible que l'Empereur porte à feu la souveraine et une forte leçon pour ses successeurs. Le public se livre à une joie et à un contentement incroyable [3]). Le règne de l'immortelle Catherine, depouillé du fantome de gloire et de grandeur qui l'entourait, ne laisse véritablement qu'un empire malheureux et un gouvernement vicieux dans toutes ses branches.

[1]) Графъ Тауэнцинъ ошибся: генералъ-прокуроромъ былъ назначенъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, а князь Александръ Борисовичъ Куракинъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ.

[2]) Т. е. въ Зимнемъ дворцѣ, ошибочно названномъ Лѣтнимъ дворцомъ.

[3]) Дѣйствительно, нельзя отрицать, что многіе возлагали на Павла большія надежды и что его воцареніе возбудило почти всеобщую радость, такъ какъ въ послѣдніе годы екатерининскаго царствованія вкралось множество злоупотребленій во всѣ части государственнаго управленія. Такъ, напр., въ Орлѣ, въ ознаменованіе радостнаго восшествія императора Павла на престолъ, заложенъ былъ соборный храмъ Петра и Павла на суммы,

les siennes. Le prince Zoubow ayant demandé sa démission, Sa Majesté Impériale lui a fait signifier d'une manière très généreuse qu'il lui accordait un congé illimité, ce qui revient à peu près au même.

4.

14 (25) Décembre 1796.

Le roi de Pologne est attendu dans trois semaines. Le s-r de Goudowitch étant arrivé, on prétend qu'il a donné des détails sur les derniers jours de l'Empereur Pierre III. Le prince Bariatinsky, peu après, a été exilé dans la journée même dans sa terre la plus éloignée. Le comte Alexis Orlow a reçu ordre de voyager, le général Passek de rester dans son gouvernement. Le général Golovkine, ci-devant ministre à Naples, a obtenu sa grâce par les sollicitations de son beau-père le s-r Ismaïlow, ancien ami de Pierre III.

On a brulé publiquement pour près de 6 millions de billets de banque, qui ont dû être mis en circulation. Le crédit et la confiance se rétablissent.

Le prince Zoubow a reçu son congé, et il n'est plus question de lui. Il est notoire qu'il avait 260 officiers attachés à son état et à sa chancellerie, pour la plupart sans fonctions. C'est à citer au nombre des abus.

Le prince Alexandre Kourakin, sans le cordon de s-t André et la maison, vient de recevoir encore un cadeau de 150,000 roubles. Il est vraiment la personne de confiance de l'Empereur et parfaitement bien intentionné pour sa Cour.

5.

19 (30) Décembre 1796.

Par un oukaze Sa Majesté ordonne la formation de trois départements attachés au Sénat, destinés uniquement à terminer les différentes affaires qui s'y sont accumulées depuis plusieurs années, de manière qu'avec la nouvelle année les anciens départements du Sénat s'occuperont à régler les affaires courantes.

Изъ донесеній Фёлькерсама (Völkersahm), посланника Саксонскаго курфирста.

1.

St.-Pétersbourg, 13 (24) Novembre 1796.

On sait positivement que l'Empereur est ennemi décidé du système français, mais on est en même temps curieux de voir si cette haine l'engagera à faire marcher ses troupes au secours de la Cour de Vienne et si le traité de subsides, tel avantageux qu'il soit, sera signé dans ce moment avec l'Angleterre.

Le nouvel exercice des troupes, l'uniforme modelé entièrement sur celui que portaient autrefois les officiers prussiens du temps de Frédéric II, avec sa coupe antique, les deux rangs de boutons avancés des deux côtés, l'épée dans les plis de l'habit boutonné, les grands chapeaux etc., que l'Empereur ainsi que tout l'état major porte actu-

toutes les obligations contractées par la Russie non seulement par la dernière triple alliance, mais encore par les traités particuliers conclus séparément tant avec la Cour de Vienne qu'avec celle de Londres, et s'engage en conséquence non seulement à continuer à payer à la première pendant la durée de la guerre actuelle les 100,000 ducats stipulés, mais à l'assister encore de toutes ses forces en cas que ses états héréditaires fussent attaqués. Sa Majesté Impériale renouvelle en même temps vis-à-vis de l'Angleterre les promesses faites par feu l'Impératrice de l'assister avec une escadre pendant toute la guerre contre les régicides, c'est l'expression dont on se sert, ne voulant point reconnaître le gouvernement actuel de la France,—et de doubler ce secours pour la guerre contre l'Espagne.

Comme l'Empereur envisage le partage de la Pologne comme très impolitique de la part de la Russie, ce Prince ne cache pas son sentiment sur cet événement. Il a même dit à Stanislas Ponietowski [1]) qu'il avait toujours désapprouvé et regardé comme très injuste tout ce qui s'était fait en Pologne, et que, si les choses n'étaient pas allé aussi loin et que les autres puissances ne fussent pas mêlées, il retablirait volontiers ce royaume. Le prince Repnine, dont les sentiments sont très religieux et tiennent du martinisme, doit le fortifier dans cette idée et l'Empereur a invité par une lettre en latin le roi de Pologne de venir ici; dans cette lettre il se sert de l'expression tu es Rex.

Les sentiments du public paraissent se réunir davantage sur la chaleur, avec laquelle on s'occupe des petits détails d'uniforme militaire, sur la défense des chapeaux ronds et des houssards et chasseurs en guise de domestiques, et surtout de l'insinuation faite aux ministres étrangers de ne pas se servir de chevaux d'isvostchiks, mais de tenir désormais de propres attelages, qu'on interprète comme une preuve du désir de tout refondre.

Le général Klingspor est enfin arrivé lundi passé. Il est chargé d'arranger ici les difficultés par rapport à la conclusion finale du mariage, et il paraît que tout se terminera au gré de la Cour d'ici, à quelques articles prêts près, sur lesquels Klingspor doit faire des remontrances, comme sur les cloches de la chapelle, sur les chantres, et qui étant trop publiques, se trouveraient en contradiction avec les lois de la Suède.

4.

S.-Pétersbourg, 9 (20) Janvier 1797.

La manière de vivre de l'Empereur Paul est fort simple. Il se lève entre 4 et 5 h. du matin, travaille et reçoit les différents rapports jusqu'à 9 h., après lesquelles il sort à cheval pour voir des établissements, toujours accompagné d'un de ses princes, qu'il dresse au travail, surtout le Grand Duc Alexandre à l'expédition et au rapport de tout ce qui regarde le gouvernement et la police d'ici. A 11 h. la parade commence, où tout

[1]) Князь Станиславъ Понятовскій (р. 1764, † 1833) племянникъ короля; онъ находился въ Петербургѣ, когда скончалась Екатерина II.

Въ запискахъ князя Понятовскаго (Revue d'histoire diplomatique, 1895) слова императора Павла переданы въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Vous savez combien j'aime la Pologne et que je ferai tout pour la rétablir, mais je trouve les choses si complètement achevées, que cela m'est devenu impossible» (p. 523).

6.

13 (24) Février 1797.

Le roi de Prusse vient d'écrire une lettre autographe avec ordre au comte de Brühl de la remettre à Sa Majesté Impériale. Dans cette lettre le roi de Prusse s'excuse sur l'impossibilité d'agir contre les intérêts de la France par les engagements qu'il avait contractés avec cette puissance non seulement par quelques articles secrets du traité de Bâle, mais encore par une convention signée entre lui et le gouvernement français le 5 Août de l'année passée, indépendamment de celle qui regardait la ligne de démarcation, convention par laquelle Sa Majesté Prussienne avait cédé à la France tout le pays de sa domination, situé de l'autre côté du Rhin, contre la promesse que cette puissance lui procurerait à la pacification future un dédommagement qui devait s'effectuer par la sécularisation de quelques Evêchés. L'Empereur irrité par cette ouverture, malgré les avis que la Cour d'ici doit avoir eus de la chose même, a témoigné son étonnement de ce qu'un prince d'Empire aussi considérable disposait d'un pays appartenant au Corps Germanique en faveur d'une puissance étrangère, qui se trouvait en guerre avec ce même Empire, qu'il s'engageait d'avance à renverser sa constitution par la sécularisation des Evêchés, et surtout de la duplicité avec laquelle il avait agi vis-à-vis de Sa Majesté Impériale, en l'assurant que non seulement le traité de Bâle ne contenait aucun article qui ne fut communiqué alors à la Cour d'ici, mais encore en l'assurant positivement que Sa Majesté Prussienne ne se trouvait dans aucune espèce de liaison avec la France, à l'exception de la convention qui regardait la ligne de démarcation, et en témoignant même en dernier lieu qu'il désirait et souhaitait le meilleur succès aux armes autrichiennes. L'Empereur, dis-je, vivement piqué de cette nouvelle ouverture, l'a d'abord communiquée aux ministres des deux Cours alliées, lesquels ont remis de leur côté un mémoire dans lequel la politique prussienne n'est guère ménagée.

On ne peut pourtant pas disconvenir qu'il règne parmi les troupes et surtout parmi une partie des généraux et des officiers beaucoup de mécontentement. Le congé même du maréchal Souvorow peut produire quelque mauvais effet dans l'armée. Ce général, qui d'ailleurs ne connait rien à la tactique et aux manoeuvres (??!!), a, par ses succès, à la vérité, contre des troupes indisciplinées et par la circonstance qu'il est toujours sorti victorieux de tant de combats et sans avoir été blessé, acquis parmi les soldats la réputation d'un saint. Ses singularités même et l'air bouffon qu'il affecte, pour mieux dire, quelques méchancetés, dont il est toujours bien pourvu, le font chérir du commun. Il en a usé souvent sous le règne passé pour ridiculiser les autres généraux, et, lorsqu'on lui a envoyé un officier d'ici avec le nouveau réglement pour l'habillement et l'exercice des troupes, il a répondu que son précepteur était arrivé, mais que, pour lui, il était trop vieux pour bien concevoir et apprendre tout cela; que d'ailleurs il y avait bien des choses à redire, et qu'il croyait que les boucles de cheveux n'étaient pas des canons, ni la queue des soldats des bayonnettes [1]). Par ces propos il persifflait les

[1]) «Косой не колоть, буклей не палить, пудрой не стрѣлять», или «пудра не порохъ, букля не пушка, коса не тесакъ, и я не нѣмецъ, а природный русакъ», говорилъ Суворовъ при ломкѣ арміи на прусскій ладъ.

témoignée, ainsi que de la valeur avec laquelle ils avaient soutenu toutes ses expéditions militaires, en leur souhaitant d'être plus heureux que lui. Cette scène a fait répandre des larmes et des hurlements parmi les soldats[1]).

Le logement des troupes en ville, au lieu des casernes que les gardes ont habitées jusqu'à présent, cause beaucoup de mécontentement parmi les propriétaires des maisons.

9.

Moscou, 9 (20) Avril 1797.

Tout ce que j'ai pu apprendre relativement à la convention secrète signée le 5 Août entre Sa Majesté Prussienne et le gouvernement actuel de la France par rapport à la cession du pays d'outre-Rhin et au dédommagement de Sa Majesté Prussienne par la sécularisation des quatre Evêchés, paraît constater ce que j'ai rapporté précédemment. La Cour de Berlin a trouvé mauvais la divulgation de ce secret, a fait une espèce de reproche à celle d'ici de la communication faite aux Cours de Vienne et de Londres du contenu de la lettre autographe du roi à l'Empereur, et expliqué, pour se détourner et excuser sur le passé, ce traité comme éventuel, en cas que la paix se fit entre la France, d'un côté, et l'Empereur avec l'Empire de l'autre, sous la condition que ces derniers cédassent à la première les conquêtes faites par elle sur l'autre bord de ce fleuve. L'avis que j'en ai eu dès le premier moment ne m'est point parvenu ni par l'ambassadeur (de la Cour de Vienne) ni par m-r Whitworth: mais par une personne qui le tient de la bouche même du ministère d'ici.

Изъ донесеній Вегенера (Wegener), совѣтника прусскаго посольства.

1.

St.-Pétersbourg, 17 (28) Mars 1797.

Il règne ici une parfaite tranquillité. On remarque néanmoins dans le public un abattement, qui approche du mécontentement, excité par la gêne que l'on sent sous le gouvernement actuel, par les nouveaux arrangements de police et principalement par les logements onéreux du militaire, car il y a eu 40 jusqu'à 104 soldats de repartis par maison. On attribue tout cela aux dispositions peu lumineuses et malveillantes du s-r Archarow, qui entend mal ou interprête de travers les ordonnances succinctes et souvent verbales du monarque. Cet intendant général de police généralement haï, accompagne la Cour[2]); c'est actuellement le général Buxhoevden, qui commande ici en chef comme gouverneur militaire et qui sait gagner par sa droiture et son caractère doux l'affection du public.

[1]) См. по поводу фантастическихъ разсказовъ о прощаніи Суворова съ своими войсками сочиненіе А. Петрушевскаго: «Генералиссимусъ князь Суворовъ». С.-Петербургъ, 1884, т. 2-й, стр. 352.

[2]) Въ Москву, по случаю предстоявшей коронаціи.

son poste, et le même sort parait attendre son protecteur. L'Empereur doit enfin être informé d'une infinité d'actes despotiques et arbitraires qu'on reproche à s-r Arkharow avec raison. Le général Buxhoevden parait destiné pour le remplacer, et ce choix contribuera beaucoup à rendre le public moins mécontent qu'il n'a été jusqu'ici.

Quoique les finances se trouvent dans un triste état, l'Empereur continue pourtant à faire des largesses considérables; le général français d'Autichamp, émigré, placé actuellement dans l'armée russe, vient d'obtenir un don de 10,000 roubles, et le comte de Choiseul 2,000 paysans.

6.

3 (14) Juillet 1797.

La nomination du comte Panine, pour remplacer le s-r Kolitschew à la Cour de Votre Majesté, fait une grande sensation ici, et on en infère sur la grande intimité qui existera dorénavant entre les deux Cours. Le comte Panine ayant parlé avec le comte de Brühl de sa nouvelle destination, a dit à celui-ci que, comme il était déjà membre du ministère, il lui importait de conserver cette place, ce qui le mettrait à même d'être mieux au fait de tout ce qui se passerait dans le cabinet de Pétersbourg pendant qu'il résiderait à Berlin, et que d'ailleurs, si l'Empereur n'agréait cette combinaison d'emplois, il reculerait dans sa carrière au lieu d'avancer, en acceptant une mission après avoir été déjà membre du ministère.

Изъ донесеній генерала графа Брюля (comte de Brühl) [1].

1.

Moscou, 17 (28) Avril 1797.

Plus j'apprends à connaître la marche des affaires dans ce pays-ci plus je me confirme dans l'idée que le devoir d'un ministre de cette Cour deviendra de jour en jour plus difficile à remplir au prince Bezborodko, qui est le pilier des affaires, tâche toujours de les abréger le plus possible, les écoute à la hâte, évite de donner des réponses négatives, quand même il ferait le contraire, et expose par là à faire de faux rapports. L'Empereur, de son côté, ne se donne pas le temps d'approfondir les affaires, ne s'occupe que des cho-

[1]) Генералъ-лейтенантъ графъ Брюль присланъ былъ прусскимъ королемъ, чтобы поздравить императора Павла съ восшествіемъ на престолъ. Въ инструкціи, данной ему 8-го (19-го) декабря 1796 года, сказано, что онъ долженъ дать увѣреніе, что Берлинскій дворъ строго придерживается Базельскаго мира, не стремясь къ болѣе тѣснымъ сношеніямъ съ Франціею, «comme le soupçon injuste s'en est répandu». Графъ Брюль долженъ былъ именемъ короля опровергнуть существованіе какого бы то ни было союза между Пруссіею и Французскою республикою и сказать, что даже никакого союза не будетъ заключено королемъ безъ вѣдома или «au déplaisir» императора Павла.

Графъ Брюль былъ сыномъ извѣстнаго саксонскаго министра и съ 1787 года находился на прусской службѣ; онъ былъ воспитателемъ короля Фридриха-Вильгельма III. (Умеръ въ 1802 году).

3.

S.-Pétersbourg, 16 (27) Juin 1797.

Le monarque a bien besoin de mettre en place des gens de la trempe du général Buxhoevden, car le mécontentement et surtout celui des troupes augmente de jour en jour. En ôtant aux colonels les moyens de piller, on ne leur laisse pas ceux de vivre, car il ne leur reste plus que 800 roubles d'appointement. On fatigue, avec cela, le soldat d'un manière inconcevable, et il est déjà si dégoûté qu'il ne soupire qu'après l'occasion de déserter. Le dégoût de la noblesse surpasse tout ce que l'on peut en dire. L'incertitude de rester en place d'un jour à l'autre et les innovations continuelles la mettent au désespoir. Il n'y a que le bas peuple des villes et les paysans qui aiment leur maître. Les officiers subalternes sont absolument à la besace. Les exercices continuels auxquels ils n'entendent rien, sont surchargés de minuties qu'on a abolies dans tous les autres services. Dieu sait à quoi tout cela aboutira.

Изъ донесеній генерала Грёбена (Groeben) [1]).

1.

S.-Pétersbourg, 17 (28) Juillet 1797.

Je saisirai la première occasion pour faire part au ministère de ce pays des démarches que Votre Majesté a fait faire par le s-r Sandoz-Rollin à Paris [2]) pour informer le Directoire Français des dispositions de Sa Majesté Impériale et du désir que manifeste ce souverain de se rapprocher de la nouvelle République.

2.

11 (22) Septembre 1797.

Aux différents entretiens que j'ai eus depuis mon séjour à Pétersbourg avec Sa Majesté Impériale, ce souverain m'a presque toujours parlé d'une manière très équivoque de la Cour de Vienne, et m'a répété à plusieurs reprises ces mots remarquables: «Groeben, nehmen Sie sich für die Weissröcke in Acht».

[1]) Новый прусскій посланникъ генералъ-маіоръ Грёбенъ пріѣхалъ въ Петербургъ вечеромъ 29-го іюня 1797 года и имѣлъ первую аудіенцію у императора Павла 12-го (23-го) іюля на фрегатѣ «Емануилъ», стоявшемъ на Кронштадтскомъ рейдѣ.

[2]) Прусскій посланникъ въ Парижѣ.

La première conséquence fâcheuse de ce défaut de vigilance était un relâchement universel de la part de tous les fonctionnaires dans leurs devoirs respectifs. Les vastes et spacieux sièges des départements n'étaient plus fréquentés que par les rats et les souris. Les employés, sans aucune exception, passaient leurs journées à manger, boire et jouer, et les nuits dans les orgies les plus crapuleuses. De là, les malversations énormes, qui se commettaient impunément dans tous les gouvernements civils et militaires; de là, ces abus sans nombre, qu'il n'est pas difficile d'imaginer d'après ces données. Voilà le tableau le moins exagéré de la Russie au moment de l'avénement de Paul I.

Ce monarque, sortant d'une retraite qui avait été peu propre à modérer l'impatience et la véhémence de son caractère, remarquait les conséquences funestes de cette indiscipline totale. Il résolut de la faire cesser tout d'un coup; mais manquant de lumières capables de préparer les esprits aux changements auxquels on veut les assujettir, et des connaissances qu'il faut avoir pour guide si l'on veut être sûr du succès d'une telle révolution, il précipita tout sans venir à bout de rien. Il croyait ne pouvoir mieux faire que de prendre pour modèle l'administration de la Prusse, pour laquelle il se décida aveuglement et sans entrer au préalable dans un mûr examen des modifications, qui deviennent nécessaires dans une telle entreprise par la diversité des lieux, du climat, des moeurs, des usages, du caractère national etc. Je tâcherai d'ébaucher cette métamorphose, autant que j'ai été à même de la suivre, sans ressources suffisantes et arrêté à chaque moment par la crainte de montrer trop de curiosité.

Le militaire était autrefois dispersé dans les villes et la campagne avec assez de ménagement pour n'être pas à charge au pays. Il était mal payé, mais bien nourri et par là content. Aujourd'hui il est entassé dans les villes, au point qu'il y a souvent plus de soldats que d'habitants. Un négociant de Pétersbourg m'a assuré qu'il y a quelquefois 20, 30 et jusqu'à 40 soldats dans une maison. Avec cela le soldat, n'ayant que 6 roubles de gage par an et la nourriture, ne pouvant rien gagner par le travail, devient une charge insupportable aux citoyens, pendant que lui-même harassé toute la journée a une existence infiniment plus malheureuse que par le passé. L'habillement du militaire était ci-devant le plus leste et le plus convenable à ce climat et peut-être à tous les autres. Des cheveux coupés, des chapeaux ronds, vestes, manteaux, larges pantalons, tout s'accordait avec l'habillement et le goût national. Aujourd'hui ils sont gênés par tout ce que l'on a substitué aux parties de leur ancien vêtement. Le bonnet de grenadier, la queue, les guêtres, un habit très étroit, leur donnent un air embarassé et gêné.

Les officiers, ainsi que les soldats, étaient anciennement peu exercés et en général peu maltraités; présentement ils le sont, les uns et les autres, plus qu'aucun militaire de l'Europe. Les officiers, mal payés sous le régime passé, trouvaient moyen de vivre contents et à leur aise. L'armée étant toujours sur pied de guerre, ce qui est presque nécessaire dans ce pays,—et le gouvernement fermant les yeux sur les abus dont ils tiraient profit, ils ne pouvaient jamais manquer de ressources. Maintenant qu'ils en sont privés et que le gouvernement déploie surtout la dernière rigueur contre les officiers convaincus des moindres malversations, ils vivent dans la plus grande misère. D'un autre côté, l'armée n'étant plus sur un pied de guerre permanent, on aura les mêmes dépenses à faire et les mêmes difficultés à surmonter pour la rendre mobile qu'on voit se présenter aux autres armées à cette époque. C'étaient autrefois les chefs des régiments et des compagnies qui faisaient les entreprises très-lucratives des livraisons de

nulle la ressource artificieuse des deux dernières espèces, ce qui entrainerait à coup sûr un bouleversement total et plongerait l'Empire dans un épuisement dont il aurait peine à se tirer jamais. Ce n'est pas que je voudrais m'inscrire en faux contre les effets salutaires, qui peuvent être le résultat de l'institution de cette banque; je connais trop bien pour cela les grands avantages que ces sortes d'établissements procurent à ma patrie. Je crains seulement que la précipitation, avec laquelle tout cela se fait, ne concoure, avec l'avidité et l'état déplorable de la justice, à faire disparaître toutes ces belles perspectives. Quelles sont en effet les conséquences que l'on peut attendre d'un ordre, qui vient d'être donné, partant que ceux qui refuseront d'accepter les nouveaux papiers (Pfandbriefe), doivent perdre honneur et fortune, sinon une juste animosité contre une précaution, faite pour inspirer l'effroi et la méfiance, imaginée toutefois pour faire prospérer un établissement qui par sa nature ne peut se soutenir que par la confiance.

Ces nouvelles dispositions qu'on a adoptées dans les finances, augmenteront, à la vérité, les revenus de l'État de 14 millions; mais indépendamment de ce que la nation sera grevée par là d'une charge excessivement onéreuse, elles ne rendront même pas le gouvernement plus riche, car il est évident que l'exhaussement des dépenses indispensables absorbera au-delà de ce surplus, attendu que les nouveaux arrangements seuls dans la marine en augmenteront l'état de 11 millions, sans compter les augmentations nécessaires dans l'état du civil et du militaire.

S'il est démontré que les revenus actuels n'auraient pas suffi à couvrir ce surcroît de dépenses, il ne l'est pas moins que la multiplicité des impôts rendra la nation encore plus pauvre qu'elle ne l'est déjà. Heureux toutefois, si la pauvreté était ce qui la grevait le plus. Mais la plus grande partie du peuple est tourmenté d'un fléau bien plus cruel gémissant sous l'oppression et la tyrannie de leurs maîtres, qui tachent de réparer la ruine, où leur luxe et leur dissipation les entraînent, par des concussions incroyables, les paysans n'ayant aucune espèce de propriété, ne peuvent avoir ni industrie ni goût pour le travail.

Il ne serait cependant pas impossible de remédier à ces différents maux par une administration sage et modeste, qui prît pour principe invariable le véritable intérêt de tous.—Un des plus grands malheurs de ce vaste Empire, c'est le manque d'hommes instruits, d'hommes intègres, de véritables citoyens en un mot. L'honneur, la probité, le patriotisme sont des qualités dont on ignore jusqu'au nom et l'égoisme le plus affreux, dont généralement toutes les classes sont infectées, a pris la place de ces vertus. Aussi longtemps que la justice sera vendue et la patrie volée sans honte ni remords, il est impossible d'attendre des arrangements les mieux combinés, le remède contre les maux de l'État, et il ne saurait jamais acquérir une force réelle tant que durera l'ordre de choses actuel. On a commencé, il est vrai, à le changer par la force; mais quiconque sait à quel point la nation est accoutumée à l'anarchie et à l'impunité, se refuse à l'espérance que l'extirpation de ces principes enracinés pourrait s'accomplir dans l'espace d'un seul règne, quelque digne qu'il fût d'ailleurs d'admiration.

On se flatte que le grand duc Alexandre, plus mesuré que son père, saura un jour mieux réussir à rétablir le bon ordre.

Il est difficile d'asseoir un jugement sûr et impartial sur un monarque qui réunit de qualités aussi disparates que l'Empereur Paul. C'est en lui que les extrêmes se touchent. Toutefois, si on se laissait aller à un jugement porté d'après la situation de ses

sujets, qui n'ont pas reçu de préférence le bonheur en partage (preuve indirecte, mais presque incontestable d'une administation défectueuse), ce jugement ne laisserait pas de tourner contre lui [1]). Il vit d'ailleurs dans la plus parfaite union avec toute sa famille,— ce qui fait aisément concevoir qu'il faudrait un revirement beaucoup plus grand dans l'ordre de choses en Europe, avant qu'on ait à redouter la secousse d'un changement violent de ce côté-là.

4.

S.-Pétersbourg, 29 Juin (10 Juillet) 1798.

Le gouvernement d'ici paraît toujours appréhender beaucoup les menées sourdes des français et les tentatives que des personnes malintentionnées pourraient faire pour troubler la tranquillité de ce pays. C'est à ce motif, du moins, que l'on attribue les ordres donnés aux commandants des ports de mer et des places frontières de ne laisser entrer dorénavant dans le pays que les personnes immédiatement appelées par l'Empereur, les courriers et autres personnes appartenant aux missions étrangères, et les personnes de grande distinction [2]). Quant aux négociants étrangers et aux capitaines de vaisseaux, qu'on ne saurait bannir entièrement sans rompre les rapports de commerce avec les autres États, le procureur-général prince Kourakine a déclaré aux commerçants de Pétersbourg assemblés pour cet effet, que les négociants étrangers avaient la permission de séjourner dans le pays pendant un certain temps fixé, pour arranger leurs affaires, lorsque leurs correspondants ne voudraient pas se constituer cautions de leur conduite et de leurs principes. Il existe au reste les mêmes difficultés pour ceux qui veulent sortir du pays; on n'obtient qu'avec peine les passeports nécessaires pour cet effet, dans lesquels se trouve insérée la clause qu'après une sortie du pays on ne pourra plus y retourner. On présume que le gouvernement veut empêcher par cette mesure la trop grande émigration des artisans étrangers établis ici, qui ne fait qu'aller en augmentant depuis quelque temps. D'un autre côté, on s'occupe aussi des moyens de faire rentrer dans le pays tous les russes qui se trouvent au dehors. Il leur a été fixé un terme très court pour revenir dans le pays, en les menaçant de la confiscation de leurs biens s'ils ne se conforment pas à cet ordre.

[1]) Графъ Никита Петровичъ Панинъ въ запискѣ, составленной имъ въ 1814 году, справедливо замѣчаетъ:

«Le fatal jour du 6 Novembre 1796 vint plonger dans le deuil et la consternation tous les hommes de bien et fit tout-à-coup paraître autour du trône cet essaim de parvenus désignés sous le sobriquet de Gatchinois».

[2]) Генералъ Грёбенъ приводитъ два примѣра затрудненій, съ которыми сопряженъ былъ въѣздъ въ Россію. Въ депешѣ отъ 2-го (13-го) іюля 1798 года онъ пишетъ: «Il se trouve depuis quelques jours à Cronstadt le secrétaire de la légation d'Angleterre, que le s-r Whitworth attendait déjà depuis quelque temps, qui n'a pu encore obtenir la liberté de venir à S.-Pétersbourg». Затѣмъ въ депешѣ отъ 20-го (31-го) августа того же года онъ снова возвращается къ этому предмету: «La difficulté d'obtenir des posseports pour venir à S.-Pétersbourg est telle que le maître de chapelle de Votre Majesté, s-r Himmel, se trouve depuis quinze jours à Cronstadt, sans que j'aie encore pu obtenir pour lui la permission de venir ici».

5.

30 Juillet (10 Août) 1798.

Quant à la brouillerie intérieure, la crise dure toujours. Tout ce dont on s'est aperçu hier à la Cour, c'est que l'Empereur a traité les deux frères Kourakine avec beaucoup de froideur, qui a été marquée surtout à l'égard du procureur-général. Quant à la demoiselle Nélidow, on s'aperçoit clairement que son crédit a baissé, puisque l'Empereur vient de renvoyer encore un de ses protégés, le gouverneur de Pétersbourg, général Buxhoevden, qui a eu sa démission avant-hier par rapport à un manque de surveillance, ayant permis que l'artillerie fit des exercices à une heure indue. Il a gardé cependant son régiment et son grade à l'armée. Kutaïssow, turc de naissance et attaché depuis sa jeunesse comme valet de chambre de l'Empereur, a reçu l'ordre de S-t Anne de la 2-e classe.

6.

6 (17) Août 1798.

Les changements et les démissions qui continuent d'avoir lieu à la Cour prouvent que la bonne harmonie n'est pas rétablie dans l'intérieur. Le baron Nicolaï vient d'être congédié inopinément[1]), ainsi que le s-r de Poletika, secrétaire privé de l'Impératrice, qui jouissait de toute sa confiance aussi bien que le baron de Nicolaï. On ignore jusqu'à présent qui les remplacera.

Le sort de la demoiselle Nélidow n'est pas décidé; mais on suppose qu'il ne lui reste d'autre alternative qu'un exil volontaire de la Cour ou une retraite entière au couvent[2]). Il n'est pas question jusqu'à présent du renvoi de son frère, le général Nélidow, qui est chargé du portefeuille de la guerre, et l'on est fort curieux de voir s'il pourra se soutenir après la chute de tout son parti. Au reste, le public ne laisse pas que d'être surpris de voir l'Empereur éloigner tout d'un coup de sa personne des gens qui lui ont été attachés depuis si longtemps, comme le baron Nicolaï, le s-r de Plestchéiew, le s-r Nélédinsky et la demoiselle Nélidow. Quant aux deux frères Kourakine, quoiqu'il n'y ait encore rien de décidé à leur égard, toutes les destitutions dont je viens de parler ne font pas augurer qu'ils pourront se soutenir dans leurs places, l'Empereur paraissant décidé à se défaire de tous ceux qui tenaient à leur parti. On assure que le sénateur Lapoukhine ne tardera pas à être employé d'une manière distinguée et pourra bien remplacer le procureur-général prince Kourakine.

[1]) Извѣстіе объ увольненіи барона Николаи не подтвердилось.

[2]) Екатерина Ивановна Нелидова родилась въ 1756 г., скончалась 82-хъ лѣтъ въ 1839 г. Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій въ біографическомъ очеркѣ Е. И. Нелидовой пишетъ: «L'éloignement de mademoiselle Nélidow eut toute l'importance d'un changement de ministère; elle entraîna dans sa chute tous ceux qui lui tenaient de près ou de loin, ou avaient été soutenus par elle. Son cousin Nélidow, les deux frères Kourakine, le vice-amiral Plestchéiew, Nélédinsky, le comte Buxhoevden, gouverneur de S.-Pétersbourg, Poletika, secrétaire privé de l'Impératrice. C'étaient pour la plupart d'anciens compagnons de l'Empereur à Gatchina et, il faut le dire, les hommes les plus honnêtes et les mieux intentionnés qu'il ait jamais employés».

10.

28 Septembre (9 Octobre) 1798.

Il a paru en dernier lieu un oukaze qui défend l'exportation de toute espèce de bois. Cette défense se rapporte originairement aux appréhensions qu'on conçues que la Russie ne vint dans la suite à manquer de bois, si l'on ne mettait des bornes à l'exportation de cet article, en s'occupant en même temps d'un traitement plus régulier à l'égard des forêts. C'est par cette raison que l'Empereur a eu l'idée d'établir en Russie un département des forêts, qui manquait absolument jusqu'ici, à quel effet on a fait venir un certain nombre de forestiers. Les vues du gouvernement à cet égard sont certainement bonnes, mais il n'en est pas moins vrai que la défense dont je viens de parler a dû alarmer une foule de particuliers, qui avaient contracté des engagements pour des livraisons considérables à l'étranger. Ils ont fait parvenir au gouvernement leurs réclamations contre cette défense inattendue, sans avoir cependant obtenu jusqu'ici une réponse; mais ils espèrent encore, que l'Angleterre étant le principal acheteur pour les bois qui viennent de Russie, ce sera par l'entremise de s-r Whitworth qu'ils pourront obtenir la levée de la défense, qui ruinerait une grande partie des négociants de la Russie si le gouvernement persistait à y tenir la main.

11.

26 Octobre (6 Novembre) 1798.

Le comte Woronzow à Londres ayant refusé la place de vice-chancelier, elle vient d'être conférée au s-r de Kotschoubey. Dans le même temps le s-r de Rostopchin, qui avait autrefois le portefeuille de la guerre, a été employé dans le civil, venant d'être placé comme membre dans le département des affaires étrangères avec le rang de conseiller privé actuel. Il passe pour être le protégé du prince Bezborodko.

12.

4 (15) Mars 1799.

Le dépérissement de la santé du prince Bezborodko est si visible et si rapide qu'on ne saurait plus douter qu'il existe un commencement d'hydropisie de poitrine ou de quelque autre vice essentiel dans sa constitution. Ce ministre étant la seule personne qui osait quelquefois s'opposer à la volonté de l'Empereur, il est à prévoir que sa retraite ou sa mort influeront considérablement sur les affaires. Le s-r de Rostopchin étant en grande faveur en ce moment, on le désigne pour remplacer le prince Bezborodko, et l'on ne se cache pas que cette nomination pourra devenir d'une conséquence extrême sous plusieurs rapports, tant à cause de l'esprit inquiet du s-r de Rostopchin qu'à cause des sentiments d'ambition dont il est dominé.

Le vice-chancelier Kotschubey ayant demandé formellement sa démission, l'a obtenue de l'Empereur d'une manière très honorable, et à sa place l'Empereur a nommé le comte Panine, ambassadeur de Russie à Berlin, pour travailler dans le département des affaires étrangères [1]). Quoiqu'on ne sache pas encore si le comte Panine acceptera la place qui lui est offerte, on n'en doute nullement.

Le maréchal comte de Souworow vient d'être élevé par Sa Majesté l'Empereur au rang de prince Italisky, ainsi que cela se trouve exprimé dans l'ukase qui a été publié à ce sujet.

16.

16 (27) Août 1799.

Le comte de Kotschubey a fait la communication officielle d'une mesure que Sa Majesté l'Empereur vient de prendre à l'égard du Danemarc, en défendant aux vaisseaux de ce pays l'entrée dans les ports de Russie et aux sujets danois celle de ses États. Cette mesure de précaution a été motivée par l'établissement d'une espèce de club politique à Copenhague, dont le but notoire et public doit être de répandre dans le pays des principes d'un genre nouveau et dangereux sous le prétexte d'éclairer le peuple. Sa Majesté, après avoir insisté inutilement auprès de la Cour de Danemarc sur l'abolition de ce club, a jugé nécessaire de prendre la mesure susmentionnée afin de prevenir la contagion de toutes idées pernicieuses et tendantes à des innovations.

Samedi prochain la Cour se transportera à Gatschina où les fêtes des mariages de Leurs Altesses Impériales mesdames les Grandes Duchesses Alexandra et Hélène seront célébrées dans le courant du mois prochain.

17.

19 (30) Août 1799.

A la suite de la défense faite par l'Empereur de laisser entrer les vaisseaux et les sujets danois dans ses ports et ses États, le gouvernement d'ici a mis un embargo sur tous les batiments danois qui se trouvent dans les ports de la Russie . . . . J'ai lieu de croire qu'indépendamment des griefs contenus dans la déclaration, l'humeur que la Cour de Russie témoigne dans ce moment à celle de Danemarc s'explique par la déclaration que Sa Majesté Danoise a faite publier relativement à la fermeture des ports de Norvège, par laquelle elle avait annoncée hautement sa résolution de maintenir son système de neutralité, en excluant de ses ports les vaisseaux de toutes les puissances. Au reste le négoce de Pétersbourg se trouve très embarassé par les mesures que le gouvernement vient d'adopter à l'égard du Danemarc, attendu que le commerce qui est très considérable avec ce pays-là est tout à coup suspendu et troublé.

[1]) 8-го августа 1799 года вице-канцлеръ графъ Кочубей уволенъ былъ отъ занимаемой имъ должности, съ повелѣніемъ остаться ему при исправленіи должности до пріѣзда тайнаго совѣтника графа Панина. Графское достоинство Викторъ Павловичъ Кочубей получилъ 4-го апрѣля 1799 года.

3.

27 Septembre (8 Octobre) 1799.

Comme il est assez connu que l'Empereur de Russie dans des accès d'humeur menace quelquefois avec violence, sans que cela ait des suites dès que le premier mouvement est passé, c'est apparement à de semblables dispositions qu'il faut attribuer les bruits qui s'étaient répandus au sujet de l'exclusion des vaisseaux prussiens des ports de Russie, dont il n'est plus question dans ce moment.

Par un oukaze qui a paru avant-hier, Sa Majesté l'Empereur a confié au comte Panine la gestion des affaires étrangères avec les appointements et les émoluments qu sont attachés à la place de ministre de ce département, et dans ce moment je viens de recevoir un billet circulaire de la part du comte Kotschubey, par lequel ce ministre m'informe que dorénavant ce serait au comte de Panine que j'aurais à m'adresser pour les communications ministerielles que je pourrais être dans le cas de faire.

4.

4 (15) Octobre 1799.

L'Empereur sans être brouillé avec la Cour de Vienne, a si hautement désaprouvé la conduite que l'Autriche a tenue jusqu'ici et a si clairement expliqué celle qu'il désirait lui voir adopter, qu'il ne se contentera pas facilement des assurances vagues et équivoques que l'archiduc Palatin pourra être chargé de lui porter de la part de sa Cour [1]).

5.

7 (18) Octobre 1799.

J'ai vu le comte Panine un de ces jours, et je ne puis que me louer infiniment de l'accueil obligeant que j'ai reçu de sa part. Ce ministre m'a témoigné dans le courant de la conversation qu'il regrettait aussi bien que sa femme le séjour de Berlin, et j'ai cru devoir saisir ce moment pour l'assurer que ce sentiment était parfaitement réciproque de la part des habitants de cette capitale. Je ne doute pas que le comte Panine ayant été à même de connaître de plus près le système de modération et de désintéressement adopté par Votre Majesté, ne fasse tout son possible pour détruire ici les impressions désavantageuses qu'on pourrait avoir données à cet égard à l'Empereur de Russie et il est à désirer seulement, ainsi que Votre Majesté a daigné l'observer ellemême, que ce ministre gagne assez de crédit pour se faire écouter dans le conseil de

[1]) 30-го сентября (11-го октября) 1799 года Вегелинъ писалъ по этому же поводу слѣдующее:

«Il pourrait fort bien être dans le caractère de l'Empereur de Russie de renoncer à un système embrassé d'abord avec vivacité dès le moment qu'il ne trouverait plus pour s'y maintenir ni les facilités, ni la gloire qu'il s'en était promis. Je suis tenté de croire que ce moment pourrait bien être venu, vu l'incertitude des succès futurs en Italie, la difficulté des opérations à entreprendre en Suisse et l'échec assez considérable que l'armée combinée russe et anglaise vient d'essuyer en Hollande».

bellan de la Cour, comte Chérémétew, qui a donné avant-hier un grand bal au roi de Suède, n'y a invité aucun des ministres étrangers, excepté l'ambassadeur de Suède. Mais, autant on cherche à les éloigner, autant on prend à tâche de les surprendre, en profitant de l'infidélité de ceux qui les environnent [1]).

2.

19 Février (3 Mars) 1801.

Le comte Panine qui était à Moscou et qui naguères avait eu ordre de s'éloigner à 40 ou 50 verstes de là, vient de recevoir la permission de pouvoir revenir à Moscou ou à Pétersbourg, et on m'assure que cette permission lui a été accordée de la manière la plus gracieuse. Quant à la raison du refroidissement du Maître envers le comte Rostopchin, il est difficile de la pénétrer; cependant il ne doit avoir aucun rapport avec la politique.

3.

22 Février (6 Mars) 1801.

Le renvoi du comte Rostopchin s'est confirmé en plein. Ce ministre a été gracieusement congédié et partira dans peu pour ses terres. Le général comte de Pahlen a été chargé des différents départements qu'occupait le comte Rostopchin, en conservant les siens. Il a voulu s'excuser de ce dernier emploi, en représentant qu'il n'était pas au fait des affaires politiques; mais Sa Majesté l'Empereur lui a répondu qu'elle n'avait besoin que d'un homme, dont le coeur fut droit.

4.

26 Février (10 Mars) 1801.

Le comte Rostopchin est parti pour ses terres. On attribue sa disgrâce à quelque interprétation défavorable qu'il avait faite sur certaines lettres arrêtées à la poste et qui auraient pu causer beaucoup de mal à l'auteur.

---

[1]) Дѣйствительно, полиціи удалось подкупить лакея графа Лузи. Розенкранцъ объ этомъ событіи пишетъ: «On a gagné le valet de chambre du ministre de Prusse, qui apporte au département les minutes de ses rapports et les lettres qu'il reçoit de sa Cour. . . . il est prudent et nécessaire de redoubler de soins de toutes les espèces pour ne pas être exposé à la surprise et à la trahison».

Изъ донесеній австрійскаго консула Віацолли (Viazzoli).

1.

Riga, 17 (29) Mars 1801.

Un événement le plus heureux qui donne un autre souverain à la Russie et qui contribuera efficacement à un changement dans les malheureuses circonstances politiques de l'Europe et de notre Cour impériale de Vienne en particulier, mais d'une manière favorable, me permet d'informer de cette ville votre excellence de ce qui m'est arrivé à S.-Pétersbourg, car sans le susdit événement, je n'aurais dû, ni pu le faire. qu'après être sorti des frontières de la Russie. On a reçu ici hier la nouvelle de la mort de Paul Premier qui a été atteint d'un coup d'apoplexie la nuit du 11 au 12 de ce mois v. s. Son successeur le Grand Duc Alexandre Pawlowitch fut d'abord proclamé Empereur de toutes les Russies, monta sur son trône et reçut le serment de fidélité, suivant l'usage, ce qui fait retentir de joie toute la Russie et faira, à coup sûr, écho dans tout l'Europe, car ce prince, qui mérite vraiment d'être adoré, comme il l'est par ses qualités sublimes et caractéristiques, il sera aimé, vénéré et admiré du monde entier.

Le mardi 26 Février (10 Mars) étant encore dans mon lit à S.-Pétersbourg. je fus éveillé de grand matin pour m'annoncer que j'avais la visite chez moi du général de police qui désirait me parler: en effet il me signifia de la part de Sa Majesté l'Empereur Paul Premier sa volonté suprême, pour que j'eusse à quitter dans la journée la ville de S.-Pétersbourg et ensuite de sortir des frontières de la Russie. Je me suis d'abord rendu chez son excellence M. le général de cavalerie et gouverneur général comte de Pahlen. qui venait d'être nommé ministre des affaires étrangères. remplaçant le comte Rostopchin. pour savoir les raisons qui avaient pu motiver une telle mesure, et pour lui exposer non seulement la situation de ma femme malade et sur le point d'accoucher. l'âge de mes trois petits enfants, que sous la foi des traités j'avais établi ma maison de commerce depuis nombre d'années, que mon départ si inopiné causerait ma ruine et celle de mes correspondants, que le tort dans les affaires en serait incalculable, que je conservais la tranquillité de ma conscience, qui m'assurait de n'avoir rien fait qui pût déplaire à Sa Majesté Impériale, enfin je priais M. le comte de Palhen de vouloir bién être auprès de l'Empereur l'interprète de mes sentiments et de mon exposé ci-dessus. A quoi son excellence me répondit que c'était à son grand regret qu'il ne pouvait rien faire et qu'il ignorait les raisons qui m'avaient causé l'ordre de mon départ. Sa Majesté Impériale n'en ayant données aucunes; et en son particulier il ajouta qu'il croyait qu'on m'avait écrit ministériellement de Vienne, ce qui avait déplu à l'Empereur. qui ne voulait qu'il exista aucune relation avec ma Cour. Sur mes vives représentations M. le comte de Pahlen me conseilla qu'aussitôt arrivé à la première station d'écrire à Sa Majesté l'Empereur. qui pourrait peut-être révoquer l'ordre et qu'au reste il fallait d'abord partir.

pour éviter un pareil esclandre. Nous souffrons déjà assez en masse dans l'opinion des gens du pays, qui voient que l'Empereur renvoie un ministre étranger, comme s'il était un vagabond sans aveu. Il faut avoir des amis et du bonheur pour que leur crainte de se compromettre, en nous hantant, ne fasse qu'ils ne nous fuient, comme des gens très dangereux».

2.

Riga 28 Mars (10 Avril) 1801.

Le gouverneur de Riga vient de m'envoyer par ordre de Sa Majesté l'Empereur le passeport nécessaire pour mon retour à Pétersbourg [1]), où j'y remarque que l'on me considère de rechef comme consul général de Sa Majesté l'Empereur et Roi; je suis donc ainsi à peu près formellement reconnu en cette qualité.

XVII.

Рескрипты императора Павла наслѣднику цесаревичу и великому князю Александру Павловичу.

1.

Нашему любезному сыну, наслѣднику цесаревичу и великому князю Александру Павловичу.

Давъ уже повелѣніе наше о немедленномъ собраніи къ своимъ полкамъ и командамъ тѣхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, кои по злоупотребленіямъ, до сего вкравшимся, находилися въ приватныхъ услугахъ по деревнямъ, дачамъ и домамъ, такъ какъ и излишнихъ сверхъ положеннаго числа денщиковъ, нужнымъ почитаемъ чрезъ сіе подтвердить всѣмъ инспекторамъ, въ томъ числѣ и вамъ, дабы въ дивизіи, вами командуемой, выше изображенное повелѣніе наше въ самой точности и безъ малѣйшаго замедленія исполнено было, что мы возлагаемъ на особливое ваше наблюденіе и взысканіе. Впрочемъ Божію сохраненію васъ поручая, пребываемъ всегда вамъ доброжелательны

(Подп.) Павелъ.

Въ С. П. Бургѣ.
Декабря 10-го
1796 года.

Инспектору по кавалеріи и пѣхотѣ с.-петербургской и финляндской дивизіи.

[1]) Графъ Паленъ прислалъ Віаццоли, по случаю обратнаго вызова его въ Петербургъ, слѣдующее письмо:

«Votre lettre du 16 (28) m'est exactement parvenue. L'Empereur, mon Auguste Maitre, vous ayant permis de revenir ici pour vacquer à vos affaires comme par le passé, je fais partir par la poste d'aujourd'hui les ordres nécessaires à M. de Richter pour qu'il vous délivre le passeport dont vous aurez besoin à cet effet».

Заботливость и вниманіе графа Палена простерлись еще далѣе. Немедленно по воцареніи императора Александра Павловича петербургскій военный губернаторъ прислалъ секретарю Віаццоли 15-го марта нижеслѣдующія строки:

«Le comte de Pahlen ayant reçu la lettre de M. Mercadali, s'empresse de l'informer qu'il ne dépend que de M. Viazzoli de revenir à S.-Pétersbourg avec toute sa famille».

Віаццоли возвратился въ Петербургъ съ семействомъ 6-го (18-го) апрѣля.

2.

С.-Петербургъ, 7-го февраля 1797 г.

Александръ Павловичъ! Усматриваю я, что во всѣхъ полкахъ показываются разныхъ чиновъ люди въ отлучкѣ, и для сего предписываю вамъ, собравъ со всѣхъ полковъ дивизіи вашей обстоятельныя свѣдѣнія поимянно каждаго чина, кто куда, когда и почему при полку не находится, препроводить списки сіи ко мнѣ.

(Подп.) Павелъ.

3.

С.-Петербургъ, 9-го февраля 1797 г.

Александръ Павловичъ! Если въ какомъ нибудь мѣстѣ дивизіи вашей окажется офицеръ служащій, не имѣющій ни паспорту, ни виду отъ своего начальника или команды, то таковаго арестовавъ немедленно, насъ увѣдомить и ожидать рѣшенія нашего.

(Подп.) Павелъ.

XVIII.

Журналъ пребыванія императора Павла въ Михайловскомъ замкѣ съ 1-го февраля по 12-е марта 1801 года.

1-го февраля.—Въ пятницу, по утру въ 7 часовъ, Его Императорское Величество съ приглашеніемъ господина оберъ-шталмейстера графа Кутайсова изволилъ изъ Зимняго дворца отсутствовать въ Михайловскій замокъ, куда также, того дня въ четверть 1-го часа по полудни, изволила прибыть въ каретѣ и Ея Императорское Величество съ камеръ-фрейлиной Протасовою, а въ обыкновенное время по полудни ихъ императорскія величества благоволили въ столовой означеннаго замка комнатѣ кушать обѣденный столъ на 8 кувертовъ; къ столу-жь приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.

Въ продолженіе стола Ея Императорскому Величеству угодно было, по случаю воспослѣдовавшаго въ сей день переѣзда въ замокъ и при желаніи впредь благополучнаго въ ономъ продолженія Высочайшаго Его Императорскаго Величества присутствія, пить за здоровье Его Величества, каковое также тогда произнести удостоились

и всѣ бывшія при столѣ особы, а Его Императорское Величество, при обыкновенномъ употребленіи вина, изволилъ равно сему пить за здравіе Ея Императорскаго Величества, изъявя при томъ всѣмъ Высочайшее благодареніе.

Въ вечеру, въ обыкновенное время, для назначеннаго въ Михайловскомъ замкѣ спектакля собрались придворныя обоего пола особы въ кавалерской комнатѣ, прочія же, въ первыхъ двухъ классахъ состоящія, въ театрѣ, въ назначенныхъ для нихъ внизу партерахъ, а гвардіи полковъ штабъ-и оберъ-офицеры въ 1-мъ и 2-мъ сдѣланныхъ вокругъ всего театра ярусахъ; а около половины 7-го часа въ Михайловскій замокъ изволили прибыть и проходить во внутренніе покои къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ Ихъ Императорскія Высочества государь наслѣдникъ цесаревичъ и государь же цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ съ ихъ супругами великими княгинями и великія княжны Марія Павловна и Екатерина Павловна, съ которыми Ихъ Императорскія Величества изволили въ 7 часовъ вечера, въ предшествіи всѣхъ собравшихся въ кавалерской комнатѣ особъ, выходъ имѣть чрезъ оную въ театръ и присутствовать во все продолжающееся театральное представленіе, игранное французскими актерами двѣ оперы: первую «Ревнивый любовникъ», а послѣднюю «Женихи», по окончаніи которой Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами, возвратясь изъ театра въ столовую комнату, изволили въ оной кушать вечерній столъ на 23 куверта, за которыми, въ означенномъ числѣ находясь и отъ Его Величества начиная съ правой стороны, сидѣли:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ [1].
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Фрейлина княжна Щербатова.
Сенаторъ Сабуровъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмейстеръ Нарышкинъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Оберъ-шенкъ Загряжской.
Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Паленъ.
Фрейлина графиня Тизенгаузенъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княжна Екатерина Павловна.
Великій князь Константинъ Павловичъ.
Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

[1] Графиня Іуліана Ивановна Паленъ, рожденная баронесса Шеппингъ (р. 1753 г., ск. 1814 г.), жена графа Петра Алексѣевича фонъ-деръ-Палена. Статсъ-дама съ 17-го апрѣля 1799 года.

стантинъ Павловичъ, государыни великія княгини Елисавета Алексѣевна и Анна Ѳеодоровна, а въ 7 часовъ вечера въ маскерадъ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ изволилъ выдти Его Императорское Величество, а потомъ вскорѣ и Ея Императорское Величество съ ихъ императорскими высочествами великими княжнами Маріей Павловной и Екатериной Павловной.

По продолженіи же Высочайшаго въ маскерадѣ присутствія Ея Величество благоволила съ приглашеніемъ оберъ-камергера графа Строгонова, оберъ-шенка Загряжскаго и генерала-отъ-инфантеріи Кутузова играть въ карты, къ чему стулъ для Ея Величества употребленъ былъ зеленый бархатный съ золотымъ въ три ряда широкимъ гасомъ, а въ началѣ 9-го часа вечера Государь Императоръ и Государыня Императрица съ ихъ высочествами и съ приглашеніемъ нѣкоторыхъ особъ изъ маскерада изволили шествовать къ вечернему столу, который и благоволили кушать въ кабинетѣ Его Величества на 22 куверта. За столомъ же въ означенномъ числѣ, начиная съ правой стороны отъ Государя Императора, сидѣли:

Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Фрейлина княжна Четвертинская.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Шталмейстеръ Мухановъ.
Фрейлина Валуева 1-я.
Оберъ-шенкъ Загряжской.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княжна Екатерина Павловна.
Великій князь Константинъ Павловичъ.
Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

Потомъ, откушавъ вечерній столъ, Ихъ Императорскія Величества изволили послѣ сего съ свитою высочайшихъ и прочихъ знатныхъ особъ проходить въ маскерадъ и изъ онаго по семъ благоволилъ Государь Императоръ въ три четверти 10-го часа отсутствовать во внутренніе свои покои, а Государыня Императрица, присутствуя въ маскерадѣ до первой четверти 12-го часа, и также изъ онаго изволила съ ихъ Императорскими Высочествами великими княжнами проходить во внутренніе свои апартаменты.

Ихъ же Высочества государи великіе князья и государыни великія княгини изъ маскерада отсутствовали въ двадцать пять минутъ 1-го часа по полуночи, а маскерадъ кончился въ 2 часа по полуночи, причемъ послѣдняя изъ онаго вышла маска жена коллежскаго ассесора Ежетавская.

По совершеніи литургіи и возвращеніи изъ церкви, въ комнатѣ Готлисовой Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ приносили поздравленіе и жалованы къ рукѣ святѣйшаго синода члены съ прочимъ духовенствомъ, послѣ чего Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Ихъ Высочествами изволили чрезъ тронную Ея Величества и столовую комнаты возвратиться во внутренніе свои покои, откуда потомъ вскорѣ Ихъ Величества отсутствовали на свои половины, а оттуда какъ государи великіе князья, такъ государыни великія княжны отбыли въ Зимній дворецъ.

Потомъ, въ обыкновенное время по полудни, Ихъ Императорскія Величества въ столовой комнатѣ изволили кушать обѣденный столъ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.

Послѣ обѣда Ея Императорское Величество изволила въ 4 часа пополудни выѣздъ имѣть въ каретѣ съ камеръ-фрейлиной Протасовой въ Зимній дворецъ, гдѣ, откушавъ въ своихъ комнатахъ чай, изволила потомъ въ 6 часовъ послѣ полудня возвратиться обратно въ замокъ и проходить въ свои покои. Потомъ Его Императорское Величество съ Ея Императорскимъ Величествомъ въ сей вечеръ препроводили время въ гостиной комнатѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами наслѣдникомъ цесаревичемъ и государемъ цесаревичемъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и прибывшими изъ Зимняго дворца государынями великими княжнами, также и съ приглашеніемъ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, съ которыми потомъ изволили кушать вечерній столъ на 21 кувертъ. За столомъ въ означенномъ числѣ, начиная съ правой стороны отъ Его Императорскаго Величества, сидѣли:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Голубицкой.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Фрейлина Валуева 2-я.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ Куракинъ 1-й.
Фрейлина графиня Тизенгаузенъ.
Шталмейстеръ князь Голицынъ.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.

Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княжна Екатерина Павловна.
Великій князь Константинъ Павловичъ.
Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

Послѣ стола Ихъ Величества, откланявшись въ той же столовой комнатѣ, изволили отсутствовать во внутренніе свои покои, а Ихъ Высочества отбыли въ Зимній дворецъ.

5-го февраля.—Во вторникъ, по утру въ 9 часовъ, Его Императорское Величество съ приглашеніемъ графа Кутайсова изволилъ отъ дворца выѣздъ имѣть верховой къ прибывшему въ Михайловскій замокъ разводу [1]), которымъ и учиня въ присутствіи своемъ обыкновенную изъ онаго смѣну, благоволилъ послѣ сего съ графомъ Кутайсовымъ прогуливаться нѣсколько верхомъ по городу, что также между тѣмъ изволила учинить и Ея Императорское Величество съ фрейлиною Протасовой 2-й по публичному верхняго сада гулянью.

Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.

Послѣ стола вскорѣ Ея Величество съ камеръ-фрейлиною Протасовою выѣздъ имѣла въ каретѣ въ Зимній дворецъ и, изъ онаго проѣхавъ въ Екатерининское училище, оттуда возвратилась обратно въ замокъ въ первой четверти 7-го часа по полудни, а въ вечеру Ихъ Императорскія Величества изволили проводить время въ гостиной комнатѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ и государемъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и съ прибывшими предъ тѣмъ изъ Зимняго дворца Ихъ Императорскими Высочествами великими княжнами и съ обыкновенно приглашающимися въ собраніе знатными обоего пола особами, съ которыми потомъ и благоволили въ столовой комнатѣ кушать вечернее кушанье на 20 кувертовъ; при этомъ, въ означенномъ числѣ находясь и отъ Его Величества начиная съ правой стороны, сидѣли:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.

[1]) Въ имѣвшемся въ нашемъ распоряженіи спискѣ камеръ-фурьерскаго журнала встрѣчается весьма важный пробѣлъ: не вездѣ указано, что императоръ Павелъ присутствовалъ на разводѣ. Между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что государь ежедневно принималъ участіе въ этихъ упражненіяхъ.

Фрейлина Политика.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.
Оберъ-шенкъ Загряжской.
Фрейлина Кашкина.
Сенаторъ князь Юсуповъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княжна Екатерина Павловна.
Великая княгиня Анна Θеодоровна.
Великій князь Константинъ Павловичъ.

6-го **февраля**.—Въ среду по утру, въ 10 часовъ, въ придворной Михайловскаго замка церкви началась божественная литургія, которую Его Императорское Величество и Ея Императорское Величество изволили по выходѣ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ слушать съ хоръ. Потомъ въ обыкновенное время въ столовой комнатѣ изволили кушать обѣденный столъ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.

Послѣ стола, въ три четверти 4-го часа, Ея Величество съ приглашеніемъ камеръ-фрейлины Протасовой имѣла выѣздъ въ каретѣ въ Зимній дворецъ и около 6 часовъ по полудни возвратилась обратно, а въ вечеру Его Императорское Величество и Ея Императорское Величество изволили проводить время въ гостиной комнатѣ съ Ихъ Высочествами, съ приглашеніемъ нѣкоторыхъ обоего пола знатныхъ особъ, съ которыми и благоволили кушать въ столовой комнатѣ вечерній обѣдъ; къ столу были приглашены:
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Фрейлина Кутузова 1-я.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.
Фрейлина Кутузова 2-я.
Оберъ-шенкъ Загряжской.
Статсъ-дама Ренне.

Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княжна Екатерина Павловна.
Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.
Великій князь Константинъ Павловичъ.

7-го февраля.— Четвергъ. Его Императорское Величество и Ея Императорское Величество и Ихъ Высочества начали поститься, почему въ 7 часовъ того утра въ придворной Михайловскаго замка церкви началась и отправлена утренняя съ часами, которые Ихъ Императорскія Величества по выходѣ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ изволили слушать съ хоръ, а по окончаніи службы Его Императорское Величество съ приглашеніемъ графа Кутайсова изволилъ имѣть выѣздъ верховой и по возвращеніи присутствовать у развода, а между тѣмъ Ея Императорское Величество также съ фрейлиною Протасовою 2-й изволила нѣсколько прогуливаться верхомъ въ публичномъ верхняго сада гуляньѣ. Потомъ въ обыкновенное время Ихъ Императорскія Величества изволили въ столовой комнатѣ кушать обѣденный столъ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ и
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.
Послѣ стола, въ три четверти 3-го часа, Ея Величество съ фрейлиною Протасовой 2-й изволила выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Зимній дворецъ и четверть 4-го часа возвратилась обратно. Потомъ въ 4 часа по полудни въ придворной церкви начались и отправлены были Ефимоны, которыя Ихъ Императорскія Величества слушать изволили съ хоръ, а въ вечеру происходило равно какъ и вчерашняго числа; за вечернимъ столомъ, бывшимъ въ столовой комнатѣ, въ числѣ 21 персоны находились и отъ Его Величества съ правой стороны сидѣли:
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Принцъ Виртембергскій.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Фрейлина Протасова 2-я.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.
Баронъ Дибичъ.
Фрейлина Протасова 1-я.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.

ское Величество и Ихъ Императорскія Высочества при снятіи съ себя шпагъ и лентъ изволили прикладываться къ св. иконамъ, причемъ имѣющіе у оныхъ лампады по высотѣ ихъ отводимы никѣмъ не были, а по вынесеніи изъ алтаря Св. Христовыхъ Таинъ изволили за духовникомъ произносить причастную молитву, послѣ которой Его Императорское Величество, бывъ въ мундирѣ, но безъ долматика и не входя въ алтарь, а въ самыхъ Царскихъ дверяхъ изволилъ отъ духовника своего пріобщаться Св. Христовыхъ Таинъ, что также сего удостоились Ея Императорское Величество, а за Ея Высочайшею Особою и всѣ Ихъ Императорскія Высочества; послѣ причащенія Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, такъ и Высочайшей Ихъ Фамиліи подавали антидоръ придворное по старшинству духовенство, теплоту оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ и умывальницу съ водою и лежащее на оном блюдѣ полотенце гофмаршалъ Демидовъ.

Потомъ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ пріобщались Святыхъ Христовыхъ Таинъ камеръ-фрейлина Протасова, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й, адмиралъ графъ Кушелевъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ, тайный совѣтникъ Нелидовъ, которымъ послѣ причащенія какъ антидоръ, такъ и теплоту съ водою подавали придворные псаломщики.

По совершеніи Божественной литургіи и по прочтеніи молитвы по причащеніи Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества, приложась къ святымъ иконамъ и Животворящему Кресту, изволили потомъ въ исходѣ минутъ 8-го часа возвратиться изъ церкви и чрезъ комнату Готлиповую проходить во внутренніе свои покои, откуда по семъ Ихъ Императорскія Высочества изволили отсутствовать: государи великіе князья въ пребывающія свои комнаты, а государыни великія княжны въ Зимній дворецъ.

Между тѣмъ камеръ-фрейлина и прочія бывшія у причащенія особы угощаемы были въ Готлиповой комнатѣ кофеемъ.

Потомъ Его Императорское Величество въ 9 часовъ утра изволилъ съ графомъ Кутайсовымъ нѣсколько прогуливаться верхомъ по городу и по возвращеніи присутствовать у развода.

Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ; приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгановъ.

Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.

Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.

Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.

Адмиралъ графъ Кушелевъ.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.

Въ вечеру Ихъ Императорскія Величества изволили препроводить время въ гостиной комнатѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами, также съ приглашенiемъ знатныхъ особъ, съ которыми потомъ изволили въ столовой комнатѣ кушать вечерній столъ на 20 кувертовъ:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.

Великій князь Александръ Павловичъ.

Великая княжна Марія Павловна.

счастіе въ первый разъ представиться Ихъ Величествамъ; а по прибытіи въ тронную Ея Величества комнату, такъ же счастіе имѣлъ, по представленію господина оберъ-гофмаршала, Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ принести благодарность оберъ-гофмейстеръ графъ Тизенгаузенъ за пожалованіе ему вышеозначенной табакерки. Потомъ Его Императорское Величество и Ея Императорское Величество, откланявшись, изволили отсутствовать во внутренніе свои покои.

Обѣденный столъ изволили имѣть въ столовой комнатѣ на 7 кувертовъ; къ оному приглашены:

Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ и
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.

Въ вечеру въ Кавалерской комнатѣ собраніе обыкновенно приглашающихся въ оное знатныхъ обоего пола особъ, и по прибытіи во внутренніе покои Ихъ Императорскихъ Высочествъ представленъ былъ въ столовой комнатѣ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ французскій съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ концертъ, который начался въ 7 часовъ и кончился въ четверть девятаго часа, послѣ чего съ Ихъ Высочествами и всѣми бывшими на концертѣ знатными особами препроводя нѣсколько времени въ гостиной комнатѣ, потомъ изволили кушать вечерній столъ на 22 куверта; къ столу приглашены:

Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Принцъ Виртембергскій.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Фрейлина Валуева 1-я.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Шталмейстеръ Мухановъ.
Баронъ Дибичъ.
Фрейлина Divова.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Ѳеодоровна и
Великій князь Константинъ Павловичъ.

11-го февраля.—Въ понедѣльникъ 2-й недѣли Великаго поста въ обыкновенное время предъ литургіею въ Придворной церкви отправлена панихида по Государѣ Императорѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ для дня рожденія его.

выѣздъ имѣла въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ 6 часовъ. Въ вечеру въ Кавалерской комнатѣ собраніе; въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Высочествъ представленъ былъ италіанскими актерами концертъ, которой начался въ первой четверти 8 часа, а кончился четверть 9 часа, послѣ чего Ихъ Императорскія Величества и Высочества съ бывшими на концертѣ особами изволили проводить нѣкоторое время въ гостиной комнатѣ, а потомъ изволили кушать въ столовой комнатѣ вечерній столъ на 23 куверта; къ столу были приглашены:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Фрейлина княжна Гика.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.
Шталмейстеръ Мухановъ.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Оберъ-гофмейстеръ графъ Тизенгаузенъ.
Фрейлина Волкова 2-я.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княжна Екатерина Павловна.
Великая княгиня Анна Өеодоровна и
Великій князь Константинъ Павловичъ.

13-го февраля.—Въ среду въ 11 часовъ Ея Императорское Величество съ фрейлиною Протасовою 2 изволила выѣздъ имѣть въ Новодѣвичій Смольный монастырь, откуда возвратилась обратно въ послѣдней четверти 1-го часа.

Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ и
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.

Послѣ стола, въ 4 часа по полудни, Ея Императорское Величество съ фрейлиною Протасовою 2 изволила выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ три четверти 6-го часа.

Въ вечеру Ихъ Императорскія Величества изволили время проводить въ гостиной комнатѣ съ Ихъ Высочествами и знатными обоего пола особами, съ которыми благоволили кушать вечерній столъ на 21 кувертъ; къ столу приглашены:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ Шереметевъ.
Фрейлина Обрескова.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1.
Фрейлина графиня Воронцова.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княжна Екатерина Павловна.
Великій князь Константинъ Павловичъ и
Великая княгиня Анна Θеодоровна.

15-го февраля.—Въ пятницу по утру, въ 7 часовъ, Ея Императорское Величество съ приглашеніемъ камеръ-фрейлины и фрейлины Варвары Протасовыхъ и князя Голицына изволила выѣздъ имѣть на Александровскую мануфактуру и возвратилась обратно въ первой четверти 12-го часа, а Его Императорское Величество изволилъ присутствовать въ обыкновенное время у развода и потомъ прогуливаться верхомъ по городу съ графомъ Кутайсовымъ.

Обѣденный столъ Ихъ Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ и
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.

Послѣ стола, въ 4 часа, Ея Величество съ фрейлиною Протасовою 2-й изволила выѣздъ имѣть въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ половинѣ 6-го часа. Потомъ Ихъ Императорскія Величества, проведя сей вечеръ съ собраніемъ въ гостиной комнатѣ, изволили потомъ въ столовой комнатѣ кушать вечерній столъ на 22 куверта; къ столу приглашены:
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.

чества со всѣми бывшими на концертѣ изволили въ столовой комнатѣ кушать вечерній столъ на 26 кувертовъ; къ столу приглашены:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Марія Павловна.
Принцъ Евгеній Виртембергскій.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Фрейлина Протасова 2-я.
Баронъ Дибичъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.
Генералъ-лейтенантъ графъ Зубовъ.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Шталмейстеръ князь Голицынъ.
Оберъ-гофмейстеръ графъ Тизенгаузенъ.
Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Паленъ.
Фрейлина Дивова.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Ѳеодоровна и
Великій князь Константинъ Павловичъ [1]).

19-го февраля.—Во вторникъ по утру, въ обыкновенное время, Его Императорское Величество изволилъ изъ Михайловскаго замка выѣхать верхомъ и присутствовать у развода, а послѣ учиненія внутри дворца смѣны изволилъ съ 11 часовъ прогуливаться верхомъ по городу съ графомъ Кутайсовымъ, а Ея Императорское Величество съ фрейлиною Протасовой 2-й изволила выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Воспитательный Домъ, оттуда въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ половинѣ 1-го часа.

Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили имѣть въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ и
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ 1-й.

[1]) Въ этотъ день графъ Паленъ назначенъ былъ, на мѣсто графа Ростопчина, главнымъ директоромъ надъ почтами съ сохраненіемъ прежнихъ должностей.—Графъ Никита Петровичъ Панинъ, оправданный въ глазахъ императора, уже 16-го февраля получилъ увѣдомленіе отъ генералъ-прокурора Обольянинова, что ему Высочайше разрѣшенъ въѣздъ въ обѣ столицы.

учинила и Ея Императорское Величество съ фрейлиною Протасовой 2-й то же. Потомъ въ обыкновенное время Ихъ Императорскія Величества изволили въ столовой комнатѣ кушать обѣденный столъ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ и
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ первой четверти 5-го часа, Ея Императорское Величество изволила съ фрейлиной Протасовой 2-й выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ началѣ 7 часа. Потомъ, по собраніи въ Кавалерской комнатѣ обыкновенныхъ знатныхъ обоего пола особъ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ столовой представленъ былъ французскій съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ концертъ, послѣ котораго Ихъ Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами и всѣми бывшими на концертѣ знатными особами изволили въ столовой кушать вечерній столъ на 22 куверта; къ столу приглашены:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Фрейлина Валуева 1-я.
Шталмейстеръ Мухановъ.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Генералъ-лейтенантъ графъ Зубовъ.
Сенаторъ Сабуровъ.
Сенаторъ князь Юсуповъ.
Фрейлина Валуева 2-я.
Оберъ-шенкъ Загряжской.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Θеодоровна и
Великій князь Константинъ Павловичъ [1]).

[1]) 20-го февраля 1801 года послѣдовало увольненіе графа Ростопчина отъ всѣхъ дѣлъ. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1801 года (№ 17, стр. 620) напечатано было: «Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Ростопчинъ по прошенію уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, а вице-канцлеру князю Куракину повелѣно вступить опять въ должность по его званію; графу же Палену присутствовать въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ сохраненіемъ должности с.-петербургскаго военнаго губернатора и начальствомъ надъ почтовою частію, и въ то же время присутствовать въ совѣтѣ государя».

21-го февраля.—Въ четвергъ, послѣ 12-ти часовъ, изъ Зимняго дворца изволили въ Михайловскій Его Императорскаго Величества замокъ переѣхать Ихъ Императорскія Высочества государыни великія княгини Елисавета Алексѣевна и Анна Өеодоровна и государи великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ; а до сего числа, какъ въ праздничные, такъ и въ обыкновенные дни, со дня Высочайшаго Императорскаго Большого Двора присутствія въ Михайловскомъ замкѣ, изволили въ оной пріѣзжать государыни великія княгини по праздникамъ по утру въ 11 часовъ, а для обыкновеннаго съ Ихъ Величествами присутствія въ собраніи въ вечеру въ 7 часовъ; государи же великіе князья на ежедневное свиданіе съ Ихъ Величествами въ 11 и 12 часовъ около полудня.

Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ 4 часа, Ея Величество съ фрейлиной Протасовой 2-й изволила выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ послѣдней четверти 6-го часа, а въ вечеру, послѣ обыкновеннаго Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Ихъ Императорскими Высочествами пребыванія, изволили выдти въ столовую комнату и кушать вечерній столъ на 17 кувертовъ; къ столу приглашены:

Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Фрейлина графиня Тизенгаузенъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Фрейлина Протасова 3-я.
Оберъ-гофмейстеръ графъ Тизенгаузенъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великій князь Константинъ Павловичъ.
Великая княгиня Анна Өеодоровна.

22-го февраля. — Пятница. Обѣденный столъ Его Императорское Величество и Ея Императорское Величество изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.

Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ исходѣ 4-го часа, Ея Величество изволила съ фрейлиной Протасовой выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ первой четверти 7-го часа. Потомъ Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами и нѣкоторыми знатными обоего пола особами изволили время проводить на концертѣ, представленномъ французскими актерами въ столовой комнатѣ, въ которой послѣ изволили кушать вечерній столъ на 22 куверта; къ столу приглашены:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Принцъ Евгеній Виртембергскій.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Фрейлина княжна Щербатова.
Баронъ Дибичъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Сенаторъ Сабуровъ.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Фрейлина Волкова 1-я.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.
Великій князь Константинъ Павловичъ.

23-го февраля. — Суббота. Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола Ея Императорское Величество изволила съ фрейлиной Протасовой 2-й выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ послѣдней четверти 7-го часа.

Въ вечеру Ихъ Императорскія Величества съ обыкновеннымъ собраніемъ проводили время въ гостиной комнатѣ, а потомъ изволили въ столовой кушать вечерній столъ на 15 кувертовъ; къ столу приглашены:

Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Фрейлина Валуева 2-я.
Фрейлина княжна Гика.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Великая княгиня Анна Өеодоровна.

24-го февраля. — Воскресенье; по обыкновенномъ въ Михайловскомъ замкѣ собраніи и послѣ бывшаго въ Готлисовой комнатѣ военнаго куртага, въ 20 минутъ 12-го часа Его Императорское Величество и Ея Императорское Величество обще съ Ихъ Императорскими Высочествами, въ предшествіи придворнаго штата кавалеровъ и въ провожаніи всѣхъ собравшихся знатныхъ особъ, изволили чрезъ парадные покои и площадку парадной лѣстницы выходъ имѣть на хоры въ церковь къ слушанію Божественной литургіи и по совершеніи литургіи и возвращеніи изъ церкви Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами въ Готлисовой комнатѣ при полученіи со днемъ воскреснымъ поздравленій, пожаловавъ Святѣйшаго Синода членовъ къ рукѣ, изволили потомъ черезъ тронную Ея Величества и столовую отсутствовать во внутренніе свои покои, такъ и Ихъ Императорскія Высочества [1]).

Послѣ чего въ первой четверти 1-го часа пріѣхавшій предъ тѣмъ въ Михайловскій замокъ датско-королевскій министръ генералъ-маіоръ графъ Левенгаль допущенъ былъ въ пріемную аудіенцію какъ Его Императорскимъ Величествомъ, такъ и Ея Императорскимъ Величествомъ въ малиновыхъ тронныхъ комнатахъ, причемъ о посланникѣ докладывалъ графъ Шереметевъ, а вводилъ на аудіенцію церемоніймейстеръ князь Радзивиллъ [2]).

Потомъ имѣлъ аудіенцію означенный министръ у Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей на каждой половинѣ особенно.

Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.

[1]) Отставленный отъ всѣхъ дѣлъ графъ Ростопчинъ пріѣхалъ ко двору, чтобы откланяться государю; но императоръ нашелъ этотъ поступокъ дерзкимъ и приказалъ ему передать, чтобы онъ немедленно покинулъ дворецъ и въ тотъ же день выѣхалъ изъ Петербурга. Ростопчинъ безпрекословно повиновался и въ тотъ же день отправился въ Москву.

[2]) Князя Радзивилла постигла печальная участь: онъ былъ отставленъ отъ службы по неспособности къ оной.

Въ этотъ же день генералу-отъ-инфантеріи Голенищеву-Кутузову былъ объявленъ выговоръ за слабый приговоръ надъ подсудимыми.

Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ началѣ 5-го часа, Ея Императорское Величество изволила съ фрейлиной Протасовой выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ послѣдней четверти 6-го часа, а между тѣмъ въ придворной Михайловскаго замка церкви крещенъ былъ младенецъ Николай, сынъ, рожденный лейбъ-гвардіи Его Величества полку отъ полковника Рохманова, при крещеніи котораго воспріемникомъ былъ отъ купели Его Императорское Высочество государь наслѣдникъ цесаревичъ съ супругою гофмейстера княгинею Вяземскою.

Въ вечеру въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ и при собраніи знатныхъ особъ въ столовой комнатѣ представленъ былъ французскій съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ концертъ; послѣ чего Ихъ Императорскія Величества со всѣми бывшими на концертѣ изволили имѣть вечерній столъ въ столовой комнатѣ на 25 кувертовъ; къ столу приглашены:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Принцъ Евгеній Виртембергскій.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Оберъ-шенкъ Загряжской.
Фрейлина Хованская.
Сенаторъ князь Юсуповъ.
Баронъ Дибичъ.
Оберъ-гофмейстеръ графъ Тизенгаузенъ.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Генералъ-лейтенантъ графъ Зубовъ.
Сенаторъ Сабуровъ.
Шталмейстеръ князь Голицынъ.
Фрейлина Бенкендорфъ.
Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Паленъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Θеодоровна.
Великій князь Константинъ Павловичъ.

25-го февраля.—Понедѣльникъ, 4-я недѣля Великаго поста. Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.

Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ 4 часа, Ея Императорское Величество изволила съ фрейлиной Протасовой 2-й выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ 5 часовъ.

Въ вечеру Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами изволили препроводить время въ гостиной комнатѣ въ собраніи знатныхъ особъ, съ которыми изволили кушать вечерній столъ на 17 кувертовъ; къ столу приглашены:

Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Шталмейстеръ Мухановъ.
Фрейлина Обрескова.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Фрейлина графиня Воронцова.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великій князь Константинъ Павловичъ.
Великая княгиня Анна Θеодоровна.

26-го февраля. — Вторникъ; обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ началѣ 5-го часа, Ея Императорское Величество изволила съ фрейлиной Протасовой 2-й выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Зимній дворецъ и, возвратившись обратно въ половинѣ 6-го часа въ Воскресенскія ворота, чрезъ комнату, гдѣ бекетъ гренадеръ, и парадную лѣстницу проходить во внутренніе свои покои.

Въ вечеру въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, при собраніи знатныхъ особъ, въ столовой комнатѣ представленъ былъ французскій концертъ, послѣ котораго Ихъ Императорскія Величества со всѣми бывшими на концертѣ изволили въ столовой комнатѣ кушать вечерній столъ на 18 кувертовъ; къ столу приглашены:

Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.

Камеръ-фрейлина Протасова.
Шталмейстеръ Мухановъ.
Фрейлина Политика.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Фрейлина Кашкина.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Өеодоровна.
Великій князь Константинъ Павловичъ [1]).

27-го февраля.—Среда; обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ; къ столу приглашены:
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ и
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола Ея Императорское Величество изволила съ фрейлиной Протасовой 2-й выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Зимній дворецъ и возвратилась обратно въ 5 часовъ.

Въ вечеру Ихъ Императорскія Величества, проведя время съ Ихъ Императорскими Высочествами и съ собраніемъ знатныхъ особъ въ гостиной комнатѣ, изволили потомъ имѣть вечерній столъ въ столовой комнатѣ на 19 кувертовъ; къ столу приглашены:
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Сенаторъ князь Юсуповъ.
Генералъ-лейтенантъ графъ Зубовъ.
Фрейлина Кутузова 1-я.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

[1]) Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 18) въ числѣ отъѣзжающихъ показаны: 1) графъ Ростопчинъ и 2) Ольга Александровна Жеребцова (сестра князя П. А. Зубова, род. 1766 г., † 1849 г.), дѣйствительная камергерша, съ дочерью ея Елисаветою Александровною и племянницею дѣвицею Екатериною Ивановною Воейковой.

О. А. Жеребцова выѣхала заграницу и остановилась въ Берлинѣ въ ожиданіи грядущихъ событій.

Камеръ-фрейлина Протасова.
Сенаторъ князь Юсуповъ.
Оберъ-гофмейстеръ графъ Тизенгаузенъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Генералъ-лейтенантъ графъ Зубовъ.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Фрейлина княжна Четвертинская.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Θеодоровна и
Великій князь Константинъ Павловичъ.

1-го марта.—Пятница; по утру, въ обыкновенное время, Его Императорское Величество изволилъ присутствовать у развода. Послѣ сего въ 10 часовъ съ графомъ Кутайсовымъ изволилъ прогуливаться верхомъ по городу, а Ея Императорское Величество изволила съ фрейлиной Протасовой 1-й выѣздъ имѣть верховой въ экзерциргаузъ Михайловскаго замка. Потомъ Ихъ Величества изволили въ столовой комнатѣ кушать обѣденный столъ на 8 кувертовъ. Приглашены:
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ-графъ Кушелевъ и
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола Его Императорское Величество изволилъ съ графомъ Кутайсовымъ выѣздъ имѣть въ саняхъ и прогуливаться по городу, а Ея Величество съ фрейлиной Протасовой 1-й выѣздъ имѣть изволила въ Екатерининское училище и возвратилась обратно въ три четверти 6-го часа. Въ вечеру Ихъ Императорскія Величества изволили время препроводить съ Ихъ Императорскими Высочествами и нѣкоторыми знатными особами въ гостиной комнатѣ, изъ коей изволили выдти въ столовую комнату и кушать вечерній столъ на 19 кувертовъ. Приглашены:
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Фрейлина Протасова 1-я.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Сенаторъ князь Юсуповъ

Шталмейстеръ князь Голицынъ.
Фрейлина Протасова 2-я.
Сенаторъ Сабуровъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великій князь Константинъ Павловичъ и
Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

2-го марта. — Суббота [1]); по утру Его Императорское Величество изволилъ присутствовать у развода, а потомъ въ 10 часовъ изволилъ съ графомъ Кутайсовымъ выѣздъ имѣть верхомъ, каковой изволила учинить и Ея Императорское Величество съ фрейлиною Протасовой 2-й. Обѣденный столъ Ихъ Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ. Къ столу приглашены:
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ и
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Вечеръ Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества съ приглашеніемъ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ изволили препроводить въ столовой комнатѣ на концертѣ, представленномъ французскими актерами, послѣ котораго изволили въ столовой комнатѣ кушать вечерній столъ на 21 кувертъ. Къ столу приглашены:
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Принцъ Евгеній Виртембергскій.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-шенкъ Загряжской.
Фрейлина княжна Четвертинская.
Шталмейстеръ Мухановъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Генералъ-лейтенантъ графъ Зубовъ.
Сенаторъ Сабуровъ.
Фрейлина Дивова.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.

[1]) Въ этотъ день Адмиралтействъ-Коллегія получила выговоръ:
во 1-хъ) за то, что оная посылаетъ съ кувертами компсіонерной команды унтеръ-офицеровъ, на что у нея есть курьеры,
и во 2-хъ) за то, что находящійся въ Новѣгородѣ при парусной фабрикѣ полковникъ Аничковъ называется той фабрики командиромъ, а у фабрикъ командировъ нѣтъ, могутъ же быть директоры, для чего предписывается ей сдѣлать выговоръ и полковнику Аничкову.

Великая княжна Марія Павловна.
Великій князь Константинъ Павловичъ и
Великая княгиня Анна Θеодоровна.

3-го марта. — Воскресенье; въ исходѣ 9-го часа утра Его Императорское Величество изволилъ выѣздъ имѣть верховой изъ Рождественскихъ воротъ замка и послѣ учиненной внутри двора разводной смѣны изволилъ прогуливаться съ 10 часовъ по городу. Потомъ, по обыкновенномъ собраніи въ Михайловскаго замка покояхъ, въ 11 часовъ, въ предшествіи придворнаго штата кавалеровъ и въ провожаніи обоего пола знатныхъ особъ, Ихъ Величества изволили чрезъ всѣ парадные покои и площадку парадной лѣстницы выходъ имѣть на хоры въ церковь къ слушанію божественной литургіи. По возвращеніи изъ церкви, въ Готлисовой комнатѣ Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ приносили поздравленія и жалованы къ рукѣ члены Святѣйшаго Синода, послѣ чего изволили Ихъ Величества чрезъ тронную Ея Величества и столовую комнаты проходить во внутренніе свои покои. Обѣденный столъ Ихъ Величества изволили имѣть въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ. Приглашены:

Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Генералъ-отъ-кавалеріи графъ Паленъ и
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.

Послѣ стола, въ 4 часа пополудни, Ея Императорское Величество изволила съ фрейлиною Протасовой 2-й выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Новодѣвичій Смольный монастырь и возвратилась обратно въ послѣдней четверти 6-го часа. Потомъ въ обыкновенное время Ихъ Величества изволили препроводить время въ гостиной комнатѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами и нѣкоторыми знатными особами, съ которыми потомъ изволили кушать вечерній столъ въ столовой комнатѣ на 21 кувертъ. Къ столу приглашены:

Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Сенаторъ князь Юсуповъ.
Фрейлина Квашнина-Самарина.
Генералъ-лейтенантъ Уваровъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Генералъ-лейтенантъ Кологривовъ.
Фрейлина Валуева 1-я.
Генералъ-лейтенантъ графъ Зубовъ.
Статсъ-дама Ренне.

Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княжна Екатерина Павловна.
Великій князь Константинъ Павловичъ и
Великая княгиня Анна Θеодоровна.

4-го марта.—Понедѣльникъ 5-й недѣли Великаго поста. Въ обыкновенное время по утру Его Императорское Величество изволилъ присутствовать у развода, а послѣ съ графомъ Кутайсовымъ, а равно и Ея Величество съ фрейлиной Протасовой 2-й изволили проводить время въ верховомъ выѣздѣ [1]).

Обѣденный столъ Ихъ Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ. Къ столу приглашены:
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ и
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола Его Императорское Величество съ графомъ Кутайсовымъ изволилъ выѣздъ имѣть въ саняхъ и прогуливаться по городу, а также и Ея Императорское Величество съ фрейлиной Протасовой 2-й выѣздъ имѣла въ каретѣ въ Воспитательный Домъ [2]) и возвратилась обратно въ половинѣ 5-го часа. Потомъ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ и при собраніи знатныхъ особъ представленъ былъ въ столовой комнатѣ французскій концертъ, послѣ котораго Ихъ Величества со всѣми бывшими на концертѣ изволили въ столовой кушать вечерній столъ на 19 кувертовъ. Къ столу приглашены:
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Фрейлина княжна Щербатова.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Фрейлина Протасова 3-я.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Статсъ-дама Ренне.

[1]) Изъ военныхъ приказовъ, отданныхъ въ этотъ день, заслуживаетъ вниманія слѣдующій: генералъ-маіоръ Косаговскій отставленъ отъ службы «за пріемъ и представленіе не по образцу къ гренадерскимъ шапкамъ тесьмы».

[2]) Съ 1798 года Воспитательный Домъ находился въ теперешнемъ помѣщеніи, для котораго куплены были за 450.000 рублей дома графовъ Разумовскаго и Бобринскаго.

Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великій князь Константинъ Павловичъ и
Великая княгиня Анна Θеодоровна.

5-го марта.—Вторникъ; по утру въ обыкновенное время Его Императорское Величество изволилъ присутствовать у развода. Въ 12 часовъ Ихъ Величества изволили время препроводить въ верховомъ выѣздѣ, императоръ съ графомъ Кутайсовымъ, а государыня императрица съ фрейлиною Протасовой 2-й.

Обѣденный столъ Ихъ Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 7 кувертовъ. Къ столу приглашены:
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ и
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ три четверти 5-го часа, Ея Императорское Величество съ фрейлиной Протасовой 2-й изволила выѣздъ имѣть въ Екатерининское училище и возвратилась обратно въ половинѣ 7-го часа. Потомъ Ихъ Императорскія Величества вечернее время изволили проводить въ гостиной комнатѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами и знатными особами, съ которыми потомъ изволили въ столовой кушать вечерній столъ на 19 кувертовъ. Къ столу приглашены:
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Сенаторъ князь Юсуповъ.
Фрейлина Волкова 2-я.
Сенаторъ Сабуровъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Фрейлина Волкова 1-я.
Оберъ-шенкъ Загряжской.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великій князь Константинъ Павловичъ и
Великая княгиня Анна Θеодоровна.

6-го марта.—Среда; по утру въ обыкновенное время Его Императорское Величество изволилъ присутствовать у развода, а послѣ сего какъ Его Императорское Величество съ графомъ Кутайсовымъ, такъ и Ея Императорское Величество съ фрейлиной Протасовой 2-й, изволили съ 11 часовъ время проводить въ верховомъ выѣздѣ [1]).

[1]) 6-го марта даны указы Сенату объ управленіи Грузіею и о непредставленіи къ высочайшему подписанію грамотъ на дворянское достоинство безъ высочайшаго повелѣнія. Послѣдній указъ былъ отмѣненъ императоромъ Александромъ 5-го мая 1801 года.

Обѣденный столъ Ихъ Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ. Къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ и
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ половинѣ 4-го часа, Ея Императорское Величество съ фрейлиной Протасовой 2-й изволила въ каретѣ прогуливаться по городу. Въ вечеру въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ и собранія знатныхъ особъ въ столовой комнатѣ представленъ былъ французскій концертъ, послѣ котораго Ихъ Императорскія Величества со всѣми бывшими на концертѣ изволили въ столовой кушать вечерній столъ на 20 кувертовъ; къ столу приглашены:

Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-шенкъ Загряжской.
Фрейлина Валуева 2-я.
Сенаторъ Сабуровъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ 1-й.
Оберъ-гофмейстеръ графъ Тизенгаузенъ.
Фрейлина Политика.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великій князь Константинъ Павловичъ и
Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.

7-го марта. — Четвергъ; по утру Его Императорское Величество изволилъ присутствовать у развода, а послѣ проводилъ нѣсколько времени въ верховомъ выѣздѣ. Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ. Къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ и
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Въ вечеру Ихъ Императорскія Величества проводили время въ гостиной комнатѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами и собравшимися знатными особами,

съ которыми потомъ изволили кушать вечерній столъ на 15 кувертовъ; къ столу приглашены:

Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама Ренне.
Фрейлина княжна Гика.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Фрейлина Хованская.
Генералъ-лейтенантъ Кологривовъ.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Ѳедоровна и
Великій князь Константинъ Павловичъ.

8-го марта. — Пятница. Въ обыкновенное время, предъ литургіею, въ Придворной церкви Михайловскаго замка отправлена духовникомъ Его Императорскаго Величества панихида по государынѣ великой княгинѣ Аннѣ Петровнѣ [1]). Высочайшаго выхода въ церковь, а равно собранія ко двору по этому случаю не было. Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 7 кувертовъ; къ столу приглашены:

Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ и
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ началѣ 5-го часа, Ея Величество съ Ея Высочествомъ великою княжною Маріею Павловною изволили выѣздъ имѣть въ Сиротское призрѣніе и возвратились обратно въ половинѣ 6-го часа [2]).

Въ вечеру въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ и нѣкоторыхъ знатныхъ особъ въ столовой комнатѣ представленъ былъ французскій концертъ, послѣ котораго Ихъ Императорскія Величества со всѣми бывшими на концертѣ изволили въ столовой кушать вечерній столъ на 18 кувертовъ; къ столу приглашены:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.

[1]) Сестра императора Павла. Род. 20-го декабря 1757 года, ск. 8-го марта 1759 года.

[2]) Домъ Призрѣнія Сиротъ, впослѣдствіи Александровскій Сиротскій Домъ, помѣщался на Петербургской сторонѣ въ старомъ деревянномъ зданіи бывшаго Оспеннаго дома. На этой мѣстности находится нынѣ Александровскій лицей.

Фрейлина Бенкендорфъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Шталмейстеръ Мухановъ.
Фрейлина Обрескова.
Генералъ-лейтенантъ Кологривовъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великій князь Константинъ Павловичъ и
Великая княгиня Анна Θеодоровна.

9-го марта. — Суббота [1]). Въ исходѣ 9-го часа утра Его Императорское Величество, выѣхавъ верхомъ въ экзерциргаузъ, производилъ ученіе и присутствовалъ у развода; учинивъ внутри замка обыкновенную смѣну, изволилъ послѣ, съ 11 часовъ, прогуливаться съ графомъ Кутайсовымъ въ верховомъ выѣздѣ, а также и Ея Императорское Величество съ фрейлиной Валуевой 1-й.

Обѣденный столъ Ихъ Величества изволили кушать въ столовой на 7 кувертовъ. Къ столу приглашены:
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ и
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ исходѣ 4-го часа, Ея Императорское Величество съ камеръ-фрейлиной Протасовой, фрейлиной Протасовой 2-й и графомъ Строгоновымъ изволила выѣздъ имѣть на Александровскую фабрику [2]) и возвратилась обратно въ 35 минутъ 7-го часа. Потомъ Ихъ Императорскія Величества изволили время проводить въ гостиной комнатѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами и знатными особами, съ которыми потомъ изволили въ столовой кушать вечерній столъ на 17 кувертовъ. Къ столу приглашены:
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.

[1]) Въ этотъ день императоръ Павелъ имѣлъ разговоръ съ графомъ Паленомъ на счетъ событій 1762 года, спросивъ его, былъ ли онъ въ Петербургѣ, когда Петръ III лишился престола, и можетъ ли подобное происшествіе повториться?

Въ 1762 году графъ Паленъ (род. 1745 г.) былъ капраломъ въ Конной гвардіи. Произведенъ въ вахмистры Конной гвардіи 29-го февраля 1764 года, и изъ вахмистровъ Конной гвардіи произведенъ 15-го августа 1769 года ротмистромъ въ армію.

[2]) На 11-й верстѣ по Шлиссельбургской дорогѣ. Эта фабрика была основана въ 1798 году польскимъ уроженцемъ аббатомъ Оссовскимъ, получившимъ заимообразно отъ правительства 80,000 рублей, а по смерти его, въ слѣдующемъ 1799 году, въ уплату этой ссуды, фабрика поступила въ казну и подарена императоромъ Павломъ Воспитательному Дому. На этой фабрикѣ приготовлялись издѣлія: льнопрядильныя, бумажныя, чулочныя, салфеточныя, карточныя и т. п. Работники и мастера были почти всѣ взяты изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома.

Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Фрейлина графиня Воронцова.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Фрейлина Политика.
Сенаторъ Сабуровъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Θеодоровна и
Великій князь Константинъ Павловичъ.

10-го марта.—Воскресенье; по утру, въ исходѣ 9-го часа утра, Его Императорское Величество, выѣхавъ верхомъ въ экзерциргаузъ, изволилъ тамъ въ своемъ присутствіи учинить разводъ и потомъ внутри замка обыкновенную смѣну, послѣ которой возвратился во внутренніе покои.

Потомъ по обыкновенномъ въ покояхъ собраніи и послѣ бывшаго въ Готлисовой комнатѣ военнаго куртага, въ четверть 12-го, Ихъ Императорскія Величества съ ихъ Высочествами въ предшествіи придворнаго штата кавалеровъ и въ провожаніи знатныхъ особъ чрезъ всѣ парадные покои и площадку парадной лѣстницы изволили выходъ имѣть въ церковь на хоры къ слушанію Божественной литургіи; по возвращеніи изъ церкви въ Готлисовой комнатѣ Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества, пожаловавъ къ рукѣ членовъ Святѣйшаго Синода, изволили чрезъ тронную Ея Величества и столовую комнаты слѣдовать во внутренніе свои покои, изъ коихъ потомъ Ихъ Высочества отбыли въ свои покои.

Обѣденный столъ Ихъ Императорскія Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 6 кувертовъ. Къ столу приглашены:

Вице-канцлеръ князь Куракинъ 1-й.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ и
Адмиралъ графъ Кушелевъ.

Въ вечеру въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ и нѣкоторыхъ знатныхъ особъ въ столовой комнатѣ представленъ былъ французскій концертъ, послѣ котораго Ихъ Императорскія Величества со всѣми бывшими на концертѣ изволили въ столовой комнатѣ кушать вечерній столъ на 23 куверта. Къ столу приглашены:

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княжна Марія Павловна.
Принцъ Евгеній Виртембергскій.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.

Фрейлина Кашкина.
Сенаторъ Сабуровъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.
Шталмейстеръ князь Голицынъ.
Генералъ-лейтенантъ Кологривовъ.
Фрейлина Кутузова 1-я.
Оберъ-шенкъ Загряжской.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княжна Екатерина Павловна.
Великій князь Константинъ Павловичъ.
Великая княгиня Анна Θеодоровна.

11-го марта.—Понедѣльникъ 6-й недѣли Великаго поста; по утру, въ обыкновенное время, Его Императорское Величество, вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ, изволилъ присутствовать у развода, а съ 11 часовъ Ихъ Величества изволили прогуливаться по городу верхомъ: Его Императорское Величество съ графомъ Кутайсовымъ, а Ея Императорское Величество съ фрейлиной Протасовой 2-й.

Обѣденный столъ Ихъ Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8 кувертовъ. Къ столу приглашены:
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ.
Адмиралъ графъ Кушелевъ.
Вице-канцлеръ князь Куракинъ.

Послѣ стола, въ 4 часа, Ея Императорское Величество съ фрейлиной Протасовой 2-й изволила выѣздъ имѣть въ каретѣ въ Новодѣвичій Смольный монастырь и возвратилась обратно въ 6 часовъ. Потомъ Ихъ Императорскія Величества изволили въ сей вечеръ препроводить время съ Ихъ Императорскими Высочествами и знатными особами въ гостиной комнатѣ, а потомъ изволили въ столовой имѣть вечерній столъ на 19 кувертовъ. Къ столу приглашены:
Великій князь Александръ Павловичъ.
Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.
Великая княжна Марія Павловна.
Статсъ-дама графиня Паленъ.
Камеръ-фрейлина Протасова.
Фрейлина Кутузова 2-я.
Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузовъ.
Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.
Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.
Оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ.
Шталмейстеръ Мухановъ.

Фрейлина графиня Паленъ.
Сенаторъ князь Юсуповъ.
Статсъ-дама Ренне.
Статсъ-дама графиня Ливенъ.
Великая княгиня Анна Θеодоровна и
Великій князь Константинъ Павловичъ [1]).

Сей ночи въ 1 часъ съ 11-го на 12-е число марта скончался скоропостижно въ Михайловскомъ замкѣ императоръ Павелъ Петровичъ. Его Императорское Высочество наслѣдникъ великій князь Александръ Павловичъ, по кончинѣ родителя своего принявъ Всероссійскій императорскій престолъ, изволилъ отбыть въ 2 часа ночи съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ, въ прежнія свои комнаты.

[1]) Во время ужина великій князь Александръ Павловичъ былъ молчаливъ и задумчивъ; императоръ Павелъ, напротивъ того, былъ чрезвычайно веселъ и разговорчивъ. Замѣтивъ, что великій князь Александръ Павловичъ не въ обыкновенномъ расположеніи духа, императоръ спросилъ у него: «Monseigneur, qu'avez vous aujourd'hui».

— «Sire»,—отвѣчалъ великій князь,—«je ne me sens pas tout à fait bien».

— «Eh bien, consultez un médecin et soignez-vous. Il faut toujours arrêter les indispositions dès le commencement, pour empêcher de devenir des maladies sérieuses».

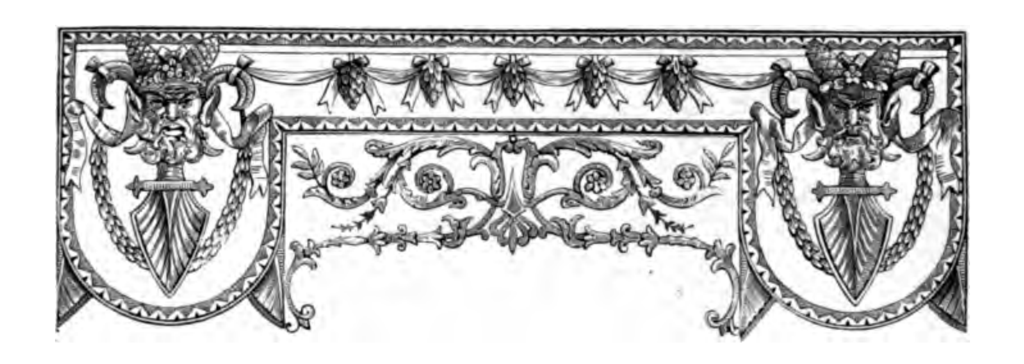
Великій князь ничего не отвѣчалъ, но наклонился и потупилъ глаза. Черезъ нѣсколько минутъ великій князь Александръ чихнулъ. Императоръ сказалъ ему:

— «A l'accomplissement de tous vos souhaits». (Записано со словъ свидѣтеля князя Юсупова, ужинавшаго за царскимъ столомъ).

Одинъ французскій писатель справедливо замѣтилъ: «l'anecdote est le rayon de soleil de l'histoire».

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 года (стр. 627), въ разсказахъ князя Сергѣя Михайловича Голицына по поводу ужина 11-го марта, читаемъ: «великій князь Александръ чихнулъ. Павелъ всталъ и сказалъ: «Que Dieu vous bénisse, Monseigneur».—Ужинъ, какъ обыкновенно, кончился въ половинѣ десятаго. Заведено было, что всѣ выходили въ другую комнату и прощались съ государемъ, который въ 10 часовъ бывалъ уже въ постели. Въ этотъ вечеръ онъ также вышелъ въ другую комнату, но ни съ кѣмъ не простился и сказалъ только: — «Чему быть, тому не миновать». Вотъ какое предчувствіе имѣлъ императоръ Павелъ».

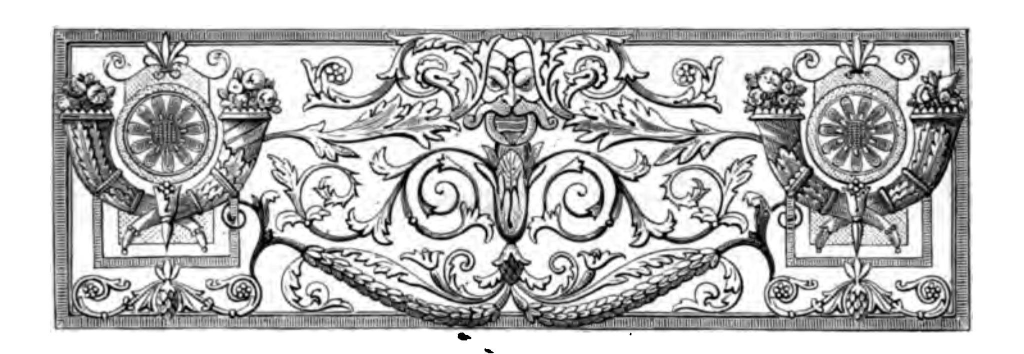
По разсказу Коцебу, въ его неизданныхъ запискахъ о событіяхъ 1801 года, императоръ Павелъ сказалъ камеръ-фрейлинѣ Протасовой нѣсколькими днями ранѣе: — «На этомъ мѣстѣ я родился, здѣсь хочу и умереть».

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

ИЛЛЮСТРАЦИИ И АВТОГРАФЫ, ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

Портреты.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

Виды мѣстностей, зданій, бытовые и др. рисунки.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

Автографы.

I.

Письмо императрицы Екатерины II къ князю Г. А. Потемкину.

Князь Григорій Александровичъ Прошу навѣдатся, Полскаго корпуса Нашебурскаго Полку, о Подполковника Моложенинова, и буде онъ находится въ притѣсненіи и обидѣ то дать ему справедливую защита, сей Офицеръ мною знаемъ и по сю поръ служилъ съ охотою и безъ порочно нынѣ же незнаю какъ нашли способъ возбудить на него Гене: Пор: романіюся, просимъ справедливость и разборъ, и буде можно взять его суда для оправданія.

Екатерина.

Но: 16 ч: 1776 г.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 57).

II.

Письмо великаго князя Павла Петровича, съ припиской великой княгини Маріи Өеодоровны, къ митрополиту московскому Платону.

Царское Село Іюня 8 дня 1777.

Ваше Преосвященство.

благодарю васъ запоздравленіе Меня съ праздникомъ Святыя Пасхи и притомъ за молитвы принесенные вами богу, какъ о упокоеніи души покойной жены моей такъ и о мнѣ, просите бога, чтобъ сохранилъ меня и жену мою въ той непорочности совѣсти, которую вы во мнѣ старались насадить и чтобъ оная предъ остережена была Всѣмогущимъ отъ ищущихъ пагубы Ласкателей въ моемъ домѣ, и отъ совѣта нечестивыхъ Сообщу вамъ хорошую вѣсть. Услышалъ Господь въ домъ пѣчали послалъ помощь отъ святаго и отъ Сіона заступилъ. Я имѣю болшую надѣжду о бѣременности жены моей. Тѣ ваши сентименты ко мнѣ и патриотическіе ваши расположеніи Сообщаю вамъ сіе дабы вы въ мѣстѣ сомною о семъ порадовались. Продолжайте несумлѣвайтеся о дружбѣ моей къ вамъ и будте увѣрены что я есмь и буду вашъ вѣрный

Павелъ.

Жена моя кланяется вамъ.

Приписка великой княгини Маріи Өеодоровны.

А я благодаря ваше преосвященство, записмо ваше ко мнѣ пребываю вамъ благосклонная

Марія.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 89).

III.

Письмо императора Павла къ генералу Сухтелену.

Monsieur le general du genie Souchtelen a la reception de cet ordre Je vous ordonne de remettre les travaus qui vous sont confiés au plus ancien, et au plus capable parmis vos subordonnés, et d'aller faire l'inspection de toutes les forteresses entretenues, à commencer depuis Cherson, suivant le Dniester, jusqu'à Caminice podolsk, d'ou vous suivrez la lisiere de la frontiere jusqu'à riga et revel, après quoi vous vous rendrez a Saint Petersbourg, et de chaque forteresse vous me rendrez un compte exact de l'etat dans lequel vous l'aurez trouvée Vous remarquant en même tems que ceci, ne regarde que les forteresses entretenues d'après l'état et aucun projet d'en batir de nouvelles.

Votre affectionné

Paul.

Saint Petersbourg
ce 26 Janvier
1800.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 105).

IV.

Резолюція великаго князя Александра Павловича на докладной запискѣ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго.

№ 10. 9 генваря.

Юрію Александровичу Нелединскому.

«Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, прошеніе отставнаго унтеръ-офицера Кожина, вручить Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу и великому Князю Александру Павловичу для разсмотрѣнія».

Статскій Совѣтникъ Нелединскій-Мелецкой.

Я сего дня имелъ щастіе докладывать Его Императорскому Величеству касательно подавшаго сіе письмо, и высочайшее повеленіе получилъ ему объявить завтрѣ при паролѣ чинъ Поручика.

Александръ.

Въ С: П: бургѣ,
Декабря 23-го дня,
1797-го года.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 187).

V.

Подорожная 1797 г. съ подписью великаго князя Александра Павловича и А. А. Аракчеева.

По Указу Его Величества Государя Императора

Павла Петровича

Самодержца Всероссійскаго

и прочая, и прочая, и прочая.

Отъ Санктпетербурга до города Пензы флота лейтенанту Петру Зуеву и снимъ штурману сбудущими давать изъ почтовыхъ по четыре лошади съ проводниками за указныя прогоны безъ задержанія. Въ Санктпетербургѣ, 1797 года Февраля 24 дня.

Александръ.

С.-Петербургской Комендантъ Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Аракчеевъ.

№ 1063.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 158).

VI.

Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ П. С. Валуеву.

Милостивый Государь мой

Петръ Степановичъ.

Исполняя желаніе ваше, имѣлъ я честь представить Государю Императору прошеніе ваше о увольнѣніи отъ службы на что воспослѣдовало высочайшее повѣленіе объявить вашему высокопревосходительству.

Чтобъ вы прежде чемъ возобновить прошеніе ваше объ отставкѣ подумали два раза

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью
вашего высокопревосходительства
Милостиваго Государя моего
Покорнѣйшій слуга

Графъ Федоръ Ростопчинъ.

Ч. 11. Генв. 1800-го.
С.-Петербургъ.

Его высокопр. Валуеву.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 169).

VII.

Письмо графа Ивана Павловича Кутайсова.

Votre Exellence

il faut que vous eyés la bonté de menvoye tous les ordres, que vous avés de St. andrés et St. alexendres, en tous ca que vous navés pas, en demendant les ordres de Sa mojesté lempereur. jenvoyerés sur le chan un estafait a Petersbourg pour men procurer un prot reponce de grace pour ne pas perdre de temps jai lhonneur d'etre

de votre Exellence

votre tres humble et

tres obeisent serviteur

Koutoyssof.

mars
20—1797.

(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 185).

VIII.

Письмо графа Н. И. Салтыкова къ Д. П. Трощинскому.

Милостивой Государь мой

Дмитрій Прокофьевичъ.

На сообщенное мнѣ отъ васъ Высочайшее повелѣніе, касательно Генералъ-порутчика Апраксина по случаю въ Варшаве мятежнаго произшествія, я за отсутствіемъ отсюда Ген: Маіора Сухтелна не могъ понынѣ вамъ отвѣту здѣлать а вчерась получівъ отъ Сухтелна изтребованное мною отъ него объясненіе (я въ оригиналѣ у сего прилагаю), вы изъ онаго увідіте, что Сухтелнъ бывъ при самомъ начале мятежа взятъ вппленъ вовсе нічего незнаитъ; слѣдственно і къ объясненію отъ него я нічего получіть не могъ. Въ донесеніяхъ всѣхъ на Высочайшее імя, мнѣ сообщенныхъ, по случаю того проізшествія, я ненашолъ более какъ только водномъ отъ Генерала Ігелштрома донесеніи, где онъ опісывая то проізшествіе одобряетъ поведеніе вышеупомянутаго Генералъ-порутчіка приложивъ списокъ и о многіхъ другіхъ отлічівшіхся въ бывшемъ тогда с мятежніками деле. А потому іне нахожу я нічего изъ всего вышесказаннаго. Объяснітельные поведеніи упоміпаемаго Гене: порут. какъ его собственное объясненіе предъ симъ отъ меня чрезъ васъ Его Величеству представленное.

Затѣмъ я съ моимъ наісовершеннѣйшимъ почітаніемъ навсегда пребыть честь імѣю

Міластивой Государь мой

Покорнѣйшій вашъ слуга

Гр. Н. Салтыковъ.

12 Апрѣля
1795 года.

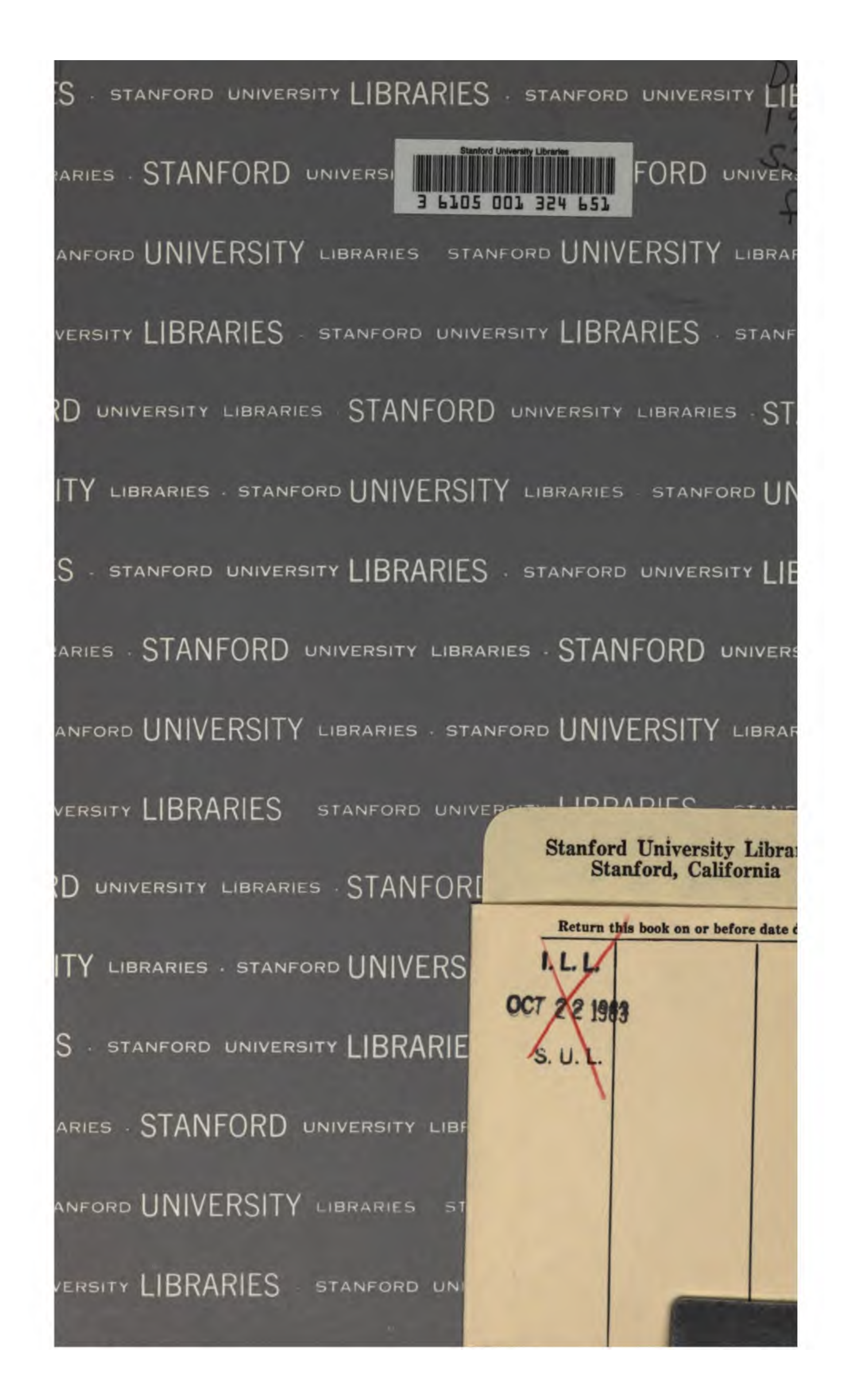
(На отдѣльномъ листѣ. Стр. 201).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПИСКИ И ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
8	10 снизу	и голъ	и почти голъ
9	17 сверху	ожидать его	ожидать себя
39	12 снизу	помощью которой	съ помощью которой
48	1—2 сверху	пребываніи своемъ	пребываніи ея
93	9—10 снизу	возродить въ своихъ	возродить въ своихъ войскахъ.
128	18—19 сверху	которую она провела	которую она провела послѣ несостоявшагося обрученія.
128—129	подъ иллюстраціей	Михайловскій дворецъ	Михайловскій замокъ.
150	16 снизу	28 марта	29 марта
153	1 сверху	взглядъ	взгляды
166	11 снизу	пригодны въ примѣненіи	пригодны для примѣненія
183	12 сверху	награжденіи чина	награжденіи чиномъ.
184—185	подъ иллюстраціей	Михайловскій дворецъ	Михайловскій замокъ.
187	надъ планомъ	Михайловскаго дворца	Михайловскаго замка
189	9 снизу	aisons	faisons.
193	подъ иллюстраціей	Михайловскаго дворца	Михайловскаго замка
209	2 сверху	соотвѣтствовала	соотвѣтствовало
212	16 »	выполненнаго	выполненному
—	9 снизу	принадлежащемъ	принадлежащее
235	21 » (прим. 174)	roué	roué
238	26 сверху (прим. 205)	le fout de l'âme	le fond de l'âme
249	2 сверху (прим. 320)	«идти въ отставку»	«идтить въ отставку»
252	5 снизу (прим. 362)	императорамъ и Александру I	императорамъ Павлу и Александру I.
252	2 снизу (прим. 363)	Лудовика XVII	Людовика XVIII.
253	12 сверху (прим. 367)	подвергавшемся	подвергавшимся
—	6 снизу (прим. 375)	довольствовался	удовольствовался

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
Stanford University Libraries
3 6105 001 324 651
Stanford, California
I. L. L.
OCT 22 1983
S. U. L.

